

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ И ОБРАЗОВАНИЯ
Кафедра педагогики и методики начального образования

Л.А. Камалова

ЗАРУБЕЖНАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебная хрестоматия

Казань - 2015

Печатается по решению Ученого совета Института психологии и образования Казанского федерального университета

УДК 371.64/.69

ББК я721

К 18

Рецензенты:

Доктор педагогических наук,
Профессор кафедры педагогики и методики начального образования КФУ
В.Г.Закирова;

Кандидат филологических наук,
Доцент кафедры педагогики и методики начального образования КФУ
Р.Р.Хайрутдинова

Камалова Л.А.

К 18 Зарубежная детская литература: Учебная хрестоматия для студентов педагогических вузов по направлению 050100.62 «Педагогическое образование» профиля «Начальное образование» (бакалавр), по специальности 050708.65 – «Педагогика и методика начального образования» /Авт.-сост. Л.А.Камалова. – Казань: КФУ, 2015. - 251 с.

Учебная хрестоматия по зарубежной детской литературе включает необходимый материал из круга детского чтения: сказки зарубежных детских писателей, произведения классиков зарубежной литературы XVII- XVIII и XIX- XX в.в., произведения современных детских писателей.

Книга предназначена студентам педагогических вузов и университетов по направлению 050100.62 «Педагогическое образование» профиля «Начальное образование» (бакалавр), по специальности 050708.65 «Педагогика и методика начального образования», будущим специалистам начального образования, а также учителям начальных классов.

ISBN978-5-9222-0609-9

©Камалова Л.А., 2015

© Казанский университет, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Курс «Зарубежная детская литература» является одной из основных в профессиональной подготовке специалиста начального образования. Педагогическая деятельность специалиста начального образования предполагает начитанность, филологическую грамотность, образованность, знание произведений зарубежной детской литературы, умение их анализировать и интерпретировать. Будущий специалист в области начального образования должен научить младших школьников овладеть приемами понимания прочитанного и прослушанного произведения, научить читать книги и уметь их самостоятельно выбирать, сформировать у ребенка духовную потребность в книге и чтении.

Цель данной хрестоматии - дать целостное представление о детской литературе как художественной и художественно-педагогической составляющей мировой литературы. Овладение курсом зарубежной детской литературы позволит будущему педагогу реализовывать цели и задачи его профессиональной деятельности.

Учебная хрестоматия по зарубежной детской литературе включает необходимый материал для обучения специалиста начального образования: произведения античной литературы, сказки зарубежных детских писателей, произведения классиков зарубежной литературы XVII- XVIII и XIX- XX в.в., произведения современных детских писателей.

Изучение зарубежной детской литературы дает возможность углубить знания студентов о литературных взаимосвязях, проследить на творчестве конкретных зарубежных детских писателей общее и различное в литературе разных народов, увидеть общие темы, сюжеты, проблемы, языковые средства, которые роднят русскую детскую литературу с зарубежной литературой. Изучение данного курса по хрестоматии позволит студентам научиться проводить в содержании литературных произведений межтекстовые и внутритекстовые параллели, анализировать читательские реакции младших школьников на уроках литературного чтения в начальной школе.

Учебное пособие «Зарубежная детская литература» позволит студентам, обучающимся по направлению «Педагогическое образование» профиля «Начальное образование» (бакалавр), прочитать тексты художественных произведений зарубежных авторов, изучаемых в современной начальной школе, сформировать собственное представление об авторах книг, темах, проблемах, поднимаемых в том или ином произведении, увидеть специфику жанров зарубежной детской литературы, понять мир ребенка и мир детства, создаваемый детскими писателями.

Немаловажное значение имеет данное учебное пособие для воспитания личности будущего учителя начальных классов на материале произведений зарубежной детской литературы. В ходе чтения и анализа текстов художественных произведений происходит формирование духовно-нравственных качеств личности студентов; формируется культура умственного труда; воспитывается уважение к другим культурам. Полноценное взаимодействие с ребенком невозможно без знаний детской литературы, созданной по законам художественного творчества на основании знания детской психологии.

ГЛАВА 1. АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

БАСНИ ЭЗОПА (VI век до н. э.)

Лисица и виноград

Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала сама себе: "Они еще зеленые!".

Так и у людей иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства.

Пчелы и трутни

Как пришло лето, стали трутни ссориться с пчёлами, кому мёд есть. Позвали пчёлы на суд осу. Оса и говорит:

– Мне вас рассудить сразу нельзя. Я ещё не знаю, кто из вас мёд делает. А разойдитесь вы в два пустые улья – в один пчёлы, а в другой трутни. Вот через неделю я увижу, кто больше и лучше мёду наделает.

Трутни стали спорить:

– Мы, – говорят, – не согласны. Ты нас сейчас рассуди.

Оса и говорит:

– Теперь я вас сейчас рассужу. Вы, трутни, не согласны оттого, что мёду делать не умеете, а только чужое жрать любите. Гоните их вон, пчёлы.

И пчёлы побили всех трутней.

Ворон и Лисица

Удалось Ворону раздобыться куском сыру, взлетел он на дерево, уселся там и попался на глаза Лисице. Задумала она перехитрить Ворона и говорит: «Что за статный молодец ты, Ворон! И цвет-то твоих перьев самый царственный! Будь только у тебя голос — быть тебе владыкой всех пернатых!» Так говорила плутовка. Попался Ворон на удочку. Решился он доказать, что у него есть голос, каркнул во все воронье горло и выронил сыр. Подняла Лисица свою добычу и говорит: «Голос, Ворон, у тебя есть, а ума-то не бывало».

Не верь врагам — проку не выйдет.

Эзоп и писатель

Сочинитель, прочёл Эзопу своё творение, в котором он хвастливо именовал себя величайшим писателем. Ожидая одобрения баснописца, он спросил: «Надеюсь, вам понравилось, и вы разделяете моё высокое мнение о моей персоне? Или может, мне следовало бы не так часто упоминать о своей гениальности?» «Совсем нет, – отвечал Эзоп, пораженный глупостью и убожеством писанины. – Это хорошо, что вы хвалите себя, поскольку никто другой вас никогда не похвалит!»

Пчелы и Зевс

Пчелам было жалко отдавать людям свой мед, и они явились к Зевсу с просьбой дать им силу поражать жалом всякого, кто подойдет к их сотам. Рассердился на них Зевс за такую злобу и сделал так, чтобы, ужалив кого-нибудь, они тотчас теряли жало, а вместе с ним и жизнь.

Эта басня относится к людям злобным, которые сами себе приносят вред.

Львица и лиса

Лиса попрекала львицу за то, что та рождает только одного детеныша. Львица ответила: "Одного, но льва!"

Басня показывает, что ценно не количество, а достоинство.

Дровосеки и дуб

Дровосеки рубили дуб; сделав из него клинья, они раскалывали ими ствол. Промолвил дуб: "Не так клянусь я топор, который меня рубит, как эти клинья, которые от меня же рождены!"

О том, что обида от близких людей тяжелее, чем от чужих.

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Персей спасает Андромеду

После долгого пути Персей достиг царства Кефея, лежавшего в Эфиопии на берегу Океана. Там, на скале, у самого берега моря он увидел прикованную прекрасную Андромеду, дочь царя Кефея. Она должна была искупить вину своей матери, Кассиопеи. Кассиопея прогневала морских нимф. Гордясь своей красотой, она сказала, что всех прекрасней она, царица Кассиопея. Разгневались нимфы и умолили бога морей Посейдона наказать Кефея и Кассиопею. Посейдон послал, по просьбе нимф, чудовище, подобное исполинской рыбе. Оно всплывало из морской глубины и опустошало владения Кефея. Плачем и стонами наполнилось царство Кефея. Он обратился, наконец, к оракулу Зевса Аммонии спросил, как избавиться ему от этого несчастья. Оракул дал такой ответ:

Эфиопия - страна, лежавшая, по представлениям греков, на крайнем юге земли. Эфиопией греки, а затем римляне называли всю страну, лежащую в Африке на юге от Египта. Находился в оазисе Ливийской пустыни, на запад от Египта.

- Отдай свою дочь Андромеду на растерзание чудовищу, и окончится тогда кара Посейдона.

Народ, узнав ответ оракула, заставил царя приковать Андромеду к скале у моря. Бледная от ужаса, стояла у подножия скалы в тяжелых оковах Андромеда; с невыразимым страхом смотрела она на море, ожидая, что вот-вот появится чудовище и растерзает ее. Слезы катились из ее глаз, ужас охватывал ее от одной мысли о том, что должна она погибнуть в цвете прекрасной юности, полная сил, не изведав радостей жизни. Ее-то и увидел Персей. Он принял бы ее за дивную статую из белого паросского мрамора, если бы морской ветер не развеивал ее волос и не падали из ее прекрасных глаз крупные слезы. С восторгом смотрит на нее юный герой, и могучее чувство любви к Андромеде загорается в его сердце. Персей быстро спустился к ней и ласково спросил ее:

- О, скажи мне, прекрасная дева, чья это страна, назови мне твое имя! Скажи, за что прикована ты здесь к скале?

Андромеда рассказала, за чью вину приходится ей страдать. Не хочет прекрасная дева, чтобы герой подумал, что искупает она собственную вину. Еще не окончила свой рассказ Андромеда, как заклокотала морская пучина, и среди бушующих волн показалось чудовище. Оно высоко подняло свою голову с разверстой громадной пастью. Громко вскрикнула от ужаса Андромеда. Обезумев от горя, прибежали на берег Кефей и Кассиопея. Горько плачут они, обнимая дочь. Нет ей спасенья!

Тогда заговорил сын Зевса, Персей:

-Еще много будет у вас времени лить слезы, мало времени лишь для спасения вашей дочери. Я - сын Зевса, Персей, убивший обвитую змеями горгону Медузу. Отдайте мне в жены вашу дочь Андромеду, и я спасу ее.

С радостью согласились Кефей и Кассиопея. Они готовы были сделать все для спасения дочери. Кефей обещал ему даже все царство в приданое, лишь бы он спас Андромеду. Уже близко чудовище. Оно быстро приближается к скале, широкой грудью рассекая волны, подобно кораблю, который несется по волнам, как на крыльях, от взмахов весел могучих юных гребцов. Не далее полета стрелы было чудовище, когда Персей взлетел высоко в воздух. Тень его упала в море, и с яростью ринулось чудовище на тень героя. Персей смело бросился с высоты на чудовище и глубоко вонзил ему в спину изогнутый меч. Почувствовав тяжкую рану, высоко поднялось в волнах чудовище; оно бьется в море, словно кабан, которого с неистовым лаем окружила стая собак; то погружается оно глубоко в воду, то вновь всплывает. Бешено бьет по воде чудовище своим рыбьим хвостом, и тысячи брызг взлетают до самых вершин прибрежных скал. Пенной покрылось море. Раскрыв пасть, бросается чудовище на Персея, но с быстротой чайки взлетает он в своих крылатых сандалиях. Удар за ударом наносит он. Кровь и вода хлынули из пасти чудовища, пораженного насмерть. Крылья сандалий Персея намочили, они едва держат на воздухе героя. Быстро понесся могучий сын Данаи к скале, которая выдавалась из моря, обхватил ее левой рукой и трижды погрузил свой меч в широкую грудь чудовища. Окончен ужасный бой. Радостные крики несутся с берега. Все славят могучего героя. Сняты оковы с прекрасной Андромеды, и, торжествуя победу, ведет Персей свою невесту во дворец отца ее Кефея.

Персей убивает Горгону медузу

Полидект замыслил насильно взять себе в жены прекрасную Данаю, но Даная ненавидела сурового царя Полидекта. Персей заступился за свою мать. Разгневался Полидект и с этого времени он думал только об одном – как погубить ему Персея. В конце концов жестокий Полидект решил послать Персея за головой горгоны Медузы. Он призвал Персея и сказал ему:

- Если ты действительно сын громовержца Зевса, то не откажешься совершить великий подвиг. Сердце твое не дрогнет ни перед какой опасностью. Докажи же мне, что Зевс - твой отец, и принеси мне голову горгоны Медузы. О, верю я, Зевс поможет своему сыну!

Гордо взглянул Персей на Полидекта и спокойно ответил:

- Хорошо, я добуду тебе голову Медузы.

Отправился Персей в далекий путь. Ему нужна было достигнуть западного края земли, той страны, где царили богиня Ночь и бог смерти Танат. В этой стране жили и ужасные горгоны. Все тело их покрывала блестящая и крепкая, как сталь, чешуя. Ни один меч не мог разрубить эту чешую, только изогнутый меч Гермеса. Громадные медные руки с острыми стальными когтями были у горгон. На головах у них вместо волос двигались, шипя, ядовитые змеи. Лица горгон, с их острыми, как кинжалы, клыками, с губами, красными, как кровь, и с горящими яростью глазами были исполнены такой злобы, были так ужасны, что в камень обращался всякий от одного взгляда на горгон. На крыльях с золотыми сверкающими перьями горгоны быстро носились по воздуху. Горе человеку, которого они встречали! Горгоны разрывали его на части своими медными руками и пили его горячую кровь.

Тяжелый, нечеловеческий подвиг предстояло совершить Персею. Но боги Олимпа не могли дать погибнуть ему, сыну Зевса. На помощь ему явился быстрый, как мысль, посланник богов Гермес и любимая дочь Зевса, воительница Афина. Афина дала Персею медный щит, такой блестящий, что в нем, как в зеркале, отражалось все; Гермес же дал Персею свой острый меч, который рубил, как мягкий воск, самую твердую сталь. Вестник богов указал юному герою, как найти горгон.

Долог был путь Персея. Много стран прошел он, много видел народов. Наконец достиг он мрачной страны, где жили старые граи. Один только глаз и один зуб имели они на всех трех. По очереди пользовались они ими. Пока глаз был у одной из грай, две другие были слепы, и зрячая грайя вела слепых, беспомощных сестер. Когда же, вынув глаз, грайя передавала его следующей по очереди, все три сестры были слепы. Эти-то граи охраняли путь к горгонам, только они одни знали его. Тихо подкрался к ним во тьме Персей, и по совету Гермеса, вырвал у

одной из ггай чудесный глаз как раз в тот миг, когда она передавала его своей сестре. Вскрикнули ггайи от ужаса.

Теперь они все трое были слепы. Что делать им слепым и беспомощным? Стали они молить Персея, заклиная его всеми богами, отдать им глаз. Они готовы были сделать все для героя, лишь бы он вернул им их сокровище. Тогда Персей потребовал у них за возвращение глаза указать ему путь к горгонам. Долго колебались ггайи, но пришлось им, чтобы вернуть себе зрение, указать этот путь. Так узнал Персей, как попасть ему на остров горгон, и быстро отправился дальше.

Во время дальнейшего пути пришел Персей к нимфам. От них получил он три подарка: шлем властителя подземного царства Аида, который делал невидимым всякого, кто его надевал, сандалии с крыльями, с помощью которых можно было быстро носиться по воздуху, и волшебную сумку: эта сумка то расширялась, то сжималась, смотря по величине того, что в ней лежало. Надел Персей крылатые сандалии, шлем Аида, перекинул через плечо чудесную сумку и быстро понесся по воздуху к острову горгон.

Высоко в небе несся Персей. Под ним расстилалась земля с зелеными долинами, по которым серебряными лентами вились реки. Города виднелись внизу, в них ярко сверкали белым мрамором храмы богов. Вдали высились горы, покрытые зеленью лесов, и, как алмазы, горели в лучах солнца их вершины, покрытые снегом. Вихрем несется Персей все дальше и дальше. Он летит так высоко, как не взлетают и орлы на своих могучих крыльях. Вот блеснуло вдали, как расплавленное золото, море. Теперь над морем летит Персей, и шум морских волн едва уловимым шорохом доносится до него. Вот уже не видно земли. Во все стороны, куда только хватает взора Персея, раскинулась под ним равнина вод. Наконец в голубой дали моря черной полоской показался остров. Все ближе он. Это остров горгон. Что-то нестерпимым блеском сверкает в лучах солнца на этом острове. Ниже спустился Персей. Как орел, парит он над островом и видит: на скале спят три ужасные горгоны. Они раскинули во сне свои медные руки, огнем горят на солнце их стальная чешуя и золотые крылья. Змеи на их головах чуть шевелятся во сне, Скорей отвернулся Персей от горгон. Боится увидеть он их грозные лица - ведь один взгляд, и в камень обратится он. Взял Персей щит Афины-Паллады - как в зеркале отразились в нем горгоны. Которая же из них Медуза? Как две капли воды похожи друг на друга горгоны. Из трех горгон лишь Медуза смертна, только ее можно убить. Задумался Персей. Тут помог Персею быстрый Гермес. Он указал Персею Медузу и тихо шепнул ему на ухо:

- Скорей, Персей! Смелее спускайся вниз. Вон, крайняя к морю Медуза. Отруби ей голову. Помни, не смотри на нее! Один взгляд, и ты погиб. Спеши, пока не проснулись горгоны!

Как падает с неба орел на намеченную жертву, так ринулся Персей к спящей Медузе. Он глядит в ясный щит, чтобы верней нанести удар. Змеи на голове Медузы почуяли врага. С грозным шипением поднялись они. Пошевелинулась во сне Медуза. Она уже приоткрыла глаза. В этот миг, как молния, сверкнул острый меч. Одним ударом отрубил Персей голову Медузе. Ее темная кровь потоком хлынула на скалу, а с потоками крови из тела Медузы взвился к небу крылатый конь Пегас и великан Хрисаор. Быстро схватил Персей голову Медузы и спрятал ее в чудесную сумку. Извиваясь в судорогах смерти, тело Медузы упало со скалы в море. От шума его падения проснулись сестры Медузы, Стейно и Эвриала. Взмахнув могучими крыльями, они взвились над островом и горящими яростью глазами смотрят кругом. Горгоны с шумом носятся по воздуху, но бесследно исчез убийца сестры их Медузы. Ни одной живой души не видно ни на острове, ни далеко в море. А Персей быстро несся, невидимый в шлеме Аида, над шумящим морем. Вот уже несется он над песками Ливии. Сквозь сумку просочилась кровь из головы Медузы и падала тяжелыми каплями на песок. Из этих капель крови породили пески ядовитых змей. Все кругом кишело ими, все живое обращалось в бегство от них; змеи обратили Ливию в пустыню.

Сизиф

(Изложено по поэмам Гомера «Илиада» и Овидия «Героини»)

Сизиф, сын бога повелителя всех ветров Эола, был основателем города Коринфа, который в древнейшие времена назывался Эфирой.

Никто во всей Греции не мог равняться по коварству, хитрости и изворотливости ума с Сизифом. Благодаря своей хитрости Сизиф собрал неисчислимые богатства в Коринфе; далеко распространилась слава о его сокровищах.

Пришел к нему бог смерти мрачный Танат, чтобы отвести его в печальное царство Аида. Но Сизиф, уже раньше почувствовав приближение бога смерти, коварно обманул Таната и заковал его в оковы. Перестали на земле умирать люди. Нигде не совершали больше пышные похороны, не приносили жертвы богам подземного царства. Нарушился на земле порядок, заведенный Зевсом. Тогда громовержец Зевс послал к Сизифу могучего бога войны Ареса. Он освободил Таната из оков, а Танат исторг душу Сизифа и отвел ее в царство теней умерших.

Но опять обманул богов Сизиф. Он сказал своей жене, чтобы не погребала она его тела и не приносила жертвы подземным богам. Послушалась мужа жена Сизифа. Аид и Персефона долго ждали похоронных жертв. Все нет их! Наконец, приблизился к трону Аида Сизиф и сказал:

- О, властитель душ умерших, великий Аид, равный могуществом Зевсу, отпусти меня на светлую землю! Я велю жене моей принести тебе богатые жертвы и вернусь обратно в царство теней.

Поверил Сизифу Аид и отпустил его на землю. Но Сизиф не вернулся в царство Аида. Он остался в пышном дворце своем и весело пировал, радуясь, что один из всех смертных сумел вернуться из мрачного царства теней.

Разгневался Аид, снова послал он Таната за душой Сизифа. Явился Танат во дворец хитрейшего из смертных и застал его за роскошным пиром. Исторг душу Сизифа ненавистный богам и людям бог смерти; навсегда отлетела душа Сизифа в царство теней. Тяжкое наказание несет Сизиф в загробной жизни за все то коварство и обманы, которые совершил он на земле. Сизиф осужден вкатывать на высокую, крутую гору громадный камень. Напрягая все силы, трудится Сизиф. Пот градом струится с него от тяжелой работы. Все ближе вершина; еще усилие — и окончен будет труд Сизифа; но вырывается из рук его камень и с шумом катится вниз, поднимая облака пыли. Снова принимается Сизиф за работу.

Так вечно катит камень Сизиф и никогда не может достигнуть цели — вершины горы.

ПОДВИГИ ГЕРЕКЛА

(в изложении Н.Куна)

Кербер (Цербер) (Одиннадцатый подвиг)

Едва Геракл вернулся в Тиринф, как уже снова послал его на подвиг Эврисфеей. Это был уже одиннадцатый подвиг, который должен был совершить Геракл на службе у Эврисфея. Невероятные трудности пришлось преодолеть Гераклу во время этого подвига. Он должен был спуститься в мрачное, полное ужасов подземное царство Аида и привести к Эврисфею стража подземного царства, ужасного адского пса Кербера. Три головы было у Кербера, на шее у него

извивались змеи, хвост у него оканчивался головой дракона с громадной пастью. Геракл отправился в Лаконию и через мрачную пропасть у Тэнара[2] спустился во мрак подземного царства. У самых врат царства Аида увидел Геракл приросших к скале героев Тесея и Перифоя, царя Фессалии. Их наказали так боги за то, что они хотели похитить у Аида жену его Персефону. Взмолился Тесей к Гераклу:

- Ты видишь мои мучения! Один лишь ты в силах избавить меня от них!

Протянул Геракл Тесею руку и освободил его. Когда же он хотел освободить и Перифоя, то дрогнула земля, и понял Геракл, что боги не хотят его освобождения. Геракл покорился воле богов и пошел дальше во мрак вечной ночи. В подземное царство Геракла ввел вестник богов Гермес, проводник душ умерших, а спутницей великого героя была сама любимая дочь Зевса, Афина-Паллада. Когда Геракл вступил в царство Аида, в ужасе разлетелись тени умерших. Только не бежала при виде Геракла тень героя Мелеагра. С мольбой обратилась она к великому сыну Зевса:

- О, великий Геракл, об одном молю я тебя в память нашей дружбы, сжался над осиротевшей сестрой моей, прекрасной Деянирой! Беззащитной осталась она после моей смерти. Возьми ее в жены, великий герой! Будь ее защитником!

Геракл обещал исполнить просьбу друга и пошел дальше за Гермесом. Навстречу Гераклу поднялась тень ужасной горгоны Медузы, она грозно протянула свои медные руки и взмахнула золотыми крыльями, на голове ее зашевелились змеи. Схватился за меч бесстрашный герой, но Гермес остановил его словами:

- Не хватайся за меч, Геракл! Ведь это лишь бесплотная тень! Она не грозит тебе гибелью!

Много ужасов видел на пути своем Геракл; наконец, он предстал пред тронном Аида. С восторгом смотрели властитель царства умерших и жена его Персефона на великого сына громовержца Зевса, бесстрашно спустившегося в царство мрака и печалей. Он, величественный, спокойный, стоял пред тронном Аида, опершись на свою громадную палицу, в львиной шкуре, накинутой на плечи, и с луком за плечами. Аид милостиво приветствовал сына своего великого брата Зевса и спросил, что заставило его покинуть свет солнца и спуститься в царство мрака. Склонясь пред Аидом, ответил Геракл:

- О, властитель душ умерших, великий Аид, не гневайся на меня за мою просьбу, всемогущий! Ты знаешь ведь, что не по своей воле пришел я в твое царство, не по своей воле буду я просить тебя. Позволь мне, владыка Аид, отвести в Микены твоего трехглавого пса Кербер. велел мне сделать это Эврисфей, которому служу я по повелению светлых богов-олимпийцев.

Аид ответил герою:

- Я исполню, сын Зевса, твою просьбу; но ты должен без оружия укротить Кербера. Если ты укротишь его, то я позволю тебе отвести его к Эврисфею.

Долго искал Геракл Кербера по подземному царству. Наконец, он нашел его на берегах Ахеронта. Геракл обхватил своими руками, крепкими, как сталь, шею Кербера. Грозно завыл пес Аида; все подземное царство наполнилось его воем. Он силился вырваться из объятий Геракла, но только крепче сжимали могучие руки героя шею Кербера. Обвил хвост свой Кербер вокруг ног героя, впила голова дракона своими зубами ему в тело, но все напрасно. Могучий Геракл все сильнее и сильнее сдавливал ему шею. Наконец, полузадушенный пес Аида упал к ногам героя. Геракл укротил его и повел из царства мрака в Микены. Испугался дневного света Кербер; весь покрылся он холодным потом, ядовитая пена капала из трех его пастьей на землю; всюду, куда капнула хоть капля пены, вырастали ядовитые травы.

Геракл привел к стенам Микен Кербера. В ужас пришел трусливый Эврисфей при одном взгляде на страшного пса. Чуть не на коленях молил он Геракла отвести обратно в царство Аида Кербера. Геракл исполнил его просьбу и вернул Аиду его страшного стража Кербера.

Яблоки Гесперид (Двенадцатый подвиг)

Самым трудным подвигом Геракла на службе у Эврисфея был его последний, двенадцатый подвиг. Он должен был отправиться к великому титану Атласу, который держит на плечах небесный свод, и достать из его садов, за которыми смотрели дочери Атласа геспериды, три золотых яблока. Яблоки эти росли на золотом дереве, выращенном богиней земли Геей в подарок великой Гере в день ее свадьбы с Зевсом. Чтобы совершить этот подвиг, нужно было прежде всего узнать путь в сады Гесперид, охраняемые драконом, никогда не смыкавшим глаз сном.

Никто не знал пути к Гесперидам и Атласу. Долго блуждал Геракл по Азии и Европе, прошел он и все страны, которые проходил раньше по пути за коровами Гериона; всюду Геракл расспрашивал о пути, но никто не знал его. В своих поисках зашел он на самый крайний север, к вечно катящей свои бурные, беспредельные воды реке Эридану[1]. На берегах Эридана с почетом встретили великого сына Зевса прекрасные нимфы и дали ему совет, как узнать путь в сады гесперид. Геракл должен был напасть врасплох на морского вещего старца Нерея, когда он выйдет на берег из морской пучины, и узнать у него путь к гесперидам; кроме Нерея, никто не знал этого пути. Геракл долго искал Немея. Наконец, удалось ему найти Нерея на берегу моря. Геракл напал на морского бога. Трудна была борьба с морским богом. Чтобы освободиться от железных объятий Геракла, Нерей принимал всевозможные виды, но все-таки не выпускал его герой. Наконец, он связал утомленного Нерея, и морскому богу пришлось, чтобы получить свободу, открыть Гераклу тайну пути в сады Гесперид. Узнав эту тайну, сын Зевса отпустил морского старца и отправился в далекий путь.

Опять пришлось ему идти через Ливию. Здесь встретил он великана Антея, сына Посейдона, бога морей, и богини земли Геи, которая его родила, вскормила и воспитала. Антей заставлял всех путников бороться с ним и всех, кого побеждал в борьбе, немилосердно убивал. Великан потребовал, чтобы и Геракл боролся с ним. Никто не мог победить Антея в единоборстве, не зная тайны, откуда великан получал во время борьбы все новые и новые силы. Тайна же была такова: когда Антей чувствовал, что начинает терять силы, он прикасался к земле, своей матери, и обновлялись его силы: он черпал их у своей матери, великой богини земли. Но стоило только оторвать Антея от земли и поднять его на воздух, как исчезали его силы. Долго боролся Геракл с Антеем, несколько раз он валил его на землю, но только прибавлялось силы у Антея. Вдруг во время борьбы поднял могучий Геракл Антея высоко на воздух, - иссякли силы сына Геи, и Геракл задушил его.

Дальше пошел Геракл и пришел в Египет. Там, утомленный длинным путем, уснул он в тени небольшой рощи на берегу Нила. Увидел спящего Геракла царь Египта, сын Посейдона и дочери Эпафа Лисианассы, Бусирис, и велел связать спящего героя. Он хотел принести Геракла в жертву отцу его Зевсу. Девять лет был неурожай в Египте; предсказал пришедший с Кипра прорицатель Фрасий, что прекратится неурожай только в том случае, если будет Бусирис ежегодно приносить в жертву Зевсу чужеземца. Бусирис велел схватить прорицателя Фрасия и первым принес его в жертву. С тех пор жестокий царь приносил в жертву громовержцу всех чужеземцев, которые приходили в Египет. Привели к жертвеннику и Геракла, но разорвал великий герой веревки, которыми он был связан, и убил у жертвенника самого Бусириса и сына его Амфидаманта. Так был наказан жестокий царь Египта.

Много еще пришлось встретить Гераклу на пути своем опасностей, пока достиг он края земли, где стоял великий титан Атлас. С изумлением смотрел герой на могучего титана, державшего на своих широких плечах весь небесный свод.

- О, великий титан Атлас! - обратился к нему Геракл, - я сын Зевса, Геракл. Меня прислал к тебе Эврисфей, царь богатых золотом Микен. Эврисфей повелел мне достать у тебя три золотых яблока с золотого дерева в садах гесперид.

- Я дам тебе три яблока, сын Зевса, - ответил Атлас, - ты же, пока я буду ходить за ними, должен встать на мое место и держать на плечах своих небесный свод.

Геракл согласился. Он встал на место Атласа. Невероятная тяжесть опустилась на плечи сына Зевса. Он напряг все свои силы и удержал небесный свод. Страшно давила тяжесть на могучие плечи Геракла. Он согнулся под тяжестью неба, его мускулы вздулись, как горы, пот покрыл все его тело от напряжения, но нечеловеческие силы и помощь богини Афины дали ему возможность держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас с тремя золотыми яблоками. Вернувшись, Атлас сказал герою:

- Вот три яблока, Геракл; если хочешь, я сам отнесу их в Микены, а ты поддержи до моего возвращения небесный свод; потом я встану опять на твое место.

- Геракл понял хитрость Атласа, он понял, что хочет титан совсем освободиться от своего тяжелого труда, и против хитрости применил хитрость.

- Хорошо, Атлас, я согласен! - ответил Геракл. - Только позволь мне прежде сделать себе подушку, я положу ее на плечи, чтобы не давил их так ужасно небесный свод.

Атлас встал опять на свое место и взвалил на плечи тяжесть неба. Геракл же поднял лук свой и колчан со стрелами, взял свою палицу и золотые яблоки и сказал:

- Прощай, Атлас! Я держал свод неба, пока ты ходил за яблоками гесперид, вечно же нести на плечах своих всю тяжесть неба я не хочу.

С этими словами Геракл ушел от титана, и снова пришлось Атласу держать, как и прежде, на могучих плечах своих небесный свод. Геракл же вернулся к Эврисфею и отдал ему золотые яблоки. Эврисфей подарил их Гераклу, а он подарил яблоки своей покровительнице, великой дочери Зевса Афине-Палладе. Афина вернула яблоки гесперидам, чтобы вечно оставались они в садах.

После своего двенадцатого подвига Геракл освободился от службы у Эврисфея. Теперь он мог вернуться в семивратные Фивы. Но недолго оставался там сын Зевса. Ждали его новые подвиги. Он отдал жену свою Мегару в жены другу своему Иолаю, а сам ушел опять в Тиринф.

Но не одни победы ждали его, ждали Геракла и тяжкие беды, так как по-прежнему преследовала его великая богиня Гера.

ГЛАВА 2. СКАЗКИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Братья Якоб (1785- 1863) и Вильгельм (1786- 1859) Гримм

Три брата

Жил-был на свете человек, было у него три сына, и все имущество его состояло из одного только домика, в котором он и жил. И хотелось каждому из сыновей после смерти отца получить этот дом, но отец любил всех троих одинаково и не знал, как ему поступить, чтобы никого из них не обидеть. А продавать дома он не хотел, потому что дом тот достался ему еще от прадедов; а то можно было бы его продать, а деньги между ними поделить. И вот надумал он, наконец, как ему поступить, и говорит своим сыновьям:

— Ступайте вы странствовать по белу свету, попытайте счастья, и пусть каждый из вас научится какому-нибудь ремеслу. А когда вернетесь домой, то дом получит тот, кто окажется лучшим мастером.

Сыновья этим решением остались довольны; и порешил старший из них стать кузнецом, средний — цирюльником, а младший — фехтовальщиком. Сговорились они о сроке, когда должны вернуться снова домой, и двинулись затем в путь-дорогу.

Случилось так, что каждый из них нашел себе опытного мастера. у которого он и мог хорошо выучиться ремеслу. Кузнецу пришлось подковывать королевских лошадей, и он подумал: «Ну, уж теперь дом я получу наверняка». Цирюльник брил всех знатных господ и тоже думал, что дом будет его. Фехтовальщик не раз получал удары, но он все это переносил терпеливо и духом не падал, думая про себя так: «Если ты будешь бояться ударов, то дома ты никогда не получишь». И вот пришел назначенный срок, и все они снова вернулись к своему отцу, но они не знали, как найти им случай, чтобы показать свое мастерство. Вот сидят они раз и между собой советуются. Сидят они и видят — бежит по полю заяц.

— Э-э, — говорит цирюльник, — а он кстати явился!

Взял он чашку и мыло, повертел помазком, взбил пену и, когда заяц подбежал ближе, намылил его на бегу и на бегу же выбрил ему бородку, и при этом не порезал его, и сделал все это так ловко, что не причинил ему никакой боли.

— Это мне нравится, — сказал отец, — если братья твои не превзойдут тебя в мастерстве, то дом будет твой.

А тут вскоре проезжала на полном ходу карета, и сидел в ней какой-то господин.

— Вот вы, батюшка, сейчас увидите, что я умею делать, — говорит кузнец.

Кинулся он вслед за каретой, сорвал у лошади на полном ходу все четыре подковы и подбил ей тотчас на ходу четыре новых.

— Ты парень ловкий, — сказал отец, — дело свое ты исполняешь не хуже, чем твой брат; я уж и не знаю, кому мне дом отдать-то.

Тогда говорит третий:

— Дозвольте и мне, батюшка, доказать свое мастерство.

А тут как раз начал идти дождь. Вытащил он свою шпагу и стал ею размахивать над головой так, что ни одна капля не могла на него упасть; а когда дождь пошел еще сильнее и перешел,

наконец, в ливень и целые потоки уже лили с неба, стал он размахивать своей шпагой все быстрее и быстрее, и остался совершенно сухим, точно сидел он под крышей. Увидал это отец, диву дался и говорит:

— Ты показал самое большое мастерство, дом отдаю я тебе.

Братья, как и обещали друг другу, решением остались довольны, а так как они очень любили друг друга, то порешили жить в доме все вместе; и стали они заниматься каждый своим ремеслом, — а делу были обучены они хорошо, и мастера были опытные, вот и зарабатывали они много денег. Так жили они счастливо до самой своей старости все вместе, и когда один из них заболел и умер, то двое других стали о нем грустить, да так, что сами с горя заболели и вскоре умерли. А так как были они мастера опытные и крепко любили друг друга, то и похоронили их всех вместе в общей могиле.

Золушка

Заболела раз у одного богача жена и почувствовала, что конец ей приходит. Подозвала она свою единственную дочку к постели и говорит:

— Мое милое дитя, будь скромной и ласковой, и господь тебе всегда поможет, а я буду глядеть на тебя с неба и всегда буду возле тебя.

Потом закрыла она глаза и умерла. Девочка ходила каждый день на могилу к матери и плакала, и была смиренной и ласковой.

Вот наступила зима, и снег укутал белым саваном могилу, а когда весной опять засияло солнышко, взял богач себе в жены другую жену.

Привела мачеха в дом своих дочерей. Были они лицом красивые и белые, но сердцем злые и жестокие. И настало тогда тяжелое время для бедной падчерицы.

— Неужто эта дура будет сидеть у нас в комнате? — сказала мачеха. — Кто хочет есть хлеб, пускай его заработает. А ну-ка, живей на кухню, будешь стряпухой.

Отобрали они у нее красивые платья, надели на нее старую посконную рубаху и дали ей деревянные башмаки.

— Поглядите-ка на эту гордую принцессу, ишь как вырядилась, — говорили они, смеясь, и отвели ее на кухню.

И должна она была там с утра до самого позднего вечера исполнять черную работу: вставать рано утром, носить воду, топить печь, стряпать и мыть. А кроме того, сводные сестры всячески старались, как бы ее посильней огорчить — насмехались над нею, высыпали горох и чечевицу в золу, и ей приходилось сидеть и выбирать их оттуда опять.

Вечером, когда она от работы уставала, ей приходилось ложиться спать не в постель, а на полу, рядом с печкой, на золе. И оттого, что была она всегда в золе, в пыли и грязная, прозвали ее сестры Золушкой.

Случилось однажды, что отец собрался ехать на ярмарку, и спросил у своих падчериц, что привезти им в подарок.

— Красивые платья, — сказала одна.

— Жемчуга и драгоценные камни, — попросила другая.

— Ну, а ты что, Золушка, хочешь?

— Привези мне, батюшка, ветку, что на обратном пути первая зацепит тебя за шапку, — отлони ее и привези мне с собой.

Накупил отец своим падчерицам красивые платья, жемчуга и самоцветные камни, и когда на обратном пути ехал он через лесок, ветка орешника хлестнула его, да так сильно, что и шапку с головы у него сбила, он сорвал эту ветку и привез ее с собой. Воротился он домой и подарил падчерицам то, что они просили, а Золушке отдал ветку орешника.

Поблагодарила его Золушка, пошла на могилу к матери и посадила там ветку и так сильно плакала, что слезы катились у нее из глаз на землю, и они полили ту ветку. Вот выросла веточка и стала красивым деревом. Золушка трижды в день приходила к дереву, плакала и молилась; и каждый раз прилетала на дерево белая птичка; и когда Золушка ей говорила какое-нибудь желание, птичка сбрасывала ей то, что она просила.

Но вот случилось однажды, что король затеял пир, который должен был длиться целых три дня, и созвал на праздник всех красивых девушек страны, с тем чтобы сын его мог выбрать себе невесту. Когда две названные сестры узнали о том, что им тоже надо явиться на пир, они стали добрые, кликнули Золушку и говорят:

— Причеши нам волосы, почисти туфли и застегни застегжки, да покрепче, мы ведь идем в королевский дворец на смотрины.

Золушка их послушалась, но заплакала — ей тоже хотелось пойти потанцевать; она стала просить мачеху, чтобы та отпустила ее.

— Ты ведь Золушка, — сказала ей мачеха, — вся ты в золе да в грязи, куда уж тебе идти на пир? У тебя ведь ни платья нету, ни туфель, а ты хочешь еще танцевать.

Перестала Золушка ее просить, а мачеха ей и говорит:

— Вот просыпала я миску чечевицы в золу. Коль выберешь ее за два часа, тогда можешь идти вместе с сестрами.

Вышла Золушка черным ходом в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,

Поплоше, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а за ними и горлинка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и опустились на золу. Наклонили голубки свои головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и так повыбрали все зернышки в мисочку. Не прошло и часу, как кончили они работу и все улетели назад.

Принесла Золушка мисочку своей мачехе, стала радоваться, думая, что ей можно будет идти на пир, но мачеха сказала:

— Нет, Золушка, ведь у тебя нет платья, да и танцевать ты не умеешь, — там над тобой только посмеются.

Заплакала Золушка, а мачеха и говорит:

— Вот если выберешь мне за один час из золы две полных миски чечевицы, то можешь пойти вместе с сестрами, — а сама подумала про себя: «Этого уж ей не сделать никогда». Высыпала мачеха две миски чечевицы в золу, а девушка вышла через черный ход в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,

Поплоше, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а вслед за ними и горлинка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и спустились на золу. Наклонили голубки головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и повыбрали все зернышки в миску. Не прошло и получаса, как кончили они работу и улетели все назад.

Принесла Золушка две миски чечевицы мачехе, стала радоваться, думая, что теперь-то ей можно будет идти на пир, а мачеха и говорит:

— Ничего тебе не поможет: не пойдешь ты вместе со своими сестрами, — и платья у тебя нету да и танцевать ты не умеешь, — нам будет за тебя только стыдно.

Повернулась она спиной к Золушке и поспешила со своими двумя дочерьми на пир.

Когда дома никого не осталось, пошла Золушка на могилу к своей матери под ореховое деревцо и кликнула:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,

Кинься золотом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица золотое и серебряное платье, шитые шелком да серебром туфельки. Надела она быстро это платье и явилась на смотрины.

А сводные ее сестры и мачеха об этом не знали и подумали, что это, должно быть, какая-то чужая королева, — такая красивая была она в своем золотом платье. Им и в голову не приходило, что это Золушка; они думали, что сидит она дома в грязи и выбирает из золы чечевицу.

Вот вышел ей навстречу королевич, взял ее за руку и стал с ней танцевать. И не хотел он танцевать ни с какой другой девушкой, всё держал ее за руку, и если кто подходил приглашать ее на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Проплясала она до самого вечера и хотела уже домой возвращаться, а королевич ей и говорит:

— Я пойду тебя проводить. — Ему хотелось узнать, чья это дочка-красавица; но она от него убежала и взобралась на голубятню.

И дождался королевич до тех пор, пока не пришел отец, и сказал ему королевич, что какая-то неизвестная девушка взобралась на голубятню. Старик подумал: «А не Золушка ли это?» и велел принести топор и багор, чтобы разрушить голубятню, но в ней никого не оказалось.

Вернулись родители домой, видят — лежит Золушка в своей посконной рубахе на золе, и горит у печки тусклая масляная лампочка. А дело было так: Золушка быстро выпрыгнула с другой стороны голубятни и побежала к ореховому деревцу, там она сняла свое красивое платье и положила его на могилу; унесла его птица назад, и надела Золушка опять свою серую посконную рубаху и села в кухне на кучу золы.

На другой день, когда пир начался снова и родители и сводные сестры ушли опять из дому, направилась Золушка к ореховому дереву и молвила так:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,

Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица еще более пышное платье, чем в прошлый раз. И когда явилась она в этом платье на пир, каждый дивился, глядя на ее красоту. Королевич ждал ее, пока она не пришла, и тотчас взял ее за руку и танцевал только с нею одной. Когда к ней подходили другие и приглашали ее на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и она собралась уходить, и пошел королевич следом за ней, чтобы посмотреть, в какой дом она войдет. Но она убежала прямо в сад, который находился за домом. И росло в том саду красивое большое дерево, и висели на нем чудесные груши. Она проворно взобралась на него, как белочка по веткам, а королевич и не заметил, куда она исчезла. Стал он ее поджидать, и когда явился отец, королевич ему говорит:

— От меня убежала неизвестная девушка, мне кажется, что она взобралась на грушу.

Отец подумал: «Уж не Золушка ли это?», и велел принести топор и срубил дерево, но на нем никого не оказалось. Пришли они в кухню, видят — лежит Золушка, как и в прошлый раз, на золе; как и тогда, она спрыгнула с другой стороны дерева и отдала птице, что прилетела на ореховое дерево, свое прекрасное платье и надела опять серую посконную рубаху.

На третий день, когда родители и сводные сестры ушли на пир, отправилась Золушка снова на могилу к матери и молвила деревцу:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,

Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица платье, такое сияющее и великолепное, какого еще никогда ни у кого не было; а туфельки были из чистого золота.

Вот явилась она на пир в этом платье, и никто не знал, что и сказать от изумленья. Королевич танцевал только с нею одной, а если кто ее приглашал, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и собралась Золушка уходить; и хотелось королевичу ее проводить, но она так ловко от него ускользнула, что он даже этого и не заметил. Но придумал королевич хитрость: он велел вымазать всю лестницу смолой; и когда она от него убегала, то туфелька с ее левой ноги осталась на одной из ступенек. Королевич поднял эту туфельку, и была она такая маленькая и нарядная и вся из чистого золота.

На другое утро пошел королевич с той туфелькой к отцу Золушки и говорит:

— Моей женой будет только та, на чью ногу придется эта золотая туфелька.

Обрадовались обе сестры — ноги у них были очень красивые. Старшая отправилась в комнату, чтобы примерить туфельку, и мать была тоже с нею. Но никак не могла она натянуть туфельку на ногу: мешал большой палец, и туфелька оказалась ей мала. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби большой палец; когда станешь королевой, все равно пешком ходить тебе не придется.

Отрубила девушка палец, натянула с трудом туфельку, закусила губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с нею.

Но надо было им проезжать мимо могилы, а сидело там два голубка на ореховом деревце, и запели они:

Погляди-ка, посмотри,

А башмак-то весь в крови,

Башмачок, как видно, тесный,

Дома ждет тебя невеста.

Посмотрел королевич на ее ногу, видит — кровь из нее течет. Повернул он назад коня, привез самозванную невесту домой и сказал, что это невеста не настоящая, — пускай, мол, наденет туфельку другая сестра.

Пошла та в комнату, стала примерять, влезли пальцы в туфельку, а пятка оказалась слишком большая. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби кусок пятки: когда будешь королевой, пешком тебе все равно ходить не придется.

Отрубила девушка кусок пятки, всунула с трудом ногу в туфельку, закусила губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с ней.

Но проезжали они мимо орехового деревца, а сидело на нем два голубка, и они запели:

Погляди-ка, посмотри,

А башмак-то весь в крови,

Башмачок, как видно, тесный,

Дома ждет тебя невеста.

Глянул он на ее ногу, видит — кровь течет из туфельки, и белые чулки совсем красные стали. Повернул он коня и привез самозванную невесту назад в ее дом.

— И эта тоже не настоящая, — сказал он, — нет ли у вас еще дочери?

— Да вот, — сказал отец, — осталась от покойной моей жены маленькая, несмышленная Золушка, — да куда уж ей быть невестой!

Но королевич попросил, чтоб ее привели к нему: а мачеха и говорит:

— Да нет, она такая грязная, ей нельзя никому и на глаза показываться.

Но королевич захотел во что бы то ни стало ее увидеть; и пришлось привести к нему Золушку. И вот умыла она сначала руки и лицо, потом вышла к королевичу, склонилась перед ним, и он подал ей золотую туфельку. Села она на скамейку, сняла с ноги свой тяжелый деревянный башмак и надела туфельку, и припала она ей как раз впору. Вот встала она, посмотрел королевич ей в лицо и узнал в ней ту самую красавицу-девушку, с которой он танцевал, и он воскликнул:

— Вот это и есть настоящая моя невеста!

Испугались мачеха и сводные сестры, побледнели от злости; а он взял Золушку, посадил на коня и ускакал с ней.

Когда проезжали они мимо орехового деревца, молвили два белых голубка:

Оглянися, посмотри,

В башмачке-то нет крови,

Башмачок, видать, не тесный,

Вот она — твоя невеста!

Только они это вымолвили, улетели оба с дерева и уселись на плечи к Золушке: один на правое плечо, другой на левое, — так и остались они сидеть.

Когда пришло время быть свадьбе, явились и вероломные сестры, хотели к ней подольститься и разделить с ней ее счастье. И когда свадебный поезд отправился в церковь, сидела старшая по правую руку, а младшая по левую; и вот выклевали голуби каждой из них по глазу. А потом, когда возвращались назад из церкви, сидела старшая по левую руку, а младшая по правую; и выклевали голуби каждой из них еще по глазу.

Так вот были они наказаны за злобу свою и лукавство на всю свою жизнь слепотой.

Спящая красавица

Жили-были король с королевой, и каждый день они говорили: Ах, если бы у нас родился ребёнок! А детей у них не было. Но вот однажды, когда королева сидела в купальне, вылезла из воды на берег лягушка и говорит ей:

- Твоё желание исполнится. Не пройдет и года, как ты родишь на свет дочь.

Как лягушка сказала, так и случилось - родила королева девочку. И была эта девочка такая прекрасная, что король на радостях устроил большой пир. И созвал он на этот пир не только своих родных, друзей и знакомых, но и ворожей, чтобы они были к ребёнку доброжелательны и милосивы. Но ворожей было в королевстве равным счётом тринадцать, а золотых тарелок, на которых они должны были есть, было у короля всего лишь двенадцать. Поэтому одной из ворожей пришлось остаться дома.

Пир устроили на славу, а когда праздник кончился, ворожеи одарили ребёнка чудесными дарами: одна - добродетелью, другая - красотой, третья - богатством. Так они одарили его всем, что только можно пожелать на свете.

Когда одиннадцать произнесли свои пожелания, явилась вдруг тринадцатая. Ей хотелось отомстить за то, что её не пригласили на пир. Ни с кем не здороваясь, она воскликнула громким голосом:

- Когда королевне исполнится пятнадцать лет, она уколется о веретено и тут же упадёт замертво!

И, сказав это, повернулась и вышла из зала. Всех охватил ужас. Но тогда выступила двенадцатая ворожея - она не высказала ещё своего пожелания. Отменить роковое предсказание она уже не могла, но смягчила его, сказав:

- Но то будет не смерть, а глубокий сон, в который королевна погрузится на сто лет.

Король хотел уберечь свою любимую дочь от несчастья и приказал сжечь все веретена во всём королевстве. А девочка росла, и исполнились все пожелания ворожей: она была так красива, скромна, приветлива и умна, что всякий, кто её раз увидел, должен был ее полюбить.

В тот день, когда ей исполнилось пятнадцать лет, короля и королевы не было дома, и девушка осталась в замке одна. Пошла она бродить по замку, заглядывала в комнаты и каморки, куда только ей вздумалось.

Наконец она подошла к старой башне, поднялась по узкой витой лестнице и очутилась у небольшой двери. В замке торчал ржавый ключ. Девушка повернула его - и дверь распахнулась. Видит королевна - перед ней маленькая светёлка, а в светёлке сидит у веретена старушка и прилежно прядёт пряжу.

- Здравствуй, бабушка! - сказала королевна. - Что ты тут делаешь?

- Пряжу пряду, - ответила старуха и кивнула ей головой.

- А что это у тебя тут так весело вертится? - спросила девушка, взяла веретено и хотела было тоже взяться за пряжу. Но не успела она прикоснуться к веретену, как сбылось роковое предсказание: она уколола веретеном палец.

И в тот же миг, когда она почувствовала укол, она упала на постель, стоявшую в светёлке, и погрузилась в глубокий сон. И сон напал на всех, кто был в замке: король с королевой, которые только что вернулись домой и вошли в зал, мгновенно уснули, а с ними уснули все придворные. Уснули кони в конюшнях и собаки на дворе, голуби на крыше, мухи на стенах. Даже огонь, весело пылавший в печи, затих и потух, и жаркое перестало шипеть и поджариваться. А повар хотел было вытаскать за волосы поварёнка, за то, что тот что-то напортил, но вдруг отпустил его и уснул. И ветер утих, и на деревьях около замка не шелохнулся ни один листочек.

А вокруг замка вырос колючий шиповник и с каждым годом поднимался всё выше и выше. Вскоре он окружил и закрыл собою весь замок, и не было видно даже флага на башне.

Но по стране пошла молва о Спящей красавице - так прозвали королевну - и время от времени наезжали туда разные королевичи и пытались пробраться через густой шиповник к замку. Но это было невозможно: колючие шипы крепко сплелись между собой, словно держась за руки. Юноши запутывались в них, не в силах были вырваться и погибали мучительной смертью.

После долгих, долгих лет в страну опять явился королевич и услышал от одного старика про колючий шиповник, за которым будто стоит замок, а в замке вот уже сто лет спит прекрасная королевна - Спящая красавица. И спят с ней король, и королева, и все придворные. Старик слышал ещё от своего деда, что приходило уже немало королевичей, и все пытались пробраться сквозь шиповник, но они повисли на шипах и погибли жалкой смертью. И сказал тогда юноша:

- Я этого не боюсь. Я хочу туда отправиться и увидеть Спящую красавицу!

Напрасно добрый старик старался отговорить его. Королевич не послушался его совета.

А к тому времени как раз минуло сто лет, и настал день, когда Спящей красавице суждено было снова проснуться. Подошёл королевич к шиповнику и видит: весь он усеян прекрасными, большими цветами. А кусты сами расступались перед ним и пропускали его целого и невредимого дальше, а потом снова смыкались за ним. На дворе замка королевич увидел коней и пятнистых гончих собак, и все они лежали и спали.

На крыше сидели голуби, спрятав головки под крыло. Вошёл королевич в замок, видит: на стене спят мухи, а повар на кухне всё ещё держит руку в воздухе, чтобы схватить за волосы поварёнка, а повара сидит перед чёрной курицей, которую она собиралась ощипать. Пошёл королевич дальше и видит: в зале лежат и спят все придворные, а наверху, возле трона, лежат король с королевой. Шёл королевич всё дальше и дальше, и всюду было так тихо, что он слышал даже собственное дыхание. Подошёл он наконец к башне, отворил дверь маленькой светёлки, в которой увидел Спящую красавицу.

Она лежала там и была так прекрасна, что королевич не мог оторвать от неё глаз, наклонился над ней и поцеловал её.

Тут красавица проснулась, открыла глаза и приветливо взглянула на него.

Потом они вместе сошли вниз. И вот проснулись и король с королевой, и все придворные и посмотрели удивлённо друг на друга. А на дворе поднялись кони и стали отряхиваться, вскочили гончие собаки и замахали хвостами; голуби на крыше высунули из-под крыльев свои головки, осмотрелись вокруг и полетели в поле; а мухи стали ползать по стене, огонь на кухне вновь запыхал, загорелся, стал варить еду, и жаркое опять жарилось и шипело. А повар дал поварёнку такую пощёчину, что тот завизжал, а повара стала скорей ощипывать курицу.

А королевич с прекрасной королевной отпраздновали пышную свадьбу и жили счастливо до самой смерти.

Волк и семеро козлят

Жила-была старая коза. Было у ней семеро козлят, и она их так любила, как может любить своих детей только мать. Раз собралась она идти в лес, корму принести; вот созвала она всех своих семерых деток и говорит:

— Милые детки, хочу я в лес пойти, а вы смотрите волка берегитесь. Если придет он сюда, то всех вас поест, заодно со шкурой и шерстью. Этот злодей часто прикидывается, но вы его сразу узнаете по толстому голосу и по черным лапам.

Ответили козлятки:

— Милая матушка, уж мы постережемся, вы ступайте себе, не беспокойтесь.

Заблеяла старая коза и преспокойно отправилась в путь-дорогу.

Прошло немного времени, вдруг кто-то стучится в дверь и кричит:

— Детки милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла!

Но козляточки по толстому голосу услышали, что это волк.

— Не откроемся, — закричали они, — ты не матушка наша; у той голос добрый и тонкий, а твой голос толстый: ты — волк.

Пошел тогда волк к купцу и купил себе мела большой кусок, съел его, и стал у него голос тонкий. Вернулся назад, постучался в дверь и говорит:

— Детки, милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла.

Положил волк свою черную лапу на окошко, увидели ее козлятки и закричали:

— Не откроемся, у матушки нашей не черные лапы: ты — волк!

Побежал тогда волк к хлебопеку и говорит:

— Я зашиб себе ногу, помажь мне ее тестом.

Помазал ему хлебопек лапу тестом, побежал волк к мельнику и говорит:

— Присыпь мне лапу белой мукой.

Мельник подумал: «Волк, видно, хочет кого-то обмануть», и не согласился. А волк говорит:

— Если ты этого не сделаешь, я тебя съем.

Испугался мельник и побелил ему лапу. Вот какие бывают люди на свете!

Подошел злодей в третий раз к двери, постучался и говорит:

— Детки милые, отомкнитесь, ваша мать пришла, вам из лесу гостинцы принесла!

Закричали козляточки:

— А ты покажи нам сначала свою лапу, чтобы мы знали, что ты наша матушка.

Положил волк свою лапу на окошко, увидели они, что она белая, и подумали, что он правду говорит, — и открыли ему дверь. А тот, кто вошел, был волк.

Испугались они и решили спрятаться. Прыгнул один козленочек под стол, другой — на кровать, третий — на печку, четвертый — в кухню, пятый — в шкаф, шестой — под умывальник, а седьмой — в футляр от стенных часов. Но всех их нашел волк и не стал долго разбираться:

разинул пасть и проглотил их одного за другим; одного только он не нашел, того младшего, что спрятался в часах.

Наевшись досыта, волк ушел, растянулся на зеленом лужку под деревом и заснул.

Приходит вскоре старая коза из лесу домой. Ах, что ж она там увидела!.. Дверь настежь раскрыта. Стол, стулья, скамьи опрокинуты, умывальник разбит, подушки и одеяла с постели сброшены. Стала она искать своих деток, но найти их нигде не могла. Стала она их кликать по именам, но никто не отзывался. Наконец подошла она к младшему, и раздался в ответ тоненький голосок:

— Милая матушка, я в часах спрятался!

Вынула она его оттуда, и он рассказал, что приходил волк и всех поел. Можете себе представить, как оплакивала коза своих бедных деточек!

Наконец вышла она в великом горе из дому, а младший козленочек побежал за ней следом. Пришла она на лужок, видит — лежит у дерева волк и храпит так, что аж ветки дрожат. Оглядела она его со всех сторон и увидела, что в раздувшемся брюхе у него что-то шевелится и барахтается.

«Ах, боже ты мой, — подумала она, — неужто мои бедные деточки, которых поел он на ужин, еще живы-живехоньки?» И велела она козленку бежать поскорее домой и принести ножницы, иглу и нитки. Вот вспорола она чудищу брюхо, но только сделала надрез, а тут и высунул козленочек свою голову. Стала вспарывать брюхо дальше, — тут и повыскочили один за одним все шестеро, живы-живехоньки, и ничего с ними плохого не случилось, потому что чудище от жадности заглатывало их целиком. Вот уж радость-то была! Стали они ласкаться да голубиться к милой своей матушке, скакать и прыгать, словно портной на свадьбе. Но старая коза сказала:

— Ступайте скорей и найдите камней-голышей, мы набьем ими брюхо проклятому зверю, пока он еще сонный.

Наташили тут семеро козлят много-много камней и засунули их волку в брюхо столько, сколько влезло. Зашила старая коза ему наскоро брюхо, а тот ничего не заметил, даже ни разу не двинулся.

Выспался наконец волк, поднялся на ноги и почувствовал от камней в брюхе такую жажду, что пошел к колодцу воды напиться. Только он двинулся, а камни в брюхе один о другой стучат да постукивают. И крикнул волк:

Что урчит и стучит,

В моем брюхе бурчит?

Думал я — шесть козлят,

А то камни гремят.

Подошел к колодцу, наклонился к воде, хотел напиться, и потянули его тяжелые камни вниз, так он там и утонул. Увидали это семеро козлят, прибежали к матери и давай кричать:

— Волк мертвый! Волк уже мертвый! — и стали на радостях плясать вместе со своей матушкой вокруг колодца.

Красная Шапочка

Жила-была маленькая, милая девочка. И кто, бывало, ни взглянет на нее, всем она нравилась, но больше всех ее любила бабушка и готова была все ей отдать. Вот подарила она ей однажды из красного бархата шапочку, и оттого, что шапочка эта была ей очень к лицу и никакой другой она носить не хотела, то прозвали ее Красной Шапочкой.

Вот однажды мать ей говорит:

— Красная Шапочка, вот кусок пирога да бутылка вина, ступай отнеси это бабушке; она больная и слабая, пускай поправляется. Выходи из дому пораньше, пока не жарко, да смотри, иди скромно, как полагается; в сторону с дороги не сворачивай, а то, чего доброго, упадешь и бутылку разобьешь, тогда бабушке ничего не достанется. А как войдешь к ней в комнату, не забудь с ней поздороваться, а не то, чтоб сперва по всем углам туда да сюда заглядывать.

— Я уж справлюсь как следует, — ответила матери Красная Шапочка и с ней попрощалась.

А жила бабушка в самом лесу, полчаса ходьбы от деревни будет. Только вошла Красная Шапочка в лес, а навстречу ей волк. А Красная Шапочка и не знала, какой это злощный зверь, и вовсе его не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка! — сказал волк.

— Спасибо тебе, волк, на добром слове.

— Куда это ты, Красная Шапочка, собралась так рано?

— К бабушке.

— А что это у тебя в переднике?

— Вино и пирог, мы его вчера испекли, хотим чем-нибудь порадовать бабушку, она больная да слабая, пускай поправляется.

— Красная Шапочка, а где живет твоя бабушка?

— Да вон там, чуть подальше в лесу, надо еще с четверть часа пройти; под тремя большими дубами стоит ее домик, а пониже густой орешник, — ты-то, пожалуй, знаешь, — сказала Красная Шапочка.

«Славная девочка, — подумал про себя волк, — лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но чтоб схватить обеих, надо дело поведи похитрей».

И он пошел рядом с Красной Шапочкой и говорит:

— Красная Шапочка, погляди, какие кругом красивые цветы, почему ты не посмотришь вокруг? Ты разве не слышишь, как прекрасно распевают птички? Ты идешь, будто в школу торопишься, — а в лесу-то как весело время провести!

Глянула Красная Шапочка и увидела, как пляшут повсюду, пробиваясь сквозь деревья, солнечные лучи и всё кругом в прекрасных цветах, и подумала: «Хорошо бы принести бабушке свежий букет цветов, — это будет ей, наверно, тоже приятно; еще ведь рано, придти вовремя я успею».

И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвет цветок и подумает: «А дальше вон растет еще покрасивей», — и к тому побежит; и так уходила она все глубже и глубже в лес. А волк тем временем кинулся прямехонько к бабушкиному дому и в дверь постучался.

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка, принесла тебе вино и пирог, открой мне.

— А ты нажми на щеколду, — крикнула бабушка, — я очень слаба, подняться не в силах.

Нажал волк на щеколду, дверь быстро отворилась, и, ни слова не говоря, он подошел прямо к бабушкиной постели и проглотил старуху. Затем он надел ее платье, на голову — чепец, улегся в постель и задернул полог.

А Красная Шапочка всё цветы собирала, и когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней. Она удивилась, что дверь настезь

открыта, а когда вошла в комнату, все показалось ей таким странным, и она подумала: «Ах, боже мой, как мне нынче тут страшно, а ведь я всегда бывала у бабушки с такою охотой!» И она кликнула:

— Доброе утро! — но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит — лежит бабушка, надвинут чепец у нее на самое лицо, и выглядит она так странно, странно.

— Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши?

— Чтоб лучше тебя слышать!

— Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

— Это чтоб лучше тебя видеть!

— Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

— Чтоб легче тебя схватить!

— Ох, бабушка, какой у тебя, однако, страшно большой рот!

— Это чтоб легче было тебя проглотить!

Только сказал это волк, и как вскочит с постели — и проглотил бедную Красную Шапочку.

Наелся волк и улегся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть. А проходил в ту пору мимо дома охотник и подумал: «Как, однако, старуха сильно храпит, надо будет посмотреть, может, ей надо чем помочь». И он вошел к ней в комнату, подходит к постели, глядь — а там волк лежит.

— А-а! Вот ты где, старый греховодник! — сказал он. — Я уж давненько тебя разыскиваю.

И он хотел было уже нацелиться в него из ружья, да подумал, что волк, может быть, съел бабушку, а ее можно еще спасти; он не стал стрелять, а взял ножницы и начал вспарывать брюхо спящему волку. Сделал он несколько надрезов, видит — просвечивает красная шапочка, надрезал еще, и выскочила оттуда девочка и закричала:

— Ах, как я испугалась, как было у волка в брюхе темно-темно!

Выбралась потом оттуда и старая бабушка, жива-живехонька, — еле могла отдышаться. А Красная Шапочка притащила поскорее больших камней, и набили они ими брюхо волку. Тут проснулся он, хотел было убежать, но камни были такие тяжелые, что он тотчас упал, — тут ему и конец настал.

И были все трое очень и очень довольны. Охотник снял с волка шкуру и отнес ее домой. Бабушка скушала пирог, выпила вина, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться, а Красная Шапочка подумала: «Уж с этих пор я никогда в жизни не буду сворачивать одна с большой дороги в лесу без материнского позволения».

Рассказывают еще, что однажды, когда Красная Шапочка опять несла бабушке пирог, заговорил с ней другой волк и хотел было увести ее с большой дороги. Но Красная Шапочка была теперь поосторожней и пошла своим путем прямо, и рассказала бабушке, что встретился ей по дороге волк и сказал «здравствуй» и так злобно посмотрел на нее своими глазами, что, случись это не на проезжей дороге, он съел бы ее.

— Так вот что, — сказала бабушка Красной Шапочке, — давай-ка запрем двери, чтоб не мог он сюда войти.

А тут вскоре и волк постучался и говорит:

— Бабушка, отопри мне, я — Красная Шапочка, пирог тебе принесла.

А они молчат, дверь не открывают. Тогда обошел серый, крадучись, вокруг дома несколько раз, прыгнул потом на крышу и стал дожидаться, пока Красная Шапочка станет вечером возвращаться домой: он хотел пробраться за ней следом и съесть ее в темноте. Но бабушка догадалась, что задумал волк. А стояло у них перед домом большое каменное корыто; вот бабушка и говорит внучке:

— Красная Шапочка, возьми ведро — я вчера варила в нем колбасу — и вылей воду в корыто.

Красная Шапочка стала носить воду, пока большое-пребольшое корыто наполнилось всё доверху. И почуял волк запах колбасы, повел носом, глянул вниз и, наконец, так вытянул шею, что не мог удержаться и покатился с крыши и свалился вниз, да прямо в большое корыто, в нем и утонул он.

А Красная Шапочка счастливо домой воротилась, и никто уже с той поры ее больше не обижал.

Мальчик-с – пальчик

Жил когда-то на свете крестьянин-бедняк. Сидел он раз вечером у печки и разгребал жар, а жена сидела и пряла. Вот и говорит он жене:

— Как жаль, что нет у нас детей. Уж так у нас тихо, а вон в других домах, погляди, как шумно да весело.

— Да, — ответила жена и вздохнула, — если бы был у нас хоть один, даже такой маленький, как мизинец, и то я была бы довольна. И как бы мы его любили!

И вот случилось, что жена забеременела и спустя семь месяцев родила ребенка, и был он здоровый и сложен хорошо, но ростом был всего с палец. И они сказали:

— Вот так оно и случилось, как мы хотели: дитячко наше мы будем любить, — и назвали его за его рост Мальчик-с-пальчик.

Они хорошо его кормили, но ребенок все не рос и не рос и оставался таким же, как и родился; но глаза были у него умные, и вскоре он показал себя понятливым и прилежным, и всё, что он ни делал, ему удавалось.

Собрался раз крестьянин в лес дрова рубить и сказал про себя: «Хорошо, если б кто приехал за дровами с повозкой».

— Батюшка, — говорит Мальчик-с-пальчик, — повозку я привезу, уж ты на меня положишься, и доставлю ее в лес как раз вовремя.

— Да как же ты с этим делом справишься, ведь ты слишком мал, чтоб лошадью править?

— Это, батюшка, ничего! Если мать запряжет, то я заберусь лошади в ухо и буду кричать ей, куда ей следует ехать.

— Ладно, — ответил отец, — один раз, пожалуй, попробуем.

Пришло время, запрягла мать лошадь и посадила Мальчика-с-пальчик лошади в ухо, и стал мальчонка покрикивать, куда ей ехать: «Но! но! Левай, правей!»

Все шло как следует, словно у опытного кучера, и повозка ехала верной дорогой прямо в лес. И случилось, что на повороте, когда Мальчик-с-пальчик крикнул: «Левай, левай!», показалось навстречу двое незнакомцев.

— Глянь, — сказал один из них, — что это такое? Едет повозка, возница на лошадь покрикивает, а самого его не видать.

— Тут что-то неспроста, — заметил другой, — давай-ка пойдем вслед за повозкой и посмотрим, где она остановится.

Но повозка все ехала дальше в глубь леса и прямехонько туда, где рубили деревья. Увидел Мальчик-с-пальчик отца и говорит ему:

— Вот, батюшка, я и приехал с повозкой. А теперь ты меня сними и спусти на землю.

Взял отец левой рукой лошадь под уздцы, а правой достал из лошадиного уха своего сыночка, который и уселся весело на былинку.

Увидели двое незнакомцев Мальчика-с-пальчик и не знали, что и сказать им от удивленья. Отвел один другого в сторону и говорит:

— Послушай, этот малыш мог бы нам принести счастье, мы бы показывали его в большом городе за деньги, — давай-ка купим его.

Они подошли к крестьянину и говорят:

— Продай нам своего маленького человечка, ему у нас будет неплохо.

— Нет, — говорит крестьянин, — это мой любимец, и я ни за какое золото на свете его не продам.

Но Мальчик-с-пальчик услышал, что его покупают, взобрался по складкам платья к отцу на плечи и стал нашептывать ему на ухо:

— Батюшка, ты меня продай, а назад я уж к тебе вернусь.

И вот продал его отец за большие деньги двум незнакомцам.

— А куда тебя посадить? — спросили они малютку.

— Да уж посадите меня на поля вашей шляпы, там мне можно будет прогуливаться и рассматривать окрестности, я оттуда не упаду.

Они исполнили его желание. Мальчик-с-пальчик попрощался с отцом, и они двинулись в путь-дорогу.

Так шли они некоторое время, а тут стало уже смеркаться, вот и говорит малютка:

— Спустите меня вниз по надобности.

— Да оставайся там наверху, — сказал человек, на голове у которого он сидел, — это ничего, от птиц тоже иной раз попадает.

— Нет, — ответил Мальчик-с-пальчик, — я уж знаю, как надо себя вести, скорей спустите меня вниз.

Снял человек шляпу и посадил малютку на придорожное поле. Тут он прыгнул и стал пробираться между комьями земли, заметил мышиную норку и вдруг скользнул в нее.

— До свиданья, господа, до свиданья, ступайте себе домой без меня, — крикнул он им из норки и стал над ними смеяться.

Подбежали те к мышинной норе, стали тыкать в нее палками, но напрасно, — Мальчик-с-пальчик заползал все глубже и глубже, а становилось уже темно, и пришлось им воротиться домой с досадой да с пустою сумой.

Когда Мальчик-с-пальчик заметил, что они ушли, он выбрался из подземного хода наружу. «В потемках идти по полю, пожалуй, будет опасно, — сказал он, — чего доброго, шею или ногу себе

сломаешь!» К счастью, попалась ему по дороге пустая раковина улитки. «Слава богу, — сказал он, — теперь я смогу провести ночь спокойно», — и забрался в раковину.

Только хотел он было уже уснуть, вдруг слышит — идут мимо два человека, и один из них говорит:

— Как бы это нам выкрасть у богатого пастора деньги и серебро?

— Я бы тебе сказал, как это сделать! — крикнул Мальчик-с-пальчик.

— Что это? — спросил испуганный вор. — Я слышу, кто-то говорит. — Они остановились и стали прислушиваться. Тогда Мальчик-с-пальчик снова сказал:

— Возьмите меня с собой, я вам помогу.

— А где же ты?

— А вы поищите меня на земле и слушайте, откуда голос идет, — ответил он.

Наконец вору отыскали его и подняли наверх.

— Ах ты, малышка, чем же ты нам можешь помочь? — сказали они.

— А вот чем, — ответил он: — я пролезу через решетку в кладовую пастора и достану вам то, что нужно.

— И то дело, — сказали они, — посмотрим, как ты с этим справишься.

Пришли они к дому пастора, и забрался Мальчик-с-пальчик в кладовую да как закричит оттуда во все горло:

— Вы всё хотите забрать, что тут есть?

Испугались вору и сказали:

— Да ты говори потише, а то еще кто-нибудь проснется.

Но Мальчик-с-пальчик будто их не понял и как закричит опять во всю глотку:

— Вы что хотите: всё забрать, что тут есть?

Услыхала это кухарка, — она спала в соседней комнате, — приподнялась на постели и стала прислушиваться. Но вору перепугались и со страху отбежали от дома, но потом приободрились и подумали: «Наш парнишка хочет нас, видно, подразнить». Они вернулись и шепнули ему:

— Ну, довольно баловаться, достань-ка нам что-нибудь из кладовой.

Но Мальчик-с-пальчик опять закричал, да так громко, как только мог:

— Да я вам все подам, вы только руки протяните!

А служанка прислушивалась и слышала все, что они говорили; тут соскочила она с постели и, спотыкаясь, подбежала к двери кладовой. Вору пустились наутек, точно за ними гнался волшебный стрелок, а служанка, никого не найдя, пошла зажечь свечу. Вошла она в кладовую, а Мальчик-с-пальчик тем временем незаметно пробрался в амбар.

Служанка, обшарив все углы, улеглась опять в постель, думая, что все это ей почудилось во сне. А Мальчик-с-пальчик забрался в сено и, найдя там укромное местечко для сна, решил отдохнуть до утра, а потом уж вернуться домой к отцу-матери.

Но суждено ему было испытать иное! Да, много случается на свете горя и несчастья...

Когда стало светать, служанка встала с постели, чтобы задать немного корму скотине. Пошла она на сеновал, взяла охапку сена, и случилось, что захватила она как раз клочок сена, в котором лежал и спал бедный Мальчик-с-пальчик. Но он спал так крепко, что ничего не заметил, и проснулся уже во рту у коровы, которая схватила его заодно с сеном.

«Ах, господи, — воскликнул он, — я точно на сукновальню попал!», но вскоре сообразил, где очутился. И он старался как-нибудь проскользнуть между зубами коровы, чтоб не оказаться раздавленным, и ему пришлось, наконец, сползти вниз, в желудок. «А в каморке-то окна прорубить, должно быть, позабыли, — сказал он, — вишь, и солнце в нее не светит, да и огня здесь не зажигают». Правду сказать, квартирка эта ему мало понравилась, и что было хуже всего — в дверь вползало все новое и новое сено, а места становилось меньше и меньше. И он вскрикнул от страха так громко, как только мог:

— Не надо мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму!

А служанка в это время как раз доила корову; она услышала что кто-то кричит, а никого не видать, и показался ей голос похожим на тот, что слышала она ночью, и она так испугалась, что упала со скамейки и разлила все молоко. Побежала она, запыхавшись, к своему хозяину и говорит:

— Ах, боже мой, господин пастор, а корова-то наша заговорила!

— Ты что это, с ума спятила? — сказал пастор, однако же отправился в коровник — поглядеть, что там случилось. Но только вошел он туда, а Мальчик-с-пальчик как закричит снова:

— Не давайте мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму.

Тут и сам пастор испугался и подумал, что в корову вселился злой дух, и он велел ее зарезать. Зарезали корову, а желудок, где спрятался Мальчик-с-пальчик, бросили в навозную кучу.

Мальчику-с-пальчик пришлось с большим трудом выбираться из коровьего желудка, и немало ему пришлось повозиться; и вот он почти уже было выбрался и даже голову высунул, как приключилась новая беда: бежал мимо голодный волк, увидел требуху, схватил ее и проглотил. Но Мальчик-с-пальчик не растерялся. «Пожалуй, — подумал он, — с волком можно будет сговориться», — и он закричал ему из волчьего брюха:

— Милый волк, а я знаю для тебя лакомый кусок.

— А где ж он? — спросил волк.

— Да в том вон доме, но пробраться в него можно через сточную канаву; там найдется для тебя и пирогов, и сала, и колбасы, всего, всего вдоволь. — И он подробно описал волку дом своего отца.

Волк, не долго раздумывая, забрался в дом через водосточную канаву и нажрался там в кладовой всего, чего только ни нашлось, вдоволь. Наевшись до отвала, он хотел было назад возвращаться, но брюхо у него так раздулось, что прежней дорогой он выбраться уже не мог! На это и рассчитывал Мальчик-с-пальчик и, подняв в волчьем брюхе страшный шум, стал кричать и барахтаться изо всех сил.

— Да замолчи ты там, — сказал волк, — а то, чего доброго, людей разбудишь!

— Да чего там, — ответил малютка, — ведь ты же наелся, дай и мне . теперь повеселиться, — и стал снова кричать во все горло.

Тут от шума проснулись, наконец, отец с матерью, подбежали к кладовой и заглянули в щелку. Как увидели они, что забрался туда волк, кинулись прочь; схватил отец топор, а мать косу.

— Ты иди следом за мной, — сказал муж, когда они входили в кладовую, — когда я его ударю, а он будет еще живой, ты его добивай и брюхо косой вспарывай.

Услыхал Мальчик-с-пальчик голос своего отца и как закричит:

— Милый батюшка, я здесь, здесь, я спрятался в волчьем брюхе!

И воскликнул отец на радостях:

— Слава тебе, господи, дитяtko наше нашлось! — и велел жене убрать косу, чтоб Мальчика-с-пальчик не поранить. Потом он размахнулся да как ударит волка топором по голове, тот и упал замертво. Нашли они нож и ножницы и вспороли волку брюхо и вытащили оттуда малышку.

— А мы-то, — говорит отец, — сколько горя натерпелись из-за тебя.

— Да, батюшка, немало я постранствовал, но, слава богу, снова выбрался на божий свет!

— Где же ты пропадал?

— Ах, батюшка, был я и в мышинной норке, и в коровьем желудке, и в волчьем брюхе, а теперь уж останусь у вас, никуда не уйду.

— А мы не продадим тебя ни за какие сокровища на свете, — сказали отец и мать и ласкали и миловали своего милого Мальчика-с-пальчик. Накормили его, напоили, пошили ему новое платье, — прежнее-то все в странствиях у него поистрепалось.

Шарль Перро(1628-1703)

Красная Шапочка

Жила-была в одной деревне маленькая девочка, такая хорошенькая, что лучше ее и на свете не было. Мать любила ее без памяти, а бабушка еще больше.

Ко дню рождения подарила ей бабушка красную шапочку. С тех пор девочка всюду ходила в своей новой, нарядной красной шапочке. Соседи так про нее и говорили:

— Вот Красная Шапочка идет!

Как-то раз испекла мама пирожок и сказала дочке:

— Сходи-ка ты, Красная Шапочка, к бабушке, снеси ей этот пирожок и горшочек масла да узнай, здорова ли она.

Собралась Красная Шапочка и пошла к бабушке в другую деревню.

Идет она лесом, а навстречу ей — серый Волк. Очень захотелось ему съесть Красную Шапочку, да только он не посмел — где-то близко стучали топорами дровосеки.

Облизнулся Волк и спрашивает девочку:

— Куда ты идешь, Красная Шапочка?

А Красная Шапочка еще не знала, как это опасно — останавливаться в лесу и разговаривать с волками. Поздоровалась она с Волком и говорит:

— Иду к бабушке и несу ей вот этот пирожок и горшочек масла.

— А далеко ли живет твоя бабушка? — спрашивает Волк.

— Довольно далеко, — отвечает Красная Шапочка.

— Вон в той деревне, за мельницей, в первом домике с краю.

— Ладно, — говорит Волк, — я тоже хочу проведать твою бабушку. Я по этой дороге пойду, а ты ступай по той. Посмотрим, кто из нас раньше придет.

Сказал это Волк и побежал, что было духу по самой короткой дорожке.

А Красная Шапочка пошла по самой длинной дороге. Шла она не торопясь, по пути то и дело останавливалась, рвала цветы и собирала в букеты.

Не успела она еще и до мельницы дойти, а Волк уже прискакал к бабушкиному домику и стучится в дверь: тук-тук!

— Кто там? — спрашивает бабушка.

— Это я, внучка ваша, Красная Шапочка, — отвечает Волк тоненьким голоском. — Я к вам в гости пришла, пирожок принесла и горшочек масла.

А бабушка была в это время больна и лежала в постели. Она подумала, что это и в самом деле Красная Шапочка, и крикнула:

— Дерни за веревочку, дитя мое, дверь и откроется!

Волк дернул за веревочку — дверь и открылась.

Бросился Волк на бабушку и разом проглотил ее. Он был очень голоден, потому что три дня ничего не ел.

Потом закрыл дверь, улегся на бабушкину постель и стал поджидать Красную Шапочку.

Скоро она пришла и постучалась: тук-тук!

— Кто там? — спрашивает Волк.

А голос у него грубый, хриплый.

Красная Шапочка испугалась было, но потом подумала, что бабушка охрипла от простуды и оттого у нее такой голос.

— Это я, внучка ваша, — говорит Красная Шапочка. — Принесла вам пирожок и горшочек масла.

Волк откашлялся и сказал потоньше:

— Дерни за веревочку, дитя мое, дверь и откроется.

Красная Шапочка дернула за веревочку — дверь и открылась.

Вошла девочка в домик, а Волк спрятался под одеяло и говорит:

— Положи-ка, внучка, пирожок на стол, горшочек на полку поставь, а сама приляг рядом со мной. Ты верно очень устала.

Красная Шапочка прилегла рядом с волком и спрашивает:

— Бабушка, почему у вас такие большие руки?

- Это чтобы покрепче обнять тебя, дитя мое.
- Бабушка, почему у вас такие большие глаза?
- Чтобы лучше видеть, дитя мое.
- Бабушка, почему у вас такие большие зубы?
- А это чтоб скорее съесть тебя, дитя мое!

Не успела Красная Шапочка и охнуть, как злой Волк бросился на нее и проглотил с башмачками и красной шапочкой.

Но, по счастью, в это самое время проходили мимо домика дровосеки с топорами на плечах.

Услышали они шум, вбежали в домик и убили Волка. А потом распоролы ему брюхо, и оттуда вышла Красная Шапочка, а за ней и бабушка — обе целые и невредимые.

Спящая красавица

Жили на свете король с королевой. Детей у них не было, и это их так огорчало, так огорчало, что и сказать нельзя.

И вот, наконец, когда они совсем потеряли надежду, у королевы родилась дочка.

Можете себе представить, какой праздник устроили по случаю её рождения, какое множество гостей пригласили во дворец, какие подарки приготовили!..

Но самые почётные места за королевским столом были оставлены для фей, которые в те времена ещё жили кое-где на белом свете. Все знали, что эти добрые волшебницы, стоит им только захотеть, могут одарить новорождённую такими драгоценными сокровищами, каких не купишь за все богатства мира. А так как фей было семь, то маленькая принцесса должна была получить от них не меньше семи чудесных даров.

Перед феями поставили великолепные обеденные приборы: тарелки из лучшего фарфора, хрустальные кубки и по ящичку из литого золота. В каждом ящичке лежали ложка, вилка и ножик, тоже из чистого золота и притом самой тонкой работы.

И вдруг, когда гости уселись за стол, дверь отворилась, и вошла старая фея – восьмая по счету, – которую забыли позвать на праздник.

А забыли её позвать потому, что уже более пятидесяти лет она не выходила из своей башни, и все думали, что она умерла.

Король сейчас же приказал подать ей прибор. Не прошло и минуты, как слуги поставили перед старой феей тарелки из самого тонкого расписного фарфора и хрустальный кубок.

Но золотого ящичка с ложкой, вилкой и ножиком на её долю не хватило. Этих ящичков было приготовлено всего семь – по одному для каждой из семи приглашённых фей. Вместо золотых старухе подали обыкновенную ложку, обыкновенную вилку и обыкновенный ножик.

Старая фея, разумеется, очень обиделась. Она подумала, что король с королевой – невежливые люди и встречают её не так почтительно, как следовало бы. Отодвинув от себя тарелку и кубок, она пробормотала сквозь зубы какую-то угрозу.

К счастью, юная фея, которая сидела рядом с ней, вовремя услышала её бормотание. Опасаясь, как бы старуха не вздумала надеть маленькую принцессу чем-нибудь очень неприятным – например, длинным носом или длинным языком, – она, чуть только гости встали из-за стола,

пробралась в детскую и спряталась там за пологом кровати. Юная фея знала, что в споре обычно побеждает тот, за кем остаётся последнее слово, и хотела, чтоб ее пожелание было последним.

И вот наступила самая торжественная минута праздника: феи вошли в детскую и одна за другой стали преподносить новорожденной дары, которые они для неё припасли.

Одна из фей пожелала, чтобы принцесса была прекраснее всех на свете. Другая наградила ее нежным и добрым сердцем. Третья сказала, что она будет расти и цвести всем на радость. Четвёртая обещала, что принцесса научится превосходно танцевать, пятая – что она будет петь, как соловей, а шестая – что она будет играть одинаково искусно на всех музыкальных инструментах.

Наконец, очередь дошла до старой феи. Старуха наклонилась над кроватью и, трясая головой больше от досады, чем от старости, сказала, что принцесса уколёт себе руку веретеном и от этого умрёт.

Все так и вздрогнули, узнав, какой страшный подарок приготовила для маленькой принцессы злая колдунья. Никто не мог удержаться от слёз.

И вот тут-то из-за полога появилась юная фея и громко сказала:

– Не плачьте, король и королева! Ваша дочь останется жива. Правда, я не так сильна, чтобы сказанное слово сделать несказанным. Принцесса должна будет, как это ни грустно, уколоть себе руку веретеном, но от этого она не умрёт, а только заснёт глубоким сном и будет спать целых сто лет, до тех пор, пока её не разбудит прекрасный принц.

Это обещание немного успокоило короля с королевой.

И всё же король решил попытаться уберечь принцессу от несчастья, которое предсказала ей старая злая фея. Для этого он под страхом смертной казни запретил всем своим подданным пряхать пряжу и хранить у себя в доме веретёна и прялки.

Прошло пятнадцать или шестнадцать лет. Как-то раз король с королевой и дочерью отправились в один из своих загородных дворцов.

Принцессе захотелось осмотреть древний замок. Бегая из комнаты в комнату, она, наконец, добралась до самого верха дворцовой башни.

Там, в тесной каморке под крышей, сидела за прялкой какая-то старушка и преспокойно прядла пряжу. Как это ни странно, она ни от кого ни слова не слыхала о королевском запрете.

– Что это вы делаете, тётушка? – спросила принцесса, которая в жизни не видывала прялки.

– Пряду пряжу, дитя мое, – ответила старушка, даже не догадываясь о том, что говорит с принцессой.

– Ах, это очень красиво! – сказала принцесса. – Дайте я попробую, выйдет ли у меня так же хорошо, как у вас.

Она быстро схватила веретено и едва успела прикоснуться к нему, как предсказание злой феи исполнилось, принцесса уколола палец и упала замертво.

Перепуганная старушка принялась звать на помощь. Люди сбежались со всех сторон.

Чего только они не делали: брызгали принцессе в лицо водой, хлопали ладонями по её ладоням, терли виски душистым уксусом, – всё было напрасно. Принцесса даже не пошевелилась.

Побежали за королем. Он поднялся в башню, поглядел на дочку и сразу понял, что несчастье, которого они с королевой так опасались, не миновало их.

Утирая слёзы, приказал он перенести принцессу в самую красивую залу дворца и уложить там на постель, украшенную серебряным и золотым шитьём.

Трудно описать словами, как хороша была спящая принцесса. Она нисколько не побледнела. Щёки у неё оставались розовыми, а губы красными, точно кораллы.

Правда, глаза у неё были плотно закрыты, но слышно было, что она тихонько дышит. Стало быть, это и в самом деле был сон, а не смерть.

Король приказал не тревожить принцессу до тех пор, пока не наступит час её пробуждения.

А добрая фея, которая спасла его дочь от смерти, пожелав ей столетнего сна, была в то время очень далеко, за двенадцать тысяч миль от замка. Но она сразу же узнала об этом несчастье от маленького карлика-скорохода, у которого были семимильные сапоги.

Фея сейчас же пустилась в путь. Не прошло и часу, как её огненная колесница, запряжённая драконами, уже появилась, возле королевского дворца. Король подал ей руку и помог сойти с колесницы.

Фея, как могла, постаралась утешить короля и королеву. Но, утешая их, она в то же время думала о том, как грустно будет принцессе, когда через сто лет бедняжка проснётся в этом старом замке и не увидит возле себя ни одного знакомого лица.

Чтобы этого не случилось, фея сделала вот что.

Своей волшебной палочкой она прикоснулась ко всем, кто был во дворце, кроме короля и королевы. А были там придворные дамы и кавалеры, гувернантки, горничные, дворецкие, повара, поварята, скороходы, солдаты дворцовой стражи, привратники, пажи и лакеи.

Дотронулась она своей палочкой и до лошадей на королевской конюшне, и до конюхов, которые расчёсывали лошадям хвосты. Дотронулась до больших дворовых псов и до маленькой кудрявой собачки по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног спящей принцессы.

И сейчас же все, кого коснулась волшебная палочка феи, заснули. Заснули ровно на сто лет, чтобы проснуться вместе со своей хозяйкой и служить ей, как служили прежде. Заснули даже куропатки и фазаны, которые поджаривались на огне. Заснул вертел, на котором они вертелись. Заснул огонь, который их поджаривал.

И всё это случилось в одно-единое мгновение. Феи знают своё дело: взмах палочки – и готово!

Не заснули только король с королевой. Фея нарочно не коснулась их своей волшебной палочкой, потому что у них были дела, которые нельзя отложить на сто лет.

Утирая слёзы, они поцеловали свою спящую дочку, простились с ней и тихо вышли из залы.

Возвратившись к себе в столицу, они издали указ о том, чтобы никто не смел приближаться к заколдованному замку.

Впрочем, и без того к воротам замка невозможно было подойти. В какие-нибудь четверть часа вокруг его ограды выросло столько деревьев, больших и маленьких, столько колючего кустарника – терновника, шиповника, остролиста, – и всё это так тесно переплелось ветвями, что никто не мог бы пробраться сквозь такую чашу.

И только издали, да ещё с горы, можно было увидеть верхушки старого замка.

Всё это фея сделала для того, чтобы ни человек, ни зверь не потревожили покоя спящей принцессы.

Прошло сто лет. Много королей и королев сменилось за эти годы.

И вот в один прекрасный день сын короля, который царствовал в то время, отправился на охоту.

Вдалеке, над густым дремучим лесом, он увидел башни какого-то замка.

– Чей это замок? Кто в нём живёт? – спрашивал он у всех прохожих, попадавшихся ему по дороге.

Но никто не мог ответить толком. Каждый повторял только то, что сам слышал от других. Один говорил, что это старые развалины, в которых поселились блуждающие огоньки. Другой уверял, что там водятся драконы и ядовитые змеи. Но большинство сходилось на том, что старый замок принадлежит свирепому великану-людоеду.

Принц не знал, кому и верить. Но тут к нему подошёл старый крестьянин и сказал, кланяясь:

– Добрый принц, полвека тому назад, когда я был так же молод, как вы сейчас, я слышал от моего отца, что в этом замке спит непробудным сном прекрасная принцесса и что спать она будет ещё полвека до тех пор, пока благородный и отважный юноша не придёт и не разбудит её.

Можете себе представить, что почувствовал принц, когда услышал эти слова!

Сердце у него в груди так и загорелось. Он сразу решил, что ему-то и выпало на долю счастье пробудить ото сна прекрасную принцессу.

Недолго думая, принц дёрнул поводья и поскакал туда, где виднелись башни старого замка.

И вот перед ним заколдованный лес. Принц соскочил с коня, и сейчас же высокие толстые деревья, заросли колючего кустарника – всё расступилось, чтобы дать ему дорогу. Словно по длинной, прямой аллее, пошёл он к воротам замка.

Принц шёл один. Никому из его свиты не удалось догнать его: деревья, пропустив принца, сразу же сомкнулись за его спиной, а кусты опять переплелись ветвями. Это могло бы испугать кого угодно, но принц был молод и смел. К тому же ему так хотелось разбудить прекрасную принцессу, что он и думать забыл обо всякой опасности.

Ещё сотня шагов – и он очутился на просторном дворе перед замком. Принц посмотрел направо, налево, и кровь похолодела у него в жилах. Вокруг него лежали, сидели, стояли, прислонившись к стене, какие-то люди в старинной одежде. Все они были неподвижны, как мёртвые.

Но, взглядевшись в красные, лоснящиеся лица привратников, принц понял, что они вовсе не умерли, а просто спят. В руках у них были кубки, а в кубках ещё не высохло вино. Должно быть, сон застиг их в ту минуту, когда они собирались осушить чаши до дна.

Принц миновал большой двор, вымощенный мраморными плитами, поднялся по лестнице и вошёл в первую комнату. Там, выстроившись в ряд и опершись на свои алебарды, храпели вовсю воины дворцовой стражи.

Он прошёл целый ряд богато убранных покоев. В каждом из них вдоль стен и вокруг столов принц видел множество разодетых дам и нарядных кавалеров. Все они тоже крепко спали, кто стоя, кто сидя.

И вот перед ним, наконец, комната с золочёными стенами и золочёным потолком. Он вошёл и остановился.

На постели, полог которой был откинут, покоилась прекрасная юная принцесса лет пятнадцати-шестнадцати (если не считать того столетия, которое она проспала).

Принц невольно закрыл глаза: красота её так сияла, что даже золото вокруг неё казалось тусклым и бледным. Он тихо приблизился и опустился перед ней на колени.

В это самое мгновение час, назначенный доброй феей. пробил.

Принцесса проснулась, открыла глаза и взглянула на своего избавителя.

– Ах, это вы, принц? – сказала она. – Наконец-то! Долго же вы заставили ждать себя...

Не успела она договорить эти слова, как всё кругом пробудилось.

Первая подала голос маленькая собачка по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног принцессы. Она звонко затыкала, увидев незнакомого человека, и со двора ей ответили хриплым лаем сторожевые псы. Заржали в конюшне лошади, заворковали голуби под крышей.

Огонь в печи затрещал что было мочи, и фазаны, которых поварята не успели дожарить сто лет тому назад, зарумянились в одну минуту.

Слуги под присмотром дворецкого уже накрывали на стол в зеркальной столовой. А придворные дамы в ожидании завтрака поправляли растрепавшиеся за сто лет локоны и улыбались своим заспанным кавалерам.

В комнате дворцовой стражи воины снова занялись своим обычным делом – затопали каблуками и загремели оружием.

А привратники, сидевшие у входа во дворец, наконец осушили кубки и опять наполнили их добрым вином, которое за сто лет стало, конечно, старше и лучше.

Весь замок от флага на башне до винного погреба ожил и зашумел.

А принц и принцесса ничего не слышали. Они глядели друг на друга и не могли наглядеться. Принцесса позабыла, что ничего не ела уже целый век, да и принц не вспоминал о том, что у него с утра не было во рту маковой росинки. Они разговаривали целых четыре часа и не успели сказать даже половины того, что хотели.

Но все остальные не были влюблены и поэтому умирали от голода.

Наконец старшая фрейлина, которой хотелось есть так же сильно, как и всем другим, не вытерпела и доложила принцессе, что завтрак подан.

Принц подал руку своей невесте и повёл её в столовую. Принцесса была великолепно одета и с удовольствием поглядывала на себя в зеркала, а влюблённый принц, разумеется, ни слова не сказал ей о том, что фасон её платья вышел из моды по крайней мере сто лет назад и что такие рукава и воротники не носят со времён его прапрабабушки.

Впрочем, и в старомодном платье она была лучше всех на свете.

Жених с невестой уселись за стол. Самые знатные кавалеры подавали им различные кушанья старинной кухни. А скрипки и гобои играли для них прелестные, давно забытые песни прошлого века.

Придворный поэт тут же сочинил новую, хотя немного старомодную песенку о прекрасной принцессе, которая сто лет проспала в заколдованном лесу. Песня очень понравилась тем, кто её слышал, и с тех пор её стали петь все от мала до велика – от поварят до королей.

А кто не умел петь песни, тот рассказывал сказку. Сказка эта переходила из уст в уста и дошла, наконец, до нас с вами.

Кот в сапогах

Было у мельника три сына, и оставил он им, умирая, всего только мельницу, осла и кота. Братья поделили между собой отцовское добро без нотариуса и судьи, которые бы живо проглотили всё их небогатое наследство.

Старшему досталась мельница. Среднему - осёл. Ну а уж младшему пришлось взять себе кота. Бедняга долго не мог утешиться, получив такую жалкую долю наследства.

Братья, говорил он, – могут честно зарабатывать себе на хлеб, если только будут держаться вместе. А что станется со мною после того, как я съем своего кота и сделаю из его шкурки муфту? Прямо хоть с голоду помирай!

Кот слышал эти слова, но и виду не подал, а сказал спокойно и рассудительно:

– Не печальтесь, хозяин. Дайте-ка мне мешок да закажите пару сапог, чтобы было легче бродить по кустарникам, и вы сами увидите, что вас не так уж обидели, как это вам сейчас кажется.

Хозяин кота и сам не знал, верить этому или нет, но он хорошо помнил, на какие хитрости пускался кот, когда охотился на крыс и мышей, как ловко он прикидывался мёртвым, то повиснув на задних лапах, то зарывшись чуть ли не с головой в муку. Кто его знает, а вдруг и в самом деле он чем-нибудь поможет в беде!

Едва только кот получил всё, что ему было надобно, он живо обулся, молодецки притопнул, перекинул через плечо мешок и, придерживая его за шнурки передними лапами, зашагал в заповедный лес, где водилось множество кроликов. А в мешке у него были отруби и заячья капуста.

Растянувшись на траве и притворившись мёртвым, он стал поджидать, когда какой-нибудь неопытный кролик, ещё не успевший испытать на собственной шкуре, как зол и коварен свет, заберётся в мешок, чтобы полакомиться припасённым для него угощением.

Долго ждать ему не пришлось: какой-то молоденький доверчивый простачок кролик сразу же прыгнул к нему в мешок.

Недолго думая, дядюшка-кот затянул шнурки и покончил с кроликом безо всякого милосердия.

После этого, гордый своей добычей, он отправился прямо во дворец и попросил приёма у короля. Его ввели в королевские покои. Он отвесил его величеству почтительный поклон и сказал:

– Государь, вот кролик из лесов маркиза де Карабаса (такое имя выдумал он для своего хозяина). Мой господин приказал мне преподнести вам этот скромный подарок.

– Поблагодари своего господина, – ответил король, – и скажи ему, что он доставил мне большое удовольствие.

Несколько дней спустя кот пошёл на поле и там, спрятавшись среди колосьев, опять открыл свой мешок.

На этот раз к нему в ловушку попались две куропатки. Он живо затянул шнурки и понёс обеих королю.

Король охотно принял и этот подарок и приказал дать коту на чай.

Так прошло два или три месяца. Кот то и дело приносил королю дичь, будто бы убитую на охоте его хозяином, маркизом де Карабасом.

И вот как-то раз узнал кот, что король вместе со своей дочкой, самой прекрасной принцессой на свете, собирается совершить прогулку в карете по берегу реки.

Согласны вы послушаться моего совета? – спросил он своего хозяина. – В таком случае счастье у нас в руках. Всё, что от вас требуется, это пойти купаться на реку, туда, куда я вам укажу. Остальное предоставьте мне.

Маркиз де Карабас послушно исполнил все, что посоветовал ему кот, хоть он вовсе и не догадывался, для чего это нужно. В то время как он купался, королевская карета выехала на берег реки.

Кот со всех ног бросился и закричал, что было мочи:

– Сюда, сюда! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!

Король услышал этот крик, приоткрыл дверцу кареты и, узнав кота, который столько раз приносил ему в подарок дичь, сейчас же послал свою стражу выручать маркиза де Карабаса.

Пока бедного маркиза вытаскивали из воды, кот успел рассказать королю, что у господина во время купания воры украли всё до нитки. (А на самом деле хитрец собственными лапами припрятал хозяйское платье под большим камнем.)

Король немедленно приказал своим придворным принести для маркиза де Карабаса один из лучших нарядов королевского гардероба.

Наряд оказался и в пору, и к лицу, а так как маркиз и без того был малый хоть куда – красивый и статный, то, приодевшись, он, конечно, стал ещё лучше, и королевская дочка, поглядев на него, нашла, что он как раз в её вкусе.

Когда же маркиз де Карабас бросил в её сторону два-три взгляда, очень почтительных и в то же время нежных, она влюбилась в него без памяти.

Отцу её молодой маркиз тоже пришёлся по сердцу. Король был с ним очень ласков и даже пригласил сесть в карету и принять участие в прогулке.

Кот был в восторге оттого, что все идёт как по маслу, и весело побежал перед каретой.

По пути он увидел крестьян, косивших на лугу сено.

Эй, люди добрые, – крикнул он на бегу, – если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит маркизу де Карабасу, вас всех изрубят в куски, словно начинку для пирога! Так и знайте!

Тут как раз подъехала королевская карета, и король спросил, выглянув из окна:

– Чей это луг вы косите?

– Маркиза де Карабаса! – в один голос отвечали косцы, потому что кот до смерти напугал их своими угрозами.

– Однако, маркиз, у вас тут славное имение! – сказал король.

– Да, государь, этот луг каждый год даёт отличное сено, – скромно ответил маркиз.

Между тем дядюшка-кот бежал всё вперёд и вперёд, пока не увидел по дороге жнецов, работающих на поле.

– Эй, люди добрые, – крикнул он, – если вы не скажете королю, что все эти хлеба принадлежат маркизу де Карабасу, так и знайте: всех вас изрубят в куски, словно начинку для пирога!

Через минуту к жнецам подъехал король и захотел узнать, чьи поля они жнут.

– Поля маркиза де Карабаса, – ответили жнецы. И король опять порадовался за господина маркиза. А кот всё бежал вперёд и всем, кто попадался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: “Это дом маркиза де Карабаса”, “это мельница маркиза де Карабаса”, “это сад маркиза де Карабаса”. Король не мог надивиться богатству молодого маркиза.

И вот, наконец, кот прибежал к воротам прекрасного замка. Тут жил один очень богатый великан-людоед. Никто на свете никогда не видел великана богаче этого. Все земли, по которым проехала королевская карета, были в его владении.

Кот заранее разузнал, что это был за великан, в чем его сила, и попросил допустить его к хозяину. Он, дескать, не может и не хочет пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения.

Людоед принял его со всей учтивостью, на какую способен людоед, и предложил отдохнуть.

– Меня уверяли, – сказал кот, – что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, вы будто бы можете превратиться во льва или слона...

– Могу! – рявкнул великан. – И чтобы доказать это, сейчас же сделаюсь львом! Смотри!

Кот до того испугался, увидев перед собой льва, что в одно мгновение взобрался по водосточной трубе на крышу, хотя это было трудно и даже опасно, потому что в сапогах не так-то просто ходить по черепице.

Только когда великан опять принял свой прежний облик, кот спустился с крыши и признался хозяину, что едва не умер со страху.

А ещё меня уверяли, – сказал он, – но уж этому-то я никак не могу поверить, что вы будто бы умеете превращаться даже в самых мелких животных. Ну, например, сделаться крысой или даже мышкой. Должен сказать по правде, что считаю это совершенно невозможным.

– Ах, вот как! Невозможным? – переспросил великан. – А ну-ка, погляди!

И в то же мгновение превратился в мышку. Мышка проворно забегала по полу, но кот погнался за ней и разом проглотил.

Тем временем король, проезжая мимо, заметил по пути прекрасный замок и пожелал войти туда.

Кот услышал, как гремят на подъёмном мосту колёса королевской кареты, и, выбежав навстречу, сказал королю:

– Добро пожаловать в замок маркиза де Карабаса, ваше величество! Милости просим!

– Как, господин маркиз?! – воскликнул король. – Этот замок тоже ваш? Нельзя себе представить ничего красивее, чем этот двор и постройки вокруг. Да это прямо дворец! Давайте же посмотрим, каков он внутри, если вы не возражаете.

Маркиз подал руку прекрасной принцессе и повёл её вслед за королём, который, как полагается, шёл впереди.

Все троём они вошли в большой зал, где был приготовлен великолепный ужин.

Как раз в этот день людоед пригласил к себе приятелей, но они не посмели явиться, узнав, что в замке гостит король.

Король был очарован достоинствами господина маркиза де Карабаса почти так же, как его дочка, которая была от маркиза просто без ума.

Кроме того, его величество не мог, конечно, не оценить прекрасных владений маркиза и, осушив пять-шесть кубков, сказал:

– Если хотите стать моим зятем, господин маркиз, это зависит только от вас. А я согласен.

Маркиз почтительным поклоном поблагодарил короля за честь, оказанную ему, и в тот же день женился на принцессе.

А кот стал знатным вельможей и с тех пор охотился на мышей только изредка – для собственного удовольствия.

Синяя Борода

Жил-был однажды человек, у которого водилось множество всякого добра: были у него прекрасные дома в городе и за городом, золотая и серебряная посуда, шитые кресла и позолоченные кареты, но, к несчастью, борода у этого человека была синяя, и эта борода придавала ему такой безобразный и грозный вид, что все девушки и женщины, бывало, как только завидят его, так давай бог поскорее ноги.

У одной из его соседок, дамы происхождения благородного, были две дочери, красавицы совершенные. Он посватался за одну из них, не назначая, какую именно, и предоставляя самой матери выбрать ему невесту. Но ни та, ни другая не соглашались быть его женою: они не могли решиться выйти за человека, у которого борода была синяя, и только перекорялись между собою, отсылая его друг дружке. Их смущало то обстоятельство, что он имел уже несколько жен и никто на свете не знал, что с ними случилось.

Синяя Борода, желая дать им возможность узнать его покороче, повез их вместе с матерью, тремя-четырьмя самыми близкими их приятельницами и несколькими молодыми людьми из соседства в один из своих загородных домов, где и провел с ними целую неделю. Гости гуляли, ездили на охоту, на рыбную ловлю; пляски и пиры не прекращались; сна по ночам и в помине не было; всякий потешался, придумывал забавные шалости и шутки; словом, всем было так хорошо и весело, что младшая из дочерей скоро пришла к тому убеждению, что у хозяина борода уж вовсе не такая и синяя и что он очень любезный и приятный кавалер. Как только все вернулись в город, свадьбу тотчас и сыграли.

По прошествии месяца Синяя Борода сказал своей жене, что он принужден отлучиться, по меньшей мере на шесть недель, для очень важного дела. Он попросил ее не скучать в его отсутствие, а напротив, всячески стараться рассеяться, пригласить своих приятельниц, повести их за город, если вздумается, кушать и пить сладко, словом, жить в свое удовольствие.

- Вот, - прибавил он, - ключи от двух главных кладовых; вот ключи от золотой и серебряной посуды, которая не каждый день на стол ставится; вот от сундуков с деньгами; вот от ящиков с драгоценными камнями; вот, наконец, ключ, которым все комнаты отпереть можно. А вот этот маленький ключик отпирает каморку, которая находится внизу, на самом конце главной галереи. Можешь все отпирать, всюду входить; но запрещаю тебе входить в ту каморку. Запрещение мое на этот счет такое строгое и грозное, что если тебе случится - чего боже сохрани - ее отпереть, то нет такой беды, которой ты бы не должна была ожидать от моего гнева.

Супруга Синеи Бороды обещалась в точности исполнить его приказания и наставления; а он, поцеловав ее, сел в карету и пустился в путь. Соседки и приятельницы молодой не стали дожидаться приглашения, а пришли все сами, до того велико было их нетерпение увидеть собственными глазами те несметные богатства, какие, по слухам, находились в ее доме. Они боялись прийти, пока муж не уехал: синяя борода его их очень пугала. Они тотчас отправились осматривать все покои, и удивлению их конца не было: так им все показалось великолепным и

красивым! Они добрались до кладовых, и чего-чего они там не увидели! Пышные кровати, диваны, занавесы богачейшие, столы, столики, зеркала - такие огромные, что с головы до ног можно было в них себя видеть, и с такими чудесными, необыкновенными рамами! Одни рамы были тоже зеркальные, другие - из позолоченного резного серебра. Соседки и приятельницы без умолку восхваляли и превозносили счастье хозяйки дома, а она несколько не забавлялась зрелищем всех этих богатств: ее мучило желание отпереть каморку вниз, в конце галереи.

Так сильно было ее любопытство, что, не сообразив того, как невежливо оставлять гостей, она вдруг бросилась вниз по потайной лестнице, чуть шею себе не сломала. Прибежав к дверям каморки, она, однако, остановилась на минутку. Запрещение мужа пришло ей в голову. "Ну, - подумала она, - будет мне беда за мое непослушание!" Но соблазн был слишком силен - она никак не могла с ним сладить. Взяла ключ и, вся дрожа как лист, отперла каморку. Сперва она ничего не разобрала: в каморке было темно, окна были закрыты. Но погода немного она увидела, что весь пол был залит запекшейся кровью и в этой крови отражались тела нескольких мертвых женщин, привязанных вдоль стен; то были прежние жены Синей Бороды, которых он зарезал одну за другой. Она чуть не умерла на месте от страха и выронила из руки ключ. Наконец она опомнилась, подняла ключ, заперла дверь и пошла в свою комнату отдохнуть и оправиться. Но она до того перепугалась, что никаким образом не могла совершенно прийти в себя.

Она заметила, что ключ от каморки запачкался в крови; она вытерла его раз, другой, третий, но кровь не сходила. Как она его ни мыла, как ни терла, даже песком и толченым кирпичом - пятно крови все оставалось! Ключ этот был волшебный, и не было возможности его вычистить; кровь с одной стороны сходила, а выступала с другой.

В тот же вечер вернулся Синяя Борода из своего путешествия. Он сказал жене, что на дороге получил письма, из которых узнал, что дело, по которому он должен был уехать, решилось в его пользу. Жена его, как водится, всячески старалась показать ему, что она очень обрадовалась его скорому возвращению. На другое утро он спросил у нее ключи. Она подала их ему, но рука ее так дрожала, что он без труда догадался обо всем, что произошло в его отсутствие.

- Отчего, - спросил он, - ключ от каморки не находится вместе с другими?

- Я его, должно быть, забыла у себя наверху, на столе, - отвечала она.

- Прошу принести его, слышишь! - сказал Синяя Борода.

После нескольких отговорок и отсрочек она должна была наконец принести роковой ключ.

- Это отчего кровь? - спросил он.

- Не знаю отчего, - отвечала бедная женщина, а сама побледнела как полотно.

- Ты не знаешь! - подхватил Синяя Борода. - Ну, так я знаю! Ты хотела войти в каморку. Хорошо же, ты войдешь туда и займешь свое место возле тех женщин, которых ты там видела.

Она бросилась к ногам своего мужа, горько заплакала и начала просить у него прощения в своем непослушании, изъявляя притом самое искреннее раскаяние и огорчение. Кажется, камень бы тронулся мольбами такой красавицы, но у Синей Бороды сердце было тверже всякого камня.

- Ты должна умереть, - сказал он, - и сейчас.

- Коли уж я должна умереть, - сказала она сквозь слезы, - так дай мне минуточку времени богу помолиться.

- Даю тебе ровно пять минут, - сказал Синяя Борода, - и ни секунды больше!

Он сошел вниз, а она позвала сестру свою и сказала ей:

- Сестра моя Анна (ее так звали), взойди, пожалуйста, на самый верх башни, посмотри, не едут ли мои братья? Они обещались навестить меня сегодня. Если ты их увидишь, так подай им знак, чтоб

они поторопились. Сестра Анна взошла на верх башни, а бедняжка горемычная времена от времени кричала ей:

- Сестра Анна, ты ничего не видишь?

А сестра Анна ей отвечала:

- Я вижу, солнышко яснее и травушка зеленеет.

Между тем Синяя Борода, ухватив огромный ножище, орал изо всей силы:

- Иди сюда, иди, или я к тебе пойду!

- Сию минуточку, - отвечала его жена и прибавляла шепотом:

- Анна, сестра Анна, ты ничего не видишь?

А сестра Анна отвечала:

- Я вижу, солнышко яснее и травушка зеленеет.

- Иди же, иди скорее, - орал Синяя Борода, - а не то я к тебе пойду!

- Иду, иду! - отвечала жена и опять спрашивала сестру:

- Анна, сестра Анна, ты ничего не видишь?

- Я вижу, - отвечала Анна, - большое облако пыли к нам приближается.

- Это братья мои?

- Ах, нет, сестра, это стадо баранов.

- Придешь ли ты наконец! - вопил Синяя Борода.

- Еще маленькую секундочку, - отвечала его жена и опять спросила:

- Анна, сестра Анна, ты ничего не видишь?

- Я вижу двух верховых, которые сюда скачут, но они еще очень далеко. Слава богу, - прибавила она, погодя немного. - Это наши братья. Я им подаю знак, чтоб они спешили, как только возможно.

Но тут Синяя Борода такой поднял гам, что самые стены дома задрожали. Бедная жена его сошла вниз и бросилась к его ногам, вся растерзанная и в слезах.

- Это ни к чему не послужит, - сказал Синяя Борода, - пришел твой смертный час.

Одной рукой он схватил ее за волосы, другою поднял свой страшный нож... Он замахнулся на нее, чтоб отрубить ей голову... Бедняжка обратила на него свои погасшие глаза:

- Дай мне еще миг, только один миг, с духом собраться...

- Нет, нет! - отвечал он. - Поручи душу свою богу!

И поднял уже руку... Но в это мгновение такой ужасный стук поднялся у двери, что Синяя Борода остановился, оглянулся... Дверь разом отворилась, и в комнату ворвались два молодых человека. Выхватив свои шпаги, они бросились прямо на Синюю Бороду.

Он узнал братьев своей жены - один служил в драгунах, другой в конных егерях, - и тотчас наострил лыжи; но братья нагнали его, прежде чем он успел забежать за крыльцо. Они прокололи его насквозь своими шпагами и оставили его на полу мертвым.

Бедная жена Синей Бороды была сама чуть жива, не хуже своего мужа: она не имела даже довольно силы, чтобы подняться и обнять своих избавителей. Оказалось, что у Синей Бороды не было наследников, и все его достояние поступило его вдове. Одну часть его богатств она употребила на то, чтобы выдать свою сестру Анну за молодого дворянина, который уже давно был в нее влюблен; на другую часть она купила братьям капитанские чины, а с остальной она сама вышла за весьма честного и хорошего человека. С ним она забыла все горе, которое претерпела, будучи женою Синей Бороды.

ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ(1802-1827)

Маленький Мук

Это было давно, в моем детстве. В городе Никее, на моей родине, жил человек, которого звали Маленький Мук. Хотя я был тогда мальчиком, я очень хорошо его помню, тем более что мой отец как-то задал мне из-за него здоровую трепку. В то время Маленький Мук был уже стариком, но рост имел крошечный. Вид у него был довольно смешной: на маленьком, тощем тельце торчала огромная голова, гораздо больше, чем у других людей.

Маленький Мук жил в большом старом доме совсем один. Даже обед он себе сам стряпал. Каждый полдень над его домом появлялся густой дым: не будь этого, соседи не знали бы, жив карлик или умер. Маленький Мук выходил на улицу только раз в месяц - каждое первое число. Но по вечерам люди часто видели, как Маленький Мук гуляет по плоской крыше своего дома. Снизу казалось, будто одна огромная голова движется взад и вперед по крыше.

Я и мои товарищи были злые мальчишки и любили дразнить прохожих. Когда Маленький Мук выходил из дому, для нас был настоящий праздник. В этот день мы толпой собирались перед его домом и ждали, пока он выйдет. Вот осторожно раскрывалась дверь. Из нее высовывалась большая голова в огромной чалме. За головой следовало все тело в старом, полинялом халате и просторных шароварах. У широкого пояса болтался кинжал, такой длинный, что трудно было сказать - кинжал ли прицеплен к Муку или Мук прицеплен к кинжалу.

Когда Мук наконец выходил на улицу, мы приветствовали его радостными криками и плясали вокруг него точно шальные. Мук с важностью кивал нам головой и медленно шел по улице, шлепая туфлями. Туфли у него были прямо огромные - таких никто никогда раньше не видал. А мы, мальчишки, бежали за ним и кричали: "Маленький Мук! Маленький Мук!" Мы даже сочинили про него такую песенку:

- Крошка Мук, крошка Мук,

Сам ты мал, а дом - утес;

В месяц раз ты кажешь нос.

Ты хороший карлик-крошка,

Голова крупна немножко,

Оглянись скорей вокруг

И поймай нас, крошка Мук!

Мы часто потешались над бедным карликом, и приходится сознаться, хоть мне и стыдно, что я больше всех обижал его. Я всегда норовил схватить Мука за полу халата, а раз даже нарочно наступил ему на туфлю так, что бедняга упал. Это показалось мне очень смешно, но у меня сразу пропала охота смеяться, когда я увидел, что Маленький Мук, с трудом поднявшись, пошел прямо к дому моего отца. Он долго не выходил оттуда. Я спрятался за дверь и с нетерпением ожидал, что будет дальше.

Наконец дверь открылась, и карлик вышел. Отец проводил его до порога, почтительно поддерживая под руку, и низко поклонился ему на прощание. Я чувствовал себя не очень-то приятно и долго не решался вернуться домой. Наконец голод пересилил мой страх, и я робко проскользнул в дверь, не смея поднять голову.

- Ты, я слышал, обижаешь Маленького Мука, - строго сказал мне отец. - Я расскажу тебе его приключения, и ты, наверно, больше не станешь смеяться над бедным карликом. Но сначала ты получишь то, что тебе полагается.

А полагалась мне за такие дела хорошая порка. Отсчитав шлепков сколько следует, отец сказал:

- Теперь слушай внимательно.

И он рассказал мне историю Маленького Мука.

Отец Мука (на самом деле его звали не Мук, а Мукра) жил в Никее и был человек почтенный, но небогатый. Так же как Мук, он всегда сидел дома и редко выходил на улицу. Он очень не любил Мука за то, что тот был карлик, и ничему не учил его.

- Ты уже давно сносил свои детские башмаки, - говорил он карлику, - а все только шалишь и бездельничаешь.

Как-то раз отец Мука упал на улице и сильно ушибся. После этого он заболел и вскоре умер. Маленький Мук остался один, без гроша. Родственники отца выгнали Мука из дому и сказали:

- Иди по свету, может, и найдешь свое Счастье.

Мук выпросил себе только старые штаны и куртку - все, что осталось после отца. Отец у него был высокий и толстый, но карлик недолго думая укоротил и куртку и штаны и надел их. Правда, они были слишком широки, но с этим уж карлик ничего не мог поделать. Он обмотал голову вместо чалмы полотенцем, прицепил к поясу кинжал, взял в руку палку и пошел куда глаза глядят.

Скоро он вышел из города и целых два дня шел по большой дороге. Он очень устал и проголодался. Еды у него с собой не было, и он жевал коренья, которые росли в поле. А ночевать ему приходилось прямо на голой земле.

На третий день утром он увидел с вершины холма большой красивый город, украшенный флагами и знаменами. Маленький Мук собрал последние силы и пошел к этому городу.

“Может быть, я наконец найду там свое счастье”, - говорил он себе.

Хотя казалось, что город совсем близко, Муку пришлось идти до него целое утро. Только в полдень он наконец достиг городских ворот. Город был весь застроен красивыми домами. Широкие улицы были полны народа. Маленькому Муку очень хотелось есть, но никто не открыл перед ним двери и не пригласил его зайти и отдохнуть.

Карлик уныло брел по улицам, еле волоча ноги. Он проходил мимо одного высокого красивого дома, и вдруг в этом доме распахнулось окно и какая-то старуха, высунувшись, закричала:

- Сюда, сюда -

Готова еда!

Столик накрыт,

Чтоб каждый был сыт.

Соседи, сюда -

Готова еда!

И сейчас же двери дома открылись, и туда стали входить собаки и кошки - много-много кошек и собак. Мук подумал, подумал и тоже вошел. Как раз перед ним вошли двое котят, и он решил не отставать от них - котята-то, уж наверно, знали, где кухня.

Мук поднялся наверх по лестнице и увидел ту старуху, которая кричала из окна.

- Что тебе нужно? - сердито спросила старуха.

- Ты звала обедать, - сказал Мук, - а я очень голоден. Вот я и пришел.

Старуха громко рассмеялась и сказала:

- Откуда ты взялся, парень? Все в городе знают, что я варю обед только для моих милых кошек. А чтобы им не было скучно, я приглашаю к ним соседей.

- Накорми уж и меня заодно, - попросил Мук. Он рассказал старухе, как ему пришлось туго, когда умер его отец, и старуха пожалела его. Она досыта накормила карлика и, когда Маленький Мук наелся и отдохнул, сказала ему:

- Знаешь что, Мук? Оставайся-ка ты у меня служить. Работа у меня легкая, и жить тебе будет хорошо.

Муку понравился кошачий обед, и он согласился. У госпожи Ахавзи (так звали старуху) было два кота и четыре кошки. Каждое утро Мук расчесывал им шерстку и натирал ее драгоценными мазями. За обедом он подавал им еду, а вечером укладывал их спать на мягкой перине и укрывал бархатным одеялом.

Кроме кошек, в доме жили еще четыре собаки. За ними карлику тоже приходилось смотреть, но с собаками возни было меньше, чем с кошками. Кошек госпожа Ахавзи любила, точно родных детей.

Маленькому Муку было у старухи так же скучно, как у отца: кроме кошек и собак, он никого не видел.

Сначала карлику все-таки жилось неплохо. Работы не было почти никакой, а кормили его сытно, и старуха была им очень довольна. Но потом кошки что-то избаловались. Только старуха за дверь - они сейчас же давай носиться по комнатам как бешеные. Все вещи разбросают да еще посуду дорогую перебьют. Но стоило им услышать шаги Ахавзи на лестнице, они мигом прыг на перину, свернутся калачиком, подожмут хвосты и лежат как ни в чем не бывало. А старуха видит, что в комнате разгром, и ну ругать Маленького Мука.. Пусть сколько хочет оправдывается - она больше верит своим кошкам, чем слуге. По кошкам сразу видно, что они ни в чем не виноваты.

Бедный Мук очень горевал и наконец решил уйти от старухи. Госпожа Ахавзи обещала платить ему жалованье, да все не платила.

“Вот получу с нее жалованье, - думал Маленький Мук, - сразу уйду. Если бы я знал, где у нее спрятаны деньги, давно бы сам взял, сколько мне следует”.

В доме старухи была маленькая комнатка, которая всегда стояла запертой. Муку было очень любопытно, что такое в ней спрятано. И вдруг ему пришло на ум, что в этой комнате, может быть, лежат старухины деньги. Ему еще больше захотелось войти туда.

Как-то раз утром, когда Ахавзи ушла из дому, к Муку подбежала одна из собачонок и схватила его за полу (старуха очень не любила эту собачонку, а Мук, напротив, часто гладил и ласкал ее). Собачонка тихо визжала и тянула карлика за собой. Она привела его в спальню старухи и остановилась перед маленькой дверью, которую Мук никогда раньше не замечал.

Собака толкнула дверь и вошла в какую-то комнатку; Мук пошел за ней и застыл на месте от удивления: он оказался в той самой комнате, куда ему так давно хотелось попасть.

Вся комната была полна старых платьев и диковинной старинной посуды. Муку особенно понравился один кувшин - хрустальный, с золотым рисунком. Он взял его в руки и начал рассматривать, и вдруг крышка кувшина - Мук и не заметил, что кувшин был с крышкой, - упала на пол и разбилась.

Бедный Мук не на шутку испугался. Теперь уж рассуждать не приходилось - надо было бежать: когда старуха вернется и увидит, что он разбил крышку, она избьет его до полусмерти.

Мук в последний раз оглядел комнату, и вдруг он увидел в углу туфли. Они были очень большие и некрасивые, но его собственные башмаки совсем развалились. Муку даже понравилось, что туфли такие большие, - когда он их наденет, все увидят, что он уже не ребенок.

Он быстро скинул башмаки с ног и надел туфли. Рядом с туфлями стояла тоненькая тросточка с львиной головой.

“Эта тросточка все равно стоит здесь без дела, - подумал Мук. - Возьму уж и тросточку к стати”.

Он захватил тросточку и бегом побежал к себе в комнату. В одну минуту он надел плащ и чалму, прицепил кинжал и помчался вниз по лестнице, торопясь уйти до возвращения старухи.

Выйдя из дома, он пустился бежать и мчался без оглядки, пока не выбежал из города в поле. Тут карлик решил немного отдохнуть. И вдруг он почувствовал, что не может остановиться. Ноги у него бежали сами и тащили его, как он ни старался их задержать. Он и падать пробовал, и поворачиваться - ничего не помогало. Наконец он понял, что все дело в его новых туфлях. Это они толкали его вперед и не давали остановиться.

Мук совсем выбился из сил и не знал, что ему делать. В отчаянии он взмахнул руками и закричал, как кричат извозчики:

- Тпру! Тпру! Стой!

И вдруг туфли сразу остановились, и бедный карлик со всего маха упал на землю.

Он до того устал, что сразу заснул. И приснился ему удивительный сон. Он увидел во сне, что маленькая собачка, которая привела его в потайную комнату, подошла к нему и сказала:

“Милый Мук, ты еще не знаешь, какие у тебя чудесные туфли. Стоит тебе три раза повернуться на каблуке, и они перенесут тебя, куда ты захочешь. А тросточка поможет тебе искать клады. Там, где зарыто золото, она стукнет о землю три раза, а там, где зарыто серебро, она стукнет два раза”.

Когда Мук проснулся, он сразу захотел проверить, правду ли сказала маленькая собачонка. Он поднял левую ногу и попробовал повернуться на правом каблуке, но упал и больно ударился носом о землю. Он попытался еще и еще раз и наконец научился вертеться на одном каблуке и не падать. Тогда он потуже затянул пояс, быстро перевернулся три раза на одной ноге и сказал туфлям:

- Перенесите меня в соседний город.

И вдруг туфли подняли его на воздух и быстро, как ветер, побежали по облакам. Не успел Маленький Мук опомниться, как очутился в городе, на базаре.

Он присел на завалинке около какой-то лавки и стал думать, как бы ему раздобыть хоть немного денег. У него, правда, была волшебная тросточка, но как узнать, в каком месте спрятано золото или серебро, чтобы пойти и найти его? На худой конец, он мог бы показываться за деньги, но для этого он слишком горд.

И вдруг Маленький Мук вспомнил, что он умеет теперь быстро бегать.

Может быть, мои туфли принесут мне доход, - подумал он. - Попробую-ка я наняться к королю в скороходы”.

Он спросил хозяина лавки, как пройти во дворец, и через каких-нибудь пять минут уже подходил к дворцовым воротам. Привратник спросил его, что ему нужно, и, узнав, что карлик хочет поступить к королю на службу, повел его к начальнику рабов. Мук низко поклонился начальнику и сказал ему:

- Господин начальник, я умею бегать быстрее всякого скорохода. Возьмите меня к королю в гонцы.

Начальник презрительно посмотрел на карлика и сказал с громким смехом:

- У тебя ножки тоненькие, как палочки, а ты хочешь поступить в скороходы! Убирайся подброду-подзорову. Я не для того поставлен начальником рабов, чтобы всякий урод надо мной потешался!

- Господин начальник, - сказал Маленький Мук, - я не смеюсь над вами. Давайте спорить, что я обгоню вашего самого лучшего скорохода.

Начальник рабов расхохотался еще громче прежнего. Карлик показался ему до того забавным, что он решил не прогонять его и рассказать о нем королю.

- Ну ладно, - сказал он, - так уж и быть, я испытаю тебя. Ступай на кухню и готовься к состязанию. Тебя там накормят и напоят.

Потом начальник рабов отправился к королю и рассказал ему про диковинного карлика. Король захотел повеселиться. Он похвалил начальника рабов за то, что тот не отпустил Маленького Мука, и приказал ему устроить состязание вечером на большом лугу, чтобы все его приближенные могли прийти посмотреть.

Принцы и принцессы услышали, какое будет вечером интересное зрелище, и рассказали своим слугам, а те разнесли эту новость по всему дворцу. И вечером все, у кого только были ноги, пришли на луг посмотреть, как будет бегать этот хвостун карлик.

Когда король с королевой сели на свои места, Маленький Мук вышел на середину луга и отвесил низкий поклон. Со всех сторон раздался громкий хохот. Уж очень этот карлик был смешон в своих широких шароварах и длинных-предлинных туфлях. Но Маленький Мук нисколько не смутился. Он с гордым видом оперся на свою тросточку, подбоченился и спокойно ждал скорохода.

Вот наконец появился и скороход. Начальник рабов выбрал самого быстрого из королевских бегунов. Ведь Маленький Мук сам захотел этого.

Скороход презрительно посмотрел на Мука и стал с ним рядом, ожидая знака начинать состязание.

- Раз, два, три! - крикнула принцесса Амарза, старшая дочь короля, и взмахнула платком..

Оба бегуна сорвались с места и помчались как стрела. Сначала скороход немножко обогнал карлика, но вскоре Мук настиг его и опередил. Он уже давно стоял у цели и обмахивался концом своей чалмы, а королевский скороход все еще был далеко. Наконец и он добежал до конца и как мертвый повалился на землю. Король и королева захлопали в ладоши, и все придворные в один голос закричали:

- Да здравствует победитель - Маленький Мук! Маленького Мука подвели к королю. Карлик низко поклонился ему и сказал:

- О могущественный король! Я сейчас показал тебе только часть моего искусства! Возьми меня к себе на службу.

- Хорошо, - сказал король. - Я назначаю тебя моим личным скороходом. Ты всегда будешь находиться при мне и исполнять мои поручения.

Маленький Мук очень обрадовался - наконец-то он нашел свое счастье! Теперь он может жить безбедно и спокойно.

Король высоко ценил Мука и постоянно оказывал ему милости. Он посылал карлика с самыми важными поручениями, и никто лучше Мука не умел их исполнять. Но остальные королевские слуги были недовольны. Им очень не нравилось, что ближе всех к королю стал какой-то карлик, который только и умеет, что бегать. Они то и дело сплетничали на него королю, но король не хотел их слушать. Он все больше и больше доверял Муку и вскоре назначил его главным скороходом.

Маленького Мука очень огорчало, что придворные ему так завидуют. Он долго старался что-нибудь придумать, чтобы они его полюбили. И наконец он вспомнил про свою тросточку, о которой совсем было позабыл.

“Если мне удастся найти клад, - раздумывал он, - эти гордые господа, наверно, перестанут меня ненавидеть. Говорят, что старый король, отец теперешнего, зарыл в своем саду большие богатства, когда к его городу подступили враги. Он, кажется, так и умер, никому не сказав, где закопаны его сокровища”.

Маленький Мук только об этом и думал. Он целыми днями ходил по саду с тросточкой в руках и искал золото старого короля.

Как-то раз он гулял в отдаленном углу сада, и вдруг тросточка у него в руках задрожала и три раза ударила о землю. Маленький Мук весь затрясся от волнения. Он побежал к садовнику и выпросил у него большой заступ, а потом вернулся во дворец и стал ждать, когда стемнеет. Как только наступил вечер, карлик отправился в сад и начал копать в том месте, где стукнула палочка. Заступ оказался слишком тяжел для слабых рук карлика, и он за час выкопал яму глубиной в каких-нибудь пол-аршина.

Долго еще трудился Маленький Мук, и наконец его заступ ударился обо что-то твердое. Карлик наклонился над ямой и нащупал руками в земле какую-то железную крышку. Он поднял эту крышку и обомлел. При свете луны перед ним засверкало золото. В яме стоял большой горшок, доверху наполненный золотыми монетами.

Маленький Мук хотел вытащить горшок из ямы, но не мог: не хватило сил. Тогда он напихал в карманы и за пояс как можно больше золотых и потихоньку вернулся во дворец. Он спрятал деньги у себя в постели под периной и лег спать довольный и радостный.

На другое утро Маленький Мук проснулся и подумал: “Теперь все переменится и мои враги будут меня любить”.

Он принялся раздавать свое золото направо и налево, но придворные стали только еще больше ему завидовать. Главный повар Ахули злобно шептал:

- Смотрите, Мук делает фальшивые деньги. Ахмед, начальник рабов, говорил:

- Он выпросил их у короля.

А казначей Архаз, самый злой враг карлика, который уже давно тайком запускать руку в королевскую сокровищницу, кричал на весь дворец:

- Карлик украл золото из королевской казны! Чтобы наверняка узнать, откуда у Мука взялись деньги, его враги сговорились между собой и придумали такой план.

У короля был один любимый слуга, Корхуз. Он всегда подавал королю кушанья и наливал вино в его кубок. И вот как-то раз этот Корхуз пришел к королю грустный и печальный. Король сразу заметил это и спросил:

- Что с тобой сегодня, Корхуз? Почему ты такой грустный?

- Я грустный потому, что король лишил меня своей милости, - ответил Корхуз.

- Что ты болтаешь, мой добрый Корхуз! - сказал король. - С каких это пор я лишил тебя своей милости?

- С тех пор, ваше величество, как к вам поступил ваш главный скороход, - ответил Корхуз. - Вы осыпаете его золотом, а нам, -вашим верным слугам, не даете ничего.

И он рассказал королю, что у Маленького Мука появилось откуда-то много золота и что карлик без счета раздает деньги всем придворным. Король очень удивился и велел позвать к себе Архаза - своего казначея и Ахмеда - начальника рабов. Те подтвердили, что Корхуз говорит правду. Тогда король приказал своим сыщикам потихоньку проследить и узнать, откуда карлик достает деньги.

На беду, у Маленького Мука как раз в этот день вышло все золото, и он решил сходить в свою Сокровищницу. Он взял заступ и отправился в сад. Сыщики, конечно, пошли за ним, Корхуз и Архаз - тоже. В ту самую минуту, когда Маленький Мук наложил полный халат золота и хотел идти обратно, они бросились на него, связали ему руки и повели к королю.

А этот король очень не любил, когда его будили среди ночи. Он встретил своего главного скорохода злой и недовольный и спросил сыщиков:

- Где вы накрыли этого бесчестного карлика? - Ваше величество, - сказал Архаз, - мы поймали его как раз в ту минуту, когда он зарывал это золото в землю.

- Правду ли они говорят? - спросил король карлика. - Откуда у тебя столько денег?

- Милостивый король, - простодушно ответил карлик, - я ни в чем не виноват. Когда ваши люди меня схватили и связали мне руки, я не зарывал это золото в яму, а, напротив, вынимал его оттуда.

Король решил, что Маленький Мук все лжет, и страшно рассердился.

- Несчастный! - закричал он. - Ты сначала меня обокрал, а теперь хочешь обмануть такой глупой ложью! Казначей! Правда ли, что здесь как раз столько золота, сколько не хватает в моей казне?

- В вашей казне, милостивый король, не хватает гораздо больше, - ответил казначей. - Могу поклясться, что это золото украдено из королевской сокровищницы.

- Заковать карлика в железные цепи и посадить его в башню! - закричал король. - А ты, казначей, пойди в сад, возьми все золото, которое найдешь в яме, и положи его обратно в казну.

Казначей исполнил приказание короля и принес горшок с золотом в сокровищницу. Он принялся считать блестящие монетки и пересыпать их в мешки. Наконец в горшке больше ничего не осталось. Казначей в последний раз взглянул в горшок и увидел на дне его бумажку, на которой было написано:

ВРАГИ НАПАЛИ НА МОЮ СТРАНУ. Я ЗАКОПАЛ В ЭТОМ МЕСТЕ ЧАСТЬ МОИХ СОКРОВИЩ. ПУСТЬ ЗНАЕТ ВСЯКИЙ, КТО НАЙДЕТ ЭТО ЗОЛОТО, ЧТО ЕСЛИ ОН СЕЙЧАС ЖЕ НЕ ОТДАСТ ЕГО МОЕМУ СЫНУ, ОН ЛИШИТСЯ МИЛОСТИ СВОЕГО КОРОЛЯ.

КОРОЛЬ САДИ

Хитрый казначей разорвал бумажку и решил никому не говорить про нее.

А Маленький Мук сидел в высокой дворцовой башне и думал, как ему спастись. Он знал, что за кражу королевских денег его должны казнить, но ему все-таки не хотелось рассказывать королю про волшебную трость: ведь король сейчас же ее отнимет, а с нею вместе, пожалуй, и туфли. Туфли все еще были у карлика на ногах, но от них не было никакого проку - Маленький Мук был прикован к стене короткой железной цепью и никак не мог повернуться на каблук.

Утром в башню пришел палач и приказал карлику готовиться к казни. Маленький Мук понял, что раздумывать нечего - надо открыть королю свою тайну. Ведь все-таки лучше жить без волшебной палочки и даже без туфель-скороходов, чем умереть на плахе.

Он попросил короля выслушать его наедине и все ему рассказал. Король сначала не поверил и решил, что карлик все это выдумал.

- Ваше величество, - сказал тогда Маленький Мук, - обещайте мне пощаду, и я вам докажу, что говорю правду.

Королю было интересно проверить, обманывает его Мук или нет. Он велел потихоньку закопать в своем саду несколько золотых монет и приказал Муку найти их. Карлику не пришлось долго искать. Как только он дошел до того места, где было закопано золото, палочка три раза ударила о землю. Король понял, что казначей сказал ему неправду, и велел его казнить вместо Мука. А карлика он позвал к себе и сказал:

- Я обещал не убивать тебя и сдержу свое слово. Но ты, наверно, открыл мне не все твои тайны. Ты будешь сидеть в башне до тех пор, пока не скажешь мне, отчего ты так быстро бегаешь.

Бедному карлику очень не хотелось возвращаться в темную, холодную башню. Он рассказал королю про свои чудесные туфли, но самого главного - как их остановить - не сказал. Король решил сам испытать эти туфли. Он надел их, вышел в сад и как бешеный помчался по дорожке. Скоро он захотел остановиться, но не тут-то было. Напрасно он хватался за кусты и деревья - туфли все тащили и тащили его вперед. А карлик стоял и посмеивался. Ему было очень приятно хоть немного отомстить этому жестокому королю. Наконец король выбился из сил и упал на землю.

Опомнившись немного, он вне себя от ярости набросился на карлика.

- Так вот как ты обращаешься со своим королем! - кричал он. - Я обещал тебе жизнь и свободу, но если ты через двенадцать часов еще будешь на моей земле, я тебя поймаю, и тогда уж не рассчитывай на пощаду. А туфли и тросточку я возьму себе.

Бедному карлику ничего не оставалось, как поскорей убраться из дворца. Печально плелся он по городу. Он был такой же бедный и несчастный, как прежде, и горько проклинал свою судьбу..

Страна этого короля была, к счастью, не очень большая, так что уже через восемь часов карлик дошел до границы. Теперь он был в безопасности, и ему захотелось отдохнуть. Он свернул с дороги и вошел в лес. Там он отыскал хорошее местечко около пруда, под густыми деревьями, и лег на траву.

Маленький Мук так устал, что почти сейчас же заснул. Спал он очень долго и, когда проснулся, почувствовал, что голоден. Над его головой, на деревьях, висели винные ягоды - спелые, мясистые, сочные. Карлик взобрался на дерево, сорвал несколько ягод и с удовольствием съел их. Потом ему захотелось пить. Он подошел к пруду, наклонился над водой и - весь похолодел: из воды на него смотрела огромная голова с ослиными ушами и длинным-предлинным носом.

Маленький Мук в ужасе схватился за уши. Они и вправду были длинные, как у осла.

- Так мне и надо! - кричал бедный Мук. - У меня было в руках мое счастье, а я, как осел, погубил его.

Он долго ходил под деревьями, все время ощупывая свои уши, и наконец опять проголодался. Пришлось снова приняться за винные ягоды. Ведь больше есть было нечего.

Наевшись досыта, Маленький Мук по привычке поднес руки к голове и радостно вскрикнул: вместо длинных ушей у него опять были его собственные уши. Он сейчас же побежал к пруду и посмотрелся в воду. Нос у него тоже стал такой же, как прежде.

“Как же это могло случиться?” - подумал карлик. И вдруг он сразу все понял: первое дерево, с которого он поел ягоды, наградило его ослиными ушами, а от ягод второго они исчезли.

Маленький Мук мигом сообразил, какое ему опять привалило счастье. Он нарвал с обоих деревьев столько ягод, сколько мог унести, и пошел обратно в страну жестокого короля. В ту пору была весна, и ягоды считались редкостью.

Вернувшись в тот город, где жил король, Маленький Мук переоделся, чтобы никто его не мог узнать, наполнил целую корзину ягодами с первого дерева и пошел к королевскому дворцу. Дело было утром, и перед воротами дворца сидело много торговков со всякими припасами. Мук также уселся рядом с ними. Вскоре из дворца вышел главный повар и принялся обходить торговков и осматривать их товар. Дойдя до Маленького Мука, повар увидел винные ягоды и очень обрадовался.

- Ага, - сказал он, - вот подходящее лакомство для короля! Сколько ты хочешь за всю корзину?

Маленький Мук не стал дорожиться, и главный повар взял корзину с ягодами и ушел. Только он успел уложить ягоды на блюдо, как король потребовал завтрак. Он ел с большим удовольствием и то и дело похваливал своего повара. А повар только посмеивался себе в бороду и говорил:

- Подождите, ваше величество, самое вкусное блюдо еще впереди.

Все, кто был за столом - придворные, принцы и принцессы, - напрасно старались догадаться, какое лакомство приготовил им сегодня главный повар. И когда наконец на стол подали хрустальное блюдо, полное спелых ягод, все в один голос воскликнули:

“Ах!” - и даже захлопали в ладоши.

Король сам взялся делить ягоды. Принцы и принцессы получили по две штуки, придворным досталось по одной, а остальные король приберег для себя - он был очень жадный и любил сладкое. Король положил ягоды на тарелку и с удовольствием принялся их есть.

- Отец, отец, - вдруг закричала принцесса Амарза, - что сделалось с твоими ушами?

Король потрогал свои уши руками и вскрикнул от ужаса. Уши у него стали длинные, как у осла. Нос тоже вдруг вытянулся до самого подбородка. Принцы, принцессы и придворные были немногим лучше на вид: у каждого на голове появилось такое же украшение.

- Доктора, доктора скорей! - закричал король. Сейчас же послали за докторами. Их пришла целая толпа. Они прописывали королю разные лекарства, но лекарства не помогали. Одному принцу даже сделали операцию - отрезали уши, но они снова отросли.

Дня через два Маленький Мук решил, что пришло время действовать. На деньги, полученные за винные ягоды, он купил себе большой черный плащ и высокий остроконечный колпак. Чтобы его совсем не могли узнать, он привязал себе длинную белую бороду. Захватив с собой корзину ягод со второго дерева, карлик пришел во дворец и сказал, что может вылечить короля. Сначала ему никто не поверил. Тогда Мук предложил одному принцу попробовать его лечение. Принц съел несколько ягод, и длинный нос и ослиные уши у него пропали. Тут уж придворные толпой бросились к чудесному доктору. Но король опередил всех. Он молча взял карлика за руку, привел его в свою сокровищницу и сказал:

- Вот перед тобой все мои богатства. Бери что хочешь, только вылечи меня от этой ужасной болезни.

Маленький Мук сейчас же заметил в углу комнаты свою волшебную тросточку и туфли-скороходы. Он принялся ходить взад и вперед, словно разглядывая королевские богатства, и незаметно подошел к туфлям. Мигом надел он их на ноги, схватил тросточку и сорвал с подбородка бороду. Король чуть не упал от удивления, увидев знакомое лицо своего главного скорохода.

- Злой король! - закричал Маленький Мук. - Так-то ты отплатил мне за мою верную службу? Оставайся же на всю жизнь длинноухим уродом и вспоминай Маленького Мука!

Он быстро повернулся три раза на каблуке и, прежде чем король успел сказать слово, был уже далеко...

С тех пор Маленький Мук живет в нашем городе. Ты видишь, как много он испытал. Его нужно уважать, хоть с виду он и смешной.

Вот какую историю рассказал мне мой отец. Я передал все это другим мальчишкам, и ни один из нас никогда больше не смеялся над карликом. Напротив, мы его очень уважали и так низко кланялись ему на улице, словно он был начальник города или главный судья.

Карлик Нос

В одном большом городе в Германии много лет тому назад скромно и тихо жил сапожник со своей женой. Сапожник сидел обыкновенно в лавке на углу улицы и чинил башмаки и туфли. Случалось ему иногда шить и новую обувь, если находились заказчики, но для этого ему каждый раз приходилось покупать кожу, так как он по бедности не имел запасов. Жена сапожника торговала овощами и фруктами, которые разводила в небольшом садике за городом, и многие охотно покупали у нее, так как она всегда была опрятно одета и умела привлекательно раскладывать свой товар.

У сапожника был сын, хорошенький двенадцатилетний мальчик, очень стройный, даже высокий для своего возраста. Он обыкновенно сидел на рынке подле матери и относил надом купленную женщинами или поварами провизию. Редко случалось ему возвращаться без какого-нибудь подарка: то бывало, принесет какой-нибудь цветочек, то кусок пирога, то и небольшую монету, потому что жители города, покупавшие у его матери, очень любили красивого мальчика и почти никогда не отпускали его с пустыми руками.

Однажды жена сапожника сидела, по обыкновению, на рынке, а пред нею стояло несколько больших корзин с капустой, разными кореньями и семенами, а в одной - корзине, поменьше, лежали груши и абрикосы. Маленький Яков - так звали мальчика - стоял подле матери и звонким голосом зазывал покупателей.

- Пожалуйста сюда! Посмотрите, какая хорошая капуста, какие душистые коренья! Не угодно ли груш, яблок и абрикосов? Матушка дешево продает, купите!

Как раз в это время на рынке показалась какая-то странная старуха; платье на ней было оборвано, лицо маленькое, острое, сморщенное от старости, с красными глазами и длинными крючковатым носом. Она шла, опираясь на длинную палку, хромала, шаталась из стороны в сторону, как будто на ногах у нее были колеса, того и гляди, она могла шлепнуться острым носом на мостовую.

Жена сапожника с удивлением поглядела на нее. Вот уже! шестнадцать лет, как она ежедневно сидит на рынке, но ни разу не приходилось ей видеть такой странной особы. Она невольно вздрогнула, когда старуха, хромая и пошатываясь, подошла к ней и остановилась перед ее корзиной.

- Это ты - Анна, торговка зеленью? - спросила старуха неприятным, хриплым голосом, беспрестанно тряся головой.

- Да, это я, - отвечала жена сапожника. - Что вам угодно?

- А вот посмотрим, есть ли у тебя то, что мне нужно, - отвечала старуха и, нагнувшись над корзинами, стала рыться в них своими безобразными черными руками. Она вытаскивала из корзины коренья, поочередно подносила их к своему длинному носу и обнюхивала.

Жене сапожника было неприятно видеть, как старуха обращается с ее овощами, но она ничего не посмела сказать: ведь каждый покупатель имеет право осматривать товар, и к тому же старуха внушала ей какой-то непонятный страх.

Наконец, старуха, перерыв всю корзину, пробормотала:

- Дурной товар, дрянные коренья! Нет ничего, что мне нужно. То ли дело пятьдесят лет назад... Дурной товар... дурной.

Слова эти рассердили маленького Якова.

- Ах, ты, бесстыжая старуха! - вскричал он с досадой. - Сперва рылась своими безобразными пальцами и перемяла всю зелень, потом перенюхала все своим длинным носом, так что всякий, кто видел это, не захочет покупать у нас, а теперь еще ругает наш товар! У нас сам герцогский повар покупает, не то что такие нищие, как ты.

Старуха покосилась на смелого мальчика, засмеялась противным смехом и сказала своим хриплым голосом:

- Вот как, сыночек! Тебе не нравится мой прекрасный длинный нос? По- годи, и у тебя будет такой же, до самого подбородка!

Сказав это, она перешла к другой корзине, в которой лежала капуста, и снова стала перебирать руками великолепные белые кочни, сжимая их так, что они громко трещали, после чего в беспорядке бросала их назад в корзину и говорила:

- Плохой товар... скверная капуста.

- Да не качай ты так безобразно головой! - воскликнул боязливо мальчик. - Шея у тебя тонкая, словно кочерыжка, - она может переломишься, и тогда голова твоя упадет в корзину. А уж ее-то никто покупать не станет!

- Так тебе не нравится моя тонкая шея? - со смехом пробормотала старуха. - Ну что ж, у тебя ее не будет совсем; голова будет торчать прямо из плеч, чтобы не оторвалась от тела.

- Не говорите таких слов мальчику! - сказала, наконец, жена сапожника, рассерженная этим долгим осматриванием и обнюхиванием. - Если хотите купить что-нибудь, то поторопитесь; ведь вы только разгоняете у меня других покупателей.

- Хорошо, пусть будет по-твоему! - воскликнула старуха с яростным взглядом. - Я куплю у тебя эти шесть кочней. Только вот что: я ведь должна опираться на палку и сама нести их не могу, так вели своему сынку, чтобы он отнес мне товар на дом. Я ему за это заплачу.

Мальчуган не хотел идти, потому что боялся безобразной старухи, но мать строго приказала ему отнести капусту, так как жалела слабую, дряхлую женщину. Мальчик повиновался, но со слезами на глазах. Сложив капусту в платок, он пошел вслед за старухой по рынку.

Старуха шла очень медленно, и потому ей понадобилось добрых три четверти часа, пока она добралась до отдаленной части города и остановилась перед маленьким ветхим домиком. Она вынула из кармана старый заржавленный ключ, проворно всунула его в замочную скважину, и дверь с шумом раскрылась. Но как же изумился маленький Яков, когда вошел в дом! Внутренность его была великолепно убрана; потолок и стены были мраморные, мебель из лучшего черного дерева украшена золотом и драгоценными камнями; пол же был весь из стекла и такой гладкий, что мальчик несколько раз поскользнулся и упал.

Между тем старуха достала из кармана серебряный свисток. Раздался резкий, пронзительный звук. В ту же минуту по лестнице сбежало несколько морских свинок. Якову показалось очень странным, что они ходили на двух ногах, обутом вместо башмаков в ореховые скорлупки, носили человеческое платье и даже шляпы по последней моде.

- Где мои туфли, негодные твари? - крикнула старуха и так сильно ударила палкой, что свинки с криком подскочили вверх. - Долго ли мне еще стоять тут?

В одну минуту свинки взбежали вверх по лестнице и, вернувшись с парой кокосовых скорлупок, подбитых кожей, проворно надели их старухе на ноги.

И в тот же миг прежней хромоты и пошатывания как не бывало. Старуха отбросила в сторону палку и проворно побежала по стеклянному полу, увлекая за собою маленького Якова. Наконец, они остановились в комнате, наполненной всякой утварью, придававшей ей вид кухни, хотя столы из красного дерева и диваны, покрытые драгоценными коврами, могли стоять и в любой роскошной гостиной.

- Присядь тут, - сказала старуха очень ласково, усаживая Якова в угол дивана и ставя пред ним стол таким образом, чтобы он не мог оттуда выйти. - Присядь! Тебе ведь пришлось нести немалую тяжесть: человеческие головы не очень-то легки.

- Что вы, старуха, что вы такое говорите? - воскликнул мальчик. - Правда, я действительно устал, но ведь то, что я нес, были лишь кочни капусты, которые вы купили у моей матери.

- Как же, много ты знаешь! - сказала старуха со смехом и, подняв крышку с корзины, вытащила оттуда за волосы человеческую голову.

Мальчик чуть не обмер от страха. Он не мог понять, как это все могло случиться, но при этом невольно подумал об опасности, которая угрожала его матери, если бы кто-нибудь узнал об этих человеческих головах.

- Надо чем-нибудь вознаградить тебя за то, что ты был такой вежливый, - пробормотала старуха. - Вот подожди немного, я сварю тебе суп, которого ты не забудешь во всю жизнь.

Тут она снова засвистела. Снова появилось несколько морских свинок в человеческих платьях и передниках; за поясом у них торчали кухонные ложки и поварские ножи. За ними вприпрыжку прибежало множество белок в широких турецких шароварах и зеленых бархатных шапочках. Они, по-видимому, были поварами. С величайшим проворством они лазали по висевшим на стенах полкам, доставали оттуда кастрюли и блюда, приносили яйца и масло, коренья и муку и все это ставили на плиту.

Старуха же в своих кокосовых скорлупках бегала и суежилась по комнате, и мальчик видел, что она старается сварить ему что-то очень вкусное.

Вот затрещал огонь под плитой, в кастрюле закипело, и приятный аромат разлился по комнате. Но старуха продолжала бегать туда и сюда, морские свинки за ней, и каждый раз, проходя мимо плиты, она совала свой длинный нос прямо в горшок.

Наконец, кушанье закипело, пар густыми клубами повалил из горшка, и пена полилась на плиту. Тогда старуха сняла горшок с плиты, вылила содержимое его в серебряную тарелку и поставила ее перед маленьким Яковом.

- Вот тебе, сыночек! - сказала она. - Покушай этого супа, тогда у тебя будет все то, что тебе так понравилось у меня. Будешь и ты искусным поваром, но корешка, корешка-то не найдешь, потому что его не оказалось в корзине твоей матери!

Мальчик не понял, о чем старуха говорит; да он и не старался понять: все его внимание было поглощено супом, который ему очень понравился. Правда, мать не раз готовила для него разные лакомые блюда, но такого супа он никогда еще не пробовал. От супа исходил чудный аромат трав и кореньев; при этом он был и сладок, и кислотоват, и чрезвычайно крепок.

Пока Яков доедал последние ложки лакомого блюда, морские свинки зажгли аравийский ладан, и комната наполнилась голубоватым дымом. Все гуще и гуще становился этот дым, а запах ладана усыпительно действовал на мальчика. Несколько раз он вспоминал, что ему пора возвратиться к матери, но вслед за тем его снова одолевала сильная дремота - он забывался и, наконец, крепко заснул на диване у старухи.

Странные сны мерещились ему. Ему казалось будто старуха снимает с него платье и одевает в беличью шкуру. Теперь он мог прыгать и лазать не хуже белок. Он жил вместе с белками и морскими свинками, которые оказались очень благовоспитанными особами, и вместе с ними прислуживал старухе. Сначала ему поручали только чистку сапог, то есть он должен был натирать до блеска маслом кокосовые скорлупки, служившие старухе туфлями. Так как в доме отца ему часто приходилось исполнять подобную работу, то он справлялся с нею наилучшим образом. Через год - снилось ему дальше - ему стали поручать более тонкую работу. Вместе с несколькими другими белками он должен был ловить и собирать пылинки, а потом просеивать их сквозь тончайшее волосяное сито. Дело в том, что старуха считала пылинки питательными веществами, а так как она за неимением зубов не могла разжевать ничего твердого, то ей пекли хлеб исключительно из пылинок.

Еще через год он был переведен в разряд слуг, собиравших воду для питья старухи. Не думайте, однако, что она велела для этого вырыть бассейн или доставить во двор бочку, чтобы собирать в нее дождевую воду, - нет, у нее дело было обставлено похитрее. Белки, а в том числе и Яков, должны были собирать в ореховые скорлупки росу с роз, которую старуха употребляла для питья, а так как она пила очень много, то у водоносов работа была нелегкая.

Прошел еще год, и маленького Якова перевели на домашние работы. Ему поручено было содержать в чистоте пол, но так как последний был из стекла, на котором можно было заметить малейшее дыхание, то и эта работа была тоже не из легких. Чтобы вытирать пол, Яков должен был обертывать ноги старым сукном и разезжать таким образом по всем комнатам.

Наконец, на пятый год его перевели на кухню. Это была почетная должность, которой можно было достигнуть только после продолжительного искусства. Яков прошел все степени, начиная с поваренка до первого повара, и достиг такой ловкости и умения во всем, что касается кухни, что часто дивился самому себе. Самые замысловатые блюда, паштеты из двухсот снадобьев, супы из всевозможных кореньев и зелени - все это он научился готовить, и притом необыкновенно скоро и вкусно.

Так провел он около семи лет в услужении у старухи. Но вот однажды она сняла кокосовые туфли и, взяв в руку корзину и клюку, собралась уходить. Она приказала Якову, чтобы к ее возвращению он ошипал курицу, начинил ее зеленью и хорошенько зажарил. Так Яков и сделал. Свернув курице шею, он обварил ее кипятком, искусно ошипал перья, соскоблил кожу, чтобы она стала гладкая и нежная, и вынул из курицы внутренности. Потом он начал собирать корни, которыми должен был ее начинить. В кладовой он увидел стенной шкафчик, дверь которого была полуотворена и которого он до сих пор ни разу не замечал. Он с любопытством заглянул туда. В шкафу стояло множество корзинок, из которых исходил сильный приятный запах. Он открыл одну из корзинок и нашел в ней растение какой-то особенной формы и цвета. Стебли и листья его были голубовато-зеленые, а цветок огненно -красный, с желтой каймой. Яков задумчиво поглядел на этот цветок, понюхал его и вспомнил, что он так же сильно пахнет, как тот суп, которым когда-то угостила его старуха. Запах был так силен, что он должен был чихнуть - раз, другой, и, наконец, он начал чихать так сильно, что проснулся.

Он лежал на диване старухи и удивленно осматривался кругом. "Удивительно, как можно видеть такие вздорные сны, - сказал он самому себе, - и притом с такой ясностью! Ведь я мог бы поспорить, что был белкой, товарищем морских свинок и всякой другой нечисти и, наконец, сделался великим поваром. Вот уж посмеется маменька, когда я ей расскажу все это! Впрочем, не будет ли она меня бранить за то, что я заснул в чужом доме, вместо того чтобы помогать ей на рынке?" С этими мыслями маленький Яков поднялся с места, чтобы уйти домой, но все его тело так онемело от сна, в особенности затылок, что он не мог повернуть головы. Он невольно рассмеялся над собою и над своею сонливостью, так как каждую минуту стучался носом то о

шкаф, то о стену или же задевал им за косяк двери. Белки и морские свинки с визгом бегали вокруг него, как будто желая его проводить. На пороге он обернулся и пригласил их последовать за собой, но они побежали обратно в дом и только издали провожали его жалобным визгом.

Улица, куда привела его старуха, находилась в очень отдаленной части города, и Яков едва мог выбраться из узких переулков. Там была страшная толкотня. По всей вероятности, думал он, где-нибудь поблизости показывают карлика, так как он поминутно слышал возгласы:

- Ах, посмотрите на безобразного карлика! Откуда он взялся? Какой у него длинный нос и как смешно голова торчит у него прямо на плечах! А руки-то, руки какие у него черные, безобразные!

В другое время Яков и сам побежал бы за толпой, потому что очень любил смотреть на великанов, карликов и вообще на всякие диковинки, но на этот раз ему было не до того: он спешил вернуться к матери.

Ему стало как-то жутко, когда он пришел на рынок. Мать все еще сидела на своем месте, и в корзине у нее оставалось довольно много овощей, - следовательно, он проспал недолго. Однако ему еще издали показалось, что мать сидит какая-то грустная, потому что она не зазывала покупателей, а сидела неподвижно, подперев голову рукой; а когда он подошел поближе, то ему показалось даже, что она бледнее обыкновенного. С минуту он простоял в нерешительности, не зная, что делать но потом собрался с духом, подошел к ней сзади, ласково опустил руку на ее плечо и сказал:

- Что с тобой, мамочка, ты сердишься на меня?

Мать обернулась, но в ту же минуту отшатнулась от него с криком ужаса.

- Что тебе нужно от меня, безобразный карлик! - воскликнула она. - Прочь, прочь от меня, я терпеть не могу подобных шуток!

- Но, мамочка, что с тобой? - спросил Яков с испугом. - Тебе, верно, нездоровится. Зачем же ты гонишь меня, своего сына?

- Я уже сказала тебе: убирайся прочь! - возразила она с гневом. - От меня ты не получишь ни гроша за свои шуточки, уродливое создание!

"Вот горе-то, она совсем помешалась! - подумал огорченный Яков. - Как бы мне отвести ее домой?.."

- Милая мамочка, будь же рассудительна, посмотри на меня хорошенько, - ведь я твой сын, твой Яков...

- Нет, это уж чересчур! - воскликнула мать, обращаясь к соседке. - Посмотрите на безобразного карлика! Вот он стоит предо мной и разгоняет покупателей, да еще осмеливается издеваться над моим несчастьем. Этот бессовестный урод не стыдится уверять меня, будто он - мой сын, мой Яков.

Тут соседки с шумом поднялись и осыпали Якова отборнейшей бранью: ведь торговки, как известно, на этот счет мастерицы. Они ругали его за то, что он смеется над несчастьем бедной женщины, у которой семь лет тому назад украли красавца-сына. Они грозили, если он не уйдет, сейчас же накинуться на него и выцарапать ему глаза.

Бедный Яков не знал, что и подумать обо всем происходящем. Ведь не далее как сегодня утром он пошел с матерью на рынок, помог ей разложить товар, потом отправился за старухой, поел у нее супу, вздремнул маленько и вернулся на рынок, а между тем и мать и соседки толкуют о каких-то семи годах да еще называют его безобразным карликом. Что же такое случилось с ним? Однако, убедившись, что мать не хочет его знать, он с трудом удержался от слез и печально побрел в лавку, где отец его днем занимался починкой обуви. "Посмотрим, - подумал он, - может быть, он узнает меня; я встану у дверей и заговорю с ним".

Дойдя до лавки сапожника, он остановился перед дверью и заглянул туда. Отец был так углублен в работу, что сначала и не заметил его, но когда случайно взгляд его упал на дверь, он выронил из рук сапог, шило, дратву и воскликнул с ужасом:

- Господи, помилуй, что я вижу?

- Добрый вечер, хозяин! - сказал карлик, входя в лавку. - Как идут дела?

- Плохо, очень плохо, маленький господин! - отвечал отец, к великому изумлению Якова: как видно, он тоже не узнавал сына. - Дело у меня плохо спорится, я одинок, становлюсь старым, а держать подмастерья мне не по средствам.

- А разве у вас нет сына, которого вы могли бы мало-помалу приучить к делу? - продолжал расспрашивать Яков.

- Да, был у меня сын, по имени Яков. Теперь он был бы уже стройным, ловким двадцатилетним парнем и мог бы стать мне отличным помощником. То-то была бы жизнь! Когда ему было еще двенадцать лет, он выказывал уже большое проворство и ловкость и кое-что уже смыслил в ремесле. А какой был красавчик! Будь он при мне, у меня было бы столько заказчиков, что я перестал бы чинить старье и шил бы только новые башмаки. Да, видно, этому не суждено исполниться!

- Где же теперь ваш сын? - спросил Яков дрожащим голосом.

- Про то знает один Бог! - отвечал сапожник. - Лет семь тому назад его украли у нас на рынке.

- Семь лет! - воскликнул Яков с ужасом.

- Да, маленький господин, семь лет тому назад. Я еще, как сейчас, помню, как жена моя вернулась домой с криком и плачем, что мальчик целый день не возвращался, и что она искала его повсюду и не нашла. Я всегда опасался, что так случится. Яков был мальчик красивый - жена гордилась им и была довольна, когда чужие его хвалили. Часто она посылала его с овощами в богатые дома; положим, это было выгодно, потому что его каждый раз щедро награждали за это, а все-таки не раз говорил я ей: "Берегись, город велик, злых людей много, смотри в оба за Яковым!" Так оно и случилось. Однажды пришла на рынок безобразная старуха, накупила столько овощей, что не могла сама снести их домой; у жены моей сердце жалостливое, вот она и послала с ней мальчика, и с тех пор - только мы его и видели.

- И это случилось семь лет тому назад, говорите вы?

- Да, весной исполнится семь лет. Уж мы искали его, искали, ходили из дома в дом и везде расспрашивали о нем. Многие знали хорошенького мальчика, любили его и помогали нам в розысках, но все было напрасно. Да и старухи, которая купила у нас овощи, также не могли отыскать. Только одна старая-престарая женщина, прожившая уже на свете девяносто лет, сказала, что это, вероятно, злая волшебница, которая каждые пять-десять лет приходит в город, чтобы закупить себе разные травы.

Сказав это, отец Якова снова взял в руки башмак и обеими руками вытащил дратву. И тут только Яков, наконец, понял, что то, что казалось ему сном, произошло в действительности и что он в самом деле под видом белки прослужил у старухи семь лет. Сердце его преисполнилось горя и гнева: как, целых семь лет его юности украли у него старуха, и что же он получил взамен? Разве то, что он может чистить туфли из кокосовых скорлупок, мести стеклянные полы, или то, что он научился от морских свинок всем тайнам поварского искусства?

Так простоял он несколько минут, раздумывая о своей судьбе, пока отец не спросил его.

- Не угодно ли вам заказать мне что-нибудь, молодой господин? Может быть, пару новых туфель или, - прибавил он, улыбаясь, - футляр для вашего носа?

- Какое вам дело до моего носа? - спросил Яков. - Зачем мне к нему футляр?

- Ну, - возразил сапожник, - у каждого свой вкус. Что до меня, то, будь у меня такой ужасный нос, я бы непременно заказал для него футляр из розовой кожи. Посмотрите, у меня как раз есть хорошенький кусочек. Правда, для вашего носа потребуется не меньше аршина, но зато, по крайней мере, вы будете в безопасности. Ведь вы, наверно, стукаетесь носом о каждый косяк, о каждую карету, от которой хотите посторониться?

Яков онемел от изумления. Он ощупал свой нос. О, ужас! Нос оказался необыкновенно толстым, а длиной - чуть ли не в две ладони. И так, старуха изуродовала даже его наружность! Вот почему мать не узнала его, вот почему все называли его безобразным карликом!

- Хозяин, - сказал он, чуть не плача, - нет ли у вас маленького зеркальца, в которое я мог бы посмотреть на себя?

- Молодой человек, - возразил отец серьезным тоном, - у вас не такая наружность, чтобы быть тщеславным, и вам, право, не следовало бы поминутно глядеться в зеркало. Постарайтесь отучить себя от этой смешной привычки.

- Ах, дайте мне все-таки посмотреться в зеркало! - сказал карлик. - Уверю вас, что я делаю это не из тщеславия...

- Оставьте меня в покое! У жены моей есть зеркало, но я не знаю, куда она его запрятала. Если же вам непременно хочется посмотреть на себя, то вон там, через улицу, живет цирюльник Урбан; у него есть зеркало вдвое больше вашей головы; отправляйтесь к нему, а пока прощайте!

С этими словами отец тихонько выпроводил его из лавки, запер за ним дверь на ключ и снова сел за работу. Яков же, глубоко огорченный, отправился через улицу к цирюльнику Урбану, которого еще помнил по прежнему времени.

- Здравствуйте, Урбан! - сказал он ему. - Я пришел попросить у вас маленькой услуги: будьте любезны, позвольте мне посмотреться в ваше зеркало.

- С удовольствием, вот оно! - воскликнул цирюльник, смеясь, и все посетители, которым он собирался брить бороды, расхохотались вслед за ним.

- Что и говорить, вы красавец хоть куда, стройный, изящный! Шея у вас, как у лебедя, ручки, как у королевы, а нос такой, лучше которого и не найдешь. Правда, вы немного тщеславны, но так и быть, поглядите на себя! Пусть не говорят добрые люди, что я из зависти не позволил вам полюбоваться собою.

Неудержимый хохот присутствующих сопровождал слова цирюльника. Яков же между тем подошел к зеркалу и взглянул на себя. Слезы выступили у него на глазах. "Да, конечно, в таком виде ты не могла узнать своего Якова, милая маменька! - сказал он самому себе. - Не такой он был в те счастливые дни, когда ты гордилась им перед всеми!"

И действительно, перемена была ужасающая: глаза стали крошечными, как у свиньи, огромный нос висел ниже подбородка, шея как будто совсем исчезла, так что голова прямо торчала на плечах, и только с трудом он мог поворачивать ее направо или налево. Ростом он был не выше, чем тогда, когда ему было двенадцать лет. Но в то время, как другие юноши от двенадцати до двадцатилетнего возраста растут в высоту, он вырос только в ширину: спина и грудь у него были широкие и выгнутые и походили на туго набитые мешки. Это толстое туловище держалось на маленьких, слабых ножках, которым такая тяжесть была не под силу. Зато его руки были такой же длины, как у обыкновенного взрослого человека. Ладони толстые, коричневые, пальцы длинные, паукообразные, и когда он вытягивал руки, то мог, не сгибаясь, достать ими до полу. Вот каким безобразным карликом стал теперь маленький Яков...

Теперь он вспомнил то утро, когда старуха подошла к корзинам его матери. Все, над чем он тогда смеялся: ее длинный нос, ее безобразные пальцы - все это она передала ему, за исключением длинной, дрожащей шеи.

- Ну что, достаточно налюбовался собой, мой принц, - сказал цирюльник, подходя к Якову и со смехом рассматривая его. - Право, даже во сне нельзя вообразить себе ничего более смешного. А знаете, я вам сделаю предложение, маленький человечек. Хотя моя цирюльня и из лучших, но последнее время у меня не так много посетителей, как прежде, и в том виной мой сосед, цирюльник Пенкин, который где-то отыскал великана, заманивающего к нему публику. Но великан-то - невелика редкость, а вот такой человек, как вы, - это дело другого рода. Поступайте ко мне на службу, любезный! Вы получите квартиру, стол, одежду - все, что вам нужно, а за это вы будете каждое утро стоять у дверей и звать посетителей. Вы будете взбивать пену и подавать гостям полотенце, и будьте уверены, что мы оба не останемся внакладе. У меня будет больше посетителей, чем у соседа с его великаном, а вам все охотно будут давать на чай.

Яков в глубине души был глубоко возмущен этим предложением. Но - увы! - он должен был теперь привыкать к подобным оскорблениям. Поэтому он по возможности спокойно заявил цирюльнику, что у него нет времени для подобной службы, и пошел далее.

Но хотя злая старуха придавала ему уродливый вид, она все же, как видно, ничего не могла сделать с его умственными способностями. Это он сознавал вполне ясно, потому что теперь он думал и чувствовал далеко не так, как семь лет тому назад. Яков за этот промежуток времени стал и умнее и рассудительнее. И действительно, он не горевал о своей утраченной красоте, не плакал из-за своего безобразия; его огорчало лишь то, что его, как собаку, прогнали из родного дома. Однако он решил сделать еще одну попытку и поговорить с матерью.

Он подошел к ней на рынке и упросил спокойно выслушать его. Он напомнил ей о том дне, когда пошел за старухой, напомнил ей разные случаи из своего детства, рассказал она околдовал его за то, что он посмеялся над ней на рынке. Жена сапожника не знала, что и подумать. Все, что Яков рассказывал о своем детстве, было совершенно верно, но когда он заговорил о том, как семь лет прослужил белкой, - то она никак не могла представить себе, чтобы это было возможно. А когда она при этом еще взглядывала на карлика, то приходила в ужас от его уродства и окончательно отказывалась верить, что это ее сын. Однако она сочла более благоразумным переговорить с мужем. Собрав свои корзины, она велела Якову следовать за нею, и они отправились в лавку сапожника.

- Послушай, - сказала она мужу, - этот вот человек уверяет, что он наш пропавший Яков. Он рассказал мне все: как его украли у нас семь лет тому назад и как он был заколдован волшебницей.

- Вот как! - с гневом прервал ее сапожник. - Так это он тебе рассказал! Постой же ты, негодяй! Ведь все это я сам с час тому назад рассказал ему, а потом он отправился к тебе, чтобы надуть тебя. Так ты был заколдован, сыночек? погоди же, я сейчас сниму с тебя колдовство!

С этими словами он схватил пучок ремней, которые только что нарезал, бросился на карлика и так хлестнул его по спине и длинным рукам, что тот закричал от боли и с плачем побежал прочь.

В городе нелегко было найти человека, который готов был помочь несчастному, обладающему такой смешной наружностью. Бедный карлик оставался весь день без пищи и питья и вечером должен был избрать для ночлега церковную паперть, несмотря на то, что ступени ее были и жестки и холодны.

На другое утро, проснувшись на заре, Яков серьезно задумался о том, как найти себе пропитание, так как отец и мать окончательно прогнали его. Служить вывеской для цирюльника или показывать себя за деньги ему не позволяла гордость. Что же ему оставалось делать? Но тут вдруг ему пришло в голову, что, будучи белкой, он сделал большие успехи в поварском искусстве. Он справедливо полагал, что не уступит в этом деле никакому повару, и решил воспользоваться своими познаниями по этой части.

Как только улицы стали оживляться, он отправился в город. Он знал, что герцог, повелитель страны, был большой любитель хорошего стола и собирал у себя искусных поваров из разных стран света; к его-то дворцу и отправился наш карлик. Когда он подошел к наружным воротам, караульные спросили, что ему нужно, и стали над ним насмехаться. Но он потребовал, чтобы его повели к главному смотрителю над кухней. Караульные расхохотались и повели его через

парадные двери. Повсюду на его пути слуги останавливались, глядели на него и со смехом сопровождали его, так что, когда он стал подниматься по лестнице дворца, за ним тянулся уже длинный хвост всяческой прислуги. Конюхи побросали свои скребницы, скороходы бежали со всех ног, полотеры забыли выколачивать ковры; все бегали и суетились так, как будто неприятель стоял у ворот. Со всех сторон раздавались крики: "Карлик, карлик! Видели вы карлика?" Наконец, в дверях появился смотритель дворца с гневным лицом, держа в руке огромный хлыст.

- Что тут за шум? Разве вы не знаете, собаки, что герцог еще спит?

С этими словами он взмахнул хлыстом и не совсем деликатно опустил его на спины ближайших конюхов и привратников.

- Ах, господин! - вскричали они. - Да разве вы не видите? Ведь мы привели карлика, да такого, какого вы, наверно, никогда не видали.

Смотритель дворца теперь только увидел Якова и с трудом удержался от смеха, так как боялся уронить этим свое достоинство. Поэтому он, разогнав хлыстом толпу, повел карлика в дом и спросил, что ему нужно. Но услышав, что тот хочет видеть смотрителя над кухней, возразил:

- Ты, верно, ошибся, голубчик! Ведь ты хочешь ко мне, к смотрителю дворца? Ты хочешь сделаться лейб-карликом герцога, не правда ли?

- Нет, господин, - отвечал Яков, - я искусный повар и умею готовить всевозможные редкие блюда. Соблаговолите отвести меня к главному смотрителю над кухней; быть может, ему пригодятся мои услуги.

- Как угодно, маленький человек, а все-таки ты нерассудительный малый. В кухню - вот выдумал! Ведь, будучи лейб-карликом, ты мог бы ничего не делать, есть и пить вдоволь и носить прекрасное платье. Ну, да мы еще увидим, вправду ли ты настолько искусен, чтобы быть поваром у герцога. А для поваренка ты слишком хорош.

С этими словами смотритель дворца взял его за руку и повел в комнаты главного смотрителя над кухней.

- Милостивый государь! - сказал карлик и поклонился так низко, что коснулся носом ковра, покрывавшего пол. - Не нужен ли вам искусный повар?

Главный смотритель над кухней оглядел его с ног до головы и разразился громким хохотом.

- Как, ты хочешь быть поваром? Неужели ты думаешь, что сможешь достать до плиты, даже ставши на цыпочки и высунув голову из плеч? Нет, крошка, тот, кто прислал тебя ко мне, хотел, видно, посмеяться над тобой.

Говоря это, смотритель над кухней заливался смехом, а смотритель дворца и все бывшие в комнате громко ему вторили.

Но карлик ничуть не смутился таким приемом.

- Послушайте, - продолжал он, - что вам стоит рискнуть парой яиц, небольшим количеством вина, муки и кореньев? Ведь у вас этого добра вдоволь. Прикажите мне приготовить какое-нибудь лакомое блюдо, дайте мне все, что нужно для этого, и оно будет приготовлено на ваших же глазах, да так, что вы сами должны будете сказать: "Он готовит по всем правилам искусства".

Такие слова говорил карлик, и странно было видеть, как он при этом сверкал своими крошечными глазками, как жестикулировал своими тонкими паукообразными пальцами и как поворачивался во все стороны его длинный нос.

- Ладно, будь по-твоему! - воскликнул, наконец, смотритель над кухней и взял под руку смотрителя дворца. - Что ж, попробуем, хотя бы ради шутки! Пойдемте все в кухню.

Они миновали несколько залов и коридоров и, наконец, пришли в кухню. Это было большое, очень просторное помещение, великолепно устроенное. Под двадцатью плитами горел огонь; посредине комнаты протекал прозрачный ручеек, служивший одновременно и бассейном для рыбы. В шкафах из мрамора и драгоценного дерева были сложены разные припасы, которые необходимо иметь всегда под рукой, а по обеим сторонам кухни тянулись десять залов, в которых хранилось все, что только можно найти редкого и лакомого во всех странах востока и запада. Кухонная прислуга всякого рода бегала туда и сюда, гремела котлами и кастрюлями, вилками и половниками. Но когда главный смотритель над кухней появился среди них, они все безмолвно выстроились в ряд, так что слышен был лишь треск огня и журчание воды.

- Какой завтрак заказал герцог на сегодня? - спросил смотритель у первого повара, заведовавшего завтраками.

- Его высочеству угодно было заказать датский суп и красные гамбургские клецки.

- Хорошо, - продолжал смотритель над кухней. - Слышал ты, что заказал герцог? Считаешь ли ты себя способным приготовить этот мудреный суп? Что касается клецек, то ты, во всяком случае, не сделаешь их, - это наша тайна.

- Нет ничего легче! - возразил карлик, к всеобщему - удивлению, так как, будучи белкой, он часто готовил это блюдо. - Нет ничего легче: для супа вы мне дайте такие-то и; такие коренья, такие-то пряности, кабаньей жир и яйца. Что же касается клецок, - продолжал он потише, так, чтобы его могли слышать только смотритель над кухней и первый повар, - то для них мне нужно мясо четырех сортов, немного вина, утиный жир, имбирь и одна травка, называемая "желудочной".

- Да ты, верно, был в ученье у какого-нибудь волшебника! - воскликнул повар с изумлением. - Ведь он назвал все, как есть, а про желудочную травку мы и сами не знали. Нет сомнения, от нее клецки будут еще вкуснее; положительно, ты не повар, а совершенство!

- Никогда бы не поверил этому! - сказал главный смотритель над кухней. - Ну что ж, пусть покажет образец своего искусства. Дайте ему все, что нужно, и пусть он приготовляет завтрак.

Так и было сделано. На плите все приготовили для завтрака, но тут оказалось, что карлик едва может достать до нее носом. Тогда к плите приставили два стула, положили на них мраморную доску, и маленький человечек взобрался на нее, чтобы показать свое искусство. Кругом со всех сторон расположились повара, поварята и всякая другая кухонная прислуга. Все с изумлением глядели, как быстро и ловко все спорилось у него в руках. Когда все нужные приготовления были окончены, он приказал поставить оба блюда на огонь и варить до тех пор, пока он не велит снять. Потом он начал считать: раз, два, три и т.д., и когда сосчитал ровно пятьсот, крикнул: "Стой!" Немедленно горшки были сняты с огня, и карлик пригласил смотрителя отведать его кушанье.

Главный повар приказал поваренку принести золотую ложку, сполоснул ее в ручейке и передал смотрителю над кухней. Тот с торжественным видом подошел к плите, зачерпнул ложкой супа, отведать его, зажмурил глаза и даже прищелкнул от удовольствия языком.

- Великолепно, клянусь здоровьем герцога, великолепно! Не отведаете ли и вы, господин смотритель дворца?

Тот поклонился, взял ложку, отведал и в свою очередь пришел в восторг:

- Нет, господин повар, вы, конечно, знаток своего дела, но вам никогда еще не удавался такой суп и такие клецки, какие приготовил этот карлик!

Отведал и сам повар, после чего почтительно пожал руку карлику и сказал:

- Да, крошка, ты знаток своего дела! Эта желудочная травка придает всему какой-то особенный вкус.

Как раз в эту минуту в кухню вошел камердинер герцога и объявил, что герцог хочет завтракать. Немедленно блюда были поставлены на серебряные подносы и отосланы герцогу, старший же

смотритель над кухней взял карлика под руку и увел в свою комнату, где вступил с ним в беседу. Но не прошло и нескольких минут, как явился посланный от герцога, чтобы позвать к нему смотрителя над кухней. Тот поспешно переоделся в парадное платье и последовал за посланным.

Герцог был в великолепном расположении духа: он съел все, что ему было подано на серебряных подносах, и вытирал себе бороду, когда к нему вошел смотритель над кухней.

- Слушай, смотритель, - сказал герцог, - я всегда был доволен твоими поварами, но скажи, кто сегодня приготовил мой завтрак? С тех пор, как я сижу на троне моих предков, я никогда не ел ничего подобного. Скажи, как зовут этого повара, чтобы я мог послать ему в награду несколько червонцев.

- Государь, это престранная история! - отвечал смотритель над кухней и рассказал, как утром к нему привели карлика, который непременно хотел сделаться поваром.

Удивленный герцог велел призвать к себе карлика и спросил, кто он и откуда. Но бедный Яков, конечно, не мог сказать, что он заколдован и был раньше белкой. Однако он не совсем уклонился от правды, а рассказал только, что у него нет ни отца, ни матери и что он научился стряпать у одной старухи. Герцог и не стал более расспрашивать; его больше всего занимала странная наружность нового повара.

- Остайся у меня! - сказал он. - Ты будешь получать ежегодно пятьдесят червонцев, праздничное платье и, сверх того, две пары панталон. За это ты будешь ежедневно готовить мне завтрак, следить за приготовлением обеда и вообще присматривать за кухней. А так как в моем дворце каждый получает особое прозвище, то ты будешь называться впредь Носом и занимать должность младшего смотрителя над кухней.

Карлик Нос поблагодарил герцога и обещал служить ему верой и правдой.

Итак, Яков был теперь пристроен. И, надо отдать ему справедливость, он справлялся со своим делом как нельзя лучше.

Он сделался своего рода знаменитостью. Многие повара обращались к смотрителю над кухней с просьбой позволить им присутствовать при том, как стряпает карлик, а некоторые из вельмож добились позволения герцога посылать к нему на выучку своих слуг, что доставило ему немалый заработок. Впрочем, чтобы не возбуждать зависти в остальных поварах, карлик Нос отдавал в их пользу деньги, которые господа платили ему за обучение поваров.

Так прожил карлик Нос почти два года в довольстве и почете, и только мысль о родителях по временам омрачала его счастье. Жизнь его текла безмятежно, без всяких приключений, до тех пор, пока не произошел следующий случай.

Необходимо заметить, что карлик Нос умел удачно делать всякого рода закупки. Поэтому всякий раз, когда ему позволяло время, он отправлялся сам на рынок, чтобы закупать дичь и зелень. Однажды утром он отправился в птичий ряд и стал искать жирных гусей, до которых герцог был большой охотник.

Несколько раз прошел он по рядам, осматривая провизию.

Вдруг в конце одного ряда он заметил женщину, продававшую гусей, но, в отличие от других торговок, не зазывавшую покупателей. К ней-то он и подошел и стал взвешивать и осматривать ее гусей. Найдя их достаточно жирными, он купил три штуки вместе с клеткой, взвалил на свои широкие плечи и направился домой. Однако по дороге ему показалось очень странным, что только двое из гусей гоготали и орали, как настоящие гуси, тогда как третья, гусыня, сидела тихо и испускала вздохи, словно человек. "Надо поскорее заколоть ее, - подумал карлик, - не то она еще околеет". Но тут гусыня совершенно внятно и громко проговорила:

- Если захочешь меня заколоть, я укушу тебя; если свернешь мне шею, сам сойдешь со мной в могилу.

Вне себя от изумления карлик Нос поставил клетку наземь, но гусыня по-прежнему смотрела на него своими прекрасными, умными глазами и продолжала вздыхать.

- Вот чудеса! - воскликнул карлик Нос. Гусыня умеет говорить по-чело-вечи. Вот уж никак не ожидал! Ну-ну, успокойся, я не так жесток и не лишу жизни такую редкую птицу. Но я готов биться об заклад, что ты не всегда принадлежала к пернатым, ведь и я когда-то был жалкой белкой.

- Ты прав, - ответила гусыня. - Я тоже родилась не в этом позорном обличье. Увы, кто бы мог предположить, что Мими, дочь великого Веттербока, будет зарезана на кухне герцога...

- Будь спокойна, любезная Мими! - утешал ее карлик. - Клянусь честью, тебе не будет сделано ничего дурного. Я устрою тебе помещение в моей комнате, буду доставлять тебе корм, а в свободное время будем беседовать. При первом удобном случае я выпущу тебя на свободу. Прочим же поварам я скажу, что я откармливаю тебя для герцога особенными травами.

Гусыня поблагодарила его со слезами на глазах. И карлик действительно сделал так, как обещал. Он заколол двух других гусей, для Мими же отвел отдельное помещение под предлогом, что хочет ее откармливать для герцога. Но он не давал ей обыкновенного гусяного корма, а доставлял ей печенья и сладкие блюда. Когда у него было свободное время, он отправлялся к ней, беседовал с ней и утешал ее. Они рассказали друг другу каждый свою историю, и Нос узнал, таким образом, что гусыня была дочерью волшебника Веттербока на острове Готланде. Веттербок когда-то поссорился с одной старой феей, которая его победила с помощью хитрости и превратила его дочь в гусыню. Когда же карлик Нос рассказал Мими свою собственную историю, она сказала:

Я тоже немного смыслю в этих делах: отец кое-что из своих знаний передал мне и сестрам. Ваш спор у корзины с овощами, твое внезапное превращение, когда ты понюхал какой-то травки, и те слова старухи, которые ты запомнил, свидетельствуют о том, что твои чары находятся в связи с травами, то есть, если ты отыщешь ту траву, которая фея сварила перед твоим превращением, то будешь избавлен от своего уродства.

Все это, конечно, было плохим утешением для карлика; в самом деле, как найти траву, которой не знаешь даже по названию? Но тем не менее он поблагодарил Мими и в глубине души почувствовал некоторую надежду.

Скоро после этого к герцогу приехал в гости его друг, один из соседних князей. Герцог по этому случаю позвал к себе карлика и сказал ему:

- Наступило время, когда ты должен доказать, что ты знаток своего дела. Князь, который приехал ко мне в гости, считается после меня величайшим знатоком по части еды, и кухня у него одна из лучших в мире. Постарайся же, чтобы мой стол возбудил удивление даже в нем. Старайся также, под страхом моей немилости, чтобы за все то время, которое он проведет при моем дворе, ни одно блюдо не подавалось дважды. Все, что тебе будет нужно, ты можешь требовать от моего казначея; хотя бы тебе пришлось растопить для этого мое золото и бриллианты, ты не должен остановиться ни перед чем. Я готов лучше остаться бедняком, чем ударить лицом в грязь перед своим гостем.

Так говорил герцог, и карлик отвечал:

- Воля ваша, государь, будет исполнена! Сделаю так, чтобы вашему гостю здесь все понравилось.

Крошечный повар нашел теперь случай выказать свое искусство во всем его блеске. Он не щадил сокровищ своего хозяина, да и себя ничуть не берег: целый день его можно было видеть перед плитой окутанным облаками пара, и голос его беспрестанно звучал в огромной кухне, раздавая приказания целой армии поваров и поварят.

Приезжий князь провел уже две недели в гостях у герцога и, по-видимому, чувствовал себя прекрасно. Ежедневно гость и хозяин пять раз садились за стол, и герцог был в высшей степени доволен искусством карлика. На пятнадцатый день герцог призвал карлика к своему столу, представил его гостю и спросил последнего, доволен ли он его поваром.

- Ты превосходный повар, - отвечал гость, обращаясь к карлику, - и знаешь, как разнообразить стол. За все время, пока я здесь, ты ни разу не повторил ни одного блюда, и все они тебе великолепно удавались. Но скажи мне, почему ты до сих пор еще ни разу не подавал к столу царя всех блюд - паштет-сюзерен?

Карлик испугался: он никогда не слышал о таком паштете. Но он сохранил наружное спокойствие и отвечал:

- О государь, я надеялся, что ты еще долго будешь освещать наш двор, вот почему я и медлил с этим блюдом. Чем же другим мог я почтить тебя в день отъезда, как не царем паштетов?

- Вот как! - заметил герцог, смеясь. - А что касается меня, то ты, вероятно, ждал дня моей смерти, чтобы угостить меня этим кушаньем. Ведь ты мне еще ни разу не подавал этого паштета. Ну, нет, любезный, придумай что-нибудь другое для прощального обеда, а паштет этот ты должен завтра же подать на стол.

- Как угодно моему государю! - отвечал карлик и удалился. Но на душе у него было далеко не весело. Он чувствовал, что наступил день его срама и несчастья: ведь он не имел даже понятия о том, как приготовить этот паштет. Он пошел в свою комнату и залился слезами при мысли об ожидающей его участи. Но тут Мими, расхаживавшая в его комнате, обратилась к нему с вопросом о причине его горя.

- Не печалься, - сказала гусыня, узнав, в чем дело, - это блюдо часто подавалось за столом моего отца, и я приблизительно могу сказать тебе, что для него нужно. Возьми того-то и того-то в таком-то количестве; может быть, это не совсем так, как нужно, но надеюсь, что эти господа не разберут, в чем дело.

Услышав это, карлик радостно вскочил с места, благословляя тот день, когда купил гусыню, и стал готовиться к завтрашнему дню. Сначала он сделал маленький пробный паштет и нашел его удачным; он дал отведать его главному зрителю над кухней, и тот, по обыкновению, рассыпался в похвалах его искусству.

На другой день он приготовил паштет как следует и послал его к столу герцога прямо из печки, предварительно украсив его цветами. Сам он надел свое лучшее парадное платье и отправился в столовую. Он вошел как раз в ту минуту, когда один из служителей был занят разрезанием паштета, который затем поднес на серебряных блюдах герцогу и его гостю. Герцог отрезал себе порядочный кусок и, проглотив его, поднял глаза к потолку и сказал:

- Да, недаром называют его царем паштетов! Но ведь и мой карлик - король всех поваров, не правда ли, любезный друг?

Гость отвечал не сразу: он предварительно проглотил несколько кусков с видом знатока, но потом улыбнулся насмешливо и таинственно.

- Да, штука приготовлена недурно, - отвечал он, наконец, отодвигая тарелку, - а все-таки это не то, что называется паштетом-сюзерен. Впрочем, я так и ждал.

Тут герцог от досады нахмурил лоб и даже покраснел от стыда.

- Ах, ты, собака-повар! - воскликнул он. - Как ты осмелился так сконфузить своего государя? Ты заслуживаешь, чтобы я велел отрубить твою большую голову в наказание за скверную стряпню.

- Ради Бога, государь, не гневайтесь: я приготовил это блюдо по всем правилам искусства; здесь есть все, что нужно, - сказал карлик, дрожа от страха.

- Врешь, негодяй! - возразил герцог, толкнув его ногой. - Мой гость не сказал бы напрасно, что тут чего-то недостает. Я велю разрубить тебя самого и запечь в паштет.

- Сжальтесь! - воскликнул карлик. - Скажите мне, чего не хватает в этом паштете, чтобы он пришелся вам по вкусу. Не дайте мне умереть из-за какой-нибудь недостающей крупы муки или кусочка мяса.

- Это тебе мало поможет, любезный Нос, - отвечал гость со смехом. - Я вчера еще был уверен, что ты не приготовишь этого паштета, как мой повар. Знай же, в нем недостает одной травки, которой здесь, в вашей стране, совсем не знают и которая называется "чихай-трава". Без нее паштет не будет паштет-сюзерен, и твоему государю никогда не удастся кушать его в таком виде, в каком он подается мне.

При этих словах герцог пришел в ярость.

- А все-таки мы будем есть его! - вскричал он со сверкающими глазами. - Клянусь моей герцогской короной, либо завтра я угощу вас таким паштетом, какого вы желаете, либо голова этого карлика будет красоваться на воротах дворца. Поди прочь, собака! Я даю тебе двадцать четыре часа срока.

Полный отчаяния, карлик снова ушел в свою комнату и стал жаловаться гусыне на свою горькую судьбу, так как до сих пор ни разу он не слышал о подобной траве.

- Ну, если дело только за этим, - сказала Мими, - то я могу помочь твоему горю, потому что мой отец научил меня распознавать все травы. Быть может, в другое время тебе не избежать бы смерти, но, к счастью, теперь как раз новолуние, а трава эта цветет именно в начале месяца. Но скажи мне, есть ли тут поблизости старые каштановые деревья?

- О, да! - отвечал Нос с облегченным сердцем. - У озера, в двухстах шагах от дворца растет много этих деревьев. Но к чему тебе непременно каштаны?

- Да потому, что эта травка цветет только у подножья старых каштанов! - сказала Мими. - Однако медлить нечего. Пойдем искать то, что тебе нужно. Возьми меня на руки и, когда выйдем из дворца, спусти меня на землю - я помогу тебе в поисках.

Карлик сделал так, как сказала гусыня, и отправился ней к воротам дворца, но тут караульный протянул к нем ружье и сказал:

- Мой добрый Нос, дело твое плохо: ты не смеешь выходить из дворца, - мне строжайше запрещено выпускать тебя.

- Но ведь могу же я выйти в сад? - возразил карлик. - Сделай милость, пошли одного из твоих товарищей к смотрителю дворца и спроси у него, могу ли я отправиться в сад, чтобы поискать нужных мне трав.

Караульный осведомился, и позволение было получено. Сад был окружен высокими стенами, так что убежать из него не было возможности. Когда карлик Нос с гусыней очутились под открытым небом, он осторожно спустил ее на землю, и она быстро побежала к озеру, где росли каштаны. Сам он со стесненным сердцем последовал за ней: ведь это была его последняя, его единственная надежда! Если Мими не найдет травы, то он твердо решил лучше броситься в озеро, чем дать себя обезглавить. Мими искала напрасно. Она обошла все каштаны, переворачивала клювом малейшую травку - все было безуспешно. Из жалости и страха она даже заплакала, потому что ночь надвигалась и становилось все труднее различать в темноте.

Вдруг взгляд карлика устремился на другой берег озера, и он воскликнул:

- Посмотри, вон там, за озером, растет еще одно большое старое дерево. Пойдем поищем: быть может, там-то и расцветет мое счастье!

Гусыня вспорхнула и полетела впереди, а карлик побежал за ней, как только позволяли его маленькие ножки. Каштановое дерево бросало большую тень, и кругом было так темно, что почти ничего нельзя было уже разобрать. Но вдруг гусыня остановилась, от радости захлопала

крыльями, потом поспешно опустила голову в высокую траву, что-то сорвала и поднесла это в клюве изумленному карлику.

- Вот твоя травка! Здесь ее растет такое множество, что у тебя не будет в ней недостатка.

Карлик задумчиво посмотрел на травку: от нее исходил какой-то особенный аромат, который невольно напомнил ему сцену его превращения. Стебелек и листья растения были зеленовато-голубые, а среди них красовался ослепительно-красный цветок с желтой каймой.

- Ну, наконец-то! - воскликнул он. - Что за счастье! Знаешь, ведь, мне кажется, это та самая трава, которая превратила меня в жалкого карлика. Не попробовать ли мне сейчас же принять свой настоящий вид?

- погоди еще, - сказала гусыня, - набери горсть этой травы, а затем пойдем в комнату. Там ты заберешь свои деньги и все, что скопил, а потом уж мы испытаем силу этой травы.

Так они и сделали. Сердце карлика сильно билось от ожидания. Забрав пятьдесят или шестьдесят червонцев, которые он успел скопить, и уложив свое платье в небольшой узел, он сказал:

- Наконец-то я избавлюсь от этого бремени! И глубоко засунув нос в траву, он стал вдыхать ее аромат.

Что-то словно затрещало и потянулось в его теле; он почувствовал, как он вытягивается, как голова его высовывается из плеч; он покосился глазом на свой нос и заметил, что тот становится все меньше и меньше; спина и грудь стали выравниваться, ноги становились все длиннее. Мими с изумлением смотрела на него.

- Ах, какой же ты большой, какой красивый! - воскликнула она. - Теперь в тебе не осталось ничего, что напоминала бы о твоём прежнем уродстве.

Обрадованный Яков, несмотря на свою радость, все-таки не забывал, как много он обязан своей спасительнице Мими. Правда, сердце влекло его отправиться прямо к родителям, но он из благодарности подавил это желание и сказал:

- Кому, как не тебе, обязан я своим исцелением? Не будь тебя, я никогда не нашел бы этой травки и навеки должен был бы оставаться карликом, а то и совсем погибнуть от руки палача. Но я постараюсь отблагодарить тебя. Я отвезу тебя к твоему отцу, - быть может, он, столь опытный в волшебстве, сумеет и тебя избавить от злых чар.

Мими залилась слезами радости и приняла его предложение. Якову удалось благополучно выбраться с нею из дворца, после чего они пустились в путь по направлению к морскому берегу, родине Мими.

Не станем подробно описывать, как они совершили свое путешествие, как Веттербок снял чары со своей дочери и отпустил Якова с богатыми подарками, как Яков вернулся в свой родной город и как родители его с радостью признали в красивом молодом человеке своего пропавшего сына.

Прибавим лишь одно, что после его исчезновения из дворца герцога, там поднялась страшная суматоха.

Когда на другой день герцог, не получив паштета, захотел исполнить свою клятву и приказал отрубить карлику голову, последнего нигде не могли отыскать.

Князь же утверждал, что герцог сам дал ему возможность тайком убежать, чтобы не потерять своего лучшего повара, и упрекал его в том, что он нарушил свое слово.

Из-за этого между обоими государями возникла продолжительная война, которая известна историкам названием "Травяной войны". Обе стороны дали несколько сражений, но в конце концов был заключен мир, который получил название "Паштетного", так как на празднике в честь примирения повар князя подал к столу паштет-сюзерен, которому герцог и оказал должную честь.

ЭРНЕСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН (1776-1822)

Щелкунчик и Мышиный король

Елка

Двадцать четвертого декабря детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а уж в смежную с ней гостиную их совсем не пускали. В спальне, прижавшись друг к другу, сидели в уголке Фриц и Мари. Уже совсем стемнело, и им было очень страшно, потому что в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник.

Фриц таинственным шепотом сообщил сестренке (ей только что минуло семь лет), что с самого утра в закрытых комнатах чем-то шуршали, шумели и тихонько постукивали. А недавно через прихожую прошмыгнул маленький темный человечек с большим ящиком под мышкой; но Фриц наверное знает, что это их крестный, Дроссельмейер. Тогда Мари захлопала от радости в ладоши и воскликнула:

—Ах, что-то смастерил нам на этот раз крестный?

Старший советник суда Дроссельмейер не отличался красотой: это был маленький, сухонький человечек с морщинистым лицом, с большим черным пластырем вместо правого глаза и совсем лысый, почему он и носил красивый белый парик; а парик этот был сделан из стекла, и притом чрезвычайно искусно. Крестный сам был великим искусником, он даже знал толк в часах и даже умел их делать. Поэтому, когда у Штальбаумов начинали капризничать и переставали петь какие-нибудь часы, всегда приходил крестный Дроссельмейер, снимал стеклянный парик, стаскивал желтенький сюртучок, повязывал голубой передник и тыкал часы колючими инструментами, так что маленькой Мари было их очень жалко; но вреда часам он не причинял, наоборот — они снова оживали и сейчас же принимались весело тикать, звонить и петь, и все этому очень радовались. И всякий раз у крестного в кармане находилось что-нибудь занимательное для ребят: то человечек, ворочающий глазами и шаркающий ножкой, так что на него нельзя смотреть без смеха, то коробочка, из которой выскакивает птичка, то еще какая-нибудь штучка. А к рождеству он всегда мастерил красивую, затейливую игрушку, над которой много трудился. Поэтому родители тут же заботливо убрали его подарок.

—Ах, что-то смастерил нам на этот раз крестный!— воскликнула Мари.

Фриц решил, что в нынешнем году это непременно будет крепость, а в ней будут маршировать и выкидывать артикулы прехорошенькие нарядные солдатики, а потом появятся другие солдатики и пойдут на приступ, но те солдаты, что в крепости, отважно выпалят в них из пушек, и поднимется шум и грохот.

—Нет, нет,— перебила Фрица Мари,— крестный рассказывал мне о прекрасном саде. Там большое озеро, по нему плавают чудо какие красивые лебеди с золотыми ленточками на шее и расппевают красивые песни. Потом из сада выйдет девочка, подойдет к озеру, приманит лебедей и будет кормить их сладким марципаном...

—Лебеди не едят марципана,— не очень вежливо перебил ее Фриц,— а целый сад крестному и не сделать. Да и какой толк нам от его игрушек? У нас тут же их отбирают. Нет, мне куда больше нравятся папины и мамины подарки: они остаются у нас, мы сами ими распоряжаемся.

И вот дети принялись гадать, что им подарят родители. Мари сказала, что мамзель Трудхен (ее большая кукла) совсем испортилась: она стала такой неуклюжей, то и дело падает на пол, так что у нее теперь все лицо в противных отметилах, а уж водить ее в чистом платье нечего и думать. Сколько ей ни выговаривай, ничего не помогает. И потом, мама улыбнулась, когда Мари так восхищалась Гретиным зонтичком. Фриц же уверял, что у него в придворной конюшне как раз не хватает гнедого коня, а в войсках маловато кавалерии. Папе это хорошо известно.

Итак, дети отлично знали, что родители накупили им всяких чудесных подарков и сейчас расставляют их на столе, но в то же время они не сомневались, что добрый младенец Христос осиял все своими ласковыми и кроткими глазами и что рождественские подарки, словно тронутые его благодатной рукой, доставляют больше радости, чем все другие. Про это напомнила детям, которые без конца шушукались об ожидаемых подарках, старшая сестра Луиза, прибавив, что младенец Христос всегда направляет руку родителей, и детям дарят то, что доставляет им истинную радость и удовольствие; а об этом он знает гораздо лучше самих детей, которые поэтому не должны ни о чём ни думать, ни гадать, а спокойно и послушно ждать, что им подарят. Сестрица Мари призадумалась, а Фриц пробормотал себе под нос: «А все-таки мне бы хотелось гнедого коня и гусаров».

Совсем стемнело. Фриц и Мари сидели, крепко прижавшись друг к другу, и не смели проронить ни слова; им чудилось, будто над ними веют тихие крылья и издали доносится прекрасная музыка. Светлый луч скользнул по стене, тут дети поняли, что младенец Христос отлетел на сияющих облаках к другим счастливым детям. И в то же мгновение прозвучал тонкий серебряный колокольчик: "Динь-динь-динь-динь!" Двери распахнулись, и елка засияла таким блеском, что дети с громким криком: "Ах, ах!" — замерли на пороге. Но папа и мама подошли к двери, взяли детей за руки и сказали:

—Идемте, идемте, милые детки, посмотрите, чем одарил вас младенец Христос!

Подарки

Я обращаюсь непосредственно к тебе, благосклонный читатель или слушатель,— Фриц, Теодор, Эрнст, все равно, как бы тебя ни звали,— и прошу как можно живее вообразить себе рождественский стол, весь заставленный чудными пестрыми подарками, которые ты получил в нынешнее рождество, тогда тебе нетрудно будет понять, что дети, обомлев от восторга, замерли на месте и смотрели на все сияющими глазами. Только минуту спустя Мари глубоко вздохнула и воскликнула:

—Ах, как чудно, ах, как чудно!

А Фриц несколько раз высоко подпрыгнул, на что был большой мастер. Уж, наверно, дети весь год были добрыми и послушными, потому что еще ни разу они не получали таких чудесных, красивых подарков, как сегодня.

Большая елка посреди комнаты была увешана золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сласти. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, сверкали в густой зелени, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все пестрело и сияло. И чего там только не было! Не знаю, кому под силу это описать! Мари увидела нарядных кукол, хорошенькую игрушечную посуду, но больше всего обрадовало ее шелковое платьице, искусно отделанное цветными лентами и висевшее так, что Мари могла любоваться им со всех сторон; она и любовалась им всласть, то и дело повторяя:

—Ах, какое красивое, какое милое, милое платьице! И мне позволят, наверно, позволят, в самом деле, позволят его надеть!

Фриц тем временем уже три или четыре раза галопом и рысью проскакал вокруг стола на новом гнедом коне, который, как он и предполагал, стоял на привязи у стола с подарками. Слезая, он сказал, что конь — лютый зверь, по ничего: уж он его вышколит. Потом он произвел смотр новому эскадрону гусар; они были одеты в великолепные красные мундиры, шитые золотом, размахивали серебряными саблями и сидели на таких белоснежных конях, что можно подумать, будто и кони тоже из чистого серебра.

Только что дети, немного уgomонившись, хотели взяться за книжки с картинками, лежавшие раскрытыми на столе, чтобы можно было любоваться разными замечательными цветами, пестро раскрашенными людьми и хорошенькими играющими детками, так натурально изображенными,

будто они и впрямь живые и вот-вот заговорят, - так вот, только что дети хотели взяться за чудесные книжки, как опять прозвенел колокольчик. Дети знали, что теперь черед подаркам крестного Дроссельмейера, и подбежали к столу, стоявшему у стены. Ширмы, за которыми до тех пор был скрыт стол, быстро убрали. Ах, что увидели дети! На зеленой, усеянной цветами лужайке стоял замечательный замок со множеством зеркальных окон и золотых башен. Заиграла музыка, двери и окна распахнулись, и все увидели, что в залах прохаживаются крошечные, но очень изящно сделанные кавалеры и дамы в шляпах с перьями и в платьях с длинными шлейфами. В центральном зале, который так весь и сиял (столько свечек горело в серебряных люстрах!), под музыку плясали дети в коротких камзолчиках и юбочках. Господин в изумрудно-зеленом плаще выглядывал из окна, раскланивался и снова прятался, а внизу, в дверях замка, появлялся и снова уходил крестный Дроссельмейер, только ростом он был с папин мизинец, не больше.

Фриц положил локти на стол и долго рассматривал чудесный замок с танцующими и прохаживающимися человечками. Потом он попросил:

—Крестный, а крестный! Пусти меня к себе в замок!

Старший советник суда сказал, что этого никак нельзя. И он был прав: со стороны Фрица глупо было проситься в замок, который вместе со всеми своими золотыми башнями был меньше его. Фриц согласился. Прошла еще минутка, в замке все так же прохаживались кавалеры и дамы, танцевали дети, выглядывал все из того же окна изумрудный человечек, а крестный Дроссельмейер подходил все к той же двери.

Фриц в нетерпении воскликнул:

—Крестный, а теперь выйди из той, другой, двери!

—Никак этого нельзя, милый Фрицхен,— возразил старший советник суда.

—Ну, тогда,— продолжал Фриц,— вели зеленому человечку, что выглядывает из окна, погулять с другими по залам.

—Этого тоже никак нельзя,— снова возразил старший советник суда.

—Ну, тогда пусть спустятся вниз дети!— воскликнул Фриц.— Мне хочется получше их рассмотреть.

—Ничего этого нельзя,— сказал старший советник суда раздраженным тоном.— Механизм сделан раз навсегда, его не переделаешь.

—Ах, так!— протянул Фриц.— Ничего этого нельзя... Послушай, крестный, раз нарядные человечки в замке только и знают что повторять одно и то же, так что в них толку? Мне они не нужны. Нет, мои гусары куда лучше! Они маршируют вперед, назад, как мне вздумается, и не заперты в доме.

И с этими словами он убежал к рождественскому столу, и по его команде эскадрон на серебряных копиях начал скакать туда и сюда — по всем направлениям, рубить саблями и стрелять сколько душе угодно. Мари тоже потихоньку отошла: и ей тоже наскучили танцы и гулянье куколок в замке. Только она постаралась сделать это не заметно, не так, как братец Фриц, потому что она была доброй и послушной девочкой. Старший советник суда сказал недовольным тоном родителям:

—Такая замысловатая игрушка не для неразумных детей. Я заберу свой замок.

Но тут мать попросила показать ей внутреннее устройство и удивительный, очень искусный механизм, приводивший в движение человечков. Дроссельмейер разобрал и снова собрал всю игрушку. Теперь он опять повеселел и подарил детям несколько красивых коричневых человечков, у которых были золотые лица, руки и ноги; все они были из Торна и превкусно пахли пряниками. Фриц и Мари очень им обрадовались. Старшая сестра Луиза, по желанию матери, надела подаренное родителями нарядное платье, которое ей очень шло; а Мари попросила, чтоб ей

позволили, раньше чем надевать новое платье, еще немножко полюбоваться на него, что ей охотно разрешили.

Любимец

А на самом деле Мари потому не отходила от стола с подарками, что только сейчас заметила что-то, чего раньше не видела: когда выступили гусары Фрица, до того стоявшие в строю у самой елки, очутился на виду замечательный человечек. Он вел себя тихо и скромно, словно спокойно ожидая, когда дойдет очередь и до него. Правда, он был не очень складный: чересчур длинное и плотное туловище на коротеньких и тонких ножках, да и голова тоже как будто великовата. Зато по щегольской одежде сразу было видно, что это человек благовоспитанный и со вкусом. На нем был очень красивый блестящий фиолетовый гусарский доломан, весь в пуговичках и позументах, такие же рейтузы и столь щегольские сапожки, что едва ли доводилось носить подобные и офицерам, а тем паче студентам; они сидели на субтильных ножках так ловко, будто были на них нарисованы. Конечно, нелепо было, что при таком костюме он прицепил на спину узкий неуклюжий плащ, словно выкроенный из дерева, а на голову нахлобучил шапчонку рудокопа, но Мари подумала: «Ведь крестный Дроссельмейер тоже ходит в прескверном рединготе и в смешном колпаке, но это не мешает ему быть милым, дорогим крестным». Кроме того, Мари пришла к заключению, что крестный, будь он даже таким же щеголем, как человечек, все же никогда не сравняется с ним по миловидности. Внимательно вглядываясь в славного человечка, который полюбился ей с первого же взгляда, Мари заметила, каким добродушием светилось его лицо. Зеленоватые навывкате глаза смотрели приветливо и доброжелательно. Человечку очень шла тщательно завитая борода из белой бумажной штопки, окаймлявшая подбородок,— ведь так заметнее выступала ласковая улыбка на его алых губах.

—Ах!— воскликнула наконец Мари.— Ах, милый папочка, для кого этот хорошенький человечек, что стоит под самой елкой?

—Он, милая деточка,— ответил отец,— будет усердно трудиться для всех вас: его дело — аккуратно разгрызть твердые орехи, и куплен он и для Луизы, и для тебя с Фрицем.

С этими словами отец бережно взял его со стола, приподнял деревянный плащ, и тогда человечек широко разинул рот и оскалил два ряда очень белых острых зубов. Мари всунула ему в рот орех, и — щелк!— человечек разгрыз его, скорлупа упала, и у Мари на ладони очутилось вкусное ядрышко. Теперь уже все — и Мари тоже — поняли, что нарядный человечек вел свой род от Щелкунчиков и продолжал профессию предков. Мари громко вскрикнула от радости, а отец сказал:

—Раз тебе, милая Мари, Щелкунчик пришелся по вкусу, так ты уж сама и заботься о нем и береги его, хотя, как я уже сказал, и Луиза и Фриц тоже могут пользоваться его услугами.

Мари сейчас же взяла Щелкунчика и дала ему грызть орехи, но она выбирала самые маленькие, чтобы человечку не приходилось слишком широко разевать рот, так как это, по правде сказать, его не красило. Луиза присоединилась к ней, и любезный друг Щелкунчик потрудился и для нее; казалось, он выполнял свои обязанности с большим удовольствием, потому что неизменно приветливо улыбался.

Фрицу тем временем надоело скакать на коне и маршировать. Когда он услышал, как весело щелкают орешки, ему тоже захотелось их отведать. Он подскочил к сестрам и от всего сердца расхохотался при виде потешного человечка, который теперь переходил из рук в руки и неустанно разевал и закрывал рот. Фриц совал ему самые большие и твердые орехи, по вдруг раздавался треск — крак-крак!— три зуба выпали у Щелкунчика изо рта и нижняя челюсть отвисла и зашаталась.

—Ах, бедный, милый Щелкунчик!— закричала Мари и отобрала его у Фрица.

—Что за дурак!— сказал Фриц.— Берется орехи щелкать, а у самого зубы никуда не годятся. Верно, он и дела своего не знает. Дай его сюда, Мари! Пусть щелкает мне орехи. Не беда, если и остальные зубы обломает, да и всю челюсть в придачу. Нечего с ним, бездельником, церемониться!

—Нет, нет!— с плачем закричала Мари.— Не отдам я тебе моего милого Щелкунчика. Посмотри, как жалостно глядит он на меня и показывает свой больной ротик! Ты злой: ты бьешь своих лошадей и даже позволяешь солдатам убивать друг друга.

—Так полагается, тебе этого не понять!— крикнул Фриц.— А Щелкунчик не только твой, он и мой тоже. Давай его сюда!

Мари разрыдалась и поскорее завернула больного Щелкунчика в носовой платок. Тут подошли родители с крестным Дроссельмейером. К огорчению Мари, он принял сторону Фрица. Но отец сказал:

—Я нарочно отдал Щелкунчика на попечение Мари. А он, как я вижу, именно сейчас особенно нуждается в ее заботах, так пусть уж она одна им и распоряжается и никто в это дело не вмешивается. Вообще меня очень удивляет, что Фриц требует дальнейших услуг от пострадавшего на службе. Как настоящий военный, он должен знать, что раненых никогда не оставляют в строю.

Фриц очень сконфузился и, оставив в покое орехи и Щелкунчика, тихонько перешел на другую сторону стола, где его гусары, выставив, как полагается, часовых, расположились на ночлег. Мари подобрала выпавшие у Щелкунчика зубы; пострадавшую челюсть она подвязала красивой белой ленточкой, которую отколола от своего платья, а потом еще заботливее укутала платком бедного человечка, побледневшего и, видимо, напуганного. Баюкая его, как маленького ребенка, она принялась рассматривать красивые картинки в новой книге, которая лежала среди других подарков. Она очень рассердилась, хотя это было совсем на нее не похоже, когда крестный стал смеяться над тем, что она нянчится с таким уродцем. Тут она опять подумала о странном сходстве с Дроссельмейером, которое отметила уже при первом взгляде на человечка, и очень серьезно сказала:

—Как знать, милый крестный, как знать, был бы ты таким же красивым, как мой милый Щелкунчик, даже если бы принарядился не хуже его и надел такие же щегольские, блестящие сапожки.

Мари не могла понять, почему так громко рассмеялись родители, и почему у старшего советника суда так зарделся нос, и почему он теперь не смеется вместе со всеми. Верно, на то были свои причины.

Чудеса

Как только войдешь к Штальбаумам в гостиную, тут, сейчас же у двери налево, у широкой стены, стоит высокий стеклянный шкаф, куда дети убирают прекрасные подарки, которые получают каждый год. Луиза была еще совсем маленькой, когда отец заказал шкаф очень умелому столяру, а тот вставил в него такие прозрачные стекла и вообще сделал все с таким умением, что в шкафу игрушки выглядели, пожалуй, даже еще ярче и красивей, чем когда их брали в руки. На верхней полке, до которой Мари с Фрицем было не добраться, стояли замысловатые изделия господина Дроссельмейера; следующая была отведена под книжки с картинками; две нижние полки Мари и Фриц могли занимать, чем им угодно. И всегда выходило так, что Мари устраивала на нижней полке кукольную комнату, а Фриц над ней расквартировывал свои войска. Так случилось и сегодня. Пока Фриц расставлял наверху гусар, Мари отложила внизу к сторонке мамзель Трудхен, посадила новую нарядную куклу в отлично обставленную комнату и напросилась к ней на угощение. Я сказал, что комната была отлично обставлена, и это правда; не знаю, есть ли у тебя, моя внимательная слушательница Мари, так же как у маленькой Штальбаум — ты уже знаешь, что ее тоже зовут Мари,— так вот я говорю, что не знаю, есть ли у тебя, так же как у нее, пестрый диванчик, несколько прехорошеньких стульчиков, очаровательный столик, а главное, нарядная, блестящая кровать, на которой спят самые красивые на свете куклы,— все это стояло в уголке в шкафу, стенки которого в этом месте были даже оклеены цветными картинками, и ты легко поймешь, что новая кукла, которую, как в этот вечер узнала Мари, звали Клерхен, чувствовала себя здесь прекрасно.

Был уже поздний вечер, приближалась полночь, и крестный Дроссельмейер давно ушел, а дети все еще не могли оторваться от стеклянного шкафа, как мама ни уговаривала их идти спать.

—Правда,— воскликнул наконец Фриц,— беднягам (он имел в виду своих гусар) тоже пора на покой, а в моем присутствии никто из них не посмеет клевать носом, в этом уж я уверен!

И с этими словами он ушел. Но Мари умильно просила:

—Милая мамочка, позволь мне побыть здесь еще минуточку, одну только минуточку! У меня так много дел, вот управлюсь и сейчас же лягу спать...

Мари была очень послушной, разумной девочкой, и потому мама могла спокойно оставить со еще на полчаса одну с игрушками. Но чтобы Мари, заигравшись новой куклой и другими занимательными игрушками, не позабыла погасить свечи, горевшие вокруг шкафа, мама все их задула, так что в комнате осталась только лампа, висевшая посреди потолка и распространявшая мягкий, уютный свет.

—Не засиживайся долго, милая Мари. А то тебя завтра не добудишься, сказала мама, уходя в спальню.

Как только Мари осталась одна, она сейчас же приступила к тому, что уже давно лежало у нее на сердце, хотя она, сама не зная почему, не решилась признаться в задуманном даже матери. Она все еще баюкала укутанного в носовой платок Щелкунчика. Теперь она бережно положила его на стол, тихонько развернула платок и осмотрела раны. Щелкунчик был очень бледен, но улыбался так жалостно и ласково, что тронул Мари до глубины души.

—Ах, Щелкунчик, миленький,— зашептала она,— пожалуйста, не сердись, что Фриц сделал тебе больно: он ведь не нарочно. Просто он огрубел от суровой солдатской жизни, а так он очень хороший мальчик, уж поверь мне! А я буду беречь тебя и заботливо выхаживать, пока ты совсем не поправишься и не повеселеешь. Вставить же тебе крепкие зубки, вправить плечи — это уж дело крестного Дроссельмейера: он на такие штуки мастер...

Однако Мари не успела договорить. Когда она упомянула имя Дроссельмейера, Щелкунчик вдруг скорчил злую мину, и в глазах у него сверкнули колючие зеленые огоньки. Но в ту минуту, когда Мари собралась уже по-настоящему испугаться, на нее опять глянуло жалобно улыбающееся лицо доброго Щелкунчика, и теперь она поняла, что черты его исказил свет мигнувшей от сквозняка лампы.

—Ах, какая я глупая девочка, ну чего я напугалась и даже подумала, будто деревянная куклолка может корчить гримасы! А все-таки я очень люблю Щелкунчика: ведь он такой потешный и такой добренький... Вот и надо за ним ухаживать как следует.

С этими словами Мари взяла своего Щелкунчика на руки, подошла к стеклянному шкафу, присела на корточки и сказала новой кукле:

—Очень прошу тебя, мамзель Клерхен, уступи свою постельку бедному больному Щелкунчику, а сама переночуй как-нибудь на диване. Подумай, ты ведь такая крепкая, и потом, ты совсем здорова — ишь какая ты круглолицая и румяная. Да и не у всякой, даже очень красивой куклы есть такой мягкий диван!

Мамзель Клерхен, разряженная по-праздничному и важная, надулась, не проронив ни слова.

—И чего я церемонюсь!— сказала Мари, сняла с полки кровать, бережно и заботливо уложила туда Щелкунчика, обвязала ему пострадавшие плечики очень красивой ленточкой, которую носила вместо кушака, и накрыла его одеялом по самый нос.

«Только незачем ему здесь оставаться у невоспитанной Клары»,— подумала она и переставила кровать вместе с Щелкунчиком на верхнюю полку, где он очутился около красивой деревни, в которой были расквартированы гусары Фрица. Она заперла шкаф и собралась уже уйти в спальню, как вдруг... слушайте внимательно, дети!.. как вдруг во всех углах — за печью, за стульями, за

шкафами — началось тихое-тихое шушуканье, перешептыванье и шуршанье. А часы на стене зашипели, захрипели все громче и громче, но никак не могли пробить двенадцать. Мари глянула туда: большая золоченая сова, сидевшая на часах, свесила крылья, совсем заслонила ими часы и вытянула вперед противную кошачью голову с кривым клювом. А часы хрипели громче и громче, и Мари явственно расслышала:

—Тик-и-так, тик-и-так! Не хрипите громко так! Слышит все король мышиный. Трик-и-трак, бум-бум! Ну, часы, напев старинный! Трик-и-трак, бум-бум! Ну, пробей, пробей, звонок: королю подходит срок!

И... "бим-бом, бим-бом!" — часы глухо и хрипло пробили двенадцать ударов. Мари очень струсила и чуть не убежала со страху, но тут она увидела, что на часах вместо совы сидит крестный Дроссельмейер, свесив полы своего желтого сюртука по обеим сторонам, словно крылья. Она собралась с духом и громко крикнула плаксивым голосом:

—Крестный, послушай, крестный, зачем ты туда забрался? Слезай вниз и не пугай меня, гадкий крестный!

Но тут отовсюду послышалось странное хихиканье и писк, и за стеной пошли беготня и топот, будто от тысячи крошечных лапок, и тысячи крошечных огонечков глянули сквозь щели в полу. Но это были не огоньки — нет, а маленькие блестящие глазки, и Мари увидела, что отовсюду выглядывают и выбираются из-под пола мыши. Вскоре по всей комнате пошло: топ-топ, хоп-хоп! Все ярче светились глаза мышей, все несметнее становились их полчища; наконец они выстроились в том же порядке, в каком Фриц обычно выстраивал своих солдатиков перед боем. Мари это очень насмешило; у нее не было врожденного отвращения к мышам, как у иных детей, и страх ее совсем было улегся, но вдруг послышался такой ужасный и пронзительный писк, что у нее по спине забегали мурашки. Ах, что она увидела! Нет, право же, уважаемый читатель Фриц, я отлично знаю, что у тебя, как и у мудрого, отважного полководца Фрица Штальбаума, бесстрашное сердце, но если бы ты увидел то, что предстало взорам Мари, право, ты бы удрал. Я даже думаю, ты бы шмыгнул в постель и без особой надобности натянул одеяло по самые уши. Ах, бедная Мари не могла этого сделать, потому что — вы только послушайте, дети! — к самым ногам ее, словно от подземного толчка, дождем посыпались песок, известка и осколки кирпича, и из-под пола с противным шипеньем и писком вылезли семь мышиных голов в семи ярко сверкающих коронах. Вскоре выбралось целиком и все туловище, на котором сидели семь голов, и все войско хором трижды приветствовало громким писком огромную, увенчанную семью диадемами мышь. Теперь войско сразу пришло в движение и — хоп-хоп, топ-топ! — направилось прямо к шкафу, прямо на Мари, которая все еще стояла, прижавшись к стеклянной двери.

От ужаса у Мари уже и раньше так колотилось сердце, что она боялась, как бы оно тут же не выпрыгнуло из груди, — ведь тогда бы она умерла. Теперь же ей показалось, будто кровь застыла у нее в жилах. Она зашаталась, теряя сознание, но тут вдруг раздалось: клик-клак-хрр! .. — и посыпались осколки стекла, которое Мари разбила локтем. В ту же минуту она почувствовала жгучую боль в левой руке, но у нее сразу отлегло от сердца: она не слышала больше визга и писка. Все мигом стихло. И хотя она не смела открыть глаза, все же ей подумалось, что звон стекла испугал мышей и они попрятались по норам.

Но что же это опять такое? У Мари за спиной, в шкафу, поднялся странный шум и зазвенели тоненькие голосочки:

—Стройся, взвод! Стройся, взвод! В бой вперед! Полночь бьет! Стройся, взвод! В бой вперед!

И начался стройный и приятный перезвон мелодичных колокольчиков.

—Ах, да ведь это же мой музыкальный ящик! — обрадовалась Мари и быстро отскочила от шкафа.

Тут она увидела, что шкаф странно светится и в нем идет какая-то возня и суета.

Куклы беспорядочно бегали взад и вперед и размахивали ручками. Вдруг поднялся Щелкунчик, сбросил одеяло и, одним прыжком соскочив с кровати, громко крикнул:

—Щелк-шелк-шелк, глупый мыший полк! То-то будет толк, мыший полк! Щелк-шелк, мыший полк — прет из щелок — выйдет толк!

И при этом он выхватил свою крохотную сабельку, замахал ею в воздухе и закричал:

—Эй вы, мои верные вассалы, други и братья! Постоите ли вы за меня в тяжком бою?

И сейчас же отозвались три скарамуша, Панталоне, четыре трубочиста, два бродячих музыканта и барабанщик:

—Да, наш государь, мы верны вам до гроба! Ведите нас в бой — на смерть или на победу!

И они ринулись вслед за Щелкунчиком, который, горя воодушевлением, отважился на отчаянный прыжок с верхней полки. Им-то было хорошо прыгать: они не только были разряжены в шелк и бархат, но и туловище у них было набито ватой и опилками; вот они и шлепались вниз, будто кулечки с шерстью. Но бедный Щелкунчик уж наверное переломал бы себе руки и ноги; подумайте только — от полки, где он стоял, до нижней было почти два фута, а сам он был хрупкий, словно выточенный из липы. Да, Щелкунчик уж наверное переломал бы себе руки и ноги, если бы в тот самый миг, как он прыгнул, мамзель Клерхен не соскочила с дивана и не приняла в свои нежные объятия потрясающего мечом героя.

—О, милая, добрая Клерхен!— в слезах воскликнула Мари,— как я ошиблась в тебе! Уж, конечно, ты от всего сердца уступила кроватку дружку Щелкунчику.

И вот мамзель Клерхен заговорила, нежно прижимая юного героя к своей шелковой груди:

—Разве можно вам, государь, идти в бой, навстречу опасности, больным и с не зажившими еще ранами! Взгляните, вот собираются ваши храбрые вассалы, они рвутся в бой и уверены в победе. Скарамуш, Панталоне, трубочисты, музыканты и барабанщик уже внизу, а среди куколок с сюрпризами у меня на полке заметно сильное оживление и движение. Соболаговолите, о, государь, отдохнуть у меня на груди или же согласитесь созерцать вашу победу с высоты моей шляпы, украшенной перьями.— Так говорила Клерхен; но Щелкунчик вел себя совсем неподобающим образом и так брыкался, что Клерхен пришлось поскорее поставить его на полку. В то же мгновение он весьма учтиво опустил на одно колено и пролепетал:

—О, прекрасная дама, и на поле брани не позабуду я оказанные мне вами милость и благоволение!

Тогда Клерхен нагнулась так низко, что схватила его за ручку, осторожно приподняла, быстро развязала на себе расшитый блестками кушак и собиралась нацепить его на человечка, но он отступил на два шага, прижал руку к сердцу и произнес весьма торжественно:

—О, прекрасная дама, не извольте расточать на меня ваши милости, ибо... — он запнулся, глубоко вздохнул, быстро сорвал с плеча ленточку, которую повязала ему Мари, прижал ее к губам, повязал на руку в виде шарфа и, с воодушевлением размахивая сверкающим обнаженным мечом, спрыгнул быстро и ловко, словно птичка, с края полки на пол.

Вы, разумеется, сразу поняли, мои благосклонные и весьма внимательные слушатели, что Щелкунчик еще до того, как по-настоящему ожил, уже отлично чувствовал любовь и заботы, которыми окружила его Мари, и что только из симпатии к ней он не хотел принять от мамзель Клерхен ее пояс, несмотря на то что тот был очень красив и весь сверкал. Верный, благородный Щелкунчик предпочитал украсить себя скромной ленточкой Мари. Но что-то будет дальше?

Едва Щелкунчик прыгнул на пол, как вновь поднялся визг и писк. Ах, ведь под большим столом собрались несметные полчища злых мышей, и впереди всех выступает отвратительная мышь о семи головах! Что-то будет?

Битва

—Барабанщик, мой верный вассал, бей общее наступление!— громко скомандовал Щелкунчик.

И тотчас же барабанщик начал выбивать дробь искуснейшим манером, так что стеклянные дверцы шкафа задрожали и задрезжали. А в шкафу что-то загремело и затрещало, и Мари увидела, как разом открылись все коробки, в которых были расквартированы войска Фрица, и солдаты выпрыгнули из них прямо на нижнюю полку и там выстроились блестящими рядами. Щелкунчик бегал вдоль рядов, воодушевляя войска своими речами.

—Где эти негодяи трубачи? Почему они не трубят?— закричал в сердцах Щелкунчик. Затем он быстро повернулся к слегка побледневшему Панталоне, у которого сильно трясся длинный подбородок, и торжественно произнес: Генерал, мне известны ваши доблесть и опытность. Все дело в быстрой оценке положения и использовании момента. Вверяю вам командование всей кавалерией и артиллерией. Коня вам не требуется — у вас очень длинные ноги, так что вы отлично поскачете и на своих па двоих. Исполняйте свой долг!

Панталоне тотчас всунул в рот длинные сухие пальцы и свистнул так пронзительно, будто звонко запели сто дудок враз. В шкафу послышалось ржанье и топот, и — гляди-ка!— кирасиры и драгуны Фрица, а впереди всех новые, блестящие гусары, выступили в поход и вскоре очутились внизу, на полу. И вот полки один за другим промаршировали перед Щелкунчиком с развевающимися знаменами и с барабанным боем и выстроились широкими рядами поперек всей комнаты. Все пушки Фрица, сопровождаемые пушкарями, с грохотом выехали вперед и пошли бухать: бум-бум! .. И Мари увидела, как в густые полчища мышей полетело Драже, напудрив их добела сахаром, отчего они очень сконфузились. Но больше всего вреда нанесла мышам тяжелая батарея, въехавшая на мамину скамеечку для ног и — бум-бум!— непрерывно обстреливавшая неприятеля круглыми пряничками, от которых полегло немало мышей.

Однако мыши все наступали и даже захватили несколько пушек; но тут поднялся шум и грохот — трр-трр!— и из-за дыма и пыли Мари с трудом могла разобрать, что происходит. Одно было ясно: обе армии бились с большим ожесточением, и победа переходила то на ту, то на другую сторону. Мыши вводили в бой все свежие и свежие силы, и серебряные пилюльки, которые они бросали весьма искусно, долетали уже до самого шкафа. Клерхен и Трудхен метались по полке и в отчаянии ломали ручки.

—Неужели я умру во цвете лет, неужели умру я, такая красивая кукла! вопила Клерхен.

—Не для того же я так хорошо сохранилась, чтобы погибнуть здесь, в четырех стенах!— причитала Трудхен.

Потом они упали друг другу в объятия и так громко разревелись, что их не мог заглушить даже бешеный грохот битвы.

Вы и понятия не имеете, дорогие мои слушатели, что здесь творилось. Раз за разом бухали пушки: прр-прр! .. Др-др! .. Трах-тарарах-трах-тарарах! .. Бум-бурум-бум-бурум-бум! .. И тут же пищали и визжали мышиный король и мыши, а потом снова раздавался грозный и могучий голос Щелкунчика, командовавшего сражением. И было видно, как сам он обходит под огнем свои батальоны.

Панталоне провел несколько чрезвычайно доблестных кавалерийских атак и покрыл себя славой. Но мышинная артиллерия засыпала гусар Фрица отвратительными, зловонными ядрами, которые оставляли на их красных мундирах ужасные пятна, почему гусары и не рвались вперед. Панталоне скомандовал им «налево кругом» и, воодушевившись ролью полководца, сам повернул налево, а за ним последовали кирасиры и драгуны, и вся кавалерия отправилась восвояси. Теперь положение батареи, занявшей позицию на скамеечке для ног, стало угрожаемым; не пришлось долго ждать, как нахлынули полчища противных мышей и бросились в атаку столь яростно, что перевернули скамеечку вместе с пушками и пушкарями. Щелкунчик, по-видимому, был очень озадачен и скомандовал отступление на правом фланге. Ты знаешь, о мой многоопытный в ратном деле слушатель Фриц, что подобный маневр означает чуть ли не то же самое, что бегство с поля брани, и ты вместе со мной уже сокрушаешься о неудаче, которая должна была постигнуть армию маленького любимца Мари — Щелкунчика. Но отврати свой взор от этой напасти и взгляни на левый фланг Щелкунчиковой армии, где все обстоит вполне благополучно и полководец и армия

еще полны надежды. В пылу битвы из-под комода тихонечко выступили отряды мышинной кавалерии и с отвратительным писком яростно набросились на левый фланг Щелкунчиковой армии; но какое сопротивление встретили они! Медленно, насколько позволяла неровная местность, ибо надо было перебраться через край шкафа, выступил и построился в каре корпус куколок с сюрпризами под предводительством двух китайских императоров. Эти бравые, очень пестрые и нарядные великолепные полки, составленные из садовников, тирольцев, тунгусов, парикмахеров, арлекинов, купидонов, львов, тигров, мартышек и обезьян, сражались с хладнокровием, отвагой и выдержкой. С мужеством, достойным спартанцев, вырвал бы этот отборный батальон победу из рук врага, если бы некий brave вражеский ротмистр не прорвался с безумной отвагой к одному из китайских императоров и не откусил ему голову, а тот при падении не задавил двух тунгусов и мартышку. Вследствие этого образовалась брешь, куда и устремился враг; и вскоре весь батальон был перегрызен. Но мало выгоды извлек неприятель из этого злодеяния. Как только кровожадный солдат мышинной кавалерии перегрызал пополам одного из своих отважных противников, прямо в горло ему попадала печатная бумажка, от чего он умирал на месте. Но помогло ли это Щелкунчиковой армии, которая, раз начав отступление, отступала все дальше и дальше и несла все больше потерь, так что вскоре только кучка смельчаков с злосчастным Щелкунчиком во главе еще держалась у самого шкафа? «Резервы, сюда! Панталоне, Скарамуш, барабанщик, где вы?» взывал Щелкунчик, рассчитывавший на прибытие свежих сил, которые должны были выступить из стеклянного шкафа. Правда, оттуда прибыло несколько коричневых человечков из Торна, с золотыми лицами и в золотых шлемах и шляпах; но они дрались так неумело, что ни разу не попали во врага и, вероятно, сбили бы с головы шапочку своему полководцу Щелкунчику. Неприятельские егеря вскоре отгрызли им ноги, так что они попадали и при этом передавали многих соратников Щелкунчика. Теперь Щелкунчик, со всех сторон теснимый врагом, находился в большой опасности. Он хотел было перепрыгнуть через край шкафа, но ноги у него были слишком коротки. Клерхен и Трудхен лежали в обмороке — помочь ему они не могли. Гусары и драгуны резво скакали мимо него прямо в шкаф. Тогда он в предельном отчаянии громко воскликнул:

—Коня, коня! Полцарства за коня!

В этот миг два вражеских стрелка вцепились в его деревянный плащ, и мышинный король подскочил к Щелкунчику, испуская победный писк из всех своих семи глоток.

Мари больше не владела собой.

—О мой бедный Щелкунчик!— воскликнула она, рыдая, и, не отдавая себе отчета в том, что делает, сняла с левой ноги туфельку и изо всей силы швырнула ею в самую гущу мышей, прямо в их короля.

В тот же миг все словно прахом рассыпалось, а Мари почувствовала боль в левом локте, еще более жгучую, чем раньше, и без чувств повалилась на пол.

Болезнь

Когда Мари очнулась после глубокого забытья, она увидела, что лежит у себя в постельке, а сквозь замерзшие окна в комнату светит яркое, искрящееся солнце.

У самой ее постели сидел чужой человек, в котором она, однако, скоро узнала хирурга Вендельштерна. Он сказал вполголоса:

—Наконец-то она очнулась...

Тогда подошла мама и посмотрела на нее испуганным, пытливым взглядом.

—Ах, милая мамочка,— пролепетала Мари,— скажи: противные мыши убрались наконец и славный Щелкунчик спасен?

—Полно вздор болтать, милая Марихен!— возразила мать.— Ну на что мышам твой Щелкунчик? А вот ты, нехорошая девочка, до смерти напугала нас. Так всегда бывает, когда дети своевольничают и не слушаются родителей. Ты вчера до поздней ночи заигралась в куклы, потом задремала, и, верно, тебя напугала случайно проشمыгнувшая мышка: ведь вообще-то мышей у нас не водится. Словом, ты расшибла локтем стекло в шкафу и поранила себе руку. Хорошо еще, что ты не порезала стеклом вену! Доктор Вендельштерн, который как раз сейчас вынимал у тебя из раны застрявшие там осколки, говорит, что ты на всю жизнь осталась бы калекой и могла бы даже истечь кровью. Слава богу, я проснулась в полночь, увидела, что тебя все еще нет в спальне, и пошла в гостиную. Ты без сознания лежала на полу у шкафа, вся в крови. Я сама со страху чуть не потеряла сознание. Ты лежала на полу, а вокруг были разбросаны оловянные солдатики Фрица, разные игрушки, поломанные куклы с сюрпризами и пряничные человечки. Щелкунчика ты держала в левой руке, из которой сочилась кровь, а неподалеку валялась твоя туфелька...

—Ах, мамочка, мамочка!— перебила ее Мари.— Ведь это же были следы великой битвы между куклами и мышами! Оттого-то я так испугалась, что мыши хотели забрать в плен бедного Щелкунчика, командовавшего кукольным войском. Тогда я швырнула туфелькой в мышей, а что было дальше, не знаю.

Доктор Вендельштерн подмигнул матери, и та очень ласково стала уговаривать Мари:

—Полно, полно, милая моя детка, успокойся! Мыши все убежали, а Щелкунчик стоит за стеклом в шкафу, целый и невредимый.

Тут в спальню вошел советник медицины и завел долгий разговор с хирургом Вендельштерном, потом он пощупал у Мари пульс, и она слышала, что они говорили о горячке, вызванной раной.

Несколько дней ей пришлось лежать в постели и глотать лекарства, хотя, если не считать боли в локте, она почти не чувствовала недомогания. Она знала, что милый Щелкунчик вышел из битвы целым и невредимым, и по временам ей как сквозь сон чудилось, будто он очень явственным, хотя и чрезвычайно печальным голосом говорит ей: «Мари, прекрасная дама, многим я вам обязан, но вы можете сделать для меня еще больше».

Мари тщетно раздумывала, что бы это могло быть, но ничего не приходило ей в голову. Играть по-настоящему она не могла из-за больной руки, а если бралась за чтение или принималась перелистывать книжки с картинками, у нее в глазах рябило, так что приходилось отказываться от этого занятия. Поэтому время тянулось для нее бесконечно долго, и Мари едва могла дождаться сумерек, когда мать садилась у ее кровати и читала и рассказывала всякие чудесные истории.

Вот и сейчас мать как раз кончила занимательную сказку про принца Факардина, как вдруг открылась дверь, и вошел крестный Дроссельмейер.

—Ну-ка, дайте мне поглядеть на нашу бедную раненую Мари,— сказал он.

Как только Мари увидела крестного в обычном желтом сюртучке, у нее перед глазами со всей живостью всплыла та ночь, когда Щелкунчик потерпел поражение в битве с мышами, и она невольно крикнула старшему советнику суда:

—О крестный, какой ты гадкий! Я отлично видела, как ты сидел на часах и свесил на них свои крылья, чтобы часы били потише и не спугнули мышей. Я отлично слышала, как ты позвал мышиноного короля. Почему ты не поспешил на помощь Щелкунчику, почему ты не поспешил на помощь мне, гадкий крестный? Во всем ты один виноват. Из-за тебя я порезала руку и теперь должна лежать больная в постели!

Мать в страхе спросила:

—Что с тобой, дорогая Мари?

Но крестный скорчил странную мину и заговорил трескучим, монотонным голосом:

—Ходит маятник со скрипом. Меньше стука — вот в чем штука. Трик-и-трак! Всегда и впредь должен маятник скрипеть, песни петь. А когда пробьет звонок: бим-и-бом!— подходит срок. Не пугайся, мой дружок. Бьют часы и в срок и кстати, на погибель мышьей рати, а потом слетит сова. Раз-и-два и раз-и-два! Бьют часы, коль срок им выпал. Ходит маятник со скрипом. Меньше стука — вот в чем штука. Тик-и-так и трик-и-трак!

Мари широко открытыми глазами уставилась на крестного, потому что он казался совсем другим и гораздо более уродливым, чем обычно, а правой рукой он махал взад и вперед, будто паяц, которого дергают за веревочку.

Она бы очень испугалась, если бы тут не было матери и если бы Фриц, прошмыгнувший в спальню, не прервал крестного громким смехом.

—Ах, крестный Дроссельмейер,— воскликнул Фриц,— сегодня ты опять такой потешный! Ты кривляешься совсем как мой паяц, которого я давно уже зашвырнул за печку.

Мать по-прежнему была очень серьезна и сказала:

—Дорогой господин старший советник, это ведь действительно странная шутка. Что вы имеете в виду?

—Господи, боже мой, разве вы позабыли мою любимую песенку часовщика? ответил Дроссельмейер, смеясь.— Я всегда пою ее таким больным, как Мари.

И он быстро подсел к кровати и сказал:

—Не сердись, что я не выцарапал мышиному королю все четырнадцать глаз сразу,— этого нельзя было сделать. А зато я тебя сейчас порадую.

С этими словами старший советник суда полез в карман и осторожно вытащил оттуда — как вы думаете, дети, что?— Щелкунчика, которому он очень искусно вставил выпавшие зубки и вправил больную челюсть.

Мари вскрикнула от радости, а мать сказала, улыбаясь:

—Вот видишь, как заботится крестный о твоём Щелкунчике...

—А все-таки сознайся, Мари,— перебил крестный госпожу Штальбаум, ведь Щелкунчик не очень складный и непригож собой. Если тебе хочется послушать, я охотно расскажу, как такое уродство появилось в его семье и стало там наследственным. А может быть, ты уже знаешь сказку о принцессе Пирлипат, ведьме Мышильде и искусном часовщике?

—Послушай-ка, крестный!— вмешался в разговор Фриц.— Что верно, то верно: ты отлично вставил зубы Щелкунчику, и челюсть тоже уже не шатается. Но почему у него нет сабли? Почему ты не повязал ему саблю?

—Ну, ты, неугомонный,— проворчал старший советник суда,— никак на тебя не угодишь! Сабля Щелкунчика меня не касается. Я вылечил его — пусть сам раздобывает себе саблю, где хочет.

—Правильно!— воскликнул Фриц.— Если он храбрый малый, то раздобудет себе оружие.

—Итак, Мари,— продолжал крестный,— скажи, знаешь ли ты сказку о принцессе Пирлипат?

—Ах, нет!— ответила Мари.— Расскажи, милый крестный, расскажи!

—Надеюсь, дорогой господин Дроссельмейер,— сказала мама,— что на этот раз вы расскажете не такую страшную сказку, как обычно.

—Ну, конечно, дорогая госпожа Штальбаум,— ответил Дроссельмейер. Напротив, то, что я буду иметь честь изложить вам, очень занятно.

—Ах, расскажи, расскажи, милый крестный!— закричали дети.

старший советник суда начал так:

Сказка о твердом орехе

Мать Пирлипат была супругой короля, а значит, королевой, а Пирлипат как родилась, так в тот же миг и стала прирожденной принцессой. Король налюбоваться не мог на почивавшую в колыбельке красавицу дочурку. Он громко радовался, танцевал, прыгал на одной ножке и то и дело кричал:

—Хейза! Видел ли кто-нибудь девочку прекраснее моей Пирлипатхен?

А все министры, генералы, советники и штаб-офицеры прыгали на одной ножке, как их отец и повелитель, и хором громко отвечали:

—Нет, никто не видел!

Да, по правде говоря, и нельзя было отрицать, что с тех пор, как стоит мир, не появлялось еще на свет младенца прекраснее принцессы Пирлипат. Личико у нее было словно соткано из лилейно-белого и нежно-розового шелка, глазки — живая сияющая лазурь, а особенно украшали ее волосики, вившиеся золотыми колечками. При этом Пирлипатхен родилась с двумя рядами беленьких, как жемчуг, зубок, которыми она два часа спустя после рождения впиалась в палец рейхсканцлера, когда он пожелал поближе исследовать черты ее лица, так что он завопил: "Ой-ой-ой!" Некоторые, впрочем, утверждают, будто он крикнул: "Ай-ай-ай!" Еще и сегодня мнения расходятся. Короче, Пирлипатхен на самом деле укусила рейхсканцлера за палец, и тогда восхищенный народ уверился в том, что в очаровательном, ангельском тельце принцессы Пирлипат обитают и душа, и ум, и чувство.

Как сказано, все были в восторге; одна королева неизвестно почему тревожилась и беспокоилась. Особенно странно было, что она приказала неусыпно стеречь колыбельку Пирлипат. Мало того, что у дверей стояли драбанты,— было отдано распоряжение, чтобы в детской, кроме двух нянюшек, постоянно сидевших у самой колыбельки, еженощно дежурило еще шесть няnek и — что казалось совсем нелепым и чего никто не мог понять — каждой нянке приказано было держать на коленях кота и всю ночь гладить его, чтобы он, не переставая, мурлыкал. Вам, милые детки, нипочем не угадать, зачем мать принцессы Пирлипат принимала все эти меры, но я знаю зачем и сейчас расскажу и вам.

Раз как-то ко двору короля, родителя принцессы Пирлипат, съехалось много славных королев и пригожих принцев. Ради такого случая были устроены блестящие турниры, представления и придворные балы. Король, желая показать, что у него много золота и серебра, решил как следует запустить руку в свою казну и устроить празднество, достойное его. Поэтому, выведав от обер-гофповара, что придворный звездочет возвестил время, благоприятное для колки свиней, он задумал задать колбасный пир, вскочил в карету и самолично пригласил всех окрестных королев и принцев всего-навсего на тарелку супа, мечтая затем поразить их роскошеством. Потом он очень ласково сказал своей супруге-королеве:

—Милочка, тебе ведь известно, какая колбаса мне по вкусу...

Королева уже знала, к чему он клонит речь: это означало, что она должна лично заняться весьма полезным делом — изготовлением колбас, которым не брезговала и раньше. Главному казначею приказано было немедленно отправить на кухню большой золотой котел и серебряные кастрюли; печь растопили дровами сандалового дерева; королева повязала свой камчатый кухонный передник. И вскоре из котла потянуло вкусным духом колбасного навара. Приятный запах проник даже в государственный совет. Король, весь трепеща от восторга, не вытерпел.

—Прошу извинения, господа!— воскликнул он, побежал на кухню, обнял королеву, помешал немножко золотым скипетром в котле и, успокоенный, вернулся в государственный совет.

Наступил самый важный момент: пора было разрезать на ломтики сало и поджаривать его на золотых сковородах. Придворные дамы отошли к сторонке, потому что королева из преданности, любви и уважения к царственному супругу собиралась лично заняться этим делом. Но как только сало начало зарумяниваться, послышался тоненький, шепчущий голосок:

—Дай и мне отведать сальца, сестрица! И я хочу полакомиться — я ведь тоже королева. Дай и мне отведать сальца!

Королева отлично знала, что это говорит госпожа Мышильда. Мышильда уже много лет проживала в королевском дворце. Она утверждала, будто состоит в родстве с королевской фамилией и сама правит королевством Мышляндия, вот почему она и держала под почкой большой двор. Королева была женщина добрая и щедрая. Хотя вообще она не почитала Мышильду особой царского рода и своей сестрой, но в такой торжественный день от всего сердца допустила ее на пиршество и крикнула:

—Вылезайте, госпожа Мышильда! Покушайте на здоровье сальца.

И Мышильда быстро и весело выпрыгнула из-под печки, вскочила на плиту и стала хватать изящными лапками один за другим кусочки сала, которые ей протягивала королева. Но тут нахлынули все кумовья и тетушки Мышильды и даже ее семь сыновей, отчаянные сорванцы. Они набросились на сало, и королева с перепугу не знала, как быть. К счастью, подоспела обер-гофмейстерина и прогнала непрошенных гостей. Таким образом, уцелело немного сала, которое, согласно указаниям призванного по этому случаю придворного математика, было весьма искусно распределено по всем колбасам.

Забили в литавры, затрубили в трубы. Все короли и принцы в великолепных праздничных одеяниях — одни на белых конях, другие в хрустальных каретах потянулись на колбасный пир. Король встретил их с сердечной приветливостью и почетом, а затем, в короне и со скипетром, как и полагается государю, сел во главе стола. Уже когда подали ливерные колбасы, гости заметили, как все больше и больше бледнел король, как он возводил очи к небу. Тихие вздохи вылетали из его груди; казалось, его душой овладела сильная скорбь. Но когда подали кровяную колбасу, он с громким рыданьем и стонами откинулся на спинку кресла, обеими руками закрыв лицо. Все повскакали из-за стола. Лейб-медик тщетно пытался нащупать пульс у злосчастного короля, которого, казалось, снедала глубокая, непонятная тоска. Наконец после долгих уговоров, после применения сильных средств, вроде жженных гусиных перьев и тому подобного, король как будто начал приходить в себя. Он пролепетал едва слышно:

—Слишком мало сала!

Тогда неутешная королева бухнулась ему в ноги и простонала:

—О, мой бедный, несчастный царственный супруг! О, какое горе пришлось вам вынести! Но взгляните: виновница у ваших ног — покарайте, строго покарайте меня! Ах, Мышильда со своими кумовьями, тетушками и семью сыновьями съела сало, и...

С этими словами королева без чувств упала навзничь. Но король вскочил, пылая гневом, и громко крикнул:

—Обер-гофмейстерина, как это случилось?

Обер-гофмейстерина рассказала, что знала, и король решил отомстить Мышильде и ее роду за то, что они сожрали сало, предназначенное для его колбас.

Созвали тайный государственный совет. Решили возбудить процесс против Мышильды и отобрать в казну все ее владения. Но король полагал, что пока это не помешает Мышильде, когда ей вздумается, пожирать сало, и потому поручил все дело придворному часовых дел мастеру и

чудодею. Этот человек, которого звали так же, как и меня, а именно Христиан Элиас Дроссельмейер, обещал при помощи совершенно особых, исполненных государственной мудрости мер на веки вечные изгнать Мышильду со всей семьей из дворца.

И в самом деле: он изобрел весьма искусные машинки, в которых на ниточке было привязано поджаренное сало, и расставил их вокруг жилища госпожи салоежки.

Сама Мышильда была слишком умудрена опытом, чтобы не понять хитрости Дроссельмейера, но ни ее предостережения, ни ее увещания не помогли: все семь сыновей и много-много Мышильдиных кумовьев и тетушек, привлеченные вкусным запахом жареного сала, забрались в дроссельмейеровские машинки — и только хотели полакомиться салом, как их неожиданно прихлопнула опускающаяся дверца, а затем их предали на кухне позорной казни. Мышильда с небольшой кучкой уцелевших родичей покинула эти места скорби и плача. Горе, отчаяние, жажда мести клекотали у нее в груди.

Двор ликовал, но королева была встревожена: она знала Мышильдин нрав и отлично понимала, что та не оставит неотомщенной смерть сыновей и близких.

И в самом деле, Мышильда появилась как раз тогда, когда королева готовила для царственного супруга паштет из ливера, который он очень охотно кушал, и сказала так:

—Мои сыновья, кумовья и тетушки убиты. Берегись, королева: как бы королева мышей не загрызла малютку принцессу! Берегись!

Затем она снова исчезла и больше не появлялась. Но королева с перепугу уронила паштет в огонь, и во второй раз Мышильда испортила любимое кушанье короля, на что он очень разгневался...

—Ну, на сегодняшний вечер довольно. Остальное доскажу в следующий раз,— неожиданно закончил крестный.

Как ни просила Мари, на которую рассказ произвел особенное впечатление, продолжать, крестный Дроссельмейер был неумолим и со словами: «Слишком много сразу — вредно для здоровья; продолжение завтра»,— вскочил со стула.

В ту минуту, когда он собирался уже выйти за дверь, Фриц спросил:

—Скажи-ка, крестный, это на самом деле, правда, что ты выдумал мышеловку?

—Что за вздор ты городишь, Фриц!— воскликнула мать.

Но старший советник суда очень странно улыбнулся и тихо сказал:

—А почему бы мне, искусному часовщику, не выдумать мышеловку?

Продолжение сказки о твердом орехе

—Ну, дети, теперь вы знаете,— так продолжал на следующий вечер Дроссельмейер,— почему королева приказала столь бдительно стеречь красоточку принцессу Пирлипат. Как же было ей не бояться, что Мышильда выполнит свою угрозу — вернется и загрызет малютку принцессу! Машинка Дроссельмейера ничуть не помогала против умной и предусмотрительной Мышильды, а придворный звездочет, бывший одновременно и главным предсказателем, заявил, что только род кота Мурра может отвадить Мышильду от колыбельки. Потому-то каждой няньке приказано было держать на коленях одного из сынов этого рода, которых, кстати сказать, пожаловали чипом тайного советника посольства, и облегчать им бремя государственной службы учтивым почесыванием за ухом.

Как-то, уже в полночь, одна из двух обер-гофнянок, которые сидели у самой колыбельки, вдруг очнулась, словно от глубокого сна. Все вокруг было охвачено сном. Никакого мурлыканья —

глубокая, мертвая тишина, только слышно тиканье жучка-точильщика. Но что почувствовала нянька, когда прямо перед собой увидела большую противную мышь, которая поднялась на задние лапки и положила свою зловещую голову принцессе на лицо! Нянька вскочила с криком ужаса, все проснулись, но в тот же миг Мышильда — ведь большая мышь у колыбели Пирлипат была она — быстро шмыгнула в угол комнаты. Советники посольства бросились вдогонку, но не тут-то было: она шмыгнула в щель в полу. Пирлипатхен проснулась от суматохи и очень жалобно заплакала.

—Слава богу,— воскликнули нянюшки,— она жива!

Но как же они испугались, когда взглянули на Пирлипатхен и увидели, что случилось с хорошеньким нежным младенцем! На тщедушном, скорчившемся тельце вместо кудрявой головки румяного херувима сидела огромная бесформенная голова; голубые, как лазурь, глазки превратились в зеленые, тупо вытаращенные гляделки, а ротик растянулся до ушей.

Королева исходила слезами и рыданиями, а кабинет короля пришлось обить ватой, потому что король бился головой об стену и жалобным голосом причитал:

—Ах, я несчастный монарх!

Теперь король, казалось, мог бы понять, что лучше было съесть колбасу без сала и оставить в покое Мышильду со всей ее запечной родней, но об этом отец принцессы Пирлипат не подумал — он просто-напросто свалил всю вину на придворного часовщика и чудодея Христиана Элиаса Дроссельмейера из Нюрнберга и отдал мудрый приказ: «Дроссельмейер должен в течение месяца вернуть принцессе Пирлипат ее прежний облик или, по крайней мере, указать верное к тому средство — в противном случае он будет продан позорной смерти от руки палача».

Дроссельмейер не на шутку перепугался. Однако он положился на свое уменье и счастье и тотчас же приступил к первой операции, которую почитал необходимой. Он очень ловко разобрал принцессу Пирлипат на части, вывинтил ручки и ножки и осмотрел внутреннее устройство, но, к сожалению, он убедился, что с возрастом принцесса будет все безобразнее, и не знал, как помочь беде. Он опять старательно собрал принцессу и впал в уныние около ее колыбели, от которой не смел отлучаться.

Шла уже четвертая неделя, наступила среда, и король, сверкая в гневе очами и потрясая скипетром, заглянул в детскую к Пирлипат и воскликнул:

—Христиан Элиас Дроссельмейер, вылечи принцессу, не то тебе несдобровать!

Дроссельмейер принялся жалобно плакать, а принцесса Пирлипат тем временем весело щелкала орешки. Впервые часовых дел мастера и чудодея поразила ее необычайная любовь к орехам и то обстоятельство, что она появилась на свет уже с зубами. В самом деле, после превращения она кричала без умолку, пока ей случайно не попался орешек; она разгрызла его, съела ядрышко и сейчас же угомонилась. С тех пор няньки то и дело унимали ее орехами.

—О святой инстинкт природы, неисповедимая симпатия всего сущего! воскликнул Христиан Элиас Дроссельмейер.— Ты указуешь мне врата тайны. Я постучусь, и они откроются!

Он тотчас же испросил разрешения поговорить с придворным звездочетом и был отведен к нему под строгим караулом. Оба, заливаясь слезами, упали друг другу в объятия, так как были закадычными друзьями, затем удалились в потайной кабинет и принялись рыться в книгах, где говорилось об инстинкте, симпатиях и антипатиях и других таинственных явлениях.

Наступила ночь. Придворный звездочет поглядел на звезды и с помощью Дроссельмейера, великого искусника и в этом деле, составил гороскоп принцессы Пирлипат. Сделать это было очень трудно, ибо линии запутывались все больше и больше, но — о, радость! — наконец все стало ясно: чтобы избавиться от волшебства, которое ее изуродовало, и вернуть себе былую красоту, принцессе Пирлипат достаточно было съесть ядрышко ореха Кракатук.

У ореха Кракатук было такая твердая скорлупа, что по нему могла проехать сорокавосьмифунтовая пушка и не раздавить его. Этот твердый орех должен был разгрызть и, зажмурившись, поднести принцессе человек, никогда еще не брившийся и не носивший сапог. Затем юноше следовало отступить на семь шагов, не споткнувшись, и только тогда открыть глаза.

Три дня и три ночи без усталости работали Дроссельмейер со звездочетом, и как раз в субботу, когда король сидел за обедом, к нему ворвался радостный и веселый Дроссельмейер, которому в воскресенье утром должны были снести голову, и возвестил, что найдено средство вернуть принцессе Пирлипат утраченную красоту. Король обнял его горячо и благосклонно и посулил ему бриллиантовую шпагу, четыре ордена и два новых праздничных кафтана.

—После обеда мы сейчас же и приступим,— любезно прибавил король. Позаботьтесь, дорогой чудодей, чтобы небритый молодой человек в башмаках был под рукой и, как полагается, с орехом Кракатук. И не давайте ему вина, а то как бы он не споткнулся, когда, словно рак, будет пятиться семь шагов. Потом пусть пьет вволю!

Дроссельмейера напугала речь короля, и, смущаясь и робея, он пролепетал, что средство, правда, найдено, но что обоих — и орех и молодого человека, который должен его разгрызть,— надо сперва отыскать, причем пока еще очень сомнительно, возможно ли найти орех и шелкунчика. В сильном гневе потряс король скипетром над венчанной главой и зарычал, как лев:

—Ну, так тебе снесут голову!

На счастье поверженного в страх и горе Дроссельмейера, как раз сегодня обед пришелся королю очень по вкусу, и поэтому он был расположен внимать разумным увещаниям, на которые не поспешила великодушная королева, тронутая судьбой несчастного часовщика. Дроссельмейер приободрился и почтительно доложил королю, что, собственно, разрешил задачу — нашел средство к излечению принцессы, и тем самым заслужил помилование. Король назвал это глупой отговоркой и пустой болтовней, но в конце концов, выпив стаканчик желудочной настойки, решил, что оба — часовщик и звездочет тронутся в путь и не вернутся до тех пор, пока у них в кармане не будет ореха Кракатук. А человека, нужного для того, чтобы разгрызть орех, по совету королевы, решили раздобыть путем многократных объявлений в местных и заграничных газетах и ведомостях с приглашением явиться во дворец...

На этом крестный Дроссельмейер остановился и обещал досказать остальное в следующий вечер.

Конец сказки о твердом орехе

И в самом деле, на следующий день вечером, только зажгли свечи, явился крестный Дроссельмейер и так продолжал свой рассказ:

—Дроссельмейер и придворный звездочет странствовали уже пятнадцать лет и все еще не напали на след ореха Кракатук. Где они побывали, какие диковинные приключения испытали, не пересказать, детки, и за целый месяц. Этого я делать и не собираюсь, а прямо скажу вам, что, погруженный в глубокое уныние, Дроссельмейер сильно стосковался по родине, по милому своему Нюрнбергу. Особенно сильная тоска напала на него как-то раз в Азии, в дремучем лесу, где он вместе со своим спутником присел выкурить трубочку кнастера.

«О дивный, дивный Нюрнберг мой, кто не знаком еще с тобой, пусть побывал он даже в Вене, в Париже и Петервардейне, душою будет он томиться, к тебе, о Нюрнберг, стремиться — чудесный городок, где в ряд красивые дома стоят».

Жалобные причитания Дроссельмейера вызвали глубокое сочувствие у звездочета, и он тоже разревелся так горько, что его слышно было на всю Азию. Но он взял себя в руки, вытер слезы и спросил:

—Досточтимый коллега, чего же мы здесь сидим и режем? Чего не идем в Нюрнберг? Не все ли равно, где и как искать злополучный орех Кракатук?

—И то правда,— ответил, сразу утешившись, Дроссельмейер.

Оба сейчас же встали, выколотили трубки и из леса в глубине Азии прямехонько отправились в Нюрнберг.

Как только они прибыли, Дроссельмейер сейчас же побежал к своему двоюродному брату — игрушечному мастеру, токарю по дереву, лакировщику и позолотчику Кристофу Захариусу Дроссельмейеру, с которым не виделся уже много-много лет. Ему-то и рассказал часовщик всю историю про принцессу Пирлипат, госпожу Мышильду и орех Кракатук, а тот то и дело всплескивал руками и несколько раз в удивлении воскликнул:

—Ах, братец, братец, ну и чудеса!

Дроссельмейер рассказал о приключениях на своем долгом пути, рассказал, как провел два года у Финикового короля, как обидел и выгнал его Миндальный принц, как тщетно запрашивал он общество естествоиспытателей в городе Белок,— короче говоря, как ему нигде не удалось напасть на след ореха Кракатук. Во время рассказа Кристоф Захариус не раз прищелкивал пальцами, вертелся на одной ножке, причмокивал губами и приговаривал:

—Гм, гм! Эге! Вот так штука!

Наконец он подбросил к потолку колпак вместе с париком, горячо обнял двоюродного брата и воскликнул:

—Братец, братец, вы спасены, спасены, говорю я! Слушайте: или я жестоко ошибаюсь, или орех Кракатук у меня!

Он тотчас же приносит шкатулочку, откуда вытащил позолоченный орех средней величины.

—Взгляните,— сказал он, показывая орех двоюродному брату,— взгляните на этот орех. История его такова. Много лет тому назад, в сочельник, пришел сюда неизвестный человек с полным мешком орехов, которые он принес на продажу. У самых дверей моей лавки с игрушками он поставил мешок наземь, чтоб легче было действовать, так как у него произошла стычка со здешним продавцом орехов, который не мог потерпеть чужого торговца. В эту минуту мешок переехала тяжело нагруженная фура. Все орехи были передавлены, за исключением одного, который чужеземец, странно улыбаясь, и предложил уступить мне за цванцигер тысяча семьсот двадцатого года. Мне это показалось загадочным, но я нашел у себя в кармане как раз такой цванцигер, какой он просил, купил орех и позолотил его. Сам хорошенько не знаю, почему я так дорого заплатил за орех, а потом так берег его.

Всякое сомнение в том, что орех двоюродного брата — это действительно орех Кракатук, который они так долго искали, тут же рассеялось, когда подоспевший на зов придворный звездочет аккуратно соскоблил с ореха позолоту и отыскал на скорлупе слово «Кракатук», вырезанное китайскими письменами.

Радость путешественников была огромна, а двоюродный брат Дроссельмейер почел себя счастливейшим человеком в мире, когда Дроссельмейер уверил его, что счастье ему обеспечено, ибо отныне сверх значительной пенсии он будет получать золото для позолоты даром.

И чудодей и звездочет оба уже нахлобучили ночные колпаки и собирались укладываться спать, как вдруг последний, то есть звездочет, повел такую речь:

—Дражайший коллега, счастье никогда не приходит одно. Поверьте, мы нашли не только орех Кракатук, но и молодого человека, который разгрызет его и преподнесет принцессе ядрышко — залог красоты. Я имею в виду не кого иного, как сына вашего двоюродного брата. Нет, я не лягу спать, вдохновенно воскликнул он.— Я еще сегодня ночью составлю гороскоп юноши!— С этими словами он сорвал колпак с головы и тут же принялся наблюдать звезды.

Племянник Дроссельмейера был в самом деле пригожий, складный юноша, который еще ни разу не брился и не надевал сапог. В ранней молодости он, правда, изображал два рождества кряду

паяца; но этого ни чуточки не было заметно: так искусно был он воспитан стараньями отца. На святках он был в красивом красном, шитом золотом кафтане, при шпаге, держал под мышкой шляпу и носил превосходный парик с косичкой. В таком блестящем виде стоял он в лавке у отца и со свойственной ему галантностью щелкал барышням орешки, за что и прозвали его Красавчик Щелкунчик.

Наутро восхищенный звездочет упал в объятия Дроссельмейера и воскликнул:

—Это он! Мы раздобыли его, он найден! Только, любезнейший коллега, не следует упускать из виду двух обстоятельств: во-первых, надо сплести вашему превосходному племяннику солидную деревянную косу, которая была бы соединена с нижней челюстью таким образом, чтобы ее можно было сильно оттянуть косой; затем, по прибытии в столицу надо молчать о том, что мы привезла с собой молодого человека, который разгрызет орех Кракатук, лучше, чтобы он появился гораздо позже. Я прочел в гороскопе, что после того, как многие сломают себе на орехе зубы без всякого толку, король отдаст принцессу, а после смерти и королевство в награду тому, кто разгрызет орех и возвратит Пирлипат утраченную красоту.

Игрушечный мастер был очень польщен, что его сыночку предстояло жениться на принцессе и самому сделаться принцем, а затем и королем, и потому он охотно доверил его звездочету и часовщику. Коса, которую Дроссельмейер приделал своему юному многообещающему племяннику, удалась на славу, так что тот блестяще выдержал испытание, раскусив самые твердые персиковые косточки.

Дроссельмейер и звездочет немедленно дали знать в столицу, что орех Кракатук найден, а там сейчас же опубликовали воззвание, и когда прибыли наши путники с талисманом, восстанавливающим красоту, ко двору уже явилось много прекрасных юношей и даже принцев, которые, полагаясь на свои здоровые челюсти, хотели попытаться снять злые чары с принцессы.

Наши путники очень испугались, увидев принцессу. Маленькое туловище с тощими ручонками и ножками едва держало бесформенную голову. Лицо казалось еще уродливее из-за белой нитяной бороды, которой обросли рот и подбородок.

Все случилось так, как прочитал в гороскопе придворный звездочет. Молокососы в башмаках один за другим ломали себе зубы и раздирали челюсти, а принцессе ничуть не легчало; когда же затем их в полуобморочном состоянии уносили приглашенные на этот случай зубные врачи, они стонали:

—Поди-ка раскуси такой орех!

Наконец король в сокрушении сердечном обещал дочь и королевство тому, кто расколдует принцессу. Тут-то и вызвался наш учтивый и скромный молодой Дроссельмейер и попросил разрешения тоже попытать счастья.

Принцессе Пирлипат никто так не понравился, как молодой Дроссельмейер, она прижала ручки к сердцу и от глубины души вздохнула: "Ах, если бы он разгрыз орех Кракатук и стал моим мужем! "

Вежливо поклонившись королю и королеве, а затем принцессе Пирлипат, молодой Дроссельмейер принял из рук оберцеремониймейстера орех Кракатук, положил его без долгих разговоров в рот, сильно дернул себя за косу и Щелк-шелк!— разгрыз скорлупу на кусочки. Ловко очистил он ядрышко от приставшей кожуры и, зажмурившись, поднес, почтительно шаркнув ножкой, принцессе, затем начал пятиться. Принцесса тут же проглотила ядрышко, и о, чудо!— уродец исчез, а на его месте стояла прекрасная, как ангел, девушка, с лицом, словно сотканым из лилейно-белого и розового шелка, с глазами, сияющими, как лазурь, с вьющимися колечками золотыми волосами.

Трубы и литавры присоединились к громкому ликованию народа. Король и весь двор танцевали на одной ножке, как при рождении принцессы Пирлипат, а королеву пришлось опрыскивать одеколоном, так как от радости и восторга она упала в обморок.

Поднявшаяся суматоха порядком смутила молодого Дроссельмейера, которому предстояло еще пятиться положенные семь шагов. Все же он держался отлично и уже занес правую ногу для седьмого шага, но тут из подполья с отвратительным писком и визгом вылезла Мышильда. Молодой Дроссельмейер, опустивший было ногу, наступил на нее и так споткнулся, что чуть не упал.

О, злой рок! В один миг юноша стал так же безобразен, как до того принцесса Пирлипат. Туловище съежилось и едва выдерживало огромную бесформенную голову с большими вытаращенными глазами и широкой, безобразно разинутой пастью. Вместо косы сзади повис узкий деревянный плащ, при помощи которого можно было управлять нижней челюстью.

Часовщик и звездочет были вне себя от ужаса, однако они заметили, что Мышильда вся в крови извивается на полу. Ее злодейство не осталось безнаказанным: молодой Дроссельмейер крепко ударил ее по шее острым каблуком, и ей пришел конец.

Но Мышильда, охваченная предсмертными муками, жалобно пищала и визжала:

—О твердый, твердый Кракатук, мне не уйти от смертных мук! .. Хи-хи... Пи-пи... Но, Щелкунчик-хитрец, и тебе придет конец: мой сынок, король мышинный, не простит моей кончины — отомстит тебе за мать мышья рать. О жизнь, была ты светла — и смерть за мною пришла... Квик!

Пискнув в последний раз, Мышильда умерла, и королевский истопник унес ее прочь.

На молодого Дроссельмейера никто не обращал внимания. Однако принцесса напомнила отцу его обещание, и король тотчас же повелел подвести к Пирлипат юного героя. Но когда бедняга предстал перед ней во всем своем безобразии, принцесса закрыла лицо обеими руками и закричала:

—Вон, вон отсюда, противный Щелкунчик!

И сейчас же гофмаршал схватил его за узкие плечики и вытолкал вон.

Король распалился гневом, решив, что ему хотели навязать в зятя Щелкунчика, во всем винил незадачливых часовщика и звездочета и на вечные времена изгнал обоих из столицы. Это не было предусмотрено гороскопом, составленным звездочетом в Нюрнберге, но он не преминул снова приступить к наблюдению за звездами и прочитал, что юный Дроссельмейер отменно будет вести себя в своем новом звании и, несмотря на все свое безобразие, сделается принцем и королем. Но его уродство исчезнет лишь в том случае, если семиголовый сын Мышильды, родившийся после смерти своих семи старших братьев и ставший мышиным королем, падет от руки Щелкунчика и если, несмотря на уродливую наружность, юного Дроссельмейера полюбит прекрасная дама. Говорят, что и в самом деле на святках видели молодого Дроссельмейера в Нюрнберге в лавке его отца, хотя и в образе Щелкунчика, но все же в сане принца.

Вот вам, дети, сказка о твердом орехе. Теперь вы поняли, почему говорят: "Поди-ка раскуси такой орех!" и почему щелкунчики столь безобразны...

Так закончил старший советник суда свой рассказ.

Мари решила, что Пирлипат — очень гадкая и неблагодарная принцесса, а Фриц уверял, что если Щелкунчик и вправду храбрец, он не станет особенно церемониться с мышинным королем и вернет себе былую красоту.

Дядя и племянник

Кому из моих высокоуважаемых читателей или слушателей случалось порезаться стеклом, тот знает, как это больно и что это за скверная штука, так как рана заживает очень медленно. Мари пришлось провести в постели почти целую неделю, потому что при всякой попытке встать у нее кружилась голова. Все же в конце концов она совсем выздоровела и опять могла весело прыгать по комнате.

В стеклянном шкафу все блистало новизной — и деревья, и цветы, и дома, и по-праздничному расфуфыренные куклы, а главное, Мари нашла там своего милого Щелкунчика, который улыбался ей со второй полки, скаля два ряда целых зубов. Когда она, радуясь от всей души, глядела на своего любимца, у нее вдруг защемило сердце: а если все, что рассказал крестный — история про Щелкунчика и про его распрю с Мышильдой и ее сыном,— если все это правда? Теперь она знала, что ее Щелкунчик — молодой Дроссельмейер из Нюрнберга, пригожий, но, к сожалению, заколдованный Мышильдой племянник крестного Дроссельмейера.

В том, что искусный часовщик при дворе отца принцессы Пирлипат был не кто иной, как старший советник суда Дроссельмейер, Мари ни минуты не сомневалась уже во время рассказа. «Но почему же дядя не помог тебе, почему он не помог тебе?» — сокрушалась Мари, и в ней все сильнее крепло убеждение, что бой, при котором она присутствовала, шел за Щелкунчиково королевство и корону. «Ведь все куклы подчинялись ему, ведь совершенно ясно, что сбылось предсказание придворного звездочета и молодой Дроссельмейер стал королем в кукольном царстве».

Рассуждая так, умненькая Мари, наделившая Щелкунчика и его вассалов жизнью и способностью двигаться, была убеждена, что они и в самом деле вот-вот оживут и зашевелятся. Но не тут-то было: в шкафу все стояло неподвижно по своим местам. Однако Мари и не думала отказываться от своего внутреннего убеждения — она просто решила, что всему причиной колдовство Мышильды и ее семиголового сына.

—Хотя вы и не в состоянии пошевелиться или вымолвить словечко, милый господин Дроссельмейер,— сказала она Щелкунчику,— все же я уверена, что вы меня слышите и знаете, как хорошо я к вам отношусь. Рассчитывайте на мою помощь, когда она вам понадобится. Во всяком случае, я попрошу дядю, чтобы он помог вам, если в том будет нужда, своим искусством!

Щелкунчик стоял спокойно и не трогался с места, но Мари почудилось, будто по стеклянному шкафу пронесся легкий вздох, отчего чуть слышно, но удивительно мелодично зазвенели стекла, и тоненький, звонкий, как колокольчик, голосок пропел: «Мария, друг, хранитель мой! Не надо мук — я буду твой».

У Мари от страха по спине забегали мурашки, но, как ни странно, ей было почему-то очень приятно.

Наступили сумерки. В комнату вошли родители с крестным Дроссельмейером. Немного погодя Луиза подала чай, и вся семья, весело болтая, уселась за стол. Мари потихонечку принесла свое креслице и села у ног крестного. Улучив минутку, когда все замолчали, Мари посмотрела большими голубыми глазами прямо в лицо старшему советнику суда и сказала:

—Теперь, дорогой крестный, я знаю, что Щелкунчик — твой племянник, молодой Дроссельмейер из Нюрнберга. Он стал принцем, или, вернее, королем: все так и случилось, как предсказал твой спутник, звездочет. Но ты ведь знаешь, что он объявил войну сыну госпожи Мышильды, уродливому мышиному королю. Почему ты ему не поможешь?

И Мари снова рассказала весь ход битвы, при которой присутствовала, и часто ее прерывал громкий смех матери и Луизы. Только Фриц и Дроссельмейер сохраняли серьезность.

—Откуда только девочка набралась такого вздору?— спросил советник медицины.

—Ну, у нее просто богатая фантазия,— ответила мать.— В сущности, это бред, порожденный сильной горячкой.— Все это неправда,— сказал Фриц.— Мои гусары — не такие трусы, не то я бы им показал!

Но крестный, странно улыбаясь, посадил крошку Мари на колени и заговорил ласковее, чем обычно:

—Ах, милая Мари, тебе дано больше, чем мне и всем нам. Ты, как и Пирлипат,— прирожденная принцесса: ты правишь прекрасным, светлым царством. Но много придется тебе вытерпеть, если

ты возьмешь под свою защиту бедного уродца Щелкунчика! Ведь мышиный король стережет его на всех путях и дорогах. Знай: не я, а ты, ты одна можешь спасти Щелкунчика. Будь стойкой и преданной.

Никто — ни Мари, ни остальные не поняли, что подразумевал Дроссельмейер; а советнику медицины слова крестного показались такими странными, что он пощупал у него пульс и сказал:

—У вас, дорогой друг, сильный прилив крови к голове: я вам пропишу лекарство.

Только супруга советника медицины задумчиво покачала головой и заметила:

—Я догадываюсь, что имеет в виду господин Дроссельмейер, но выразить это словами не могу.

Победа

Прошло немного времени, и как-то лунной ночью Мари разбудило странное постукивание, которое, казалось, шло из угла, словно там перебрасывали и катали камешки, а по временам слышался противный визг и писк.

—Ай, мыши, мыши, опять тут мыши!— в испуге закричала Мари и хотела уже разбудить мать, но слова застряли у нее в горле.

Она не могла даже шевельнуться, потому что увидела, как из 'дыры в стене с трудом вылез мышиный король и, сверкая глазами и коронами, принялся шмыгать по всей комнате; вдруг он одним прыжком вскочил на столик, стоявший у самой кровати Мари.

—Хи-хи-хи! Отдай мне все драже, весь марципан, глупышка, не то я загрызу твоего Щелкунчика, загрызу Щелкунчика!— пищал мышиный король и при этом противно скрипел и скрежетал зубами, а потом быстро скрылся в дырку в стене.

Мари так напугало появление страшного мышиноного короля, что наутро она совсем осунулась и от волнения не могла вымолвить ни слова. Сто раз собиралась она рассказать матери, Луизе или хотя бы Фрицу о том, что с ней приключилось, но думала: «Разве мне кто-нибудь поверит? Меня просто поднимут на смех».

Однако ей было совершенно ясно, что ради спасения Щелкунчика она должна будет отдать драже и марципан. Поэтому вечером она положила все свои конфеты на нижний выступ шкафа. Наутро мать сказала:

—Не знаю, откуда взялись мыши у нас в гостиной. Взгляни-ка, Мари, они у тебя, бедняжки, все конфеты поели.

Так оно и было. Марципан с начинкой не понравился прожорливому мышиноному королю, но он так обглодал его острыми зубками, что остатки пришлось выбросить. Мари несколько не жалела о сластях: в глубине души она радовалась, так Как думала, что' спасла Щелкунчика. Но что она почувствовала, когда на следующую ночь у нее над самым ухом раздался писк и визг! Ах, мышиный король был тут как тут, и еще отвратительнее, чем в прошлую ночь, сверкали у него глаза, и еще противнее пропищал он сквозь зубы:

—Отдай мне твоих сахарных куколок, глупышка, не то я загрызу твоего Щелкунчика, загрызу Щелкунчика!

И с этими словами страшный мышиный король исчез.

Мари была очень огорчена. На следующее утро она подошла к шкафу и печально поглядела на сахарных и адрагантовых куколок. И горе ее было понятно, ведь ты не поверишь, внимательная моя слушательница Мари, какие расчудесные сахарные фигурки были у Мари Штальбаум: премиленькие пастушок с пастушкой пасли стадо белоснежных барашков, а рядом резвилась их собачка; тут же стояли два почтальона с письмами в руках и четыре очень милovidные пары — щеголеватые юноши и разряженные в пух и прах девушки качались на русских качелях. Потом

шли танцоры, за ними стояли Пахтер Фельдкюммель с Орлеанской Девственницей, которых Мари не очень-то ценила, а совсем в уголке стоял краснощекий младенец — любимец Мари... Слезы брызнули у нее из глаз.

—Ах, милый господин Дроссельмейер,— воскликнула она, обращаясь к Щелкунчику,— чего я только не сделаю, лишь бы спасти вам жизнь, но, ах, как это тяжело!

Однако у Щелкунчика был такой жалобный вид, что Мари, которой и без того чудилось, будто мышиный король разинул все свои семь пастей и хочет проглотить несчастного юношу, решила пожертвовать ради него всем.

Итак, вечером она поставила всех сахарных куколок на нижний выступ шкафа, куда до того клала сласти. Поцеловала пастуха, пастушку, овечек; последним достала она из уголка своего любимца — краснощекого младенца — и поставила его позади всех других куколок. Фельдкюммель и Орлеанская Девственница попали в первый ряд.

—Нет, это уж слишком!— воскликнула на следующее утро госпожа Штальбаум.— Видно, в стеклянном шкафу хозяйничает большая, прожорливая мышь: у бедняжки Мари погрызены и обглоданы все хорошенькие сахарные куколки!

Мари, правда, не могла удержаться и заплакала, но скоро улыбнулась сквозь слезы, потому что подумала: "Что же делать, зато Щелкунчик цел! "

Вечером, когда мать рассказывала господину Дроссельмейеру про то, что натворила мышь в шкафу у детей, отец воскликнул:

—Что за гадость! Никак не удастся извести мерзкую мышь, которая хозяйничает в стеклянном шкафу и поедает у бедной Мари все сласти.

—Вот что,— весело сказал Фриц,— внизу, у булочника, есть прекрасный серый советник посольства. Я заберу его к нам наверх: он быстро покончит с этим делом и отгрызет мыши голову, будь то хоть сама Мышильда или ее сын, мышиный король.

—А заодно будет прыгать на столы и стулья и перебьет стаканы и чашки, и вообще с ним беды не оберешься!— смеясь, закончила мать.

—Да нет же!— возразил Фриц.— Этот советник посольства — ловкий малый. Мне бы хотелось так ходить по крыше, как он!

—Нет уж, пожалуйста, не нужно кота на ночь,— просила Луиза, не терпевшая кошек.

—Собственно говоря, Фриц прав,— сказал отец.— А пока можно поставить мышеловку. Есть у нас мышеловки?

—Крестный сделает нам отличную мышеловку: ведь он же их изобрел! закричал Фриц.

Все рассмеялись, а когда госпожа Штальбаум сказала, что в доме нет ни одной мышеловки, Дроссельмейер заявил, что у него их несколько, и, действительно, сейчас же велел принести из дому отличную мышеловку.

Сказка крестного о твердом орехе ожила для Фрица и Мари. Когда кухарка поджаривала сало, Мари бледнела и дрожала. Все еще поглощенная сказкой с ее чудесами, она как-то даже сказала кухарке Доре, своей давней знакомой:

—Ах, ваше величество королева, берегитесь Мышильды и ее родни!

А Фриц обнажил саблю и заявил:

—Пусть только придут, уж я им задам!

Но и под плитой и на плите все было спокойно. Когда же старший советник суда привязал кусочек сала на тонкую ниточку и осторожно поставил мышеловку к стеклянному шкафу, Фриц воскликнул:

—Берегись, крестный-часовщик, как бы мышиный король не сыграл с тобой злой шутки!

Ах, каково пришлось бедной Мари на следующую ночь! У нее по руке бегали ледяные лапки, и что-то шершавое и противное прикоснулось к щеке и запищало и завизжало прямо в ухо. На плече у нее сидел противный мышиный король; из семи его разверстых пастей текли кроваво-красные слюны, и, скрежеща зубами, он прошипел на ухо оцепеневшей от ужаса Мари:

—Я ускользну — я в щель шмыгну, под пол юркну, не трону сала, ты так и знай. Давай, давай картинки, платьице сюда, не то беда, предупреждаю: Щелкунчика поймаю и искусаю... Хи-хи! .. Пи-пи! ... Квик-квик!

Мари очень опечалилась, а когда наутро мать сказала: "А гадкая мышь все еще не попалась! " — Мари побледнела и встревожилась, а мама подумала, что девочка грустит о сладостях и боится мыши.

—Полно, успокойся, деточка,— сказала она,— мы прогоним гадкую мышь! Не помогут мышеловки — пускай тогда Фриц приносит своего серого советника посольства.

Как только Мари осталась в гостиной одна, она подошла к стеклянному шкафу и, рыдая, заговорила со Щелкунчиком:

—Ах, милый, добрый господин Дроссельмейер! Что могу сделать для вас я, бедная, несчастная девочка? Ну, отдам я на съедение противному мышиному королю все свои книжки с картинками, отдам даже красивое новое платьице, которое подарил мне младенец Христос, но ведь он будет требовать с меня еще и еще, так что под конец у меня ничего не останется, и он, пожалуй, захочет загрызть и меня вместо вас. Ах, я бедная, бедная девочка! Ну что мне делать, что мне делать?!

Пока Мари так горевала и плакала, она заметила, что у Щелкунчика на шее с прошлой ночи осталось большое кровавое пятно. С тех пор как Мари узнала, что Щелкунчик на самом деле молодой Дроссельмейер, племянник советника суда, она перестала носить его и баюкать, перестала ласкать и целовать, и ей даже было как-то неловко слишком часто до него дотрагиваться, но на этот раз она бережно достала Щелкунчика с полки и принялась заботливо оттирать носовым платком кровавое пятно на шее. Но как оторопела она, когда вдруг ощутила, что дружок Щелкунчик у нее в руках потеплел и шевельнулся! Быстро поставила она его обратно на полку. Тут губы у него приоткрылись, и Щелкунчик с трудом пролепетал:

О бесценная мадемуазель Штальбаум, верная моя подруга, сколь многим я вам обязан! Нет, не приносите в жертву ради меня книжки с картинками, праздничное платьице — раздобудьте мне саблю... Саблю! Об остальном позабочусь я сам, даже будь он...

Тут речь Щелкунчика прервалась, и его глаза, только что светившиеся глубокой печалью, снова померкли и потускнели. Мари ни капельки не испугалась, напротив того — она запрыгала от радости. Теперь она знала, как спасти Щелкунчика, не принося дальнейших тяжелых жертв. Но где достать для человечка саблю?

Мари решила посоветоваться с Фрицем, и вечером, когда родители ушли в гости и они вдвоем сидели в гостиной у стеклянного шкафа, она рассказала брату все, что приключилось с ней из-за Щелкунчика и мышиноного короля и от чего теперь зависит спасение Щелкунчика.

Больше всего огорчило Фрица, что его гусары плохо вели себя во время боя, как это выходило по рассказу Мари. Он очень серьезно переспросил ее, так ли оно было на самом деле, и, когда Мари дала ему честное слово, Фриц быстро подошел к стеклянному шкафу, обратился к гусарам с грозной речью, а затем в наказание за себялюбие и трусость срезал у них у всех кокарды с шапок и запретил им в течение года играть лейб-гусарский марш. Покончив с наказанием гусар, он обратился к Мари:

—Я помогу Щелкунчику достать саблю: только вчера я уволил в отставку с пенсией старого кирасирского полковника, и, значит, его прекрасная, острая сабля ему больше не нужна.

Упомянутый полковник проживал на выдаваемую ему Фрицем пенсию в дальнем углу, на третьей полке. Фриц достал его оттуда, отвязал и впрямь щегольскую серебряную саблю и надел ее Щелкунчику.

На следующую ночь Мари не могла сомкнуть глаз от тревоги и страха. В полночь ей послышалась в гостиной какая-то странная суматоха — звяканье и шорох. Вдруг раздалось: "Квик!"

—Мышиный король! Мышиный король!— крикнула Мари и в ужасе соскочила с кровати.

Все было тихо, но вскоре кто-то осторожно постучал в дверь и послышался тоненький голосок:

—Бесценная мадемуазель Штальбаум, откройте дверь и ничего не бойтесь! Добрые, радостные вести.

Мари узнала голос молодого Дроссельмейера, накинула юбочку и быстро отворила дверь. На пороге стоял Щелкунчик с окровавленной саблей в правой руке, с зажженной восковой свечкой — в левой. Увидев Мари, он тотчас же опустился на одно колено и заговорил так:

—О прекрасная дама! Вы одна вдохнули в меня рыцарскую отвагу и придали мощь моей руке, дабы я поразил дерзновенного, который посмел оскорбить вас. Коварный мышиный король повержен и купается в собственной крови! Соблаговолите милостиво принять трофеи из рук преданного вам до гробовой доски рыцаря.

С этими словами миленький Щелкунчик очень ловко стряхнул семь золотых корон мышиного короля, которые он нанизал на левую руку, и подал Мари, принявшей их с радостью.

Щелкунчик встал и продолжал так:

—Ах, моя бесценнейшая мадемуазель Штальбаум! Какие диковинки мог бы я показать вам теперь, когда враг повержен, если бы вы соблаговолили пройти за мною хоть несколько шагов! О, сделайте, сделайте это, дорогая мадемуазель!

Кукольное царство

Я думаю, дети, всякий из вас, ни минуты не колеблясь, последовал бы за честным, добрым Щелкунчиком, у которого не могло быть ничего дурного на уме. А уж Мари и подавно,— ведь она знала, что вправе рассчитывать на величайшую благодарность со стороны Щелкунчика, и была убеждена, что он сдержит слово и покажет ей много диковинок. Вот потому она и сказала:

—Я пойду с вами, господин Дроссельмейер, но только недалеко и ненадолго, так как я совсем еще не выспалась.

—Тогда,— ответил Щелкунчик,— я выберу кратчайшую, хотя и не совсем удобную дорогу.

Он пошел вперед. Мари — за ним. Остановились они в передней, у старого огромного платяного шкафа. Мари с удивлением заметила, что дверцы, обычно запертые на замок, распахнуты; ей хорошо было видно отцовскую дорожную лисью шубу, которая висела у самой дверцы. Щелкунчик очень ловко вскарабкался по выступу шкафа и резьбе и схватил большую кисть, болтавшуюся на толстом шнуре сзади па шубе. Он изо всей силы дернул кисть, и тотчас из рукава шубы спустилась изящная лосенка кедрового дерева.

—Не угодно ли вам подняться, драгоценнейшая мадемуазель Мари? спросил Щелкунчик.

Мари так и сделала. И не успела она подняться через рукав, не успела выглянуть из-за воротника, как ей навстречу засиял ослепительный свет, и она очутилась на прекрасном благоуханном лугу, который весь искрился, словно блестящими драгоценными камнями.

—Мы на Леденцовом лугу,— сказал Щелкунчик.— А сейчас пройдем в те ворота.

Только теперь, подняв глаза, заметила Мари красивые ворота, возвышавшиеся в нескольких шагах от нее посреди луга; казалось, что они сложены из белого и коричневого, испещренного крапинками мрамора. Когда же Мари подошла поближе, она увидела, что это не мрамор, а миндаль в сахаре и изюм, почему и ворота, под которыми они прошли, назывались, по уверению Щелкунчика, Миндально-Изюмными воротами. Простой народ весьма неучтиво называл их воротами обжор-студентов. На боковой галерее этих ворот, по-видимому сделанной из ячменного сахара, шесть обезьянок в красных куртках составили замечательный военный оркестр, который играл так хорошо, что Мари, сама того не замечая, шла все дальше и дальше по мраморным плитам, прекрасно сделанным из сахара, сваренного с пряностями.

Вскоре ее овеяли сладостные ароматы, которые струились из чудесной рощицы, раскинувшейся по обеим сторонам. Темная листва блестела и искрилась так ярко, что ясно видны были золотые и серебряные плоды, висевшие на разноцветных стеблях, и банты, и букеты цветов, украшавшие стволы и ветви, словно веселых жениха и невесту и свадебных гостей. При каждом дуновении зефира, напоенного благоуханием апельсинов, в ветвях и листве подымался шелест, а золотая мишура хрустела и трещала, словно ликующая музыка, которая увлекала сверкающие огоньки, и они плясали и прыгали.

—Ах, как здесь чудесно!— воскликнула восхищенная Мари.

—Мы в Рождественском лесу, любезная мадемуазель,— сказал Щелкунчик.

—Ах, как бы мне хотелось побыть здесь! Тут так чудесно!— снова воскликнула Мари.

Щелкунчик ударил в ладоши, и тотчас же явились крошечные пастухи и пастушки, охотники и охотницы, такие нежные и белые, что можно было подумать, будто они из чистого сахара. Хотя они и гуляли по лесу, Мари их раньше почему-то не заметила. Они принесли чудо какое хорошенькое золотое кресло, положили на него белую подушку из пастилы и очень любезно пригласили Мари сесть. И сейчас же пастухи и пастушки исполнили прелестный балет, а охотники тем временем весьма искусно трубили в рога. Затем все скрылись в кустарнике.

—Простите, дорогая мадемуазель Штальбаум,— сказал Щелкунчик, простите за такие жалкие танцы. Но это танцоры из нашего кукольного балета — они только и знают, что повторять одно и то же, а то, что охотники так сонно и лениво трубили в трубы, тоже имеет свои причины. Бонбоньерки на елках хотя и висят у них перед самым носом, но слишком высоко. А теперь не угодно ли вам пожаловать дальше?

—Да что вы, балет был просто прелесть, и мне очень понравился! сказала Мари, вставая и следуя за Щелкунчиком.

Они шли вдоль ручья, бегущего с нежным журчаньем и лепетом и наполнявшего своим чудным благоуханием весь лес.

—Это Апельсинный ручей,— ответил Щелкунчик на расспросы Мари,— но, если не считать его прекрасного аромата, он не может сравниться ни по величине, ни по красоте с Лимонадной рекой, которая, подобно ему, вливается в озеро Миндального молока.

И в самом деле, вскоре Мари услышала более громкий плеск и журчанье и увидела широкий лимонадный поток, который катил свои гордые светло-желтые волны среди сверкающих, как изумруды, кустов. Необыкновенно бодрящей прохладой, услаждающей грудь и сердце, веяло от прекрасных вод. Неподалеку медленно текла темно-желтая река, распространявшая необычайно сладкое благоухание, а на берегу сидели красивые детки, которые удили маленьких толстых рыбок и тут же поедали их. Подойдя ближе, Мари заметила, что рыбки были похожи на ломбардские орехи. Немножко подалее на берегу раскинулась очаровательная деревушка. Дома, церковь, дом пастора, амбары были темно-коричневые с золотыми кровлями; а многие стены были расписаны так пестро, словно на них налепили миндалины и лимонные цукаты.

—Это село Пряничное,— сказал Щелкунчик,— расположенное на берегу Медовой реки. Народ в нем живет красивый, но очень сердитый, так как все там страдают зубной болью. Лучше мы туда не пойдем.

В то же мгновение Мари заметила красивый городок, в котором все дома сплошь были пестрые и прозрачные. Щелкунчик направился прямо туда, и вот Мари услышала беспорядочный веселый гомон и увидела тысячу хорошеньких человечков, которые разбирали и разгружали доверху нагруженные телеги, теснившиеся на базаре. А то, что они доставали, напоминало пестрые разноцветные бумажки и плитки шоколада.

—Мы в Конфетенхаузене,— сказал Щелкунчик,— сейчас как раз прибыли посланцы из Бумажного королевства и от шоколадного короля. Не так давно бедным конфетенхаузенцам угрожала армия комариного адмирала; поэтому они покрывают свои дома дарами Бумажного государства и возводят укрепления из прочных плит, присланных шоколадным королем. Но, бесценная мадемуазель Штальбаум, мы не можем посетить все городки и деревушки страны — в столицу, в столицу!

Щелкунчик заторопился дальше, а Мари, сгорая от нетерпения, не отставала от него. Вскоре повеяло дивным благоуханием роз, и все словно озарилось нежно мерцающим розовым сиянием. Мари заметила, что это был отблеск розово-алых вод, со сладостно-мелодичным звуком плескавшихся и журчавших у ее ног. Волны все прибывали и прибывали и наконец превратились в большое прекрасное озеро, по которому плавали чудесные серебристо-белые лебеди с золотыми ленточками на шее и пели прекрасные песни, а бриллиантовые рыбки, словно в веселой пляске, ныряли и кувыркались в розовых волнах.

—Ах,— в восторге воскликнула Мари,— да ведь это же то самое озеро, что как-то пообещал мне сделать крестный! А я — та самая девочка, что должна была забавляться с миленькими лебедями.

Щелкунчик улыбнулся так насмешливо, как еще ни разу не улыбался, а потом сказал:

—Дяде никогда не смастерить ничего подобного. Скорее вы, милая мадемуазель Штальбаум... Но стоит ли над этим раздумывать! Лучше переправимся по Розовому озеру на ту сторону, в столицу.

Столица

Щелкунчик снова хлопнул в ладоши. Розовое озеро зашумело сильнее, выше заходили волны, и Мари увидела вдали двух золоточешуйчатых дельфинов, впряженных в раковину, сиявшую яркими, как солнце, драгоценными камнями. Двенадцать очаровательных арапчат в шапочках и передничках, сотканых из радужных перышек колибри, соскочили на берег и, легко скользя по волнам, перенесли сперва Мари, а потом Щелкунчика в раковину, которая сейчас же понеслась по озеру.

Ах, как чудно было плыть в раковине, овеваемой благоуханием роз и омываемой розовыми волнами! Золоточешуйчатые дельфины подняли морды и принялись выбрасывать хрустальные струи высоко вверх, а когда эти струи ниспадали с вышины сверкающими и искрящимися дугами, чудилось, будто поют два прелестных, нежно-серебристых голоса:

"Кто озером плывет? Фея вод! Комарики, ду-ду-ду! Рыбки, плеск-плеск! Лебеди, блеск-блеск! Чудо-птичка, тра-ла-ла! Волны, пойте, вея, млея,— к нам плывет по розам фея; струйка резвая, взметнись — к солнцу, ввысь! "

Но двенадцати арапчатам, вскочившим сзади в раковину, видимо, совсем не нравилось пение водных струй. Они так трясли своими зонтиками, что листья финиковых пальм, из которых те были сплетены, мялись и гнулись, а арапчата отбивали ногами какой-то неведомый такт и пели:

"Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп! Мы по водам хороводом! Птички, рыбки — на прогулку, вслед за раковиной гулкой! Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп! "

—Арапчата — очень веселый народ,— сказал несколько смущенный Щелкунчик,— но как бы они не взбаламутили мне все озеро!

И, правда, вскоре раздался громкий гул: удивительные голоса, казалось, плыли над озером. Но Мари не обращала на них внимания,— она смотрела в благоуханные волны, откуда ей улыбались прелестные девичьи лица.

—Ах,— радостно закричала она, хлопая в ладошки,— поглядите-ка, милый господин Дроссельмейер: там принцесса Пирлипат! Она так ласково мне улыбается... Да поглядите же, милый господин Дроссельмейер!

Но Щелкунчик печально вздохнул и сказал:

—О, бесценная мадемуазель Штальбаум, это не принцесса Пирлипат, это вы. Только вы сами, только ваше собственное прелестное личико ласково улыбается из каждой волны.

Тогда Мари быстро отвернулась, крепко зажмурила глаза и совсем сконфузилась. В то же мгновение двенадцать арапчат подхватили ее и отнесли из раковины на берег. Она очутилась в небольшом лесочке, который был, пожалуй, еще прекраснее, чем Рождественский лес, так все тут сияло и искрилось; особенно замечательны были редкостные плоды, висевшие на деревьях, редкостные не только по окраске, но и по дивному благоуханию.

—Мы в Цукатной роше,— сказал Щелкунчик,— а вон там — столица.

Ах, что же увидела Мари! Как мне описать вам, дети, красоту и великолепие представшего перед глазами Мари города, который широко раскинулся на усеянной цветами роскошной поляне? Он блистал не только радужными красками стен и башен, но и причудливой формой строений, совсем не похожих на обычные дома. Вместо крыш их осеняли искусно сплетенные венки, а башни были увиты такими прелестными пестрыми гирляндами, что и представить себе нельзя.

Когда Мари и Щелкунчик проходили через ворота, которые, казалось, были сооружены из миндального печенья и цукатов, серебряные солдатики взяли на караул, а человек в парчовом шлафроке обнял Щелкунчика со словами:

—Добро пожаловать, любезный принц! Добро пожаловать в Конфетенбург!

Мари очень удивилась, что такой знатный вельможа называет господина Дроссельмейера принцем. Но тут до них донесся гомон тоненьких голосков, шумно перебивавших друг друга, долетели звуки ликования и смеха, пение и музыка, и Мари, позабыв обо всем, сейчас же спросила Щелкунчика, что это.

—О, любезная мадемуазель Штальбаум,— ответил Щелкунчик,— дивиться тут нечему: Конфетенбург — многолюдный, веселый город, тут каждый день веселье и шум. Будьте любезны, пойдемте дальше.

Через несколько шагов они очутились на большой, удивительно красивой базарной площади. Все дома были украшены сахарными галереями ажурной работы. Посередине, как обелиск, возвышался глазированный сладкий пирог, осыпанный сахаром, а вокруг из четырех искусно сделанных фонтанов били вверх струи лимонада, оршада и других вкусных прохладительных напитков. Бассейн был полон сбитых сливок, которые так и хотелось зачерпнуть ложкой. Но прелестнее всего были очаровательные человечки, во множестве толпившиеся тут. Они веселились, смеялись, шутили и пели; это их веселый гомон Мари слышала еще издали.

Тут были нарядно разодетые кавалеры и дамы, армяне и греки, евреи и тирольцы, офицеры и солдаты, и монахи, и пастухи, и паяцы,— словом, всякий люд, какой только встречается на белом свете. В одном месте на углу поднялся страшный гвалт: народ кинулся врассыпную, потому что как раз в это время пронесли в паланкине Великого Могола, сопровождаемого девьюстами тремя вельможами и семьями невольниками. Но надо же было случиться, что на другом углу цех рыбаков, в количестве пятисот человек, устроил торжественное шествие, а, на беду, турецкому

султану как раз вздумалось проехаться в сопровождении трех тысяч янычар по базару; к тому же прямо на сладкий пирог надвигалась со звонкой музыкой и пением: "Слава могучему солнцу, слава!" — процессия «прерванного торжественного жертвоприношения». Ну и поднялись же сумятица, толкотня и визг! Вскоре послышались стоны, так как в суматохе какой-то рыбак сшиб голову брамину, а Великого Могола чуть было не задавил паяц. Шум становился все бешеней и бешеней, уже начались толкотня и драка, но тут человек в парчовом шлафроке, тот самый, что у ворот приветствовал Щелкунчика в качестве принца, взобрался на пирог и, трижды дернув звонкий колокольчик, трижды громко крикнул: "Кондитер! Кондитер! Кондитер!" Сутолока мигом улеглась; всякий спасался как мог, и после того как распутались спутавшиеся шествия, когда вычистили перепачкавшегося Великого Могола и снова насадили голову брамину, опять пошло прерванное шумное веселье.

—В чем тут дело с кондитером, любезный господин Дроссельмейер? спросила Мари.

—Ах, бесценная мадемуазель Штальбаум, кондитером здесь называют неведомую, но очень страшную силу, которая, по здешнему поверью, может сделать с человеком все, что ей вздумается,— ответил Щелкунчик,— это тот рок, который властвует над этим веселым народцем, и жители так его боятся, что одним упоминанием его имени можно угомонить самую большую сутолоку, как это сейчас доказал господин бургомистр. Тогда никто уже не помышляет о земном, о тумаксах и шишках на лбу, всякий погружается в себя и говорит: «Что есть человек и во что он может превратиться?»

Громкий крик удивления — нет, крик восторга вырвался у Мари, когда она вдруг очутилась перед замком с сотней воздушных башенок, светившимся розово-алым сиянием. Там и сям по стенам были рассыпаны роскошные букеты фиалок, нарциссов, тюльпанов, левкоев, которые оттеняли ослепительную, отливающую алым светом белизну фона. Большой купол центрального здания и остроконечные крыши башен были усеяны тысячами звездочек, сверкающих золотом и серебром.

—Вот мы и в Марципановом замке,— сказал Щелкунчик.

Мари не отрывала глаз от волшебного дворца, но все же она заметила, что на одной большой башне не хватает крыши, над восстановлением которой, по-видимому, трудились человечки, стоявшие на помосте из корицы. Не успела она задать вопрос Щелкунчику, как он сказал:

—Совсем недавно замку грозила большая беда, а может быть, и полное разорение. Великан Сладкоежка проходил мимо. Быстро откусил он крышу вон с той башни и принялся уже за большой купол, но жители Конфетенбурга умилились им, поднеся в виде выкупа четверть города и значительную часть Цукатной рощи. Он закусил ими и отправился дальше.

Вдруг тихо зазвучала очень приятная, нежная музыка. Ворота замка распахнулись, и оттуда вышли двенадцать крошек пажей с зажженными факелами из стеблей гвоздики в ручках. Головы у них были из жемчужин, туловища — из рубинов и изумрудов, а передвигались они на золотых ножках искусной работы. За ними следовали четыре дамы почти такого же роста, как Клерхен, в необыкновенно роскошных и блестящих нарядах; Мари мигом признала в них прирожденных принцесс. Они нежно обняли Щелкунчика и при этом воскликнули с искренней радостью:

—О, принц, дорогой принц! Дорогой братец!

Щелкунчик совсем растрогался: он утирал часто набегавшие на глаза слезы, затем взял Мари за руку и торжественно объявил:

—Вот мадемуазель Мари Штальбаум, дочь весьма достойного советника медицины и моя спасительница. Не брось она в нужную минуту тувельку, не добудь она мне саблю вышедшего на пенсию полковника, меня загрыз бы противный мышиный король, и я лежал бы уже в могиле. О мадемуазель Штальбаум! Может ли сравниться с ней по красоте, достоинству и добродетели Пирлипат, несмотря на то, что та — прирожденная принцесса? Нет, говорю я, нет!

Все дамы воскликнули: "Нет!" — и, рыдая, принялись обнимать Мари.

—О, благородная спасительница нашего возлюбленного царственного брата! О, несравненная мадемуазель Штальбаум!

Затем дамы отвели Мари и Щелкунчика в покои замка, в зал, стены которого сплошь были сделаны из переливающегося всеми цветами радуги хрусталя. Но что понравилось Мари больше всего — это расставленные там хорошенькие стульчики, комодики, секретеры, изготовленные из кедра и бразильского дерева с инкрустированными золотыми цветами.

Принцессы уговорили Мари и Щелкунчика присесть и сказали, что они сейчас же собственноручно приготовят им угощение. Они тут же достали разные горшочки и мисочки из тончайшего японского фарфора, ложки, ножи, вилки, терки, кастрюльки и прочую золотую и серебряную кухонную утварь. Затем они принесли такие чудесные плоды и сласти, каких Мари и не видывала, и очень грациозно принялись выжимать прелестными белоснежными ручками фруктовый сок, толочь пряности, тереть сладкий миндаль — словом, принялись так славно хозяйничать, что Мари поняла, какие они искусницы в кулинарном деле и какое роскошное угощение ожидает ее. Прекрасно сознавая, что тоже кое-что в этом понимает, Мари втайне желала сама принять участие в занятии принцесс. Самая красивая из сестер Щелкунчика, словно угадав тайное желание Мари, протянула ей маленькую золотую ступку и сказала:

—Милая моя подружка, бесценная спасительница брата, потолки немножко карамелек.

Пока Мари весело стучала пестиком, так что ступка звенела мелодично и приятно, не хуже прелестной песенки, Щелкунчик начал подробно рассказывать о страшной битве с полчищами мышиного короля, о том, как он потерпел поражение из-за трусости своих войск, как потом противный мышиный король во что бы то ни стало хотел загрызть его, как Мари пришлось пожертвовать многими его подданными, которые были у нее на службе...

Во время рассказа Мари чудилось, будто слова Щелкунчика и даже ее собственные удары пестиком звучат все глуше, все невнятнее, и вскоре глаза ей застлала серебряная пелена — словно поднялись легкие клубы тумана, в которые погрузились принцессы... пажи... Щелкунчик... она сама... Где-то что-то шелестело, журчало и пело; странные звуки растворялись вдали. Вдымающиеся волны несли Мари все выше и выше... выше и выше... выше и выше...

Заключение

Та-ра-ра-бух!— и Мари упала с невероятной высоты. Вот это был толчок! Но Мари тут же открыла глаза. Она лежала у себя в постельке. Было совсем светло, а около неё стояла мама и говорила:

—Ну, можно ли так долго спать! Завтрак давно на столе.

Мои глубокоуважаемые слушатели, вы, конечно, уже поняли, что Мари, ошеломленная всеми виденными чудесами, в конце концов заснула в зале Марципанового замка и что арапчата или пажи, а может быть, и сами принцессы отнесли ее домой и уложили в постельку.

—Ах, мамочка, милая моя мамочка, где только я не побывала этой ночью с молодым господином Дроссельмейером! Каких только чудес не насмотрелась!

И она рассказала все почти так же подробно, как только что рассказал я, а мама слушала и удивлялась.

Когда Мари окончила, мать сказала:

—Тебе, милая Мари, приснился длинный прекрасный сон. Но выкинь все это из головы.

Мари упрямо твердила, что видела все не во сне, а наяву. Тогда мать подвела ее к стеклянному шкафу, вынула Щелкунчика, который, как всегда, стоял на второй полке, и сказала:

—Ах ты, глупышка, откуда ты взяла, что деревянная нюрнбергская кукла может говорить и двигаться?

—Но, мамочка,— перебила ее Мари,— я ведь знаю, что крошка Щелкунчик — молодой господин Дроссельмейер из Нюрнберга, племянник крестного!

Тут оба — и папа и мама — громко расхохотались.

—Ах, теперь ты, папочка, смеешься над моим Щелкунчиком,— чуть не плача, продолжала Мари,— а он так хорошо отзывался о тебе! Когда мы пришли в Марципановый замок, он представил меня принцессам — своим сестрам и сказал, что ты весьма достойный советник медицины!

Хохот только усилился, и теперь к родителям присоединились Луиза и даже Фриц. Тогда Мари побежала в Другую комнату, быстро достала из своей шкатулочки семь корон мышиноного короля и подала их матери со словами:

—Вот, мамочка, посмотри: вот семь корон мышиноного короля, которые прошлой ночью поднес мне в знак своей победы молодой господин Дроссельмейер!

Мама с удивлением разглядывала крошечные короны из какого-то незнакомого, очень блестящего металла и такой тонкой работы, что едва ли это могло быть делом рук человеческих. Господин Штальбаум тоже не мог насмотреться на короны. Затем и отец и мать строго потребовали, чтобы Мари призналась, откуда у нее коронки, но она стояла на своем.

Когда отец стал ее журить и даже обозвал лгуньей, она горько разрыдалась и стала жалобно приговаривать:

—Ах я бедная, бедная! Ну что мне делать?

Но тут вдруг открылась дверь, и вошел крестный.

—Что случилось? Что случилось?— спросил он.— Моя крестница Марихен плачет и рыдает? Что случилось? Что случилось?

Папа рассказал ему, что случилось, и показал крошечные короны. Старший советник суда, как только увидел их, рассмеялся и воскликнул:

—Глупые выдумки, глупые выдумки! Да ведь это же коронки, которые я когда-то носил на цепочке от часов, а потом подарил Марихен в день ее рождения, когда ей минуло два года! Разве вы позабыли?

Ни отец, ни мать не могли этого припомнить.

Когда Мари убедилась, что лица у родителей опять стали ласковыми, она подскочила к крестному и воскликнула:

—Крестный, ведь ты же все знаешь! Скажи, что мой Щелкунчик — твой племянник, молодой господин Дроссельмейер из Нюрнберга, и что он подарил мне эти крошечные короны.

Крестный нахмурился и пробормотал:

—Глупые выдумки!

Тогда отец отвел маленькую Мари в сторону и сказал очень строго:

—Послушай, Мари, оставь раз навсегда выдумки и глупые шутки! И если ты еще раз скажешь, что уродец Щелкунчик — племянник твоего крестного, я выброшу за окно не только Щелкунчика, но и всех остальных кукол, не исключая и мамзель Клерхен.

Теперь бедняжка Мари, разумеется, не смела и заикнуться о том, что переполняло ей сердце; ведь вы понимаете, что не так-то легко было Мари забыть все прекрасные чудеса, приключившиеся с ней. Даже, уважаемый читатель или слушатель, Фриц, даже твой товарищ Фриц Штальбаум сейчас же поворачивался спиной к сестре, как только она собиралась рассказать

о чудесной стране, где ей было так хорошо. Говорят, что порой он даже бормотал сквозь зубы: "Глупая девчонка!" Но, издавна зная его добрый нрав, я никак не могу этому поверить; во всяком случае, доподлинно известно, что не веря больше ни слову в рассказах Мари, он па публичном параде формально извинился перед своими гусарами за причиненную обиду, приколол им вместо утраченных знаков отличия еще более высокие и пышные султаны из гусиных перьев и снова разрешил трубить лейб-гусарский марш. Ну, а мы-то знаем, какова была отвага гусар, когда отвратительные пули насажали им на красные мундиры пятна.

Говорить о своем приключении Мари больше не смела, но волшебные образы сказочной страны не оставляли ее. Она слышала нежный шелест, ласковые, чарующие звуки; она видела все снова, как только начинала об этом думать, и, вместо того чтобы играть, как бывало раньше, могла часами сидеть смиренно и тихо, уйдя в себя,— вот почему все теперь звали ее маленькой мечтательницей.

Раз как-то случилось, что крестный чинил часы у Штальбаумов. Мари сидела около стеклянного шкафа и, грезя наяву, глядела на Щелкунчика. И вдруг у нее вырвалось:

—Ах, милый господин Дроссельмейер, если бы вы на самом деле жили, я не отвергла бы вас, как принцесса Пирлипат, за то, что из-за меня вы потеряли свою красоту!

Советник суда тут же крикнул:

—Ну, ну, глупые выдумки!

Но в то же мгновение раздался такой грохот и треск, что Мари без чувств свалилась со стула. Когда она очнулась, мать хлопотала около нее и говорила:

—Ну, можно ли падать со стула? Такая большая девочка! Из Нюрнберга сейчас приехал племянник господина старшего советника суда, будь умницей.

Она подняла глаза: крестный снова нацепил свой стеклянный парик, надел желтый сюртучок и довольно улыбался, а за руку он держал, правда, маленького, но очень складного молодого человека, белого и румяного как кровь с молоком, в великолепном красном, шитом золотом кафтане, в туфлях и белых шелковых чулках. К его жабо был приколот прелесть какой хорошенький букетик, волосы были тщательно завиты и напудрены, а вдоль спины спускалась превосходная коса. Крошечная шпага у него на боку так и сверкала, словно вся усеянная драгоценными камнями, под мышкой он держал шелковую шляпу.

Молодой человек проявил свой приятный нрав и благовоспитанность, подарив Мари целую кучу чудесных игрушек и прежде всего — вкусный марципан и куколок взамен тех, что погрыз мышинный король, а Фрицу — замечательную саблю. За столом любезный юноша щелкал всей компании орешки. Самые твердые были ему нипочем; правой рукой он совал их в рот, левой дергал себя за косу, и — щелк! — скорлупа разлеталась на мелкие кусочки.

Мари вся зарделась, когда увидела учтивого юношу, а когда после обеда молодой Дроссельмейер предложил ей пройти в гостиную, к стеклянному шкафу, она стала пунцовой.

—Ступайте, ступайте, играть, дети, только смотрите не ссорьтесь. Теперь, когда все часы у меня в порядке, я ничего не имею против! напутствовал их старший советник суда.

Как только молодой Дроссельмейер очутился наедине с Мари, он опустил на одно колено и повел такую речь:

—О бесценная мадемуазель Штальбаум, взгляните: у ваших ног счастливый Дроссельмейер, которому на этом самом месте вы спасли жизнь. Вы изволили вымолвить, что не отвергли бы меня, как гадкая принцесса Пирлипат, если бы из-за вас я стал уродом. Тотчас же я перестал быть жалким Щелкунчиком и обрел мою былую, не лишённую приятности наружность. О превосходная мадемуазель Штальбаум, осчастливьте меня вашей достойной рукой! Разделите со мной корону и трон, будем царствовать вместе в Марципановом замке.

Мари подняла юношу с колен и тихо сказала:

—Милый господин Дроссельмейер! Вы кроткий, добросердечный человек, да к тому же еще царствуете в прекрасной стране, населенной прелестным веселым народцем,— ну разве могу я не согласиться, чтобы вы были моим женихом!

И Мари тут же стала невестой Дроссельмейера. Рассказывают, что через год он увез ее в золотой карете, запряженной серебряными лошадьми, что на свадьбе у них плясали двадцать две тысячи нарядных кукол, сверкающих бриллиантами и жемчугом, а Мари, как говорят, еще и поныне королева в стране, где, если только у тебя есть глаза, ты всюду увидишь сверкающие цукатные рощи, прозрачные марципановые замки — словом, всякие чудеса и диковинки.

Вот вам сказка про Щелкунчика и мышиноного короля.

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН (1805–1875)

Гадкий утенок

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овес зеленел, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами темнел большой лес, а в лесу прятались глубокие синие озера. Да, хорошо было за городом! Солнце освещало старую усадьбу, окруженную глубокими канавами с водой. Вся земля — от стен дома до самой воды — заросла лопухом, да таким высоким, что маленькие дети могли стоять под самыми крупными его листьями во весь рост.

В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это занятие порядком надоело. К тому же ее редко навещали, — другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да крякать вместе с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

Утята зашевелились, застучали клювами и высунули головки.

— Пип, пип! — сказали они.

— Кряк, кряк! — ответила утка. — Поторапливайтесь!

Утята выкарабкались кое-как из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха. Мать не мешала им — зеленый цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята. Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем в скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, за поле... Но, по правде говоря, там я отроду не бывала!.. Ну что, все уже выбрались?

— И она поднялась на ноги. — Ах нет, еще не все... Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, просунув голову в чашу лопуха.

— Да вот, с одним яйцом никак не могу справиться, — сказала молодая утка. — Сижу, сижу, а оно всё не лопаётся. Зато посмотри на тех малюток, что уже вылупились. Просто прелесть! Все, как один, — в отца! А он-то, негодный, даже не навестил меня ни разу!

— Постой, покажи-ка мне сперва то яйцо, которое не лопаётся, — сказала старая утка. — Уж не индюшечье ли оно, чего доброго? Ну да, конечно!.. Вот точно так же и меня однажды провели. А сколько хлопот было у меня потом с этими индюшатами! Ты не поверишь: они до того боятся

воды, что их и не загонишь в канаву. Уж я и шипела, и крикала, и просто толкала их в воду, – не идут, да и только. Дай-ка я еще раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай учи своих деток плавать!

– Нет, я, пожалуй, посижу, – сказала молодая утка. – Уж столько терпела, что можно еще немного потерпеть.

– Ну и сиди! – сказала старая утка и ушла. И вот наконец большое яйцо треснуло.

– Пип! Пип! – пропищал птенец и вывалился из скорлупы.

Но какой же он был большой и гадкий! Утка оглядела его со всех сторон и всплеснула крыльями.

– Ужасный урод! – сказала она. – И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьей отправилась к канаве. Бултых! – и она очутилась в воде.

– Кряк-кряк! За мной! Живо! – позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед. Лапки у них так и заработали, так и заработали. Даже гадкий серый утенок не отставал от других.

– Какой же это индюшонок? – сказала утка. – Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не так дурен, если хорошенько присмотреться к нему. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество – мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро утка со всем своим выводком добралась до птичьего двора. Бог ты мой! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за головки угря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

– Вот так всегда и бывает в жизни! – сказала утка и облизнула язычком клюв – она и сама была не прочь отведать угриной головки. – Ну, ну, шевелите лапками! – скомандовала она, поворачиваясь к утятам. – Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток! До чего красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять, – по этому лоскутку ее сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу. Вот так! Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: “Кряк!”

Утята так и сделали.

Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

– Ну вот, еще целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то какой гадкий! Этого уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

– Оставьте его! – сказала утка-мать. – Ведь он вам ничего не сделал!

– Положим, что так. Но какой-то он большой и несуразный! – прошипела злая утка. – Не мешает его немного проучить.

А знатная утка с красным лоскутком на лапке сказала:

– Славные у тебя детки! Все очень, очень милы, кроме одного, пожалуй... Бедняга не удался! Хорошо бы его переделать.

– Это никак невозможно, ваша милость! – ответила утка-мать. – Он некрасив – это правда, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать – лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому немного перерос. – И она разгладила клювом перышки на его спине. – Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьет себе дорогу в жизнь.

– Остальные утята очень, очень милы! – сказала знатная утка. – Ну, будьте как дома, а если найдете угриную головку, можете принести ее мне.

И вот утята стали вести себя как дома. Только бедному утенку, который вылупился позже других и был такой гадкий, никто не давал проходу. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже куры.

– Слишком велик! – говорили они.

А индийский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя чуть не императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утенку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же было ему уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеется над ним!

Так прошел первый день, а потом стало еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему: “Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!” А мать прибавляла: “Глаза б мои на тебя не глядели!” Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утенок не выдержал. Он перебежал через двор и, распутив свои неуклюжие крылышки, кое-как перевалился через забор прямо в колючие кусты.

Маленькие птички, сидевшие на ветках, разом вспорхнули и разлетелись в разные стороны.

" Это оттого, что я такой гадкий", – подумал утенок и, зажмурив глаза, бросился бежать, сам не зная куда. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки.

Тут он провел всю ночь. Бедный утенок устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки проснулись в своих гнездах и увидели нового товарища.

– Это что за птица? – спросили они. Утенок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

– Ну и гадкий же ты! – сказали дикие утки. – Впрочем, нам до этого нет никакого дела, только бы ты не лез к нам в родню.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы ему позволили жить в камышах да пить болотную воду, – о большем он и не мечтал.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они совсем недавно научились летать и поэтому очень важничали.

– Слушай, дружище! – сказали они. – Ты такой чудной, что на тебя смотреть весело. Хочешь дружить с нами? Мы птицы вольные – куда хотим, туда и летим. Здесь поблизости есть еще болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: "Рап! Рап!" Ты так забавен, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! Паф! – раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми, а вода покраснела от крови.

Пиф! Паф! – раздалось опять, и целая стая диких гусей поднялась над болотом. Выстрел гремел за выстрелом. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них забрались на деревья и вели стрельбу сверху. Голубой дым облаками окутывал вершины деревьев и стлался над водой. По болоту рыскали охотничьи собаки. Только и слышно было: шлёп-шлёп! И камыш раскачивался из стороны в сторону. Бедный утенок от страха был ни жив ни мертв. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним выросла охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утенка, оскалила острые зубы и – шлёп-шлёп! – побежала дальше.

"Кажется, пронесло, – подумал утенок и перевел дух. – Видно, я такой гадкий, что даже собаке противно съесть меня!"

И он притаился в камышах. А над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелиться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся вокруг и пустился бежать дальше по полям и лугам.

Дул такой сильный встречный ветер, что утенок еле-еле передвигал лапками.

К ночи он добрался до маленькой убогой избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утенка, – приходилось прижиматься к самой земле, чтобы не унесло.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и так перекосилась, что сквозь щель можно легко пробраться внутрь. И утенок пробрался.

В избушке жила старуха со своей курицей и котом. Кота она звала Сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже сыпать искрами, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие коротенькие ножки, и потому ее так и прозвали Коротконожкой. Она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром утенка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица кудахтать.

– Что там такое? – спросила старушка. Она поглядела кругом и увидела в углу утенка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

– Вот так находка! – сказала старушка. – Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. И она решила оставить бездомную птицу у себя. Но прошло недели три, а яиц всё не было. Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой – курица. Оба они всегда говорили: “Мы и весь свет!” Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Утенку, правда, казалось, что на сей счет можно быть другого мнения. Но курица этого не допускала.

– Умеешь ты нести яйца? – спросила она утенка.

– Нет!

– Так и держи язык на привязи! А кот спросил:

– Умеешь ты выгибать спину, сыпать искрами и мурлыкать?

– Нет!

- Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу, нахохлившись.

Как-то раз дверь широко отворилась, и в комнату ворвались струя свежего воздуха и яркий солнечный луч. Утенка так сильно потянуло на волю, так захотелось ему поплавать, что он не мог удержаться и сказал об этом курице.

– Ну, что еще выдумал? – напустилась на него курица. – Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

– Ах, плавать так приятно! – сказал утенок. – Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубину!

– Вот так удовольствие! – сказала курица. – Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота – он рассудительней всех, кого я знаю, – нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж не говорю. Спроси, наконец, у нашей госпожи старушки, умнее ее, уж наверное, никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубину!

– Вы меня не понимаете! – сказал утенок.

– Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Ты, видно, хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне! Не дури и будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда поступают истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да сыпать искрами!

– Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! – сказал утенок.

– Ну и ступай себе! – ответила курица.

И утенок ушел. Он жил на озере, плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

А между тем настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели. Они так и сыпались с ветвей, а ветер подхватывал их и кружил по воздуху. Стало очень холодно. Тяжелые тучи сеяли на землю то град, то снег. Даже ворон, сидя на изгороди, каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о такой стуже!

Плохо приходилось бедному утенку.

Раз под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудесных, больших птиц. Таких красивых птиц утенок никогда еще не видел – все белые как снег, с длинными гибкими шеями...

Это были лебеди.

Их крик был похож на звуки трубы. Они распростирали свои широкие, могучие крылья и полетели с холодных лугов в теплые края, за синие моря... Вот уж они поднялись высоко-высоко, а бедный утенок всё смотрел им вслед, и какая-то непонятная тревога охватила его. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Он не мог оторвать глаз от этих прекрасных птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, потом выплыл опять и все-таки долго еще не мог опомниться. Утенок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал. Ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был рад-радехонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенок должен был плавать по озеру без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше. Мороз был такой, что даже лед потрескивал. Утенок без устали работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примерз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примерзшего ко льду утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и отнес полумертвую птицу домой к жене.

Утенка отогрели.

Дети задумали поиграть с ним, но утенку показалось, что они хотят обидеть его. Он шарахнулся от страха в угол и попал прямо в поддонник с молоком. Молоко потекло по полу. Хозяйка вскрикнула и всплеснула руками, а утенок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда в бочонок с мукой. Легко представить, на что он стал похож!

Хозяйка бранила утенка и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта, – утенок выбежал, растопырив крылья, кинулся в кусты, прямо на свежевывающий снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья гадкого утенка в эту суровую зиму.

Наконец солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами. Зазвенели жаворонки в полях. Вернулась весна!

Утенок выбрался из камышей, где он прятался всю зиму, взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и подняли его над землей. Не успел он опомниться, как долетел уже до большого сада. Яблони стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверно, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но все равно! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!”

И он опустил на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, а лебеди, завидев его, замахали крыльями и поплыли прямо к нему.

– Убейте меня! – сказал гадкий утенок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел свое собственное отражение. Он был уже не гадким темно-серым утенком, а красивым белым лебедем!

Теперь утенок был даже рад, что перенес столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить свое счастье. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали дети. Они стали бросать лебедям кусочки хлеба и зерно, а самый младший из них закричал:

– Новый прилетел! Новый прилетел! И все остальные подхватили:

– Да, новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом с матерью и опять стали бросать в воду кусочки хлеба и пирожного.

И дети и взрослые говорили:

– Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы. А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. Но всё это было позади. Теперь люди говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей. Сирень склоняет к нему в воду душистые ветки, а солнышко ласкает своими теплыми лучами... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

– Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

Принцесса на горошине

Жил-был принц, он хотел взять себе в жены принцессу, да только настоящую принцессу. Вот он и объехал весь свет, искал такую, да повсюду было что-то не то; принцесс было полно, а вот настоящие ли они, этого он никак не мог распознать до конца, всегда с ними было что-то не в порядке. Вот и воротился он домой и очень горевал: уж так ему хотелось настоящую принцессу.

Как-то ввечеру разыгралась страшная буря: сверкала молния, гремел гром, дождь лил как из ведра, ужас что такое! И вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошел отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на кого она была похожа от дождя и непогоды! Вода стекала с ее волос и платья, стекала прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она говорила, что она настоящая принцесса.

"Ну, это мы разузнаем!"; - подумала старая королева, но ничего не сказала, а пошла в опочивальню, сняла с кровати все тюфяки и подушки и положила на доски горошину, а потом взяла двадцать тюфяков и положила их на горошину, а на тюфяки еще двадцать перин из гагачьего пуха.

На этой постели и уложили на ночь принцессу.

Утром ее спросили, как ей спалось.

- Ах, ужасно плохо! - отвечала принцесса. - Я всю ночь не сомкнула глаз. Бог знает, что там у меня было в постели! Я лежала на чем-то твердом, и теперь у меня все тело в синяках! Это просто ужас что такое!

Тут все поняли, что перед ними настоящая принцесса. Еще бы, она почувствовала горошину через двадцать тюфяков и двадцать перин из гагачьего пуха! Такой нежной может быть только настоящая принцесса.

Принц взял ее в жены, ведь теперь-то он знал, что берет за себя настоящую принцессу, а горошина попала в кунсткамеру, где ее можно видеть и поныне, если только никто ее не стащил. Знайте, что это правдивая история!

Стойкий оловянный солдатик

Жили-были двадцать пять оловянных солдатиков. Все они родились от одной матери - старой оловянной ложки, а значит, приходились друг другу родными братьями. Были они красавцы писанные: мундир синий с красным, ружье на плече, взгляд устремлен вперед. Походили друг на друга, как две капли воды, и лишь один отличался от своих братьев: у него была только одна нога. Его отливали последним, и олова на него не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твердо, как другие на двух. И он-то как раз и отличился.

Мальчик, которому подарили солдатиков в День рождения, расставил их солдатиков на столе. Там было много игрушек, но красивее всех был чудесный замок из картона; сквозь его маленькие окна можно было заглянуть внутрь и увидеть комнаты. Перед замком лежало зеркальце, оно было совсем как настоящее озеро, а вокруг стояли маленькие деревья. По озеру плавали восковые лебеди и любовались своим отражением.

Все это радовало глаз, но очаровательней всего была молоденькая девушка, стоявшая на пороге широко раскрытых дверей замка. Правда, она тоже была вырезана из картона. Но что в

этом такого? Юбочка ее была из тончайшей кисеи, узкая голубая ленточка спускалась с плеча к поясу. Ленточка была прикреплена сверкающей блесткой, очень большой - она могла бы закрыть все личико девушки. Красавица эта была танцовщица. Она стояла на одной ножке, протянув руки вперед, а другую ногу подняла так высоко, что оловянный солдатик не сразу разглядел её и подумал, что красавица тоже одноногая.

- Вот бы мне такую жену, - подумал оловянный солдатик. - Только она, наверное, знатного рода, - она живет в замке, а я в коробке; к тому же нас там целых двадцать пять штук. Нет, в коробке ей не место, но познакомиться с ней все же не мешает! Она по-прежнему стояла на одной ножке, протянув руки вперед, а он застыл с ружьем на плече и ни на минуту не спускал глаз с прелестной плясуньи.

Пробило двенадцать. И вдруг - щелк, щелк! Это раскрылась табакерка. Табака в табакерке не было; в ней сидел маленький чертик, очень искусной работы.

- Эй ты, оловянный солдатик! - крикнул чертик. Перестань пучить глаза на танцовщицу, что не про твою честь!

Утром дети проснулись и переставили оловянного солдатика на окно. И тут - то ли по вине чертика, то ли по вине сквозняка - окно распахнулось и солдатик полетел кувырком с третьего этажа. Он упал на голову, а его каска и штык застряли между булыжниками - и он так и остался стоять на голове, задрав ногу кверху.

Дети сейчас же выбежали на улицу искать солдатика. Искали, искали, чуть было не раздавили его и все-таки не нашли. Крикнул он только: «Я тут!» - дети, конечно, увидели бы его, однако он считал неприличным громко кричать на улице, будучи в мундире.

А потом пошел дождь; он шел все сильней и сильней и, наконец, хлынул как из ведра, а когда перестал, на улицу выбежали соседские мальчишки и я сам слышал, как один из них сказал:

- Смотри, вон оловянный солдатик. Давай-ка отправим его на плавание!

Они сделали из газеты лодочку, поставили в нее оловянного солдатика и пустили по водосточной канаве. Боже ты мой! Как бились волны о стенки канавы, какое сильное было там течение! Да и немудрено, ведь ливень был славный! Лодочка то ныряла, то взлетала на гребень волны, то вертелась, и оловянный солдатик вздрагивал, но он был стойкий и все так же невозмутимо смотрел вперед, держа ружье на плече. Вот лодочка подплыла под мостик, стало совсем темно и страшно.

- Куда ж это меня несет? - думал он. - Все это проделки чертика! Вот если бы в лодочке со мной сидела маленькая танцовщица, тогда пускай бы хоть и вдвое темнее было.

В эту минуту из-под мостика выскочила большая водяная крыса, - она здесь жила.

- Эй ты, а паспорт у тебя есть? - крикнула крыса. - Предъяви паспорт.

Оловянный солдатик молчал и еще крепче прижимал к себе ружье. Лодочка плыла все дальше, а крыса плыла за ней. Ох, как она скрежетала зубами:

- Держите его! Он не уплатил дорожной пошлины, не предъявил паспорта!

А лодочку несло всё быстрее и быстрее, скоро она должна была выплыть из-под мостика - оловянный солдатик уже видел свет впереди, но тут раздался грохот до того страшный, что услышав его, любой храбрец задрожал бы от страха. Подумать только: канавка кончилась, и вода падала с высоты прямо в большой канал! Оловянному солдатiku грозила такая же опасность, какой подверглись бы мы, если бы течение несло нас к большому водопаду.

Бедный солдатик держался все так же стойко, даже глазом не моргнул. И вдруг лодка завертелась, потом накренилась, сразу наполнилась водой и стала тонуть. Оловянный солдатик уже стоял по шею в воде, а лодка все больше размокала и погружалась все глубже; теперь вода

покрыла солдатика с головой. Он вспомнил о прелестной маленькой танцовщице, которую ему не суждено больше увидеть, в ушах у него зазвучала песенка:

Мы стойкий постоянный настойчивый народ из ложки оловянной...

Бумага совсем размокла, прорвалась, и солдатик уже стал тонуть, но в этот миг его проглотила большая рыба. Ах, как темно было у нее в глотке! Еще темней, чем под мостиком, и в довершении всего как тесно! Но оловянный солдатик и тут держался стойко - он лежал вытянувшись во всю длину, с ружьем на плече. А рыба, проглотив его, стала неистово метаться, бросаясь из стороны в сторону, но вскоре затихла. Прошло некоторое время, и вдруг во тьме, окружавшей солдатика, молнией сверкнуло что-то блестящее, потом стало совсем светло и кто-то громко воскликнул: Оловянный солдатик!

Что же произошло? Оказывается, рыбу поймали и снесли на рынок, а там кто-то купил ее и принес на кухню, где кухарка разрешила рыбу острым ножом и, увидев солдатика, отнесла в комнату. Вся семья собралась поглядеть на удивительного человечка, который совершил путешествие в рыбьем брюхе, но оловянный солдатик не возгордился.

Его поставили на стол, и вот - чего только не бывает на свете! - солдатик снова очутился в той же самой комнате, где жил раньше.

Те же игрушки по-прежнему стояли на столе, в том числе и чудесный замок с прелестной маленькой танцовщицей. Она все так же прямо держалась на одной ножке, высоко подняв другую, - ведь она тоже была стойкая! Все это так растрогало оловянного солдатика, что из глаз его чуть не покатились слезы. Но солдату плакать не полагается, и он только посмотрел на танцовщицу, а она на него.

И вдруг один из малышей схватил солдатика и швырнул его прямо в печку - неизвестно зачем, должно быть его подучил злой чертик, сидевший в табакерке. Теперь солдатик стоял в топке, освещенный ярким пламенем, и ему было нестерпимо жарко; он чувствовал, что весь горит, - но что сжигало его - пламя или любовь, этого он и сам не знал. Краски на нем полиняли, но было ли то от горя, или же они сошли еще во время его путешествия, этого тоже никто не мог сказать. Он не сводил глаз с маленькой танцовщицы, она тоже смотрела на него, и он чувствовал, что тает, однако все еще стоял прямо, с ружьем на плече. Но вдруг дверь в комнату распахнулась, сквозняк подхватил танцовщицу, и она, как мотылек, впорхнула в печку, прямо к оловянному солдатiku, вспыхнула ярким пламенем - и ее не стало. Тут оловянный солдатик совсем расплавился и от него остался только крошечный кусочек олова.

На следующий день, когда служанка выгребала золу, она нашла в топке оловянное сердечко. А от танцовщицы осталась только блестка. Но она уже не сверкала - почернела, как уголь.

Золушка

Давным-давно жила-была одна счастливая семья: отец, мать и их единственная дочка, которую родители очень любили. Много лет жили они беззаботно и радостно.

К несчастью, однажды осенью, когда девочке исполнилось шестнадцать лет, ее мать тяжело заболела и через неделю умерла. В доме воцарилась глубокая печаль. Прошло два года. Отец девочки познакомился с одной вдовой, у которой были две дочки, и вскоре женился на ней.

С первого дня мачеха возненавидела свою падчерицу. Она заставляла ее делать всю работу по дому и не давала ни минуты покоя. То и дело слышалось:

- А ну, пошевеливайся, лентяйка, принеси-ка воды!
- Давай, бездельница, подмети пол!
- Ну, чего ждешь, грязнуля, подкинь дров в камин!

От грязной работы девочка и в самом деле всегда была выпачкана в золе и пыли. Вскоре все, даже отец, стали называть ее Золушкой, да и она сама позабыла свое имя.

Сводные сестры Золушки не отличались характером от своей злой и ворчливой матери. Завидуя красоте девушки, они заставляли ее прислуживать им и все время придирались к ней.

Однажды по округе разнесся слух, что молодой принц, скучая в одиночестве в своем большом дворце, собирается устроить бал, да не один, а несколько дней подряд.

– Ну, мои дорогие, – сказала мачеха своим некрасивым дочкам, – наконец-то судьба вам улыбнулась. Мы едем на бал. Я уверена, что одна из вас обязательно понравится принцу и он захочет жениться на ней.

– А как же другая? – в один голос спросили сестры.

– Не волнуйтесь, для другой мы найдем какого-нибудь министра.

Сестры не могли нарадоваться. В день бала они ни на шаг не отходили от зеркала, примеряя наряды. Наконец вечером, разряженные и расфуфыренные, они уселись в карету и поехали во дворец. Но перед отъездом мачеха строго сказала Золушке:

— И не думай, что ты будешь бездельничать, пока нас не будет дома. Я найду для тебя работу.

Она огляделась по сторонам. На столе, около большой тыквы, стояли две тарелки: одна с просом, другая с маком. Мачеха высыпала просо в тарелку с маком и перемешала.

– А вот тебе и занятие на всю ночь: отдели просо от мака.

Золушка осталась одна. Впервые за все время она заплакала от обиды и отчаяния. Как же перебрать все это и отделить просо от мака? И как не плакать, когда все девушки развлекаются сегодня на балу во дворце, а она сидит здесь, в лохмотьях, одна-одинешенька?

Вдруг комната озарилась светом, и появилась красавица в белом платье и с хрустальной палочкой в руке.

– Тебе хотелось бы на бал, правда?

– Ах, да! – со вздохом ответила Золушка.

– Не печалься, Золушка, – сказала она, – я добрая фея. Сейчас придумаем, как помочь твоей беде.

С этими словами она коснулась палочкой тарелки, что стояла на столе. В одно мгновение просо отделилось от мака.

– Обещаешь быть во всём послушной? Тогда я помогу тебе поехать на бал. – Волшебница обняла Золушку и сказала ей: – Ступай в огород и принеси мне тыкву.

Золушка побежала в огород, выбрала самую лучшую тыкву и отнесла её волшебнице, хотя никак не могла понять, каким это образом тыква поможет ей попасть на бал.

Волшебница выдолбила тыкву до самой корки, потом прикоснулась к ней волшебной палочкой, и тыква мигом превратилась в золочёную карету.

Потом волшебница заглянула в мышеловку и увидела, что там сидят шесть живых мышей.

Она велела Золушке приоткрыть дверцу мышеловки. Каждую мышь, которая выскакивала оттуда, она трогала волшебной палочкой, и мышка сейчас же превращалась в красивого коня.

И вот вместо шести мышей появилась превосходная упряжка из шести лошадей мышиной масти в яблоках.

Волшебница задумалась:

– Откуда бы взять кучера?

– Пойду посмотрю, не попала ли в крысоловку крыса, – сказала Золушка. – Из крысы можно сделать кучера.

– Верно! – согласилась волшебница. – Пойди посмотри.

Золушка принесла крысоловку, где сидели три большие крысы.

Волшебница выбрала одну, самую крупную и усатую, тронула её своей палочкой, и крыса превратилась в толстого кучера с пышными усами.

Тогда волшебница сказала Золушке:

– В саду, за лейкой, сидят шесть ящериц. Пойди принеси их мне.

Не успела Золушка принести ящериц, как волшебница превратила их в шестерых слуг, одетых в расшитые золотом ливреи. Они так ловко вскочили на запятки кареты, как будто всю жизнь ничем другим не занимались.

– Ну вот, теперь можешь ехать на бал, – сказала волшебница Золушке. – Довольна ты?

– Конечно! Только как же я поеду в таком гадком платье?

Волшебница коснулась Золушки своей палочкой, и старое платье мигом превратилось в наряд из золотой и серебряной парчи, богато расшитой драгоценными камнями.

В придачу волшебница подарила ей пару хрустальных туфелек. Свет не видел ещё таких красивых туфелек!

– Поезжай на бал, моя милая! Ты это заслужила! – воскликнула фея. – Но помни, Золушка, ровно в полночь сила моих чар кончится: твоё платье снова превратится в лохмотья, а карета – в обыкновенную тыкву. Помни об этом!

Золушка обещала волшебнице уехать из дворца до полуночи и, сияя от счастья, отправилась на бал.

Королевскому сыну доложили, что прибыла неизвестная, очень важная принцесса. Он поспешил ей навстречу, помог выйти из кареты и повёл в зал, где уже собрались гости.

Когда Золушка, раздетая как принцесса, вошла в бальный зал, все замолчали и посмотрели в сторону незнакомой красавицы.

– Это ещё кто такая? – недовольно спрашивали Золушкины сводные сестры.

В зале сразу наступила тишина: гости перестали танцевать, скрипачи перестали играть – так все были поражены красотой незнакомой принцессы.

– Какая красавица! – шептались кругом.

Даже сам старик король не мог на неё наглядеться и всё твердил на ухо королеве, что давно не видел такой красивой и милой девушки.

А дамы внимательно рассматривали её наряд, чтобы завтра же заказать себе точь- в- точь такой, только боялись, что не найдут достаточно богатых материй и достаточно искусных мастериц.

Принц проводил её на самое почётное место и пригласил танцевать. Танцевала она так хорошо, что все ещё больше залюбовались ею.

Вскоре подали разные сласти и фрукты. Но принц и не притронулся к лакомствам – так он был занят прекрасной принцессой.

А она подошла к своим сёстрам, приветливо заговорила с ними и поделилась апельсинами, которыми угощал её принц.

Сёстры очень удивились такой любезности со стороны незнакомой принцессы.

Но время неумолимо летело вперед. Помня слова доброй феи, Золушка все время поглядывала на часы. Без пяти двенадцать девушка неожиданно прекратила танцевать и выбежала из дворца. У крыльца ее уже ждала золотая карета. Лошади радостно заржали и повезли Золушку домой.

Вернувшись домой, она прежде всего побежала к доброй волшебнице, поблагодарила её и сказала, что хотела бы завтра опять попасть на бал – принц очень просил её приехать.

В то время, как она рассказывала волшебнице обо всём, что происходило на балу, раздался стук в дверь – это приехали сёстры. Золушка пошла им отворять.

– Долго же вы пробыли на балу! – сказала она, протирая глаза и потягиваясь, как будто только что проснулась.

На самом деле, с тех пор как они расстались, ей совсем не хотелось спать.

– Побывала бы ты на балу, – сказала одна из сестёр, – тебе бы некогда было скучать. Туда приехала принцесса – да какая красивая! Красивей её никого на свете нет. С нами она была очень любезна, угощала нас апельсинами.

Золушка вся задрожала от радости. Она спросила, как зовут принцессу, но сёстры ответили, что никто её не знает и принц очень этим огорчён. Он что угодно отдал бы, лишь бы узнать, кто она такая.

– Наверно, она очень красивая! – улыбаясь, сказала Золушка. – И счастливицы же вы! Как бы мне хотелось хоть одним глазком посмотреть на неё!.. Милая сестрица, пожалуйста, одолжите мне ваше жёлтое домашнее платье.

– Вот ещё выдумала! – отвечала старшая сестра. – Чтоб я дала своё платье такой замарашке? Да ни за что на свете!

Золушка так и знала, что сестра откажет ей, и даже обрадовалась – что бы она делала, если бы сестрица согласилась дать ей своё платье!

– Ты сделала то, что я тебе велела? – сурово спросила мачеха.

Каково же было удивление злой мачехи и ее дочек, когда они увидели, что в доме все сверкает чистотой, а мак отделен от проса!

На следующий вечер мачеха и Золушкины сводные сестры снова собрались на бал.

– На этот раз у тебя будет больше работы, – сказала мачеха, – вот тебе мешок гороха, перемешанного с фасолью. Отдели горох от фасоли к нашему приезду, а не то плохо тебе придется!

И снова Золушка осталась одна. Но через минуту комната вновь озарилась чудесным светом.

– Не будем терять времени, – сказала добрая фея, – нужно скорее собираться на бал, Золушка. – Одним взмахом волшебной палочки фея отделила горох от фасоли.

Золушка поехала на бал и была ещё наряднее, чем в первый раз. Принц не отходил от неё и нашёптывал ей всякие любезности.

Но на этот раз Золушка, увлеченная красавцем-принцем, совсем забыла о времени. Музыка, танцы и счастье унесли ее в заоблачные дали.

Золушке было очень весело, и она совсем позабыла о том, что приказывала ей волшебница. Она думала, что нет ещё и одиннадцати часов, как вдруг часы стали бить полночь.

Неужели на самом деле уже полночь? Но часы неумолимо пробили двенадцать раз.

Опомнившись, Золушка вырвала свою руку из руки принца и поспешила из дворца. Принц бросился догонять ее. Но алые туфельки быстрее молнии мелькали по ступеням широкой дворцовой лестницы. Принц не успел догнать девушку. Он услышал лишь, как хлопнула дверца и заскрипели колеса отъезжавшей кареты.

Опечаленный, стоял он наверху лестницы и уже собрался уходить, как вдруг заметил что-то внизу. Это была туфелька, которую потеряла прекрасная незнакомка.

Юноша осторожно, как какую-то драгоценность, поднял ее и прижал к груди. Он найдет таинственную принцессу, даже если ему придется искать ее всю жизнь!

Он расспросил стражу у ворот, не видел ли кто, куда уехала принцесса. Стражники ответили, что видели только, как из дворца выбежала бедно одетая девушка, больше похожая на крестьянку, чем на принцессу.

Золушка побежала домой запыхавшись, без кареты, без слуг, в своём стареньком платье. От всей роскоши у неё осталась только одна хрустальная туфелька.

Когда почти на рассвете Золушка вернулась домой, мачеха и сводные сестры уже успели приехать с бала.

– Где ты была? Опять бездельничала? – недовольно спросили они.

Но тут лицо мачехи перекопилось от злости. В углу кухни она увидела два мешка с горохом и с фасолью – ее задание было выполнено.

Золушка спросила сестер, было ли им так же весело, как вчера, и приезжала ли опять прекрасная принцесса.

Сёстры ответили, что приезжала, но только когда часы начали бить полночь, она бросилась бежать – да так поспешно, что уронила с ноги красивую хрустальную туфельку. Принц поднял туфельку и до конца бала не сводил с неё глаз. По всему видно, что он влюблён в прекрасную принцессу – владелицу туфельки.

После исчезновения красавицы принц перестал давать балы во дворце, и по всей округе разнесся слух, что он по всему королевству ищет ту самую таинственную красавицу, что два раза появлялась на балу, но оба раза исчезала ровно в полночь. Было также известно, что принц женится на девушке, которой алая туфелька придется впору.

Сначала туфельку примеряли принцессам, потом герцогиням, потом всем придворным дамам подряд. Но она не годилась никому.

В скором времени принц со своей свитой пожаловал в дом, где жила Золушка. Сводные сестры бросились примерять туфельку. Но изящная туфелька ни за что не хотела налезать на их большие ноги. Принц уже хотел уйти, когда вдруг отец Золушки сказал:

– Подождите, ваше высочество, у нас есть еще одна дочка!

В глазах принца блеснула надежда.

– Не слушайте его, ваше высочество, – тут же вмешалась мачеха. – Какая же это дочка? Это наша служанка, вечная замарашка.

Принц с грустью взглянул на грязную, одетую в лохмотья девушку и вздохнул.

– Что ж, каждая девушка в моем королевстве должна примерить туфельку.

Золушка сняла грубый башмак и без труда надела туфельку на свою изящную ножку. Та пришла ей в самый раз.

Сёстры очень удивились. Но каково же было их изумление, когда Золушка достала из кармана вторую такую же туфельку и надела её на другую ногу!

Принц внимательно посмотрел в глаза девушке в лохмотьях и узнал ее.

– Так ты и есть моя прекрасная незнакомка!

Тут подросла добрая волшебница, коснулась своей палочкой старенького Золушкиного платья, и оно на глазах у всех превратилось в пышный наряд, ещё роскошнее прежних. Вот когда сёстры увидели, кто была прекрасная принцесса, которая приезжала на бал! Они бросились перед Золушкой на колени и стали просить прощения за то, что так дурно обращались с ней.

Золушка подняла сестёр, расцеловала и сказала, что прощает их и только просит, чтобы они всегда любили её.

Мачеха и ее дочери так и опешили. А в последующие дни у них было еще больше поводов для зависти.

Золушку в её роскошном наряде повезли во дворец к принцу. Она показалась ему ещё красивее, чем раньше. И несколько дней спустя он женился на ней, и устроил пышную свадьбу.

Во дворце был дан великолепный бал, на котором Золушка была в восхитительном наряде и танцевала с принцем до самой полуночи и даже дольше, ведь теперь чары доброй феи уже были не нужны.

Золушка была так же добра душой, как и прекрасна лицом. Она взяла сестёр к себе во дворец и в тот же день выдала их замуж за двух придворных вельмож.

Русалочка

(Перевод Анны и Петра Ганзен)

В открытом море вода совсем синяя, как лепестки хорошеньких васильков, и прозрачная, как хрусталь, - но зато и глубоко там! Ни один якорь не достанет до дна: на дно моря пришлось бы поставить одну на другую много-много колоколен, чтобы они могли высунуться из воды. На самом дне живут русалки.

Не подумайте, что там, на дне, один голый белый песок; нет, там растут удивительнейшие деревья и цветы с такими гибкими стебельками и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. Между ветвями их шныряют маленькие и большие рыбки, точь-в-точь как у нас здесь птицы. В самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с большими остроконечными окнами из чистейшего янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются, смотря по приливу и отливу; выходит очень красиво, так как в середине каждой раковины лежит по жемчужине такой красоты, что и одна из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла его старуха мать - женщина умная, но очень гордая своим родом; она носила на хвосте целую дюжину устриц, тогда как вельможи имели право носить только по шести. Вообще же она была особа достойная, особенно потому, что очень любила своих маленьких внуков. Все шесть принцесс были прехорошенькими

русалочками, но лучше всех была самая младшая, нежная и прозрачная, как лепесток розы, с глубокими, синими, как море, глазами. Но и у нее, как у других русалок, не было ножек, а только рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где по стенам росли живые цветы. В открытые янтарные окна вплывали рыбки, как у нас, бывает, влетают ласточки; рыбки подплывали к маленьким принцессам, ели из их рук и позволяли себя гладить.

Возле дворца был большой сад; там росло много огненно-красных и темно-голубых деревьев с вечно колеблющимися ветвями и листьями; плоды их при этом движении сверкали, как золото, а цветы - как огоньки. Сама земля была усыпана мелким голубоватым, как серное пламя, песком; на дне морском на всем лежал какой-то удивительный голубоватый отблеск - можно было, скорее, подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причем небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие можно было также видеть солнце; оно смотрело пурпуровым цветком, из чашечки которого лился свет.

У каждой принцессы было в саду свое местечко; тут они могли копать и сажать что хотели. Одна сделала себе цветочную грядку в виде кита, другой захотелось, чтобы ее грядка была похожа на русалочку, а самая младшая сделала себе грядку круглую, как солнышко, и засадила ее такими же ярко-красными цветами. Странное дитя была эта русалочка: такая тихая, задумчивая... Другие сестры украшали себя разными разностями, которые доставлялись им с разбитых кораблей, а она любила только свои красные, как солнышко, цветочки да прекрасного белого мраморного мальчика, упавшего на дно моря с какого-то погибшего корабля. Русалочка посадила у статуи красную плакучую иву, которая чудесно разрослась; ветви ее перевешивались через статую и клонились на голубой песок, где колебалась их фиолетовая тень: вершина и корни точно играли и целовались друг с другом!

Больше всего любила русалочка слушать рассказы о людях, живущих наверху, на земле. Старуха бабушка должна была рассказывать ей все, что только знала, о кораблях и городах, о людях и о животных. Особенно занимало и удивляло русалочку, что цветы на земле пахли, - не то что тут, в море! - что леса там были зеленого цвета, а рыбки, которые жили в ветвях, чудесно пели. Бабушка называла рыбками птичек, иначе внучки не поняли бы ее: они ведь сроду не видавали птиц.

- Когда вам исполнится пятнадцать лет, - говорила бабушка, - вам тоже можно будет всплывать на поверхность моря, сидеть, при свете месяца, на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз должно было исполниться пятнадцать лет, но другим сестрам - а они все были погодки - приходилось еще ждать, и дольше всех - целых пять лет - самой младшей. Но каждая обещала рассказать остальным сестрам о том, что ей больше всего понравится в первый день: рассказы бабушки мало удовлетворяли их любопытство, им хотелось знать обо всем поподробнее.

Никого не тянуло так на поверхность моря, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Сколько ночей провела она у открытого окна, вглядываясь в синеву моря, где шевелили своими плавниками и хвостами целые стаи рыбок! Она могла разглядеть сквозь воду месяц и звезды; они, конечно, блестели не так ярко, но зато казались гораздо больше, чем кажутся нам. Случалось, что под ними скользило как будто большое облако, и русалочка знала, что это или проплывал над нею кит, или проходил корабль с сотнями людей; они и не думали о хорошенькой русалочке, что стояла там, в глубине моря, и протягивала к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей было позволено всплыть на поверхность моря.

Вот было рассказов, когда она вернулась назад! Лучше же всего, по ее словам, было лежать в тихую погоду на песчаной отмели и нежиться, при свете месяца, любуясь раскинувшимся по берегу городом: там, точно сотни звездочек, горели огоньки, слышалась музыка, шум и грохот экипажей, виднелись башни со шпицами, звонили колокола. Да, именно потому, что ей нельзя было попасть туда, ее больше всего и манило это зрелище.

Как жадно слушала ее рассказы самая младшая сестрица. Стоя вечером у открытого окна и вглядываясь в морскую синеву, она только и думала что о большом шумном городе, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и вторая сестра получила позволение подниматься на поверхность моря и плыть куда хочет. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака... да тут у нее уж и слов не хватало! Окрашенные в пурпуровые и фиолетовые цвета, они быстро неслись по небу, но еще быстрее них неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая лебедей; русалочка тоже поплыла было к солнцу, но оно опустилось в море, и по небу и воде разлилась розовая вечерняя заря.

Еще через год всплыла на поверхность моря третья принцесса; эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зеленые холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окруженные чудесными рощами, где пели птицы; солнышко светило и грело так, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы освежить свое пылающее лицо. В маленькой бухте она увидела целую толпу голеньких человечков, которые плескались в воде; она хотела было поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них появился какой-то черный зверек и так страшно принялся на нее тяфкать, что русалка перепугалась и уплыла назад в море; зверек этот была собака, но русалка ведь никогда еще не видала собак.

И вот принцесса все вспоминала эти чудные леса, зеленые холмы и прелестных детей, которые умели плавать, хоть у них и не было рыбьего хвоста!

Четвертая сестра не была такою смелой; она держалась больше в открытом море и рассказывала, что это было лучше всего: куда ни оглянись, на много-много миль вокруг -- одна вода да небо, опрокинувшееся над водой, точно огромный стеклянный купол; вдали, как морские чайки, проносились большие корабли, играли и кувыркались забавные дельфины и пускали из ноздрей сотни фонтанов огромные киты.

Потом пришла очередь предпоследней сестры; ее день рождения приходился зимой, и потому она увидела в первый раз то, чего не видели другие: море было зеленоватого цвета, повсюду плавали большие ледяные горы: ни дать ни взять жемчужины, рассказывала она, но такие огромные, выше самых высоких колоколен! Некоторые из них были очень причудливой формы и блестели, как алмазные. Она уселась на самую большую, ветер развеивал ее длинные волосы, а моряки испуганно обходили гору подальше. К вечеру небо покрылось тучами, засверкала молния, загремел гром и темное море стало бросать ледяные глыбы из стороны в сторону, а они так и сверкали при блеске молнии. На кораблях убирали паруса, люди метались в страхе и ужасе, а она спокойно плыла себе на ледяной горе и смотрела, как огненные зигзаги молнии, прорезав небо, падали в море.

Вообще, каждая из сестер была в восторге от того, что видела в первый раз: все было для них ново и потому нравилось; но, получив, как взрослые девушки, позволение плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему и через месяц стали уже говорить, что везде хорошо, а дома лучше.

Часто по вечерам все пять сестер сплетались руками и поднимались на поверхность воды; у всех были чудеснейшие голоса, каких не бывает у людей на земле, и вот, когда начиналась буря и они видели, что кораблям грозит опасность, они подплывали к ним, пели о чудесах подводного царства и просили моряков не бояться опуститься на дно; но моряки не могли разобрать слов; им казалось, что это просто шумит буря; да им все равно не удалось бы увидеть на дне никаких чудес: если корабль погибал, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, в то время как сестры ее всплывали рука об руку на поверхность моря, оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, готовая заплакать, но русалки не могут плакать, и оттого ей было еще тяжелее.

- Ах, когда же мне будет пятнадцать лет? - говорила она. - Я знаю, что очень люблю и тот свет, и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет!

- Ну вот, вырастили и тебя! - сказала бабушка, вдовствующая королева. - Пооди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестер!

И она надела русалочке на голову венец из белых жемчужных лилий - каждый лепесток был половинкой жемчужины, потом, для обозначения высокого сана принцессы, приказала прицепиться к ее хвосту восьмерым устрицам.

- Да это больно! - сказала русалочка.

- Ради красоты приходится и потерпеть немножко! - сказала старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжелый венец: красненькие цветочки из ее садика шли ей куда больше, но делать нечего!

- Прощайте! - сказала она и легко и плавно, точно прозрачный водяной пузырь, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака еще сияли пурпуром и золотом, тогда как в красноватом небе уже зажигались чудесные ясные вечерние звездочки; воздух был мягок и свеж, а море лежало, как зеркало. Неподалеку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом: не было ведь ни малейшего ветерка; на вантах и мачтах сидели матросы, с палубы неслись звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков; казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к самым окнам каюты и, когда волны слегка приподнимали ее, она могла заглянуть в каюту. Там было множество разодетых людей, но лучше всех был молодой принц с большими черными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет; в тот день праздновалось его рождение, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, кверху взвились сотни ракет, и стало светло как днем, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула головку, и ей показалось, что все звездочки небесные попадали к ней в море. Никогда еще не видела она такой огненной потехи: большие солнца вертелись колесом, великолепные огненные рыбы крутили в воздухе хвостами, и все это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждую веревку, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал людям руки, улыбался и смеялся, а музыка все гремела и гремела в тишине чудной ночи.

Становилось уже поздно, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца принца. Разноцветные огоньки потухли, ракеты больше не взлетали в воздух, не слышалось и пушечных выстрелов, зато загудело и застонало самое море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблем и все заглядывала в каюту, а корабль несся все быстрее и быстрее, паруса развертывались один за другим, ветер крепчал, заходили волны, облака сгустились, и засверкала молния. Начиналась буря! Матросы принялись убирать паруса; огромный корабль страшно качало, а ветер так и мчал его по бушующим волнам; вокруг корабля вставали высокие водяные горы, грозившие сомкнуться над мачтами корабля, но он нырял между водяными стенами, как лебедь, и снова взлетал на гребень волн. Русалочку буря только забавляла, но морякам приходилось плохо: корабль трещал, толстые бревна разлетались в щепки, волны перекатывались через палубу, мачты ломались, как тростинки, корабль перевернулся набок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла опасность - ей и самой приходилось остерегаться бревен и обломков, носившихся по волнам. На минуту сделалось вдруг так темно, хоть глаз выколи; но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела всех бывших на корабле людей; каждый спасался, как умел. Русалочка отыскала глазами принца и увидела, как он погрузился в воду, когда корабль разбился на части. Сначала русалочка очень обрадовалась тому, что он попадет теперь к ним на дно, но потом вспомнила, что люди не могут жить в воде и что он может приплыть во дворец ее отца только мертвым. Нет, нет, он не должен умирать! И она поплыла между бревнами и досками, совсем забывая, что они во всякую минуту могут раздавить ее самое. Приходилось то нырять в самую глубину, то взлетать кверху вместе с волнами; но вот наконец она настигла принца, который уже почти совсем выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю; руки и ноги отказались ему служить, а прелестные глаза закрылись; он умер бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно.

К утру непогода стихла; от корабля не осталось и щепки; солнце опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живую окраску, но глаза его все еще не открывались.

Русалочка откинула со лба принца волосы и поцеловала его в высокий красивый лоб; ей показалось, что он похож на мраморного мальчика, что стоял у нее в саду; она поцеловала его еще раз и от души пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела твердую землю и высокие, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленела чудная роща, а повыше стояло какое-то здание, вроде церкви или монастыря. В роще росли апельсиновые и лимонные деревья, а у ворот здания - высокие пальмы. Море врезывалось в белый песчаный берег небольшим заливом, где вода была очень тиха, но глубока; сюда-то приплыла русалочка и положила принца на песок, позаботившись о том, чтобы голова его лежала повыше и на самом солнышке.

В это время в высоком белом здании зазвонили колокола и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, которые торчали из воды, покрыла себе волосы и грудь морскою пеной - теперь никто не различил бы в этой пене ее беленького личика - и стала ждать, не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла одна из молодых девушек и сначала очень испугалась, но скоро собралась с духом и позвала на помощь людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся и даже не знал, что она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое белое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

И прежде она была тихою и задумчивою, теперь же стала еще тише, еще задумчивее. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она не рассказала им ничего.

Часто вечером и утром приплывала она к тому месту, где оставила принца, видела, как созрели и были сорваны в садах плоды, как стоял снег на высоких горах, но принца больше не видала и возвращалась домой с каждым разом все печальнее и печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за цветами она больше не ухаживала; они росли как хотели, по тропинкам и дорожкам, переплелись своими стебельками и листочками с ветвями дерева, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала, рассказала обо всем одной из своих сестер; за ней узнали и все остальные сестры, но больше никто, кроме разве еще двух-трех русалок да их самых близких подруг. Одна из русалок тоже знала принца, видела праздник на корабле и даже знала, где лежит королевство принца.

- Пойдем с нами сестрица! - сказали русалке сестры, и рука об руку поднялись все на поверхность моря близ того места, где лежал дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо в море. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах, между колоннами, окружавшими все здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые. В высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшены большими картинами. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал большой фонтан; струи воды били высоко-высоко под самый стеклянный куполообразный потолок, через который на воду и на чудные растения, росшие в широком бассейне, лились лучи солнца.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, как она; она же врывалась и в узенький проток, который бежал как раз под великолепным мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей прекрасной лодке, украшенной развевающимися флагами: русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иной раз замечали ее длинную серебристо-белую вуаль, развевавшуюся по ветру, то думали, что это лебедь взмахнул крылом.

Много раз также слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда он полумертвый носился по волнам; она вспоминала те минуты, когда его голова покоилась на ее груди и когда она так нежно расцеловала его белый красивый лоб. А он-то ничего не знал о ней, она ему даже и во сне не снилась!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, больше и больше тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, нежели ее подводный: они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы к самым облакам, а бывшие в их владении пространства земли с лесами и полями тянулись далеко-далеко, и глазом было их не окинуть! Ей так хотелось побольше узнать о людях и их жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к старухе бабушке; эта хорошо знала "высший свет", как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

- Если люди не тонут, - спрашивала русалочка, - тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

-- Как же! - отвечала старуха. - Они тоже умирают, и их век даже короче нашего. Мы живем триста лет, зато, когда нам приходит конец, от нас остается одна пена морская, у нас нет даже могил, близких нам. Нам не дано бессмертной души, и мы никогда уже не воскреснем для новой жизни; мы, как этот зеленый тростник: вырванный с корнем, он уже не зазеленеет вновь! У людей, напротив, есть бессмертная душа, которая живет вечно, даже и после того, как тело превращается в прах; она улетает тогда в синее небо, туда, к ясным звездочкам! Как мы можем подняться со дна моря и увидеть землю, где живут люди, так они могут подняться после смерти в неведомые блаженные страны, которых нам не видать никогда!

- Отчего у нас нет бессмертной души! - грустно сказала русалочка. - Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, с тем чтобы принять потом участие в небесном блаженстве людей.

- Нечего и думать об этом! - сказала старуха. - Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

- Так и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыки волн, не увижу чудесных цветов и красного солнышка! Неужели же я никак не могу приобрести бессмертной души?

- Можешь, - сказала бабушка, - пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе, и ты будешь участвовать в вечном блаженстве человека. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас здесь считается красивым, - твой рыбий хвост, люди находят безобразным: они мало смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки - ноги, как они их называют.

Глубоко вздохнула русалочка и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

- Будем жить - не тужить!- сказала старуха. - Повеселимся вволю свои триста лет - это порядочный срок, тем слаще будет отдых по смерти! Сегодня вечером у нас при дворе бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине: огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены -- и само море; видно было, как к стенам подплывали стаи больших и малых рыб, сверкавших пурпурно-золотистой и серебристой чешуей.

Посреди залы бежал широкий ручей, и на нем танцевали водяные и русалки под свое чудное пение. Таких чудных голосов не бывает у людей. Русалочка же пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде -- ни в море, ни на земле -- нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце и печалиться о том, что у нее нет бессмертной души. Она незаметно ускользнула из дворца и, пока там пели и веселились, грустно сидела в своем садике; через воду доносились к ней звуки валторн, и она думала: "Вот он опять катается в лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему бы я охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла ради него и бессмертной души! Пока сестры танцуют в отцовском дворце, я поплыву к морской ведьме; я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!"

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей еще ни разу не приходилось проплывать этой дорогой; тут не росло ни цветов, ни даже травы -- один голый серый песок; вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колесами, и увлекала с собой в глубину все, что только встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между такими бурлящими водоворотами; затем на пути к жилищу ведьмы лежало большое пространство, покрытое горячим пузырявшимся илом; это местечко ведьма называла своим торфяным болотом. За ним уже показалось и самое жилье ведьмы, окруженное каким-то диковинным лесом: деревья и кусты были полипами, полуживотными-полурастениями, похожими на стоголовых змей, росших прямо из песка; ветви их были длинными осклизлыми руками с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими суставами, от корня до самой верхушки, хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уже никогда не выпускали обратно. Русалочка испуганно приостановилась, сердечко ее забило от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце, о бессмертной душе и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы их не схватили полипы, скрестила на груди руки, и, как рыба, поплыла между гадкими полипами, протягивавшими к ней свои извивающиеся руки. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удавалось им схватить: белые остовы утонувших людей, корабельные рули, ящики, скелеты животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались и показывали свои гадкие светло-желтые брюшки большие жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела и сама морская ведьма, кормившая изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Гадких жирных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им валяться на своей большой ноздреватой, как губка, груди.

- Знаю, знаю, зачем ты пришла! - сказала русалочке морская ведьма. - Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе, тебе же на беду, моя красавица! Ты хочешь получить вместо своего рыбьего хвоста две подпорки, чтобы ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц полюбил тебя, а ты получила бы бессмертную душу!

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба, и ужи попадали с нее и растянулись на земле.

- Ну ладно, ты пришла вовремя! - продолжала ведьма. - Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю для тебя питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним на берег еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару чудных, как скажут люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят насквозь острым мечом. Зато все, кто ни увидит тебя, скажут, что такой прелестной девушки они еще не видали! Ты сохранишь свою воздушную скользкую походку - ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни, что ты будешь ступать как по острым ножам, так что изранишь свои ножки в кровь. Согласна ты? Хочешь моей помощи?

- Да! - сказала русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе.

- Помни, - сказала ведьма, - что раз ты примешь человеческий образ, тебе уже не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе больше ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер. И если принц не полюбит тебя так, что забудет для тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не велит священнику соединить ваши руки, так что вы станете мужем и женой, ты не получишь бессмертной души. С первою же зарей, после его женитьбы на другой, твое сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской!

- Пусть! - сказала русалочка и побледнела, как смерть.

- Ты должна еще заплатить мне за помощь! - сказала ведьма. - А я недешево возьму! У тебя чудный голос, и им ты думаешь обворожить принца, но ты должна отдать свой голос мне. Я возьму за свой драгоценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: я ведь должна примешать к напитку свою собственную кровь, для того чтобы он стал острее, как лезвие меча!

- Если ты возьмешь мой голос, что же останется у меня? - спросила русалочка.

- Твое прелестное личико, твоя скользящая походка и твои говорящие глаза - довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну, полно, не бойся, высунешь язычок, я и отрежу его в уплату за волшебный напиток!

- Хорошо! - сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

- Чистота - лучшая красота! - сказала она, обтерла котел связкой живых ужей и потом расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, от которой скоро стали подниматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал, глядя на них. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и, когда питье закипело, послышался точно плач крокодила. Наконец напиток был готов и смотрелся прозрачайшею ключевою водой!

- Вот тебе! - сказала ведьма, отдавая русалочке напиток; потом отрезала ей язычок, и русалочка стала немая, не могла больше ни петь, ни говорить!

- Если полипы захотят схватить тебя, когда ты поплывешь назад, - сказала ведьма, - брызни на них каплю этого питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячи кусков!

Но русалочке не пришлось этого сделать: полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят; она не смела больше войти туда - она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце ее готово было разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки каждой сестры, послала родным тысячи поцелуев рукой и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на великолепную мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудным голубым сиянием. Русалочка выпила сверкающий острый напиток, и ей показалось, что ее пронзили насквозь обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала как мертвая.

Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всем теле она чувствовала жгучую боль, зато перед ней стоял красавец принц и смотрел на нее своими черными, как ночь, глазами; она потупилась и увидела, что вместо рыбьего хвоста у нее были две чудеснейшие беленькие и маленькие, как у ребенка, ножки. Но она была совсем голешенька и потому закуталась в свои длинные густые волосы. Принц спросил, кто она такая и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими темно-голубыми глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку повел во дворец. Ведьма сказала правду: с каждым шагом русалочка как будто ступала на острые ножи и иголки, но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем легкая, воздушная, как водяной пузырь; принц и все окружающие только дивились ее чудной с скользящей походке.

Русалочку раздели в шелк и кисею, и она стала первою красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой - не могла ни петь, ни говорить. Красивые рабыни, все в шелку и золоте, появились пред принцем и его царственными родителями и стали петь. Одна из них пела особенно

хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей; русалочке стало очень грустно: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! "Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, чтобы только быть возле него!"

Потом рабыни стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои белые хорошенькие ручки, встала на цыпочки и понеслась в легком воздушном танце - так не танцевал еще никто! Каждое движение лишь увеличивало ее красоту; одни глаза ее говорили сердцу больше, чем пение всех рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц, назвавший русалочку своим маленьким найденышем, и русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ножки ее касались земли, ей было так больно, как будто она ступала на острые ножи. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его на прогулках верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птички, а зеленые ветви били ее по плечам; взбирались на высокие горы, и, хотя из ее ног сочилась кровь, так что все видели это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались на облака, плывшие у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны.

Когда же они оставались дома, русалочка ходила по ночам на берег моря, спускалась по мраморной лестнице, ставила свои пылавшие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а один раз она увидела в отдалении даже свою старую бабушку, которая уже много-много лет не поднималась из воды, и самого морского царя с короной на голове; они простирали к ней руки, но не смели подплывать к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать же ее своею женой и королевой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе она не могла обрести бессмертной души и должна была, в случае его женитьбы на другой, превратиться в морскую пену.

"Любишь ли ты меня больше всех на свете"? - казалось, спрашивали глаза русалочки в то время, как принц обнимал ее и целовал в лоб.

-- Да, я люблю тебя! - говорил принц. - У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел раз и, верно, больше не увижу! Я плыл на корабле, корабль разбился, волны выбросили меня на берег вблизи чудного храма, где служат Богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Но ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобою!

"Увы, он не знает, что это я спасла ему жизнь! - думала русалочка. - Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роще, где был храм, а сама спряталась в морскую пену и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красавицу девушку, которую он любит больше, чем меня! - И русалочка глубоко-глубоко вздыхала, плакать она не могла. - Но та девушка принадлежит храму, никогда не появится в свете, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!"

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плаванье. Принц поедет к соседнему королю, как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет и большая свита. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась: она ведь лучше всех знала мысли принца.

- Я должен ехать! - говорил он ей. - Мне надо посмотреть прекрасную принцессу: этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, я же никогда не полюблю ее! Она же не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если же мне придется, наконец, избрать себе невесту, так я выберу, скорее всего, тебя, мой немой найденыш с говорящими глазами!

И он целовал ее розовые губки, играл ее длинными волосами и клал свою голову на ее грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого блаженства и бессмертной человеческой души.

-- Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? - говорил он, когда они уже стояли на великолепном корабле, который должен был отвезти их в землю соседнего короля.

И принц рассказывал ей о бурях и о штиле, о разных рыбах, что живут в глубине моря, и о чудесах, которые видели там водолазы, а она только улыбалась, слушая его рассказы: она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме одного рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны; и вот ей показалось, что она видит отцовский дворец; старуха бабушка стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры; они печально смотрели на нее и ломали свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но в это время к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, юнга же подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошел в гавань великолепной столицы соседнего королевства. И вот в городе зазвонили в колокола, с высоких башен стали раздаваться звуки рогов, а на площадях собираться полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знаменами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы еще не было: она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на нее и должна была сознаться, что милее и красивее личика она еще не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбалась пара темно-синих кротких глаз.

-- Это ты! - сказал принц. - Ты спасла мне жизнь, когда я, полумертвый, лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою краснеющую невесту.

-- О, я слишком счастлив! - сказал он русалочке. - То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня!

Русалочка поцеловала его руку, и ей показалось, что сердце ее вот-вот разорвется от боли: его свадьба должна убить ее, превратить в морскую пену!

Колокола в церквях зазвонили, по улицам разъезжали герольды, оповещая народ о помолвке принцессы. Из кадилниц священников струился благоуханный фимиам, жених с невестой подали друг другу руки и получили благословение епископа. Русалочка, разодетая в шелк и золото,

держала шлейф невесты, но уши ее не слышали праздничной музыки, глаза не видели блестящей церемонии: она думала о своем смертном часе и о том, что она теряла с жизнью.

В тот же вечер жених с невестой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, а на палубе корабля был раскнут роскошный шатер из золота и пурпура; в шатре возвышалось чудное ложе для новобрачных.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и без малейшего сотрясения скользнул по волнам и понесся вперед.

Когда смерклось, на корабле зажглись сотни разноцветных фонариков, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочке вспомнился праздник, который она видела на корабле в тот день, когда впервые всплыла на поверхность моря, и вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда еще не танцевала она так чудесно! Ее нежные ножки резало как ножами, но она не чувствовала этой боли - сердцу ее было еще больнее. Лишь один вечер оставалось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и ежедневно терпела бесконечные мучения, тогда как он и не замечал их. Лишь одну ночь еще оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Ей ведь не было дано бессмертной души! Долго за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой в сердце; принц же целовал красавицу невесту, а она играла его черными волосами; наконец, рука об руку удалились они в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, один штурман остался у руля. Русалочка оперлась своими белыми руками о борт и, обернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, как она знала, должен был убить ее. И вдруг она увидела в море своих сестер; они были бледны, как и она, но их длинные роскошные волосы не развевались больше по ветру: они были обрезаны.

-- Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавиться тебя от смерти! Она дала нам вот этот нож; видишь, какой острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и, когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост, ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем сделаешься соленой морской пеной. Но спеш! Или он, или ты - один из вас должен умереть до восхода солнца! Наша старая бабушка так печалится, что потеряла от горя все свои седые волосы, а мы отдали свои ведьме! Убей принца и вернись к нам! Торопись - видишь, на небе показалась красная полоска? Скоро взойдет солнце, и ты умрешь! С этими словами они глубоко-глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка прелестной невесты покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который в это время произнес во сне имя своей невесты - она одна была у него в мыслях! - и нож дрогнул в руках русалочки. Но еще минута - и она бросила его в волны, которые покраснели, точно окрасились кровью, в том месте, где он упал. Еще раз посмотрела она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти; она видела ясное солнышко и каких-то прозрачных, чудных созданий, сотнями реявших над ней. Она могла видеть сквозь них белые паруса корабля и красные облака на небе; голос их звучал как музыка, но такая воздушная, что ничье человеческое ухо не

могло расслышать ее, так же, как ничей человеческий глаз не мог видеть их самих. У них не было крыльев, и они носились по воздуху благодаря своей собственной легкости и воздушности. Русалочка увидела, что и у нее такое же тело, как у них, и что она все больше и больше отделяется от морской пены.

- К кому я иду? - спросила она, поднимаясь на воздух, и ее голос звучал такою же дивною воздушною музыкой, какой не в силах передать никакие земные звуки.

- К дочерям воздуха! - ответили ей воздушные создания. - У русалки нет бессмертной души, и она не может приобрести ее иначе как благодаря любви к ней человека. Ее вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они сами могут приобрести ее себе добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, и навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и приносим с собой людям исцеление и отраду. По прошествии же трехсот лет, во время которых мы творим посильное добро, мы получаем в награду бессмертную душу и можем принять участие в вечном блаженстве человека. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вместе с нами в заоблачный мир; теперь ты сама можешь обрести бессмертную душу!

И русалочка протянула свои прозрачные руки к Божьему солнышку и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с невестой искали ее. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу невесту в лоб, улыбнулась принцу и поднялась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

-Через триста лет и мы войдем в Божье царство! Может быть, и раньше! - прошептала одна из дочерей воздуха. - Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и, если найдем там доброе, послушное дитя, радующее своих родителей и достойное их любви, мы улыбаемся, и срок нашего испытания сокращается на целый год; если же встретим там злого, непослушного ребенка, мы горько плачем, и каждая слеза прибавляет к долгому сроку нашего испытания еще лишний день!

ГЛАВА 3. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ XVII- XVIII ВЕКА

ДАНИЭЛЬ ДЕФО (1660-1731)

Приключения Робинзона Крузо

В самом деле, с самых же первых дней моего житья на острове я задумал обеспечить себя всем необходимым на то время, когда у меня не только истощится весь мой запас пороху и зарядов, но и начнут мне изменять здоровье и силы. Сознаюсь: я совершенно упустил из виду, что мои огнестрельные запасы могут быть уничтожены одним ударом, что молния может поджечь мой порох и взорвать. Вот почему я был так поражен, когда у меня мелькнула эта мысль вовремя грозы.

Приступая теперь к подробному описанию полной безмолвия печальнейшей жизни, какая когда либо выпадала в удел смертному, я начну с самого начала и буду рассказывать по порядку.

Было, по моему счету, 30-е сентября, когда нога моя впервые ступила на ужасный остров. Произошло это, значит, во время осеннего равноденствия; в тех же широтах (т. е., по моим вычислениям, на 9 градусов 22' к северу от экватора) солнце в этом месяце стоит почти отвесно над головой.

Прошло дней десять-двадцать моего житья на острове, и я вдруг сообразил, что потеряю счет времени, благодаря отсутствию книг, перьев и чернил, и что в конце концов я даже перестану отличать будни от воскресных дней. Для предупреждения этого я водрузил большой деревянный столб на том месте берега, куда меня выбросило море, и вырезал ножом крупными буквами надпись: "Здесь я ступил на этот берег 30 сентября 1659 года", которую прибил накрест к столбу. По сторонам этого столба я каждый день делал ножом зарубку; а через каждые шесть зарубок делал одну подлиннее: это означало воскресенье; зарубки же, обозначавшие первое число каждого месяца, я делал еще длиннее. Таким образом, я вел мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы.

Перечисляя предметы, перевезенные мною с корабля, как уже сказано, в несколько приемов, я не упомянул о многих мелких вещах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее хорошую службу. Так, например, в помещениях капитана и капитанского помощника я

нашел чернила, перья и бумагу, три или четыре компаса, некоторые астрономические приборы, подзорные трубы, географические карты и книги по навигации. Все это я сложил в один из сундуков на всякий случай, не зная даже, понадобится ли мне что-нибудь из этих вещей. Кроме того, в моем собственном багаже оказались три очень хороших библии (я получил их из Англии вместе с выписанными мною товарами и, отправляясь в плавание, уложил вместе с своими вещами). Затем мне попалось несколько книг на португальском языке, в том числе три католических молитвенника и еще несколько книг. Их я тоже подобрал. Засим я должен еще упомянуть, что у нас на корабле были две кошки и собака (я расскажу в свое время любопытную историю жизни этих животных на острове). Кошек я перевез на берег на плоту, собака же, еще в первую мою экспедицию на корабль, сама спрыгнула в воду и поплыла следом за мной. Много лет она была мне верным товарищем и слугой. Она делала для меня все, что могла, и почти заменяла мне человеческое общество. Мне хотелось бы только, чтобы она могла говорить. Но этого ей было не дано. Как уже сказано, я взял с корабля перья, чернила и бумагу. Я экономил их до последней возможности, и пока у меня были чернила, аккуратно записывал все, что случалось со мной; но когда они вышли, мне пришлось прекратить мои записи, так как я не умел делать чернила и не мог придумать, чем их заменить.

Вообще, несмотря на огромный склад у меня всевозможных вещей, мне, кроме чернил, недоставало еще очень многого; у меня не было ни лопаты, ни заступа, ни кирки, так что нечем было копать или взрыхлять землю, не было ни иголок, ни ниток. Не было у меня и белья, но я скоро научился обходиться без него, не испытывая большого лишения.

Вследствие недостатка в инструментах всякая работа шла у меня медленно и тяжело. Чуть не целый год понадобилось мне, чтоб довести до конца ограду, которою я вздумал обнести свое жилище. Нарубить в лесу толстых жердей, вытесать из них кольца, перетаскать. Эти кольца к моей палатке - на все это нужно было много времени. Кольца были очень тяжелы, так что я мог поднять не более одной штуки зараз, и иногда у меня уходило два дня только на то, чтобы обтесать кол и принести его домой, а третий день - на то, чтобы вбить его в землю. Для этой последней работы я употреблял сначала тяжелую деревянную дубину, а потом вспомнил о железных ломах, привезенных мною с корабля, и заменил дубину ломом, хотя не скажу, чтобы это принесло мне большое облегчение. Вообще вбивание колец было для меня одною из самых утомительных и кропотливых работ.

Но я этим не смущался, так как все равно мне некуда было девать мое время; по окончании же постройки другого дела у меня не предвиделось, кроме скитаний по острову в поисках за пищей, которым я в большей или меньшей степени предавался каждый день.

Между тем, я принялся серьезно и обстоятельно обсуждать свое положение и начал записывать свои мысли - не для того, чтобы увековечить их в назидание людям, которые окажутся в моем положении (ибо таких людей едва ли нашлось бы много), а просто, чтобы высказать словами все, что меня терзало и мучило, и тем хоть сколько-нибудь облегчить свою душу. Но как ни тягостны были мои размышления, рассудок мой начал мало по малу брать верх над отчаянием. По мере сил я старался утешить себя тем, что могло бы случиться и хуже, и противопоставлял злу добро. С полным беспристрастием я, словно кредитор и должник, записывал все претерпеваемые мною горести, а рядом все, что случилось со мной отрадного.

ЗЛО

ДОБРО

Я заброшен судьбой на мрачный, Но я жив, я не утонул подобно всем необитаемый остров и не имею моим товарищам. никакой надежды на избавление.

Я как бы выделен и отрезан от всего мира и обречен на горе. Но зато я выделен из всего нашего экипажа; смерть пощадила одного меня, и тот, кто столь чудесным образом спас меня от смерти, может спасти меня и от моего безотрадного положения.

Я отдален от всего Но я не умер с голоду и не погиб в человечества; я отшельник, этом пустынном месте, где человеку

изгнанный из общества людей. нечем питаться.

У меня мало одежды и скоро мне Но я живу в жарком климате, где
будет нечем прикрыть свое тело. можно обойтись и без одежды.

Я беззащитен против нападения Но остров, куда я попал, безлюден,
людей и зверей. и я не видел на нем ни одного хищного
зверя, как на берегах Африки. Что было
бы со мной, если б меня выбросило на
африканский берег?

Мне не с кем перемолвиться Но бог чудесно пригнал наш корабль
словом и некому утешить меня. так близко к берегу, что я не только
успел запастись всем необходимым для
удовлетворения моих текущих
потребностей, но и получил возможность
добывать себе пропитание до конца моих
дней.

Запись эта с очевидностью показывает, что едва ли кто на свете попадал в более бедственное положение, и тем не менее оно содержало в себе как отрицательные, так и положительные стороны, за которые следовало быть благодарным - горький опыт человека, изведавшего худшее несчастье на земле, показывает, что у нас всегда найдется какое-нибудь утешение, которое в счете наших бед и благ следует записать на приход.

Итак, вняв голосу рассудка, я начинал мириться со своим положением.

Прежде я поминутно смотрел на море в надежде, не покажется ли где -нибудь корабль; теперь я уже покончил с напрасными надеждами и все свои помыслы направил на то, чтобы по возможности облегчить свое существование.

Я уже описал свое жилище. Это была палатка, разбитая на склоне горы и обнесенная частоколом. Но теперь мою ограду можно было назвать скорее стеной, потому что вплотную к ней, с наружной ее стороны, я вывел земляную насыпь фута в два толщины. А спустя еще некоторое время (насколько помню, года через полтора) я поставил на насыпь жерди, прислонив их к откосу, а сверху сделал настилку из веток и больших листьев. Таким образом, мой дворик оказался под крышей, и я мог не бояться дождей, которые, как я уже говорил, в известное время года лили на моем острове непрерывно.

Я упоминал уже раньше, что все свое добро я перенес в свою ограду и в пещеру, которую я выкопал за палаткой. Но я должен заметить, что первое время вещи были свалены в кучу, как попало, загромождали всю площадь, так что мне негде было повернуться. В виду этого я решил увеличить мою пещеру.

Сделать это было нетрудно, так как гора была рыхлой, песчаной породы, которая легко уступала моим усилиям. Итак, когда я увидел, что мне не угрожает опасность от хищных зверей, я принялся расширять пещеру. Прокопав вбок, а именно вправо, сколько было нужно по моему расчету, я повернул опять направо и вывел ход наружу за пределы моего укрепления.

Эта галерея служила не только черным ходом к моей палатке, дававшим мне возможность свободно уходить и возвращаться, но также значительно увеличивала мою кладовую.

Покончив с этой работой, я принялся за изготовление самых необходимых предметов обстановки, прежде всего стола и стула: без них я не мог вполне наслаждаться даже теми скромными удовольствиями, какие были мне отпущены на земле, не мог ни есть, ни писать с полным удобством.

И вот я принялся столярничать. Тут я должен заметить, что разум есть основа и источник математики, а потому, определяя, и измеряя разумом вещи и составляя о них наиболее разумное суждение, каждый может через известное время овладеть любым ремеслом. Ни разу в жизни до тех пор я не брал в руки, столярного инструмента, и тем не менее, благодаря трудолюбию и прилежанию, я мало по малу так наловчился, что мог бы, я уверен, сделать что угодно, в особенности, если бы у меня были инструменты. Но даже и без инструментов или почти без инструментов, с одним только топором да рубанком, я сделал множество предметов, хотя, вероятно, никто еще не делал их таким способом и не затрачивал на это столько труда. Так,

например, когда мне нужна была доска, я должен был срубить дерево, очистить ствол от ветвей и, поставив его перед собой, обтесывать с обеих сторон до тех пор, пока он не приобретал необходимую форму. А потом доску надо было еще выстругать рубанком. Правда, при таком методе из целого дерева выходила только одна доска, и выделка этой доски отнимала у меня массу времени и труда. Но против этого у меня было лишь одно средство, - терпение. К тому же, мое время и мой труд стоили недорого, и потому не все ли было равно, куда и на что они шли?

Итак, я прежде всего сделал себе стол и стул. Я употребил на них короткие доски, которые привез на плоту с корабля. Когда же затем я натесал длинных досок вышеописанным способом, то приладил в моем погребе по одной стене, несколько полк одну над другой, фута по полтора шириною, и сложил на них свои инструменты, гвозди, железо и прочий мелкий скарб, - словом распределил все по местам, чтобы легко находить каждую вещь. Я забил также колышков в стену погреба и развесил на них свои ружья и вообще все то из вещей, что можно было повесить.

Кто увидел бы после этого мою пещеру, тот, наверно, принял бы ее за склад предметов первой необходимости. Все было у меня под руками, и мне доставляло истинное удовольствие заглядывать в этот склад: такой образцовый порядок царил там и столько было там всякого добра.

Только по окончании этой работы я начал вести свой дневник, записывая туда все сделанное мной в течение дня. Первое время я был так занят и так удручен, что мое мрачное настроение неизбежно отразилось бы на моем дневнике. Вот, например, какую запись пришлось бы мне сделать 30-го сентября:

"Когда я выбрался на берег и таким образом спасся от смерти, меня обильно стошнило соленой водой, которой я наглотался. Мало по малу я пришел в себя, но вместо того, чтобы возблагодарить создателя за мое спасение, принялся в отчаянии бегать по берегу. Я ломал руки, бил себя по голове и полипу и кричал в исступлении, говоря; "Я погиб, погиб!" - пока не свалился на землю, выбившись из сил. Но я не смыкал глаз; боясь, чтобы меня не растерзали дикие звери".

В течение еще многих дней после этого (уже после всех моих экспедиций на корабль, когда все вещи из него были забраны) я то и дело взбегал на пригорок и смотрел на море в надежде увидеть на горизонте корабль. Сколько раз мне казалось, будто вдали белеет парус, и я предавался радостным надеждам! Я смотрел, смотрел, пока у меня не застилало в глазах, потом впадая в отчаяние, бросался на землю и плакал, как дитя, только усугубляя свое несчастье собственной глупостью.

Но когда, наконец, я до известной степени совладал с собой, когда я устроил свое жилье, привел в порядок мой домашний скарб, сделал себе стол и стул, вообще обставил себя какими мог удобствами, то принялся за дневник.

Привожу его здесь полностью, хотя описанные в нем события уже известны читателю из предыдущих глав. Я вел его, пока у меня были чернила, когда же они вышли, дневник поневоле пришлось прекратить.

Дневник

30-е сентября 1659 года. - Я, несчастный Робинзон Крузо, потерпев кораблекрушение во время страшной бури, был выброшен на берег этого ужасного, злополучного острова, который я назвал *Островом отчаяния*. Все мои спутники с нашего корабля потонули, и сам я был в полумертвом состоянии.

Весь остаток дня я провел в слезах и жалобах на свою злосчастную судьбу: у меня не было ни пищи, ни крова, ни одежды, ни оружия; мне было некуда укрыться от врагов; отчаявшись получить откуда-нибудь избавление, я видел впереди только смерть. Мне казалось, что меня или растерзают хищные звери, или убьют дикари, или я умру с голоду, вследствие отсутствия пищи. С приближением ночи я взобрался на дерево из боязни хищных зверей. Я отлично выспался, несмотря на то, что всю ночь шел дождь,

1-е октября. - Проснувшись поутру, я увидел, к великому моему изумлению, что наш корабль сняло с мели приливом и пригнало гораздо ближе к берегу. С одной стороны, это было весьма утешительно (корабль был цел, не опрокинулся, так что у меня появилась надежда, когда ветер утихнет, добраться до него и запастись едой и другими необходимыми вещами); но,

с другой стороны, воскресла и моя скорбь по погибшим товарищам. Останься мы на корабле, мы могли бы спасти его или, по крайней мере, утонули бы не все.

Тогда мы могли бы построить лодку из обломков корабля, и нам удалось было добраться до какой-нибудь населенной земли. Эти мысли не давали мне покоя весь день. Тем не менее, как только начался отлив, я отправился на корабль; подойдя к нему поближе по обнажившемуся морскому дну, я пустился потом вплавь. Весь этот день дождь не прекращался, но ветер совершенно стих.

С 1-го по 24-е октября. - Все эти дни я был занят перевозкой с корабля всего, что можно было снять оттуда. С началом прилива я на плотках переправлял свой груз на берег. Все это время дожда с небольшими промежутками ясной погоды: вероятно, здесь сейчас дождливое время года.

20-е октября. - Мой плот опрокинулся, и весь мой груз затонул; но так как это случилось на мелком месте, а вещи были все тяжелые, то с наступлением отлива мне удалось спасти большинство их.

21-е октября. - Всю ночь и весь день шел дождь, и дул порывистый ветер. Корабль за ночь разнесло в щепки: на том месте, где он стоял, торчат какие то жалкие обломки, да и те видны только во время отлива. Весь этот день я укрывал и защищал спасенное мной добро, чтобы его не попортил дождь.

26-е октября. - Почти весь день бродил по берегу, отыскивая удобное местечко для жилья. Больше всего заботился я о том, чтобы обезопасить себя от ночных нападений диких зверей и людей. К вечеру нашел наконец подходящее место на крутом склоне холма. Обведя полукругом по земле нужную мне площадь, я решил укрепить ее оградой, состоящей из двух рядов кольев, обложенных снаружи дерном; промежуток между рядами кольев я собирался заполнить корабельными канатами.

С 26-го по 30-е октября. - Усиленно работал: перетаскивал свое имущество в новое жилище, несмотря на то, что почти все время лил сильный дождь.

31-е октября. - Утром ходил по острову с ружьем в расчете подстрелить какую-нибудь дичь и осмотреть местность. Убил козу, ее козленок побежал за мной и проводил меня до самого дома, но мне пришлось убить и его, так как он не умел еще есть.

1-е ноября. - Разбил под самой скалой палатку, постаравшись сделать ее как можно более обширной; повесил в ней на кольях гамак и впервые ночевал в нем.

2-е ноября. - Собрал все ящики и доски, а также куски бревен от плотов и соорудил из них баррикаду вокруг палатки, на площадке, отведенной для моего укрепления.

3-е ноября. - Ходил с ружьем. Убил двух птиц, похожих на уток. Их мясо оказалось очень вкусным. После обеда начал делать стол.

4-е ноября. - Распределил свое время, назначив определенные часы для физических работ, для охоты, для сна и для развлечений. Вот порядок моего дня: с утра, если нет дождя, часа два-три хожу по острову с ружьем, затем до одиннадцати работаю, а в одиннадцать завтракаю, чем придется, с двенадцати до двух ложусь спать (так как это самая жаркая пора дня), затем к вечеру опять принимаюсь за работу. Все рабочие часы в последние два дня возился над изготовлением стола. Я был тогда еще весьма незavidным столяром. Но время и нужда вскоре сделали из меня мастера на все руки. Так было бы, конечно, и со всяким другим на моем месте.

5-е ноября. - Сегодня ходил с ружьем и с собакой. Убил дикую кошку; шкурка довольно мягкая, ню мясо никуда не годится. Я сдирал шкурку с каждого убитого мною животного и спрятал в свой склад. Возвращаясь домой берегом моря, видел много разных птиц, но все неизвестных пород. Видел еще двух или трех тюленей. В первый момент я даже испугался, не распознав, что это за животные. Но когда я к ним присматривался, они нырнули в воду и таким образом ускользнули от меня на этот раз.

6-е ноября. - После утренней прогулки работал над столом и докончил его. Но он мне не нравится. Вскоре, однако, я так наловчился, что мог его исправить.

7-е ноября. - Устанавливается ясная погода. Все 7, 8, 9, 10 и частью 12 число (11 было воскресенье) я делал стул. Мне стоило большого труда придать ему сносную форму. Несколько раз я разбираал его на части и сызнова принимался за работу. И все таки недоволен результатом.

Примечание. Я скоро перестал соблюдать воскресные дни: ибо, перестав отмечать их на моем столбе, я сбился в счете.

23-е ноября. - Сегодня шел дождь; он очень освежил меня и охладил землю, но все время гремел страшный гром и сверкала молния, так что я перепугался за свой порох. Когда гроза прекратилась, я решил весь мой запас пороха разделить на мелкие части, чтоб он не взорвался весь разом.

14-е, 15-е и 16-е. - Все эти дни делал ящички для пороху, чтобы в каждый ящичек вошло от одного до двух фунтов. Сегодня разложил весь порох по ящикам и запрягал их в расселины скалы как можно дальше один от другого.

Вчера убил большую птицу. Мясо ее очень вкусно. Как называется - не знаю.

17-е ноября. - Сегодня начал копать углубление в скале за палаткой, чтобы поудобнее разложить свое имущество.

Примечание. Для этой работы крайне необходимы три вещи: кирка, лопата и тачка или корзина, а у меня их нет. Пришлось отказаться от работы. Долго думал, чем бы заменить эти инструменты или как их сделать. Вместо кирки попробовал работать железным ломом; он годится, только слишком тяжел. Затем остается лопата или заступ. Без нее никак не обойтись, но я решительно не придумаю, как ее сделать.

18-е ноября. - Отыскивая в лесу материал для своих построек, нашел то дерево (или похожее на него), которое в Бразилии называют *железным* за его необыкновенную твердость. С большим трудом и сильно попортив свой топор, срубил одно такое дерево и еле притащил его домой: оно было очень тяжелое. Я решил сделать из него лопату. Дерево было так твердо, что эта работа отняла у меня много времени, но другого выхода у меня не было. Мало по малу я придал обрубку форму лопаты, при чем рукоятка вышла не хуже, чем делают у нас в Англии, но широкая часть, не будучи обита железом, прослужила мне недолго. Впрочем, я достаточно попользовался ею для земляных работ, и она очень мне пригодилась, но, я думаю, ни одна лопата на свете не изготовлялась таким способом и так долго.

Мне не доставало еще тачки или корзины. О корзине нечего было и мечтать, так как у меня не было гибких прутьев - по крайней мере, мне не удалось до сих пор найти их. Что же касается тачки, то мне казалось, что я сумею сделать ее. Затруднение было только в колесе: я не имел никакого представления о том, как делаются колеса; кроме того, для оси нужен был железный стержень, которого у меня тоже не было. Пришлось оставить это дело.

Чтоб выносить вырытую землю, я сделал нечто вроде корытца, в каких каменщики держат известку.

Корытце было легче сделать, чем лопату; и тем не менее, все вместе - корытце, заступ и бесплодные попытки смастерить тачку - отняло у меня по меньшей мере четыре дня, не считая утренних экскурсий с ружьем. Редкий день я не выходил на охоту, и почти не было случая, чтобы я не принес себе что-нибудь на обед.

23-е ноября. - Во время изготовления этих орудий вся остальная моя работа стояла. Закончив их, я опять принялся рыть пещеру. Копал весь день, насколько позволяли время и силы, и у меня ушло на эту работу целых восемнадцать дней. Мне нужно было, чтобы в моем погребке могло удобно разместиться все мое имущество.

Примечание. Все это время я трудился над расширением пещеры, чтобы она могла служить мне складом, кухней, столовой и погребом; помещался же я по-прежнему в палатке, кроме тех дней в дождливое время года, когда в палатку пробивало дождем. Впрочем, впоследствии я устроил над своим двориком нечто вроде соломенной крыши; от ограды до откоса горы я проложил жерди, которые прикрыл водорослями и большими листьями.

10-е декабря. - Я думал, что покончил со своей пещерой или погребом, как вдруг сегодня (должно быть, я сделал ее слишком широкой) сверху с одного боку обвалилась земля. Обвал был так велик, что я испугался, и не без основания: находись я там в эту минуту, мне уж наверное не понадобилось бы могильщика. Этот прискорбный случай причинил мне много хлопот и задал новую работу: нужно было удалить обвалившуюся землю, а главное, пришлось подпирать свод, иначе я не мог быть уверен, что обвал не повторится.

11-е декабря. - С сегодняшнего дня принялся за эту работу. Покамест поставил в виде подпоры два столба; на верху каждого из них укрепил крест накрест по две доски. Эту работу я окончил на следующий день. Поставив еще несколько таких же столбов с досками, я через неделю окончательно укрепил овод. Столбы стоят в ряд, так что служат в моем погребке перегородкой.

17-е декабря. - С этого дня по 20-е число прилаживал в погребке полки, вбивал гвозди в столбы и развешивал все то из вещей, что можно повесить. Теперь у меня будет порядок.

20-е декабря. - Перенес все вещи и разложил по местам. Прибил несколько маленьких полочек для провизии: вышло нечто вроде буфета. Досок остается очень мало, и я сделал себе еще один стол.

24-е декабря. - Проливной дождь всю ночь и весь день; не выходил из дому.

25-е декабря. - Дождь льет непрерывно.

26-е декабря. - Дождь перестал. Стало гораздо прохладнее; очень приятная погода.

27-е декабря. - Подстрелил двух козлят; одного убил, а другого ранил в ногу, так что он не мог убежать; я поймал его и привел домой на веревке. Дома осмотрел ему ногу; она была перебита, и я забинтовал ее.

Примечание. Я выходил этого козленка; сломанная нога срослась, и оно тлично бегал. Я так долго ухаживал за ним, что он стал ручным и не хотел уходить. Он пасся у меня на лужке перед палаткой. Тогда то мне в первый раз пришлось в голову завести домашний скот, чтобы обеспечить себе пропитание к тому времени, когда у меня выйдут заряды и порох.

28-е, 29-е, 30-е и 31-е декабря. - Сильные жары при полном безветрии. Выходил из дому только по вечерам на охоту. Посвятил эти дни окончательному приведению в порядок своего хозяйства.

1-е января. - Жара не спадает; тем не менее сегодня ходил на охоту два раза: рано утром и вечером. В полдень отдыхал. Вечером прошел по долине подальше, в глубь острова и видел очень много коз; но они крайне пугливы и не подпускают к себе близко. Хочу попробовать охотиться на них с собакой.

2-е января. - Сегодня взял с собой собаку и натравил на коз; но опыт не удался: все стадо повернулось навстречу собаке, и она, очевидно, отлично поняла опасность, потому что ни за что не хотела подойти к ним.

3-е января. - Начал строить ограду или, вернее, вал. Все еще опасаясь неожиданных нападений каких-нибудь врагов, я решил сделать ее как можно прочнее и толще.

Примечание. Моя ограда уже описана в предыдущих страницах, и потому я опускаю все, что говорится о ней в моем дневнике. Довольно будет заметить, что я провозился над ней (считая с начала работы до полного ее завершения) с 3 января по 14 апреля, хотя вся ее длина не превышала двадцати четырех ярдов. Я уже говорил, что ограда моя шла полукругом, концы которого упирались в гору. От середины ее до горы было около восьми ярдов, и как раз посередине мной был устроен вход в пещеру.

Все это время я работал, не покладая рук. Случалось, что дожди прерывали мою работу на несколько дней и даже недель, но мне казалось, что до окончания вала нельзя чувствовать себя в полной безопасности. Трудно поверить, сколько труда я положил на эту работу. Особенно тяжело достались мне переноска из лесу бревен и вбивание их в землю, так как я делал гораздо более толстые колья, чем было нужно.

Когда ограда была окончена и укреплена с наружной стороны земляной насыпью, я успокоился. Мне казалось, что если бы на острове появились люди, они не заметили бы ничего похожего на человеческое жилье. Во всяком случае, я хорошо сделал, замаскировав свое жилище, как то покажет один знаменательный случай, о котором будет рассказано ниже.

В это время я продолжал мои ежедневные обходы леса в поисках за дичью, разумеется, когда позволяла погода, и во время этих экскурсий сделал много полезных открытий. Так, например, я высмотрел особую породу диких голубей, которые выют гнезда не на деревьях, как наши дикие голуби, а в расщелинах скал. Как-то раз я вынул из гнезда птенцов с тем, чтобы выкормить их дома и приручить. Мне удалось их вырастить, но как только у них отросли крылья, они улетели, быть может, от того, что у меня не было для них подходящего корма.

Как бы то ни было, я часто находил их гнезда и брал птенцов, которые были для меня лакомым блюдом.

Когда я начал обзаводиться хозяйством, я увидел, что мне недостает многих необходимых вещей. Сделать их сам я вначале считал невозможным, да и действительно кой чего (например, бочки) так и не мог никогда сделать. У меня были, как я уже говорил, два или три Ночевка с корабля, но, как я ни бился, мне не удалось соорудить ни одного, хотя я потратил на эту работу несколько недель. Я не мог ни вставить дна, ни сколотить дощечки настолько плотно, чтобы они не пропускали воды; так и пришлось отказаться от этой затеи.

Затем мне очень нужны были свечи. Как только начинало темнеть (а там обыкновенно смеркалось около семи часов), мне приходилось ложиться спать. Я часто вспоминал про тот кусок воску, из которого делал свечи во время моих приключений у берегов Африки, но воску у меня

не было. Единственным выходом было воспользоваться жиром коз, которых я убивал на охоте. Я устроил себе светильник из козьего жира: плоску собственноручно вылепил из глины, а потом обжег на солнце, на фитиль же взял пеньку от старой веревки.

Светильник горел хуже, чем свеча, свет его был не ровный и тусклый. В разгар этих работ, шаря однажды в своих вещах, я нашел небольшой мешок с зерном для птицы, которую корабль вез не в этот свой рейс, а раньше, должно быть, когда он шел из Лиссабона. Я уже упоминал, что остатки этого зерна в мешке были изъедены крысами (по крайней мере, когда я заглянул в мешок, мне показалось, что там одна труха); а так как мешок был мне нужен для чего то другого (кажется, под порох: это было как раз около того времени, когда я решил разложить его мелкими частями, испугавшись грозы), то я вытряхнул его на землю под скалой.

Это было незадолго до начала проливных дождей, о которых я уже говорил.

Я давно забыл про это, не помнил даже, на каком месте; я вытряхнул мешок. Но вот прошло около месяца, и я увидел на полянке несколько зеленых стебельков, только что вышедших из земли. Сначала я думал, что это какое – нибудь невиданное мной растение. Но каково ж было мое изумление, когда, спустя еще несколько недель, зеленые стебельки (их было всего штук десять-двенадцать) выпустили колосья, оказавшиеся колосьями отличного ячменя, того самого, который растет в Европе и у нас в Англии.

Невозможно передать, в какое смятение повергло меня это открытие! До тех пор мной никогда не руководили религиозные мотивы. Религиозных понятий у меня было очень немного, и все события моей жизни - крупные и мелкие - я приписывал простому случаю, или, как все мы говорим легкомысленно, воле божьей. Я никогда не задавался вопросом, какие цели преследует провидение, управляя ходом событий в этом мире. Но когда я увидел этот ячмень, выросший, как я знал, в несвойственном ему климате, а главное, неизвестно как попавший сюда, я был потрясен до глубины души и стал верить, что это бог чудесным образом произрастил его без семян только для того, чтобы прокормить меня на этом диком безотрадном острове.

Мысль эта немного растрогала меня и вызвала на глаза мои слезы; я был счастлив сознанием, что такое чудо совершилось ради меня. Но удивление мое этим не кончилось: вскоре я заметил, что рядом, на той же полянке, между стеблями ячменя показались редкие стебельки растения, оказавшиеся стебельками риса; я их легко распознал, так как во время пребывания в Африке часто видел рис на полях.

Я не только подумал, что этот рис и этот ячмень посланы мне самим провидением, но не сомневался, что он растет здесь еще где - нибудь. Я обошел всю эту часть острова, где уже бывал раньше, обшарил все уголки, заглядывал под каждую кочку, но нигде не нашел ни риса, ни ячменя. Тогда то, наконец, я вспомнил про мешок с птичьим кормом, который я вытряхнул на землю подле своего жилища. Чудо исчезло, а вместе с открытием, что все это самая естественная вещь, я должен сознаться, значительно поостыла и моя горячая благодарность к промыслу. А между тем то, что случилось со мной, было почти так же непредвиденно, как чудо, и уж во всяком случае заслуживало не меньшей признательности. В самом деле: не перст ли провидения виден был в том, что из многих тысяч ячменных зерен, попорченных крысами, десять или двенадцать зернышек уцелели и, стало быть, все равно, что упали мне с неба. Надо же было мне вытряхнуть мешок на этой лужайке, куда падала тень от скалы и где семена могли сразу же взойти. Ведь стоило мне бросить их немного подальше, и они были бы выжжены солнцем.

Читатель может себе представить, как тщательно собрал я колосья, когда они созрели (это было в конце июня). Я подобрал каждое зернышко и решил снова посеять весь урожай в надежде накопить со временем столько зерна, чтобы его хватило мне на пропитание. Но только на четвертый год я мог позволить себе уделить весьма скромную часть этого зерна на еду, о чем я расскажу своевременно. Дело в том, что у меня пропал весь сбор от первого посева: я плохо рассчитал время, посеял перед самой засухой, и семена не взошли в том количестве, как должны были бы взойти. Но об этом потом.

Кроме ячменя, у меня, как уже сказано, выросло двадцать или тридцать стеблей рису, который я убрал так же старательно и для той же цели, - чтобы готовить из него хлеб или, вернее, еду, так как я открыл способ обходиться без печи. Но это было уже потом. Возвращаюсь к моему дневнику.

Все те четыре или три с половиною месяца, когда я был занят возведением ограды, я работал, не покладая рук. 14 апреля ограда была кончена, и я решил, что буду входить и выходить через стену по приставной лестнице, чтобы снаружи не было никаких признаков жилья.

16-е апреля. - Кончил лестницу; перелезаю через стену и каждый раз убираю лестницу за собой. Теперь я огорожен со всех сторон. В моей крепости довольно простору, и проникнуть в нее нельзя иначе, как через стену.

Но на другой же день после того, как я окончил свою ограду, весь мой труд чуть не пропал даром, да и сам я едва не погиб. Вот что произошло. Я чем то был занят в ограде, за палаткой, у входа в пещеру, как вдруг надо мной посыпалась земля со свода пещеры и с вершины горы, и два передние столба, поставленные мною, рухнули со страшным треском. Я очень испугался, но не догадался о настоящей причине случившегося, а просто подумал, что свод обвалился, как это было раньше. Боясь, чтобы меня не засыпало новым обвалом, я побежал к лестнице и, не считая себя в безопасности здесь, перелез через стену. Но не успел я сойти на землю, как мне стало ясно, что на этот раз причиной обвала в пещере было страшное землетрясение. Земля подо мной колебалась, и в течение каких-нибудь восьми минут было три таких сильных толчка, что от них рассыпалось бы самое прочное здание, если бы оно стояло здесь. Я видел, как у скалы, находившейся у моря в полумиле от меня, отвалилась вершина и рухнула с таким грохотом, какого я в жизни своей не слышал. Море тоже страшно колыхалось и бурлило; мне даже кажется, что в море подземные толчки были сильнее, чем на острове.

Ни о чем подобном я не слышал раньше и сам никогда не видел, так что был страшно поражен и ошеломлен. От колебаний почвы со мной сделалась морская болезнь, как от качки; мне казалось, что я умираю; однако, грохот падающего утеса привел меня в себя: ко мне вернулось сознание, и я замер при мысли, что на мою палатку может обрушиться гора и навсегда похоронить все мое добро. И сердце замерло у меня второй раз.

Когда после третьего толчка прошло несколько минут благополучно, я приободрился, но из боязни быть похороненным заживо долго еще не решался перелезть через ограду и все сидел на земле в полном унынии, не зная, что предпринять. И за все это время у меня не мелькнуло ни одной серьезной мысли о боге, - ничего, кроме избитых слов: "господи, помилуй меня". Но как только опасность миновала, забылись и они.

Между тем собрались тучи; потемнело, как перед дождем. Задул ветерок - сначала слабо, потом сильнее и сильнее, и через полчаса забушевал страшнейший ураган. Море запенилось, забурило и с ревом билось о берега; деревья вырывало с корнями; картина была ужасная. Так продолжалось часа три; потом буря стала стихать, и еще часа через два наступил мертвый штиль, и полил дождь.

Все время, покуда свирепствовал ураган, я сидел на земле, подавленный страхом и отчаянием. Но когда пошел дождь, мне вдруг пришло в голову, что дождь и ветер являются, должно быть, последствием землетрясения, значит, оно кончилось, и я могу рискнуть вернуться в мое жилище. Эта мысль меня ободрила, а может быть и дождь, мочивший меня, придал мне решимости: я перелез обратно через ограду и уселся было в палатке, но дождь был так силен, что палатку пробивало насквозь, и я был принужден перейти в пещеру, хотя и очень боялся, как бы она не обвалилась мне на голову.

Этот ливень задал мне новую работу: пришлось проделать в ограде отверстие для стока воды, иначе затопило бы мою пещеру. Просидев там некоторое время и видя, что подземные толчки больше не повторяются, я стал успокаиваться. Для поддержания бодрости (в чем я нуждался) я подошел к своему буфету и отхлебнул глоток рому, но самый маленький. Я вообще расходовал ром весьма экономно, зная, что когда выйдет весь мой запас, мне неоткуда будет его взять.

Весь следующий день я просидел дома из-за дождя. Теперь, немного успокоившись, я начал серьезно обдумывать, что мне делать. Я пришел к заключению, что, коль скоро этот остров подвержен землетрясениям, мне нельзя жить в пещере. Приходилось, значит, перенести палатку или построить шалаш где-нибудь на открытом месте, а чтобы обезопасить себя от нападения животных и людей, огородить его стеной, как я это сделал здесь. Ибо было ясно, что если я останусь в пещере, то рано или поздно буду похоронен заживо.

Действительно, моя палатка стояла на опасном месте - под выступом горы, которая, в случае нового землетрясения, легко могла обрушиться на нее.

Поэтому я решил перекочевать на другое место вместе с палаткой. Два следующие дня - 19-е и 20-е - я провел в поисках нового места для жилья и в обсуждении вопроса, как привести в исполнение мой план.

От страха, что меня может засыпать заживо, я не мог спать по ночам; ночевать за оградой я тоже боялся. А вместе с тем, когда я, сидя в своем уголке, думал о том, как я уютно устроился, в

каком порядке у меня хозяйство и как хорошо я укрыт от врагов, мне очень не хотелось переселяться.

Затем у меня явилось и то соображение, что на переселение понадобится очень много времени и что, стало быть, все равно придется мириться с опасностью обвала, пока я не укреплю новое место так, чтобы можно было перебраться туда. Придя к такому выводу, я успокоился, но все таки решил приняться, не теряя времени, за возведение ограды на новом месте с помощью частокола и канатов, но в форме окружности, и, как только она будет готова, перенести в нее свою палатку; до того же времени оставаться там, где я был, и готовиться к переезду. Это было 21-го апреля.

22-е апреля. - На следующее утро я начал думать о том, как мне осуществить свою мысль. Главное затруднение заключалось в инструментах. У меня было три больших топора и множество маленьких (мы их везли для меновой торговли с индейцами); но от частого употребления и от того, что приходилось рубить очень твердые суковатые деревья, все они зазубрились и затупились.

Правда, у меня было точило, но я не мог одновременно при. водить в движение рукой камень и точить на нем. Вероятно, ни один государственный муж, ломая голову над важным политическим вопросом, и ни один судья, решая, жить или умереть человеку, не тратили столько умственной энергии, сколько потратил я, чтобы выйти из этого положения. В конце концов, мне удалось приладить к точилу колесо с ремнем, которое приводилось в движение ногой и вращало точильный камень, оставляя свободными обе руки.

Примечание. До тех пор я никогда не видел таких точил или во всяком случае не рассматривал, как они устроены, хотя в Англии такого устройства точило очень распространено. Кроме того, мой точильный камень был очень велик и тяжел. Устройство этого приспособления взяло у меня целую неделю.

28-е и 29-е апреля. - Оба последних дня точил инструменты: мое приспособление действует очень хорошо.

30-е апреля. - Сегодня заметил, что мой запас сухарей на исходе. Пересчитал все мешки и, как это ни грустно, постановил съесть не более одного сухаря в день.

ДЖОНАТАН СВИФТ(1667-1745)

Путешествия Гулливера Гулливер в стране Лилипутии

По некоторым причинам было бы неуместно утруждать читателя подробным описанием наших приключений в этих морях; довольно будет сказать, что при переходе в Ост-Индию мы были отнесены страшной бурей к северо-западу от Вандименовой Земли. Согласно наблюдениям, мы находились на 30 2' южной широты. Двенадцать человек нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи; остальные были крайне обессилены. 5 ноября (начало лета в этих местах) стоял густой туман, так что матросы только на расстоянии полукабельтова от корабля заметили скалу; но ветер был такой сильный, что нас понесло прямо на нее, и корабль мгновенно разбился. Шестерым из экипажа, в том числе и мне, удалось спустить лодку и отойти от корабля и скалы. По моим расчетам, мы шли на веслах около трех лиг, пока совсем не выбились из сил, так как были переутомлены уже на корабле. Поэтому мы отдались на волю волн, и через полчаса лодка была опрокинута внезапно налетевшим с севера порывом ветра. Что случилось с моими товарищами по лодке, а равно и с теми, которые нашли убежище на скале или остались на корабле, не могу сказать; думаю, что все они погибли. Что касается меня самого, то я поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. Я часто опускал ноги, но не мог нащупать дно; когда я совсем уже выбился из сил и неспособен был больше бороться с волнами, я почувствовал под ногами землю, а буря тем временем значительно утихла. Дно в этом месте было так покато, что мне пришлось пройти около мили, прежде чем я добрался до берега; по моим предположениям, это случилось около восьми часов вечера. Я прошел еще с полмили, но не мог открыть никаких признаков жилья и населения; или, по крайней мере, я был слишком слаб, чтобы различить что-нибудь. Я чувствовал крайнюю усталость; от усталости, жары, а также от выпитой еще на корабле полупинты коньяку меня сильно клонило ко сну. Я лег на траву, которая была здесь очень низкая и мягкая, и заснул так

крепко, как не спал никогда в жизни. По моему расчету, сон мой продолжался около девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я попробовал встать, но не мог шевельнуться; я лежал на спине и обнаружил, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко привязаны к земле и точно так же прикреплены к земле мои длинные и густые волосы. Равным образом я почувствовал, что мое тело, от подмышек до бедер, опутано целой сетью тонких бечевек. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его ослеплял глаза. Кругом меня слышался какой-то глухой шум, но положение, в котором я лежал, не позволяло мне видеть ничего, кроме неба. Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня по левой ноге, мягко поползло по груди и остановилось у самого подбородка. Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человеческое существо, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, как вслед за ним на меня взбирается, по крайней мере, еще около сорока подобных же (как мне показалось) созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что они все в ужасе побежали назад; причем некоторые из них, как я узнал потом, соскакивая и падая с моего туловища на землю, получили сильные ушибы. Однако скоро они возвратились, и один из них, отважившийся подойти так близко, что ему было видно все мое лицо, в знак удивления поднял кверху руки и глаза и тоненьким, но отчетливым голосом прокричал: "Гекина дегуль"; остальные несколько раз повторили эти слова, но я не знал тогда, что они значат.

Читатель может себе представить, в каком неудобном положении я лежал все это время. Наконец после большого усилия мне посчастливилось порвать веревочки и выдернуть колышки, к которым была привязана моя левая рука; поднеся ее к лицу, я понял, каким способом они связали меня. В то же время, рванувшись изо всей силы и причинив себе нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы к земле с левой стороны, что позволило мне повернуть голову на два дюйма. Но созданыща вторично спаслись бегством, прежде чем я успел изловить кого-нибудь из них. Затем раздался пронзительный вопль, и, когда он затих, я услышал, как кто-то из них громко повторил: "Толго фонак". В то же мгновение я почувствовал, что на мою левую руку посыпались сотни стрел, которые кололи меня, как иголки; после этого последовал второй залп в воздух, вроде того как у нас в Европе стреляют из мортир, причем, я полагаю, много стрел упало на мое тело (хотя я не почувствовал этого) и несколько на лицо, которое я поспешил прикрыть левой рукой. Когда этот град прошел, я застонал от обиды и боли и снова попробовал освободиться, но тогда последовал третий залп, сильнее первого, причем некоторые из этих существ пытались колоть меня копьями в бока, но, к счастью, на мне была кожаная куртка, которую они не могли пробить. Я рассудил, что самое благоразумное - пролежать спокойно до наступления ночи, когда мне нетрудно будет освободиться при помощи уже отвязанной левой руки; что же касается туземцев, то я имел основание надеяться, что справлюсь с какими угодно армиями, которые они могут выставить против меня, если только они будут состоять из существ такого же роста, как то, которое я видел.

Однако судьба распорядилась мной иначе. Когда эти люди заметили, что я лежу спокойно, они перестали метать стрелы, но в то же время по усилившемуся шуму я заключил, что число их возросло. На расстоянии четырех ярдов от меня напротив моего правого уха я услышал стук, продолжавшийся больше часа, точно возводилась какая-то постройка. Повернув голову, насколько позволяли державшие ее веревочки и колышки, я увидел деревянный помост, возвышавшийся над землей на полтора фута, на котором могло уместиться четверо туземцев, и две или три лестницы, чтобы всходить на него. Оттуда один из них, по-видимому знатная особа, обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял. Но я должен упомянуть, что перед началом своей речи высокая особа трижды прокричала: "Лангро де гюль сан" (эти слова, равно как и предыдущие, впоследствии мне повторили и объяснили). Сейчас же после этого ко мне подошли человек пятьдесят туземцев и обрезали веревки, прикреплявшие левую сторону головы, что дало мне возможность повернуть ее направо и, таким образом, наблюдать лицо и жесты оратора. Он мне показался человеком средних лет, ростом выше трех других, сопровождавших его; один из последних, чуть побольше моего среднего пальца, вероятно паж, держал его шлейф, два других стояли по сторонам в качестве его свиты. Он по всем правилам разыграл роль оратора: некоторые периоды его речи выражали угрозу, другие - обещание, жалость и благосклонность. Я отвечал в немногих словах, но с видом покорности, воздев к солнцу глаза и левую руку и как бы призывая светило в свидетели; и так как я почти умирал от голода, - в последний раз я поел за несколько часов перед тем, как оставить корабль, - то требования природы были так повелительны, что я не мог сдержать своего нетерпения и

(быть может, нарушая правила благопристойности) несколько раз поднес палец ко рту, желая показать, что хочу есть. Гурго (так они называют важного сановника, как я узнал потом) отлично понял меня. Он сошел с помоста и приказал поставить к бокам моим несколько лестниц, по которым взобрались и направились к моему рту более ста туземцев, нагруженных корзинами с кушаньями, которые были приготовлены и присланы по повелению монарха, как только до него дошло известие о моем появлении. В кушанья эти входило мясо каких-то животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Там были лопатки, окорока и филей, с виду напомилавшие баранину, очень хорошо приготовленные, но каждая часть едва равнялась крылу жаворонка. Я проглатывал разом по два и по три куса вместе с тремя караваемыми хлеба величиной не больше ружейной пули. Туземцы прислуживали мне весьма расторопно и тысячами знаков выражали свое удивление моему росту и аппетиту. Потом я стал делать другие знаки, показывая, что хочу пить. По количеству съеденного они заключили, что малым меня удовлетворить нельзя, и, будучи народом весьма изобретательным, необычайно ловко втащили на меня, а затем подкатили к моей руке одну из самых больших бочек и вышибли из нее дно; я без труда осушил ее одним духом, потому что она вмещала не более нашей полупинты. Вино по вкусу напоминало бургундское, но было гораздо приятнее. Затем они поднесли мне другую бочку, которую я выпил таким же манером, и сделал знак, чтобы дали еще, но у них больше не было. Когда я совершал все описанные чудеса, человечки кричали от радости и танцевали у меня на груди, много раз повторяя свое первое восклицание: "Гекина дегуль".

Знаками они попросили меня сбросить обе бочки на землю, но сначала приказали толпившимся внизу посторониться, громко крича: "Бора мивола"; а когда бочки взлетели в воздух, раздался единодушный возглас: "Гекина дегуль". Признаюсь, меня не раз искушало желание схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человечков, когда они разгуливали взад и вперед по моему телу, и швырнуть их оземь. Но сознание, что они могли причинить мне еще большие неприятности, чем те, что я уже испытал, а равно торжественное обещание, данное мною им, - ибо так толковал я свое покорное поведение, - скоро прогнали эти мысли. С другой стороны, я считал себя связанным законом гостеприимства с этим народцем, который не пожалел для меня издержек на великолепное угощение. Вместе с тем я не мог достаточно надивиться неустрашимости крошечных созданий, отважившихся взбираться на мое тело и прогуливаться по нему, в то время как одна моя рука была свободна, и не испытывавших трепета при виде такой громадины, какой я должен был им представляться. Спустя некоторое время, когда они увидели, что я не прошу больше есть, ко мне явилась особа высокого чина от лица его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на нижнюю часть моей правой ноги, направился к моему лицу в сопровождении десятка человек свиты. Он предъявил свои верительные грамоты с королевской печатью, приблизив их к моим глазам, и обратился с речью, которая продолжалась около десяти минут и была произнесена без малейших признаков гнева, но твердо и решительно, причем он часто указывал пальцем вперед, как выяснилось потом, по направлению к столице, находившейся от нас на расстоянии полумили, куда, по постановлению его величества и государственного совета, меня должны были перевезти. Я ответил в нескольких словах, которые остались непонятными, так что мне пришлось прибегнуть к помощи жестов: я показал своей свободной рукой на другую руку (но сделал это движение высоко над головой егопревосходительства, боясь задеть его или его свиту), затем на голову и тело, давая понять таким образом, чтобы меня освободили.

Вероятно, его превосходительство понял меня достаточно хорошо, потому что, покачив отрицательно головой, жестами пояснил, что я должен быть отвезен в столицу как пленник. Наряду с этим он делал и другие знаки, давая понять, что меня будут там кормить, поить и вообще обходиться со мной хорошо. Тут у меня снова возникло желание попытаться разорвать свои узы; но, чувствуя еще жгучую боль на лице и руках, покрывшихся волдырями, причем много стрел еще торчало в них, и заметив, что число моих неприятелей все время возрастает, я знаками дал понять, что они могут делать со мной все, что им угодно. Довольные моим согласием, Гурго и его свита любезно раскланялись и удалились с веселыми лицами. Вскоре после этого я услышалобщее ликование, среди которого часто повторялись слова: "пеплом селян", и почувствовал, что с левой стороны большая толпа ослабила веревки в такой степени, что я мог повернуться на правую сторону и всласть помочиться; потребность эта была отправлена мной в изобилии, повергшем в великое изумление маленькие создания, которые, догадываясь по моим движениям, что я собираюсь делать, немедленно расступились в обе

стороны, чтобы не попасть в поток, извергшийся из меня с большим шумом и силой. Еще раньше они помазали мое лицо и руки каким-то составом приятного запаха, который в несколько минут успокоил жгучую боль, причиненную их стрелами. Все это, в соединении с сытным завтраком и прекрасным вином, благотворно подействовало на меня и склонило ко сну. Я проспал, как мне сказали потом, около восьми часов; в этом нет ничего удивительного, так как врачи, по приказанию императора, подмешали сонного питья в бочки с вином.

По-видимому, как только туземцы нашли меня спящего на земле после кораблекрушения, они немедленно послали гонца к императору с известием об этом открытии. Тотчас был собран государственный совет и вынесено постановление связать меня вышеописанным способом (что было исполнено ночью, когда я спал), отправить мне в большом количестве еду и питье и приготовить машину для перевозки меня в столицу. Быть может, такое решение покажется слишком смелым и опасным, и я убежден, что в схожем случае ни один европейский монарх не поступил бы так. Однако, по-моему, это решение было столь же благоразумно, как и великодушно. В самом деле, допустим, что эти люди попытались бы убить меня своими копьями и стрелами во время моего сна.

Что же вышло бы? Почувствовав боль, я, наверное, сразу проснулся бы и в припадке ярости оборвал веревки, которыми был связан, после чего они не могли бы сопротивляться и ожидать от меня пощады.

Эти люди - превосходные математики и достигли большого совершенства в механике благодаря поощрениям и поддержке императора, известного покровителя наук. У этого монарха есть много машин на колесах для перевозки бревен и других больших тяжестей. Он часто строит громадные военные корабли, иногда достигающие девяти футов длины, в местах, где растет строевой лес, и оттуда перевозит их на этих машинах за триста или четыреста ярдов к морю. Пятистам плотникам и инженерам было поручено немедленно изготовить самую крупную телегу, какую только им приходилось делать. Это была деревянная платформа, возвышавшаяся на три дюйма от земли, около семи футов в длину и четырех в ширину, на двадцати двух колесах. Услышанные мною восклицания были приветствием народа по случаю прибытия этой телеги, которая была отправлена за мною, кажется, спустя четыре часа после того, как я вышел на берег. Ее поставили возле меня, параллельно моему туловищу. Главная трудность состояла, однако, в том, чтобы поднять и уложить меня в описанную телегу.

С этой целью были вбиты семьдесят свай, вышиною в один фут каждая, и приготовлены очень крепкие канаты толщиной в нашу бечевку; канаты эти были прикреплены крючками к многочисленным повязкам, которыми рабочие обвили мою шею, руки, туловище и ноги. Девятьсот отборных силачей стали тащить за канаты при помощи множества блоков, прикрепленных к сваям, и таким образом меньше чем за три часа меня подняли, положили в телегу и крепко привязали к ней. Все это рассказали мне потом, так как во время этой операции я спал глубоким сном, в который был погружен снотворной микстурой, примешанной к вину. Полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, вышиною около четырех с половиной дюймов каждая, понадобилось, чтобы привезти меня в столицу, расположенную, как уже было сказано, на расстоянии полумили от того места, где я лежал.

Мы были в дороге уже часа четыре, когда я проснулся благодаря весьма забавному случаю. Телега остановилась для какой-то починки; воспользовавшись этим, два или три молодых человека любопытствовали посмотреть, каков я, когда сплю; они взобрались на повозку и тихонько прокрались к моему лицу; тут один из них, гвардейский офицер, засунул мне в левую ноздрю острие своей пики; оно зашепотало, как соломинка, и я громко чихнул. Испуганные храбрецы мгновенно скрылись, и только через три недели я узнал причину моего внезапного пробуждения. Весь остаток дня мы провели в дороге; ночью расположились на отдых, и подле меня было поставлено на страже по пятисот гвардейцев с обеих сторон, половина с факелами, а другая половина с лукаминаготове, чтобы стрелять при первой моей попытке пошевелиться. С восходом солнца мы снова тронулись в путь и к полудню находились в двухстах ярдах от городских ворот. Навстречу вышли император и весь его двор, но высшие сановники решительно воспротивились намерению его величества подняться на мое тело, боясь подвергнуть опасности его особу.

На площади, где остановилась телега, возвышался древний храм, считавшийся самым обширным во всем королевстве. Несколько лет тому назад храм этот был осквернен зверским убийством, и с тех пор здешнее население, отличающееся большой набожностью, стало смотреть на него как на место, недостойное святыни; вследствие этого он был обращен в

общественное здание, из него были вынесены все убрания и утварь. Это здание и было назначено для моего жительства. Большая дверь, обращенная на север, имела около четырех футов в высоту и почти два фута в ширину, так что я мог довольно свободно проползти через нее. По обеим сторонам двери, на расстоянии каких-нибудь шести дюймов от земли, были расположены два маленьких окна; в левое окно придворные кузнецы провели девять одну цепочку, вроде тех, что носят с часами наши европейские дамы, и почти такой же величины; цепочки эти были закреплены на моей левой ноге тридцатью шестью висячими замками.

Против храма, по другую сторону большой дороги, на расстоянии двадцати футов, стояла башня, не менее пяти футов вышины. На эту башню взобрался император с множеством придворных, чтобы лучше видеть меня, как мне передавали, потому что сам я не обратил на них внимания. По произведенным подсчетам, около ста тысяч народа с той же целью покинуло город, и я полагаю, что, невзирая на стражу, не менее десяти тысяч любопытных перебивало на мне в разное время, взбираясь на мое тело по лестницам. Скоро, однако, был издан указ, запрещавший это под страхом смертной казни. Когда кузнецы нашли, что вырваться мне невозможно, они обрезали связывавшие меня веревки, и я поднялся в таком сумрачном расположении, как никогда в жизни.

Шум и изумление толпы, увидевшей, как я встал и хожу, не поддаются описанию. Цепи, приковывавшие мою левую ногу, были около двух ярдов длины и не только давали мне возможность гулять взад и вперед, описывая полукруг, но, будучи укреплены на расстоянии четырех дюймов от двери, позволяли также вползти в храм и лечь в нем, вытянувшись во весь рост.

Глава 2.

Поднявшись на ноги, я осмотрелся кругом. Должен признаться, что мне никогда не приходилось видеть более привлекательный пейзаж. Вся окружающая местность представлялась сплошным садом, а огороженные поля, из которых каждое занимало не более сорока квадратных футов, были похожи на цветочные клумбы. Эти поля чередовались с лесом, вышиной вполстанга, где самые высокие деревья, насколько я мог судить, были не более семи футов. Слева лежал город, имевший вид театральной декорации.

Уже несколько часов меня крайне беспокоила одна естественная потребность, что и неудивительно, так как в последний раз я облегался почти два дня тому назад. Чувство стыда сменялось жесточайшими позывами. Самое лучшее, что я мог придумать, было вползти в мой дом; так я и сделал; закрыв за собою двери, я забрался в глубину, насколько позволяли цепочки, и освободил свое тело от беспокоившей его тяжести. Но это был единственный случай, который может послужить поводом для обвинения меня в нечистоплотности, и я надеюсь на снисхождение беспристрастного читателя,

особенно если он зрело и непредубежденно обсудит бедственное положение, в котором я находился. Впоследствии я отправлял означенную потребность рано утром на открытом воздухе, отойдя от храма, насколько позволяли цепочки, причем были приняты должные меры, чтобы двое назначенных для этой цели слуг увозили в тачках зловонное вещество до прихода ко мне гостей. Я бы не останавливался так долго на предмете, с первого взгляда как будто неважном, если бы не считал необходимым публично оправдаться по части чистоплотности, которую, как мне известно, некоторым моим недоброжелателям угодно было, ссылаясь на этот и другие случаи, подвергать сомнению.

Покончив с этим делом, я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Император уже спустился с башни и направлялся ко мне верхом на лошади. Эта смелость едва не обошлась ему очень дорого. Дело в том, что хотя его лошадь была прекрасно тренирована, но при таком необычайном зрелище - как если бы гора двинулась перед ней - взвилась на дыбы. Однако император, будучи превосходным наездником, удержался в седле, пока не подросли слуги, которые, схватив коня под уздцы, помогли его величеству сойти. Сойдя с лошади, он с большим удивлением осмотрел меня со всех сторон, держась, однако, за пределами длины приковывавших меня цепочек. Он приказал своим поварам и дворецким, стоявшим наготове, подать мне есть и пить, и теподкатали ко мне провизию и вино в особых тележках на такое расстояние, чтобы я мог достать их. Я брал их и быстро опорожнял; в двадцати таких тележках находились кушанья, а в десяти напитки. Каждая тележка с провизией уничтожалась мной в два или три глотка, а что касается вина, то я вылил содержимое десяти глиняных фляжек в одну

повозочку и разом осушил ее; так же я поступил и с остальным вином. Императрица, молодые принцы и принцессы крови вместе с придворными дамами сидели в креслах на некотором расстоянии, но после приключения с лошадей императора все они встали и подошли к его особе, которую я хочу теперь описать. Ростом он почти на мой ноготь выше всех своих придворных; одного этого совершенно достаточно, чтобы внушать почтительный страх. Черты лица его резкие и мужественные, губы австрийские, нос орлиный, цвет лица оливковый, стан прямой, туловище, руки и ноги пропорциональные, движения грациозные, осанка величественная. Он уже не первой молодости - ему двадцать восемь лет и девять месяцев, и семь из них он царствует, окруженный благополучием, и большей частью победоносно. Чтобы лучше рассмотреть его величество, я лег на бок, так чтобы мое лицо пришлось как раз против него, причем он стоял на расстоянии всего трех ярдов от меня; кроме того, впоследствии я несколько раз брал его на руки и потому не могу ошибиться в его описании.

Одежда императора была очень скромная и простая, фасон - нечто среднее между азиатским и европейским, но на голове надет был легкий золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и пером на верхушке. Он держал в руке обнаженную шпагу для защиты, на случай если бы я разорвал цепь; шпага эта была длиною около трех дюймов, ее золотой эфес и ножны украшены бриллиантами. Голос его величества пронзительный, но чистый и до такой степени внятный, что даже стоя я мог отчетливо его слышать. Дамы и придворные все были великолепно одеты, так что занимаемое ими место было похоже на разостланную юбку, вышитую золотыми и серебряными узорами. Его императорское величество часто обращался ко мне с вопросами, на которые я отвечал ему, но ни он, ни я не понимали ни слова из того, что говорили друг другу. Здесь же находились священники и юристы (как я заключил по их костюму), которым было приказано вступить со мною в разговор; я, в свою очередь, заговаривал с ними на разных языках, с которыми был хотя бы немного знаком: по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-французски, по-испански, по-итальянски и на лингва франка, но все это не привело ни к чему.

Спустя два часа двор удалился, и я был оставлен под сильным караулом - для охраны от дерзких и, может быть, даже злобных выходок черни, которая настойчиво стремилась протиснуться поближе ко мне, насколько у ней хватало смелости; у некоторых достало даже бесстыдства пустить в меня несколько стрел в то время, как я сидел на земле у дверей моего дома; одна из них едва не угодила мне в левый глаз. Однако полковник приказал схватить шестерых зачинщиков и решил, что самым лучшим наказанием для них будет связать и отдать в мои руки. Солдаты так и сделали, подталкивая ко мне озорников тупыми концами пик; я сгреб их всех в правую руку и пятерых положил в карман камзола; что же касается шестого, то я сделал вид, будто хочу съесть его живьем. Бедный человек отчаянно завизжал, а полковник и офицеры пришли в сильное беспокойство, когда увидели, что я вынул из кармана перочинный нож.

Но скоро я успокоил их: ласково глядя на моего пленника, я разрезал связывавшие его веревки и осторожно поставил на землю; он мигом убежал. Точно так же я поступил и с остальными, вынимая их по одному из кармана. И я увидел, что солдаты и народ остались очень довольны моим милосердием, о котором в очень выгодном для меня свете было доложено при дворе.

С наступлением ночи я не без затруднений вошел в свой дом и лег спать на голой земле. Таким образом я проводил ночи около двух недель, в течение которых по приказанию императора для меня была изготовлена постель. Были привезены шестьсот матрасов обыкновенной величины, и в моем доме началась работа: сто пятьдесят штук были сшиты вместе, и так образовался один матрас, подходящий для меня в длину и ширину; четыре таких матраса положили один на другой, но твердый пол из гладкого камня, на котором я спал, стал от этого не намного мягче. По такому же расчету были изготовлены простыни, одеяла и покрывала, достаточно сносные для человека, давно привыкшего к лишениям.

Едва весть о моем прибытии разнеслась по королевству, как отовсюду начали стекаться, чтобы посмотреть на меня, толпы богатых, досужных и любопытных людей. Деревни почти опустели, отчего последовал бы большой ущерб для земледелия и домашнего хозяйства, если бы своевременные распоряжения его величества не предупредили бедствия. Он повелел тем, кто меня уже видел, возвратиться домой и не приближаться к моему помещению ближе чем на пятьдесят ярдов без особенного на то разрешения двора, что принесло министрам большой доход.

Между тем император держал частые советы, на которых обсуждался вопрос, как поступить со мной. Позднее я узнал от одного моего близкого друга, особы весьма знатной и достаточно

посвященной в государственные тайны, что двор находился в большом затруднении относительно меня. С одной стороны, боялись, чтобы я не разорвал цепи; с другой - возникло опасение, что мое содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод. Иногда останавливались на мысли уморить меня или, по крайней мере, засыпать мое лицо и руки отравленными стрелами, чтобы скорее отправить на тот свет; но потом принимали в расчет, что разложение такого громадного трупa может вызвать чуму в столице и во всем королевстве. В разгар этих совещаний у дверей большой залы совета собралось несколько офицеров, и двое из них, будучи допущены в собрание, представили подробный доклад о моем поступке с шестью упомянутыми озорниками. Это произвело такое благоприятное впечатление на его величество и весь государственный совет, что немедленно был издан указ императора, обязывавший все деревни, находящиеся в пределах девяти сот ярдов от столицы, доставлять каждое утро по шести быков, сорока баранов и другой провизии для моего стола, вместе с соответствующим количеством хлеба, вина и других напитков, по установленной таксе и за счет сумм, ассигнованных с этой целью из собственной казны его величества. Нужно заметить, что этот монарх живет главным образом на доходы от своих личных имений и весьма редко, в самых исключительных случаях, обращается за субсидией к подданным, которые зато обязаны по его требованию являться на войну всо собственном вооружении. Кроме того, при мне учредили штат прислуги в шестьсот человек, для которого были отпущены харчевые деньги и построены по обеим сторонам моей двери удобные палатки. Равным образом отдан был приказ, чтобы триста портных сшили для меня костюм местного фасона; чтобы шестеро величайших ученых его величества занялись обучением меня местному языку и, наконец, чтобы возможно чаще производились в моем присутствии упражнения на лошадях, принадлежащих императору, придворным и гвардии, с целью приучить их ко мне. Все эти приказы были должным образом исполнены, и спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лилипутского языка. В течение этого времени император часто удостоивал меня своим посещением и милостиво помогал моим наставникам обучать меня. Мы уже могли объясняться друг с другом, и первые слова, которые я выучил, выражали желание, чтобы его величество соизволил даровать мне свободу; слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. В ответ на мою просьбу император, насколько я мог понять его, говорил, что освобождение есть дело времени, что оно не может быть даровано без согласия государственного совета и что прежде я должен "люмоз кельминпессо деемарлон эмпозо", то есть дать клятву сохранять мир с ним и его империей.

Впрочем, обхождение со мной будет самое любезное; и император советовал терпением и скромностью заслужить доброе к себе отношение как его, так и его подданных. Он просил меня не обижаться, если он отдаст приказание особым чиновникам обыскать меня, так как он полагает, что на мне есть оружие, которое должно быть очень опасным, если соответствует огромным размерам моего тела. Я просил его величество быть спокойным на этот счет, заявив, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Все это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведен двумя его чиновниками; что понимает, что это требование закона не может быть осуществлено без моего согласия и моей помощи; что, будучи высокого мнения о моем великодушии и справедливости, он спокойно передаст этих чиновников в мои руки; что вещи, отобранные ими, будут возвращены мне, если я покину эту страну, или же мне будет за них заплачено, сколько я сам назначу. Я взял обоих чиновников в руки и положил их сначала в карманы камзола, а потом во все другие, кроме двух часовых и одного потайного, которого я не хотел показывать, потому что в нем было несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В часовых карманах лежали: в одном серебряные часы, а в другом кошелек с несколькими золотыми. Господа эти имели при себе бумагу, перо и чернила и составили подробную опись всему, что нашли. Когда опись была закончена, они попросили меня высадить их на землю, чтобы они могли представить ее императору.

Глава 3.

Моя кротость и доброе поведение до такой степени примирили со мной императора, двор, армию и вообще весь народ, что я начал питать надежду на скорое получение свободы. Я всячески старался укрепить это благоприятное расположение. Население постепенно привыкло ко мне и стало меньше меня бояться. Иногда я ложился на землю и позволял пятерым или шестерым лилипутам плясать на моей руке. Под конец даже дети отваживались играть в прятки

в моих волосах. Я научился довольно сносно понимать и говорить на их языке. Однажды императору пришла мысль развлечь меня акробатическими представлениями, в которых лилипуты своею ловкостью и великолепием превосходят другие известные мне народы. Но ничто меня так не позабавило, как упражнения канатных плясунов, совершаемые на тонких белых нитках длиною в два фута, натянутых на высоте двенадцати дюймов от земли. На этом предмете я хочу остановиться несколько подробнее и попрошу у читателя немного терпения.

Эти упражнения производятся только лицами, которые состоят в кандидатах на высокие должности и ищут благоволения двора. Они смолodu тренированы в этом искусстве и не всегда отличаются благородным происхождением или широким образованием. Когда открывается вакансия на высокую должность, вследствие смерти или опалы (что случается часто), пять или шесть таких соискателей подают прошение императору разрешить им развлечь его императорское величество и двор танцами на канате; и кто прыгнет выше всех, не упавши, получает вакантную должность. Весьма часто даже первые министры получают приказ показать свою ловкость и засвидетельствовать перед императором, что они не утратили своих способностей. Флимнап, канцлер казначейства, пользуется известностью человека, совершившего прыжок на туго натянутом канате, по крайней мере, на дюйм выше, чем какой удавался когда-нибудь другому сановнику во всей империи. Мне пришлось видеть, как он кувыркался несколько раз сряду на небольшой доске, прикрепленной к канату толщиной не более обыкновенной английской бечевки. Мой друг Рельдресель, главный секретарь тайного совета, по моему мнению, - если только моя дружба к нему не ослепляет меня, - может занять в этом отношении второе место после канцлера казначейства. Остальные сановники стоят почти на одном уровне в означенном искусстве.

Эти развлечения часто сопровождаются несчастьями, память о которых сохраняет история. Я сам видел, как два или три соискателя причинили себе увечья. Но опасность увеличивается еще более, когда сами министры получают повеление показать свою ловкость. Ибо, стремясь превзойти самих себя и своих соперников, они проявляют такое усердие, что редко кто из них не срывается и не падает, иногда даже раза по два и по три. Меня уверяли, что за год или за два до моего прибытия Флимнап непременно сломал бы себе шею, если бы одна из королевских подушек, случайно лежавшая на полу, не смягчила удара от его падения.

Кроме того, в особых случаях здесь устраивается еще одно развлечение, которое дается в присутствии только императора, императрицы и первого министра. Император кладет на стол три тонких шелковых нити - синюю, красную и зеленую, в шесть дюймов длины каждая. Эти нити предназначены в награду лицам, которых император пожелает отличить особым знаком своей благосклонности. Церемония происходит в большом тронном зале его величества, где соискатели подвергаются испытанию в ловкости, весьма отличному от предыдущего и не имеющему ни малейшего сходства с теми, что мне доводилось наблюдать в странах Старого и Нового Света. Император держит в руках палку в горизонтальном положении, а соискатели, подходя друг за другом, то перепрыгивают через палку, то ползают под ней взад и вперед несколько раз, смотря по тому, поднята палка или опущена; иногда один конец палки держит император, а другой - его первый министр, иногда же палку держит только последний. Кто проделает все описанные упражнения с наибольшей легкостью и проворством и наиболее отличится в прыганье и ползанье, тот награждается синей нитью; красная дается второму по ловкости, а зеленая - третьему. Пожалованную нить носят в виде пояса, обматывая ее дважды вокруг талии. При дворе редко можно встретить особу, у которой бы не было такого пояса.

Каждый день мимо меня проводили лошадей из полковых и королевских конюшен, так что они скоро перестали пугаться меня и подходили к самым моим ногам, не кидаясь в сторону. Всадники заставляли лошадей перескакивать через мою положенную на землю руку, а раз императорский ловчий на рослом коне перепрыгнул даже через мою ногу, обутую в башмак; это был поистине удивительный прыжок.

Однажды я имел счастье позабавить императора самым необыкновенным образом. Я попросил достать несколько палок длиною в два фута и толщиной в обыкновенную трость; его величество приказал главному лесничему сделать соответствующие распоряжения, и на следующее утро семь лесников привезли требуемое на семи телегах, из которых каждая была запряжена восемью лошадьми. Я взял девять палок и крепко вбил их в землю в виде квадрата, каждая сторона которого была длиною в два с половиной фута; на высоте около двух футов я

привязал к четырем углам этого квадрата другие четыре палки параллельно земле; затем на девяти кольях я натянул носовой платок туго, как барабан; четыре горизонтальные палки, возвышаясь над платком приблизительно на пять дюймов, образовали с каждой стороны нечто вроде перил. Окончив эти приготовления, я попросил императора отрядить двадцать четыре лучших кавалериста для упражнений на устроенной мною площадке. Его величество одобрил мое предложение, и, когда кавалеристы прибыли, я поднял их поочередно на лошадях и в полном вооружении вместе с офицерами, которые ими командовали. Построившись, они разделились на два отряда и начали маневры: пускали друг в друга тупые стрелы, бросались друг на друга с обнаженными саблями, то обращаясь в бегство, то преследуя, то ведя атаку, то отступая, - словом, показывая лучшую военную выучку, какую мне когда-либо доводилось видеть. Горизонтальные палки не позволяли всадникам и их лошадям упасть с площадки. Император пришел в такой восторг, что заставил меня повторить это развлечение несколько дней сряду и однажды соизволил сам подняться на площадку и лично командовать маневрами. Хотя и с большим трудом, ему удалось убедить императрицу разрешить мне подержать ее в закрытом кресле на расстоянии двух ярдов от площадки, так что она могла хорошо видеть все представление. К счастью для меня, все эти упражнения прошли благополучно; раз только горячая лошадь одного из офицеров пробила копытом дыру в моем носовом платке и, споткнувшись, упала и опрокинула своего седока, но я немедленно выручил обоих и, прикрыв одной рукой дыру, спустил другой рукой всю кавалерию на землю тем же способом, каким поднял ее. Упавшая лошадь вывихнула левую переднюю ногу, но всадник не пострадал. Я тщательно починил платок, но с тех пор перестал доверять его прочности в подобных опасных упражнениях.

За два или за три дня до моего освобождения, как раз в то время, когда я развлекал двор своими выдумками, к его величеству прибыл гонец с донесением, что несколько подданных, проезжая возле того места, где я был найден, увидели на земле какое-то громадное черное тело, весьма странной формы, с широкими плоскими краями кругом, занимающими пространство, равное спальне его величества, и с приподнятой над землей на высоту человеческого роста серединой; что это не какое-нибудь живое существо, как они первоначально опасались, ибо оно лежало на траве неподвижно, и некоторые из них несколько раз обошли его кругом; что, становясь на плечи друг другу, они взобрались на вершину загадочного тела, которая оказалась плоской поверхностью, а само тело внутри полым, в чем они убедились, топая по нему ногами; что они смиренно высказывают предположение, не есть ли это какая-нибудь принадлежность Человека Горы; и если будет угодно его величеству, то они берутся доставить его всего только на пяти лошадях. Я тотчас догадался, о чем шла речь, и сердечно обрадовался этому известию. По-видимому, добравшись после кораблекрушения до берега, я был так расстроен, что не заметил, как по дороге к месту моего ночлега у меня слетела шляпа, которую я привязал к подбородку шнурком, когда греб в лодке, и плотно надвинул на уши, когда плыл по морю. Вероятно, я не обратил внимания, как разорвался шнурок, и решил, что шляпа потерялась в море.

Описав свойства и назначение этого предмета, я умолял его величество отдать распоряжение, чтобы он как можно скорее был мне доставлен. На другой день шляпа была привезена мне, но в не блестящем состоянии. Возчики пробили в полях две дыры на расстоянии полутора дюймов от края, зацепили за них крючками, крючки привязали длинной веревкой к упряжи и волокли таким образом мой головной убор добрых полмили. Но благодаря тому, что почва в этой стране необыкновенно ровная и гладкая, шляпа получила меньше повреждений, чем я ожидал.

ГЛАВА 4. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ XIX-XX-ВЕКА

ЭДВАРД ЛИР(1812-1888)

Лимерики

Длинноносый старик из Литвы

Говорил: «Если скажете вы,

Что мой нос длинноват,

В чем же я виноват —

Ведь не я так считаю, а вы!»

Перед сном господин не проверил,

Хорошо ли он запер все двери...

Крысы съели без шума

Плед, четыре костюма

И бумаги в его секретере.

Самобытный старик из Милета

Никуда не ходил без жилета.

— «Впору ль вам ваш жилет?»

— «Разумеется, нет!» —

Отвечал всем старик из Милета.

У девицы одной чудо-нос
Рос и рос, и до полу дорос;
Так старушку, бывало,
Ту, что твёрдо ступала,
Нанимала носить этот нос.

У старушки одной на Руси
Голос был — хоть святых выноси.
Когда в полную силу
Она голосила,
Катастрофа была на Руси.
Житель крымского города Саки
Был хозяином толстой собаки,
Что являла пример
Толщины и манер
Всем собакам из города Саки.

Одна старушонка из Лоха
Себя развлекала неплохо:
Всё утро сидела
И в дудку дудела
На кустике чертополоха.

Странноватого старца из Чили
В поведенье дурном уличили;
На ступенях сидел он,
Груши-яблоки ел он,
Необузданный старец из Чили.
Жил-был старичок у канала,

Всю жизнь ожидавший сигнала.

Он часто в канал
Свой нос окунал,
И это его доконало.

ЛЬИЮС КЭРРОЛЛ (1832-1898)

Алиса в Стране Чудес

Больше всего на свете я ненавижу обман и люблю честность и потому сразу честно признаюсь, что я вас (совсем немножко!) обманул: на самом деле это не НИКАКАЯ ГЛАВА, а НИКАКАЯ НЕ ГЛАВА - это просто-напросто... Думаете, так я вам и сказал? Нет, подождите. Вот дочитаете до конца, тогда узнаете! А не дочитаете - ну что ж, дело ваше. Только тогда - почти наверняка! – не сумеете правильно прочитать и всю книжку. Да, да! Дело в том, что хотя перед вами - сказка, но сказка эта очень, очень не простая.

Начнем с начала, как советует Червонный Король (вам предстоит с ним скоро встретиться). И даже немножко раньше: с названия.

"Приключения Алисы в Стране Чудес"...

Будь моя воля, я бы ни за что не назвал так эту книжку. Такое название, по-моему, только сбивает с толку. В самом деле - разве по названию догадаешься, что речь пойдет о маленькой (хотя и очень умной!) девочке? Что приключения будут совсем не такие, как обычно: не будет ни шпионов, ни индейцев, ни пиратов, ни сражений, ни землетрясений, ни кораблекрушений, ни даже охоты на крупную дичь.

Да и "Страна Чудес" - тоже не совсем те слова, какие хотелось бы написать в заглавии этой сказки!

Нет, будь моя воля, я назвал бы книжку, например, так: "Аленка в Вообразии". Или "Аля в Удивляндии". Или "Алька в Чепухании". Ну уж, на худой конец: "Алиска в Расчудесии". Но стоило мне заикнуться об этом своем желании, как все начинали на меня страшно кричать, чтобы я не смел. И я не посмел!

Все горе в том, что книжка эта была написана в Англии сто лет тому назад и за это время успела так прославиться, что и у нас все - хотя бы понаслышке - знают про Алису и привыкли к скучноватому названию "Приключения Алисы в Стране Чудес". Это называется литературной традицией, и тут, как говорится, ничего не попишешь. Хотя название "Алиска в Расчудесии" гораздо больше похоже на настоящее, английское название этой сказки; но если бы я ее так назвал, люди подумали бы, что это совершенно другая книжка, а не та, знаменитая...

А знаменита "Алиса" действительно сверх всякой меры. В особенности в тех странах, где говорят по-английски. Там ее знает каждый и любят все. И самое интересное, что, хотя эта сказка для детей, пожалуй, больше детей любят ее взрослые, а больше всех - самые взрослые из взрослых - ученые!

Да, сразу видно, что это очень и очень непростая сказка!

Мало того. Написаны целые горы книг, в которых "Алису" на все лады растолковывают и объясняют. А когда так много и долго объясняют, это, по-моему, значит, что люди сами не все поняли.

Так что и вы не очень огорчайтесь, если тоже не сразу все поймете. Ведь всегда можно перечитать непонятное место еще разок, правда? Я надеюсь, что я вас не слишком запугал. По совести говоря, бояться нечего.

Для того чтобы правильно прочитать, то есть понять, эту сказку, нужны только две вещи.

Нужно - и это совершенно обязательно! - иметь чувство юмора, потому что это одна из самых веселых книжек на свете. Тут я за вас совершенно спокоен - уверен, что смеяться вы умеете и любите! И нужно еще - и это тоже совершенно обязательно! - КОЕ-ЧТО знать. Потому что если в голове пусто, увы, самое большое чувство юмора вас не спасет.

Вот маленький пример.

Есть у меня один знакомый, приблизительно двух лет от роду, у которого огромное чувство юмора - он может захохотать, когда никому другому и в голову не придет улыбнуться. Любимая его шутка (он сам ее придумал) такая:

- Андрюшенька, как говорит курочка?

- Му! Му! Му!

И Андрюшенька заливается смехом.

Но если вы ему скажете, что Ихтиозавр говорит: "Ах, батюшки мои!" -

Андрюшенька и не улыбнется.

А все дело в том, что он очень плохо знаком с повадками Ихтиозавров.

Так вот, чтобы читать эту книжку по-настоящему - а читать ее по-настоящему - это значит читать и смеяться! - надо знать многое множество самых разных разностей.

Надо знать, кто такие АНТИПОДЫ и что такое ПАРАЛЛЕЛИ и МЕРИДИАНЫ, надо знать, КОГДА ЧТО СЛУЧИЛОСЬ и что такое ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ; надо знать, из чего НЕ делается ГОРЧИЦА и как правильно играть в КРОКЕТ; кто такие ПРИСЯЖНЫЕ и чем они отличаются от ПРИСТЯЖНЫХ; и какого рода ВРЕМЯ, и курят ли червяки КАЛЬЯН, и носят ли Лягушки, Караси и Судьи ПАРИКИ, и можно ли питаться одним МАРМЕЛАДОМ и... и так далее и тому подобное!

Кстати, я не случайно упомянул Ихтиозавров - ведь они ископаемые, а всевозможные ископаемые в этой сказке встречаются на каждом шагу: например. Короли и Герцогини, Графы и ЭРЛЫ (в сущности, это одно и то же). Лакеи и, наконец, вымершая птица Додо, она же ископаемый Дронг. Это и не удивительно - вы ведь не забыли, что, как я уже сказал, книжка была написана целых СТО лет назад!

Конечно, знать ВСЕ эти вещи, по-моему, никто не может - даже Малый Энциклопедический Словарь.

Советую внимательно прочитать примечания (они напечатаны мелким шрифтом) - это может кое в чем помочь.

Поэтому, если вам что-нибудь покажется очень уж непонятным (а главное, не смешным!), не стесняйтесь спрашивать у старших. Вдруг да они это знают?

А уж когда вам все будет совсем понятно, тогда вы, может быть, кое о чем задумаетесь...

Но это, впрочем, не обязательно. Я надеюсь, что вам уже захотелось узнать, как появилась на свет такая необыкновенная сказка и кто ее сочинил.

Конечно, сочинить такую сказку мог только необыкновенный человек. Да и то неизвестно, сочинил бы он ее или нет, если бы не одна маленькая девочка, которую звали... Угадайте!.. Правильно, Алисой! Да, именно Алиса потребовала во время лодочной прогулки от своего знакомого, мистера Доджсона, чтобы он рассказал ей и ее сестрам интересную сказку. И чтобы в этой сказке было побольше веселой чепухи. И видно, эта Алиса была такая девочка, которой очень

трудно было отказать, потому что мистер Доджсон, хотя и был профессором математики (честное слово!) и к тому же в этот день уже сильно устал,- послушался. Он начал рассказывать сказку о приключениях одной девочки, которую тоже почему-то звали Алисой!

Надо отдать должное маленькой Алисе (я имею в виду живую Алису, полностью ее звали Алиса Плезенс Лиддел) - она хорошо знала, кого попросить рассказать сказку!

Взрослые, особенно те, которые всегда ничего не понимают, считали мистера Доджсона скучным человеком, сухим математиком, и, увы, даже студенты не особенно любили его лекции.

Но маленькая Алиса - как и все те дети в Англии, которым посчастливилось встретиться с мистером Чарльзом Лютвиджем Доджсоном (так его и звали, я этого не выдумал!),- прекрасно знала, что он вовсе не такой и все это неправда!

Разве можно было считать скучным человека, который умел сделать из носового платка мышь - и эта мышь бегала как живая! Человека, который из простой бумаги складывал пистолет,- и пистолет этот стрелял почти не хуже настоящего! Разве можно было считать скучным такого необыкновенного выдумщика!

Он выдумывал не только сказки - он выдумывал головоломки, загадки, игрушки, игры, да еще какие! В некоторые из них играют и до сих пор. (Именно он придумал веселую игру, которая называется "Цепочка", или "Как сделать из мухи слона"; кто умеет в нее играть, легко может превратить НОЧЬ в ДЕНЬ или МОРЕ в ГОРУ. Вот так: МОРЕ - ГОРЕ - ГОРА. И все! Можете играть, только не на уроках!).

Особенно он любил и умел играть... словами. Самые серьезные, самые солидные, самые трудные слова по его приказу кувыркались, и ходили на голове, и показывали фокусы, и превращались одно в другое - словом, бог знает что выделяли!

И еще он умел переделывать старые, надоевшие стишки – переделывать так, что они становились ужасно смешными. Это, как вы знаете, называется пародиями.

И даже собственное имя (Чарльз Лютвидж, вы не забыли?) он переделывал до тех пор, пока оно не превратилось в то самое имя, которое значится на обложке сказки об Алисе и какого раньше не было ни у кого на свете: ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ.

И все это - выдумки, игры, загадки, головоломки, сюрпризы, пародии и фокусы,- все это есть в его сказке про девочку Алису. Осталось добавить совсем немножко: как получилась русская книжка, которую вы сейчас читаете, и при чем тут я.

Как вы, наверное, догадались, книжка об Алисе - одна из самых моих любимых книг. Я читал и перечитывал ее не раз и не два - целых двадцать пять лет. Читал я ее по-английски: скажу по секрету, что ради нее-то я и выучил английский язык. И чем больше я ее перечитывал, тем больше она мне нравилась, но чем больше она мне нравилась, тем большая убеждался в том, что перевести ее на русский язык совершенно невозможно. А когда я читал ее по-русски (в переводах, их было немало, от них-то и пошло название "Алиса в Стране Чудес"), тогда я убеждался в этом еще больше!

Не то чтобы уж никак нельзя было заставить русские слова играть в те же игры и показывать те же фокусы, какие проделывали английские слова под волшебным пером Кэрролла. Нет, фокусы с грехом пополам еще получались, но что-то - может быть, самое главное - пропадало, и веселая, умная, озорная, расчудесная сказка становилась малопонятной и - страшно сказать - скучной. И когда друзья говорили мне:

- Пора бы тебе перевести "Алису"! Неужели тебе этого не хочется?

- Очень хочется,- отвечал я,- только я успел убедиться, что, пожалуй, легче будет... перевести Англию!

Да, я был уверен, что все знаю про "Алису", и уже подумывал – не засесть ли мне за солидный ученый труд под названием "К вопросу о причинах неперевода на русский язык сказки Льюиса Кэрролла", как вдруг... Как вдруг в один прекрасный день я прочитал письмо Льюиса Кэрролла театральному режиссеру, который решил поставить сказку про Алису на сцене.

Там говорилось: "...Какой же я видел тебя, Алиса, в своем воображении? Какая ты?"

Любящая - это прежде всего: любящая и нежная; нежная, как лань, и любящая, как собака (простите мне прозаическое сравнение, но я не знаю на земле любви чище и совершенней); и еще - учтивая: вежливая и приветливая со всеми, с великими и малыми, с могучими и смешными, с королями и червяками, словно ты сама - королевская дочь в шитом золотом наряде. И еще - доверчивая, готовая поверить в самую невозможную небыль и принять ее с безграничным доверием мечтательницы; и, наконец, - любопытная, отчаянно любопытная и жизнерадостная той жизнерадостностью, которая дается лишь в детстве, когда весь мир нов и прекрасен и когда горе и грех - всего лишь слова, пустые звуки, не означающие ничего!"

И не знаю почему, когда я прочитал это письмо, мне так захотелось, чтобы и вы познакомились с этой прелестной девочкой, что я вдруг махнул рукой на свой "научный труд" и на все свои умные рассуждения и решил попробовать - только попробовать - рассказать о ней по-русски.

И вскоре я понял, что самое главное в книжке об Алисе - не загадки, не фокусы, не головоломки, не игра слов и даже не блистательная игра ума, а... сама Алиса. Да, маленькая Алиса, которую автор так любит (хоть порой и посмеивается над ней), что эта великая любовь превращает фокусы в чудеса, а фокусника - в волшебника. Потому что только настоящий волшебник может подарить девочке - и сказке! - такую долгую-долгую, на века, жизнь! Словом, со мной вышло точь-в-точь как с одной маленькой девочкой, которая обычно говорила: - Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу - тогда узнаю! Так и я.

Когда я кончил рассказывать "Алису" и получилась та книжка, которая сейчас лежит перед вами, я и узнал, что я про нее по-настоящему думаю. А теперь остается самое главное - что обо всем этом подумаете вы... И чтобы это случилось поскорее, я поскорее заканчиваю эту ГЛАВУ (вы, конечно, давно догадались, что это всего-навсего ПРЕДИСЛОВИЕ!). Если я выполнил свое обещание и вы узнали КОЕ-ЧТО, мне очень приятно. А особенно приятно, что мне не надо тут писать слово "Конец", потому что ведь это только начало - начало книжки о приключениях Алиски в Расчудесии...

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Алиса чуть не провалилась сквозь Землю

Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелегкое; раз-другой она, правда, сунула нос в книгу, которую сестра читала, но там не оказалось ни картинок, ни стихов. "Кому нужны книжки без картинок. - или хоть стихов, не понимаю!" - думала Алиса. С горя она начала подумывать (правда, сейчас это тоже было дело не из легких - от жары ее совсем разморило), что, конечно, неплохо бы сплести венок из маргариток, но плохо то, что тогда нужно подниматься и идти собирать эти маргаритки, как вдруг... Как вдруг совсем рядом появился белый кролик с розовыми глазками!

Тут, разумеется, еще не было ничего такого необыкновенного; Алиса-то не так уж удивилась, даже когда услышала, что Кролик сказал (а сказал он: "Ай-ай-ай! Я опаздываю!"). Кстати, потом, вспоминая обо всем этом, она решила, что все-таки немножко удивиться стоило, но сейчас ей казалось, что все идет как надо.

Но когда Кролик достал из жилетного кармана (да-да, именно!) ЧАСЫ (настоящие!) и, едва взглянув на них, опрометью кинулся бежать, тут Алиса так и подскочила!

Еще бы! Ведь это был первый Кролик в жилетке и при часах, какого она встретила за всю свою жизнь!

Сгорая от любопытства, она со всех ног помчалась вдогонку за Кроликом и, честное слово, чуть-чуть его не догнала! Во всяком случае, она поспела как раз вовремя, чтобы заметить, как Белый Кролик скрылся в большой норе под колючей изгородью. В ту же секунду Алиса не раздумывая ринулась за ним. А кой о чем подумать ей не мешало бы - ну хоть о том, как она выберется обратно!

Нора сперва шла ровно, как тоннель, а потом сразу обрывалась так круто и неожиданно, что Алиса ахнуть не успела, как полетела-полетела вниз, в какой-то очень, очень глубокий колодец.

То ли колодец был действительно уж очень глубокий, то ли летела Алиса уж очень не спеша, но только вскоре выяснилось, что теперь у нее времени вволю и для того, чтобы осмотреться кругом, и для того, чтобы подумать, что ее ждет впереди. Первым делом она, понятно, поглядела вниз и попыталась разобрать, куда она летит, но там было слишком темно; тогда она стала рассматривать стены колодца и заметила, что вместо стен шли сплошь шкафы и шкафчики, полочки и полки; кое-где были развешаны картинки и географические карты.

С одной из полок Алиса сумела на лету снять банку, на которой красовалась этикетка: "АПЕЛЬСИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ". Банка, увы, была пуста, но, хотя Алиса и была сильно разочарована, она, опасаясь ушибить кого-нибудь, не бросила ее, а ухитрилась опять поставить банку на какую-то полку.

- Да,- сказала себе Алиса,- вот это полетела так полетела! Уж теперь я не заплачу, если полечу с лестницы! Дома скажут: вот молодчина! Может, даже с крыши слечу и не пикну! (Боюсь, что тут она была даже чересчур права!) И она все летела: вниз, и вниз, и вниз! Неужели это никогда не кончится?

- Интересно, сколько я пролетела? - громко сказала Алиса.- Наверное, я уже где-нибудь около центра Земли! Ну да: как раз тысяч шесть километров или что-то в этом роде...

(Дело в том, что Алиса уже обучалась разным наукам и как раз недавно проходила что-то в этом роде; хотя сейчас был не самый лучший случай блеснуть своими познаниями - ведь, к сожалению, никто ее не слушал,- она всегда была не прочь попрактиковаться.)

- Ну да, расстояние я определила правильно,- продолжала она.- Вот только интересно, на каких же я тогда параллелях и меридианах? (Как видите, Алиса понятия не имела о том, что такое параллели и меридианы,- ей просто нравилось произносить такие красивые, длинные слова.) Немного отдохнув, она снова начала:

- А вдруг я буду так лететь, лететь и пролечу всю Землю насквозь?

Вот было бы здорово! Вылезу - и вдруг окажусь среди этих... которые ходят на головах, вверх ногами! Как они называются? Анти... Антипятки, что ли?

Мы-то с вами, конечно, прекрасно знаем, что тех, кто живет на другой стороне земного шара, называют (во всяком случае, в старину называли) антиподами.

(На этот раз Алиса в душе обрадовалась, что ее никто не слышит: она сама почувствовала, что слово какое-то не совсем такое.)

- Только мне, пожалуй, там придется спрашивать у прохожих, куда я попала: "Извините, тетя, это Австралия или Новая Зеландия"?

(Вдобавок Алиса попыталась еще вежливо присесть! Представляете?, Книксен в воздухе! Вы бы смогли, как вы думаете?)

- Но ведь эта тетя тогда подумает, что я дурочка, совсем ничего не знаю! Нет уж, лучше не буду спрашивать. Сама прочитаю! Там ведь, наверно, где-нибудь написано, какая это страна.

И дальше - вниз, вниз и вниз!

Так как никакого другого занятия у нее не было, Алиса вскоре опять заговорила сама с собой.

- Динка будет сегодня вечером ужасно обо мне скучать! (Диной звали ее кошку.) Хоть бы они не забыли дать ей молочка вовремя!.. Милая моя Диночка, хорошо бы ты была сейчас со мной! Мышек тут, правда, наверное, нет, но ты бы ловила летучих мышей. Не все ли тебе равно, киса? Только вот я не знаю, кушают кошки летучих мышек или нет?

И тут Алиса совсем задремала и только повторяла сквозь сон:

- Скушает кошка летучую мышку? Скушает кошка летучую мышку?

А иногда у нее получалось:

- Скушает мышка летучую мышку?

Не все ли равно, о чем спрашивать, если ответа все равно не получишь, правда?

А потом она заснула по-настоящему, и ей уже стало сниться, что она гуляет с Динкой под ручку и ни с того ни с сего строго говорит ей: "Ну-ка, Дина, признавайся: ты хоть раз ела летучих мышей?"

Как вдруг - трах! бах! - она шлепнулась на кучу хвороста и сухих листьев. На чем полет и закончился.

Алиса ни капельки не ушиблась; она моментально вскочила на ноги и осмотрелась: первым делом она взглянула вверх, но там было совершенно темно; зато впереди снова оказалось нечто вроде тоннеля, и где-то там вдали мелькнула фигура Белого Кролика, который улепетывал во весь дух.

Не теряя времени, Алиса бросилась в погоню. Опять казалось, что она вот- вот догонит его, и опять она успела услышать, как Кролик, сворачивая за угол, вздыхает:

- Ах вы ушки-усики мои! Как я опаздываю! Боже мой!

Но, увы, за поворотом Белый Кролик бесследно исчез, а сама Алиса очутилась в очень странном месте.

Это было низкое, длинное подземелье; своды его слабо освещались рядами висячих ламп. Правда, по всей длине стен шли двери, но, к большому сожалению, все они оказались заперты. Алиса довольно скоро удостоверилась в этом, дважды обойдя все подземелье и по нескольку раз подергав каждую дверь.

Она уныло расхаживала взад и вперед, пытаясь придумать, как ей отсюда выбраться, как вдруг наткнулась на маленький стеклянный столик, на котором лежал крохотный золотой ключик.

Алиса очень обрадовалась: она подумала, что это ключ от какой-нибудь из дверей. Но увы! Может быть, замки были слишком большие, а может быть, ключик был слишком маленький, только он никак не хотел открывать ни одной двери. Она добросовестно проверяла одну дверь за другой, и тут-то она впервые заметила штору, спускающуюся до самого пола, а за ней... За ней была маленькая дверца - сантиметров тридцать высотой. Алиса вставила золотой ключик в замочную скважину - и, о радость, он как раз подошел! Алиса отворила дверцу: там был вход в узенький коридор, чуть пошире крысиного лаза. Она встала на коленки, заглянула в отверстие - и ахнула: коридор выходил в такой чудесный сад, каких вы, может быть, и не видывали.

Представляете, как ей захотелось выбраться из этого мрачного подземелья на волю, погулять среди прохладных фонтанов и клумб с яркими цветами?!

Но в узкий лаз не прошла бы даже одна Алисины голова. "А если бы и прошла, -подумала бедняжка,- тоже хорошего мало: ведь голова должна быть на плечах! Почему я такая большая и нескладная! Вот если бы я умела вся складываться, как подзорная труба или, еще лучше, как веер,- тогда бы другое дело! Научил бы меня кто-нибудь, я бы сложились - и все в порядке!" (Будь вы на месте Алисы, вы бы, пожалуй, тоже решили, что сейчасничего невозможного нет!) Так или иначе, сидеть перед заветной дверцей было совершенно бесполезно, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно надеясь, что, может быть, там все-таки найдется другой ключ или, на худой конец, книжка: "УЧИСЬ СКЛАДЫВАТЬСЯ!" Ни того, ни другого она, правда, не нашла, зато обнаружила хорошенький пузырек ("Ручаюсь, что раньше его тут не было",- подумала Алиса, к горлышку которого был привязан бумажный ярлык (как на бутылочке с лекарством), а на нем большими буквами было четко напечатано:

"ВЫПЕЙ МЕНЯ!"

Конечно, выглядело это очень заманчиво, но Алиса была умная девочка и не спешила откликнуться на любезное приглашение.

- Нет,- сказала она,- я сначала посмотрю, написано тут "Яд!" или нет. Она недаром перечитала множество поучительных рассказов про детей, с которыми случались разные неприятности - бедные крошки и погибали в пламени, и доставались на съедение диким зверям,- и все только потому, что они забывали (или не хотели помнить!) советы старших. А ведь, кажется, так просто запомнить, что, например, раскаленной докрасна кочергой можно обжечься, если будешь держать ее в руках слишком долго; что если ОЧЕНЬ глубоко порезать палец ножом, из этого пальца, как правило, пойдет кровь, и так далее и тому подобное.

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано "Яд!", то почти наверняка тебе не поздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Однако на этой бутылочке не было ни черепа, ни костей, ни надписи "Яд!", и Алиса рискнула попробовать ее содержимое. А так как оно оказалось необыкновенно вкусным (на вкус - точь-в-точь смесь вишневого пирога, омлета, ананаса, жареной индюшки, тянучки и горячих гренков с маслом), она сама не заметила, как пузырек опустел.

- Ой, что же это со мной делается! - сказала Алиса.- Я, наверное, и правда складываюсь, как подзорная труба! Спорить с этим было трудно: к этому времени в ней осталось всего лишь четверть метра. Алиса так и сияла от радости, уверенная, что она теперь свободно может выйти в чудесный сад. Но все-таки она решила на всякий случай немного подождать и убедиться, что она уже перестала уменьшаться в росте. "А то вдруг я буду делаться все меньше, меньше, как свечка, а потом совсем исчезну! - не без тревоги подумала она.- Вот бы поглядеть, на что я буду тогда похожа".

И она попыталась вообразить, на что похоже пламя свечи, когда свеча погасла, но это ей не удалось,- ведь, к счастью, ей этого никогда не приходилось видеть...

Подождав немного и убедившись, что все остается по-прежнему, Алиса побежала было в сад; но - такая незадача! - у самого выхода она вспомнила, что оставила золотой ключик на столе, а подбежав опять к столику, обнаружила, что теперь ей никак до ключа не дотянуться.

И главное, его было так хорошо видно сквозь стекло! Она попробовала влезть на стол по ножке, но ножки были тоже стеклянные и ужасно скользкие, и как Алиса ни старалась, она вновь и вновь съезжала на пол и, наконец, наставившись и насъезжавшись до изнеможения, бедняжка села прямо на пол и заплакала.

- Ну вот, еще чего не хватало! - сказала Алиса себе довольно строго.- Слезами горю не поможешь! Советую тебе перестать сию минуту! Алиса вообще всегда давала себе превосходные советы (хотя слушалась их далеко-далеко не всегда); иногда она закатывала себе такие выговоры, что еле могла удержаться от слез; а как-то раз она, помнится, даже попробовала

выдрать себя за уши за то, что сжульничала, играя сама с собой в крокет. Эта выдумщица ужасно любила понарошку быть двумя разными людьми сразу!

"А сейчас это не поможет,- подумала бедная Алиса,- да и не получится! Из меня теперь и одной приличной девочки не выйдет!" Тут она заметила, что под столом лежит ларчик, тоже стеклянный. Алиса открыла его - и там оказался пирожок, на котором изюминками была выложена красивая надпись: "СЪЕШЬ МЕНЯ!"

- Ну и ладно, съем,- сказала Алиса.- Если я от него стану побольше, я смогу достать ключ, а если стану еще меньше, пролезу под дверь. Будь что будет - в сад я все равно заберусь! Больше или меньше? Больше или меньше? - озабоченно повторяла она, откусив кусочек пирожка, и даже положила себе руку на макушку, чтобы следить за своими превращениями.

Как же она удивилась, когда оказалось, что ее размеры не изменились! Вообще-то обычно так и бывает с тем, кто ест пирожки, но Алиса так уже привыкла ждать одних только сюрпризов и чудес, что она даже немножко расстроилась - почему это вдруг опять все пошло, как обычно!

С горя она принялась за пирожок и довольно скоро покончила с ним.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой Алиса купается в слезах

- Ой, все чудесится и чудесится! - закричала Алиса. (Она была в таком изумлении, что ей уже не хватало обыкновенных слов, и она начала придумывать свои.) - Теперь из меня получается не то что подозрная труба, а целый телескоп! Прощайте, пяточки! (Это она взглянула на свои ноги, а они были уже где-то далеко-далеко внизу, того и гляди, совсем пропадут.) Бедные вы мои ножки, кто же теперь будет надевать на вас чулочки и туфли... Я-то уж сама никак не сумею обуваться! Ну это как раз неплохо! С глаз долой – из сердца вон! Раз вы так далеко ушли, заботьтесь о себе сами!.. Нет,- перебила она себя,- не надо с ними ссориться, а то они еще не станут меня слушаться! Я вас все равно буду любить,- крикнула она,- а на елку буду вам всегда дарить новые ботиночки!

И она задумалась над тем, как же это устроить.

"Наверное, придется посылать по почте,- думала она.- Вот там все удивятся! Человек отправляет посылку собственным ногам! Да еще по какому адресу:

АЛИСИН ДОМ ул. Ковровая Дорожка (с доставкой на пол)

Госпоже Правой Ноге в собственные руки.

- Господи, какую я чепуху болтаю! - воскликнула Алиса, и тут она здорово стукнулась головой об потолок - ведь что ни говори, в ней стало уже три с лишним метра росту! Тут она сразу вспомнила про золотой ключик; схватила его и помчалась к выходу в сад. Бедная Алиса! Даже когда она легла на пол, и то она еле-еле смогла поглядеть на садик одним глазком! И это было все, на что она могла теперь надеяться. О том, чтобы выйти в сад, нечего было и мечтать.

Конечно, тут не оставалось ничего другого, как сесть и зареветь в три ручья!

- Как тебе не стыдно так реветь! - сказала она спустя некоторое время.- Такая большая девица! (Что правда, то правда!) Уймись сию минуту, говорят тебе!

Но слезы и не думали униматься: они лились и лились целыми потоками, и скоро Алиса оказалась в центре солидной лужи. Лужа была глубиной ей по щиколотку и залила чуть ли не половину подземелья.

А она еще не успела хорошенько выплакаться!

Вдруг откуда-то издалека послышался быстрый топоток; Алиса поскорее утерла слезы - должна же она была посмотреть, что там происходит! Это явился не кто иной, как Белый Кролик. Разодетый в пух и прах, в одной лапке он вдобавок держал большущий веер, в другой - пару лайковыхбальных перчаток. Он, видно, очень торопился и на ходу бормотал себе под нос:

- Все бы ничего, но вот Герцогиня, Герцогиня! Она придет в ярость, если я опоздаю! Она именно туда и придет!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была просить помощи у кого угодно, так что, когда Кролик подбежал поближе, она робким голоском начала:

- Простите, пожалуйста...

Кролик подскочил как ужаленный, выронив перчатки и веер, отпрянул в сторону и тут же скрылся в темноте.

Веер и перчатки Алиса подобрала и, так как ей было очень жарко, принялась обмахиваться веером.

- Ой-ой-ой,- вздохнула она,- ну что же это сегодня за день такой? Все кувырком! Ведь только вчера все было, как всегда! Ой, а что... а что, если... если вдруг это я сама сегодня стала не такая? Вот это да! Вдруг правда я ночью в кого-нибудь превратилась? Погодите, погодите... Утром, когда я встала, я была еще я иди не я? Ой, по-моему, мне как будто было не по себе... Но если я стала не я, то тогда самое интересное - кто же я теперь такая? Ой-ой-ой! Вот это называется головоломка!

И Алиса тут же принялась ее решать. Она сразу подумала о своих подружках. А вдруг она превратилась в кого-нибудь из них?

- Конечно, жалко, но я не Ада,- вздохнула она.- У нее такие чудные локоны, а у меня волосы совсем не вьются... Но уж я, конечно, и не Мэгги! Я-то столько много всего знаю, а она, бедняжка, такая глупенькая! Да и вообще она - это она, а я - это наоборот я, значит... Ой, у меня, наверное, скоро правда голова сломается! Лучше проверю-ка я, все я знаю, что знаю, или не все. Ну-ка: четырежды пять - двенадцать, четырежды шесть - тринадцать, четырежды семь... Ой, мамочка, я так никогда до двадцати не дойду! Ну и ладно, значит, таблица умножения не считается! Лучше возьмем географию.

Лондон - это столица Парижа, а Париж - это столица Рима, а Рим... Нет, по-моему, опять что-то не совсем то! Наверно, я все-таки превратилась в Мэгги. Что же делать? Ага! Прочту с выражением какие-нибудь стишки. Ну хоть эти... "Эти! В школу собирайтесь!"

Она сложила ручки, как примерная ученица, и начала читать вслух, но голос ее звучал совсем как чужой и слова тоже были не совсем знакомые:

- Звери, в школу собирайтесь!

Крокодил пропел давно!

Как вы там ни упирайтесь,

Ни кусайтесь, ни брыкайтесь -

Не поможет все равно!

Громко плачут Зверь и Пташка,

- Караул! - кричит Пчела,
С воем тащится Букашка...
Неужели им так тяжело
Приниматься за дела?

Ну вот! Стихи - и те неправильные! - сказала бедняжка Алиса, и глаза ее снова наполнились слезами.

Многие (особенно папы и мамы), безусловно, догадались, какое стихотворение хотела прочитать Алиса. Ну, а для тех, кто его забыл, (или не знал), вот оно:

Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь,
Светит солнышко в окно.
Человек, и зверь, и пташка -
Все берутся за дела,
С ношей тащится букашка,
За медком летит пчела.

Теперь, я надеюсь, всем понятно, почему Алиса так расстроилась: эти стихи гораздо лучше, а главное полезнее тех, которые она прочла.

- Выходит, я все-таки, наверное, Мэгги; и буду я жить в их противном домишке, игрушек у меня не будет, играть почти что не придется, а только все учить, учить и учить уроки. Ну, если так, если я - Мэгги, я тогда лучше останусь тут! Пусть лучше не приходят и не уговаривают! Я им только скажу: "Нет, вы сперва скажите, кто я буду". Если мне захочется им быть, тогда, так и быть, пойду, а если не захочется - останусь тут... пока не стану кем-нибудь еще... Ой, мамочка, мамочка,- зарыдала вдруг Алиса,- пусть лучше скорее приходят и угова-а-а-ривают! Я прямо вся замучилась тут одна!

Тут она нечаянно глянула на свои руки и очень удивилась, обнаружив, что, сама того не замечая, натянула крошечную перчатку Кролика. "Как же это я так сумела! - подумала она.- Ой, наверное, я опять буду маленькая!"

Она вскочила и подбежала к столику, чтобы померить, какая она стала. Вот так- так! В ней уже было всего сантиметров шестьдесят, и она продолжала таять прямо на глазах. К счастью, Алиса сразу сообразила, что во всем виноват веер - он по-прежнему был у нее в руках,- и поскорее бросила его в сторону. А то неизвестно, чем бы это кончилось!

- Ай да я! Чуть-чуть не пропала! - сказала Алиса. Она была сильно напугана своим внезапным превращением, но счастлива, что ей удалось уцелеть.- А теперь - в сад!

И она со всех ног помчалась к выходу.

Бедная девочка!

Дверца была по-прежнему на замке, а золотой ключик так и лежал на стеклянном столе.

- Ну уж это я прямо не знаю, что такое, - всхлипнула Алиса.- И еще я стала прямо Дюймовочкой какой-то! Дальше ехать некуда!

И только она это сказала, как ноги у нее поехали, и - плюх! – она оказалась по шейку в воде. В первую минуту, нечаянно хлебнув соленой водицы, она было решила, что упала в море.

- Тогда ничего, я поеду домой в поезде! - обрадовалась она. Дело в том, что Алиса однажды уже побывала на море и твердо усвоила, что туда ездят по железной дороге. При слове "море" ей представлялись ряды купальных кабинок, пляж, где малыши с деревянными лопатками копаются в песочке, затем - крыши, а уж за ними - обязательно железнодорожная станция.

Плавать Алиса умела и довольно скоро догадалась, что на самом деле это не море, а пруд, который получился из тех самых слез, какие она проливала, когда была великаншей трех метров ростом.

- Зачем ты только столько ревела, дурочка! - ругала себя Алиса, тщетно пытаясь доплыть до какого-нибудь берега- Вот теперь в наказание еще утонешь в собственных слезах! Да нет, этого не может быть,- испугалась она,- это уж ни на что не похоже! Хотя сегодня ведь все ни на что не похоже! Это и называется, по-моему, оказаться в плачевном положении...

От этих печальных размышлений ее отвлек сильный плеск воды. Кто-то бултыхнулся в пруд неподалеку от нее и зашлепал по воде так громко, что сперва она было подумала, что это морж, а то и бегемот, и даже чуточку испугалась, но потом вспомнила, какая она сейчас маленькая, успокоилась ("Он меня и не заметит",- подумала она), подплыла поближе и увидела, что это всего-навсего мышка, которая, очевидно, тоже нечаянно попала в этот плачевный пруд и тоже пыталась выбраться на твердую почву.

"Заговорить, что ли, с этой Мышью? Может, она мне чем-нибудь поможет? - подумала Алиса.- А уж говорить-то она, наверное, умеет - что тут такого, сегодня и не то бывало! Заговорю с ней - попытка не пытка". И она заговорила:

- О Мышь!

(Вас, наверное, удивляет, почему Алиса заговорила так странно. Дело в том, что, не знаю, как вам, а ей никогда раньше не приходилось беседовать с мышами, и она даже не знала, как позвать (или назвать) Мышь, чтобы та не обиделась. К счастью, она вспомнила, что ее брат как-то забыл на столе (случайно) старинную грамматику, и она (Алиса) заглянула туда (конечно, уж совершенно случайно) - и представляете, там как раз было написано, как нужно вежливо звать мышь! Да, да! Прямо так и было написано:

Именительный: кто? - Мышь.

Родительный: кого? - Мыши.

Дательный: кому? - Мыши.

А в конце:

Звательный: - О Мышь!

Какие могли быть после этого сомнения?)

- О Мышь! - сказала Алиса.- Может быть, вы знаете, как отсюда выбраться? Я ужасно устала плавать в этом пруду, о Мышь! Мышь взглянула на нее с любопытством и даже, показалось Алисе, подмигнула ей одним глазком, но ничего не сказала.

"Наверное, она не понимает по-нашему,- подумала Алиса.- А-а, я догадалась: это, наверное, французская мышь. Приплыла сюда с войсками Вильгельма Завоевателя! (Хотя Алиса, как видите, проявила обширные познания в истории, справедливости ради надо подчеркнуть, что она не слишком ясно представляла себе, когда что случилось.)

//? Вильгельм Завоеватель высадился со своей дружиной на берегах Альбиона в лето 1066.

По-французски Алиса знала из всего учебника твердо только первую фразу и решила пустить ее в ход.

- Ou est ma chatte? - сказала она.

Мышь так и подпрыгнула в воде и задрожала всем телом. И не удивительно, ведь Алиса сказала: "Где моя кошка?"

- Ой, простите! - поспешила извиниться Алиса, догадавшись, что огорчила бедную мышку.- Я просто как-то не подумала, что ведь вы не любите кошек.

- "Не любите кошек"! - передразнила Мышь пронзительным голосом – А ты бы их любила на моем месте?

- Наверное, наверное, нет,- примирительным тоном сказала Алиса.- Вы только не сердитесь! А все-таки я бы хотела познакомить вас с нашей Диночкой! Вот ручаюсь, если вы ее только увидите, вы сразу полюбите кошечек!

Она такая ласковая, милая кисонька,- продолжала Алиса вспоминать вслух, не спеша подплывая к Мыши,- и она так приятно мурлычет у камина, и так хорошо умывается - и лапки, и мордочку моет; и она так уютно сидит на руках, и она вся такая мягонькая, пушистая - одно удовольствие, и она так здорово ловит мышей... Ой, простите меня, пожалуйста! - опять закричала Алиса, потому что Мышь вся оцетинилась, и уж тут не приходилось сомневаться, что она возмущена Алисиной бестактностью до глубины души.- Не будем больше о ней говорить, раз вам так неприятно,- смущенно пролепетала Алиса.

- Говорить? - с негодованием пискнула Мышь, задрожав до самого кончика хвоста.- Стала бы я говорить о таком неприличном предмете! Я и слышать об этом не желаю! В нашем семействе всегда терпеть не могли этих подлых, мерзких, вульгарных тварей! И прошу вас - больше ни слова!

- Не буду, не буду,- торопливо уверяла ее Алиса.- А вы... а вы любите... любите... собачек? - нашлась она наконец. Мышь не отвечала. Алиса сочла ее молчание за согласие и с воодушевлением продолжала:

- Вот и хорошо! Как раз около нас живет чудный песик, вот бы вам его показать! Представляете, хорошенький маленький терьер, глазки блестят, а шерстка - просто восторг! Длинная, шоколадная и вся вьется! И он умеет подавать поноску, и служить, и давать лапку, и чего-чего только не умеет, я даже не все помню! Его хозяин говорит, он бы с ним ни за какие тысячи не расстался - такой он умный и столько пользы приносит, он даже всех крыс переловил, не только мы... О господи,- сокрушенно перебила себя Алиса,-какая я бестактная девочка!

Несчастливая Мышь тем временем уплыла от своей собеседницы что есть духу - только волны шли кругом.

- Мышенька, милая, хорошая, вернитесь! - умильным голосом закричала Алиса.- Честное-пречестное, больше ни слова не скажу ни про Кы, ни про Сы!

Услышав это обещание, мышь повернула и медленно поплыла обратно; мордочка у нее была довольно бледная ("Наверное, очень сердится",- нолумала Алиса). - Выйдем на сушу, дитя,- сказала Мышь еле слышным, дрожащим голосом,- и я расскажу тебе мою историю. Тогда ты поймешь, почему я ненавижу как Тех, так и Этых.

И в самом деле, давно было пора вылезать из воды: в пруду поднялась настоящая толкотня - столько туда свалилось разных птиц и зверей. Среди них оказались: Утка и Попугай, Стреляный Воробей и Орленок Цып-Цып, и даже вымершая птица Додо, он же Ископаемый Дронг. И кого там еще только не было! ??? Между прочим: ДОДО - так называли иногда (конечно, только очень близкие друзья) самого автора "Алисы". Он немного заикался и произносил свою фамилию так: До-До-Должсон!

Алиса поплыла первой; остальные потянулись за ней, и вскоре вся компания вылезла на берег.

АЛАН АЛЕКСАНДР МИЛН (1882-1956)

Винни – Пух

Ну вот, перед вами Винни-Пух.

Как видите, он спускается по лестнице вслед за своим другом Кристофером Робин, головой вниз, пересчитывая ступеньки собственным затылком: бум-бум-бум. Другого способа сходить с лестницы он пока не знает. Иногда ему, правда, кажется, что можно бы найти какой-то другой способ, если бы он только мог на минутку перестать бумкать и как следует сосредоточиться. Но увы -- сосредоточиться-то ему и некогда. Как бы то ни было, вот он уже спустился и готов с вами познакомиться.

-- Винни-Пух. Очень приятно!

Вас, вероятно, удивляет, почему его так странно зовут, а если вы знаете английский, то вы удивитесь еще больше.

Это необыкновенное имя подарил ему Кристофер Робин. Надо вам сказать, что когда-то Кристофер Робин был знаком с одним лебедем на пруду, которого он звал Пухом. Для лебедя это было очень подходящее имя, потому что если ты зовешь лебедя громко: "Пу-ух! Пу-ух!" - а он не откликается, то ты всегда можешь сделать вид, что ты просто понарошку стрелял; а если ты звал его тихо, то все подумают, что ты просто подул себе на нос. Лебедь потом куда-то делся, а имя осталось, и Кристофер Робин решил отдать его своему медвежонку, чтобы оно не пропало зря.

А Винни - так звали самую лучшую, самую добрую медведицу в зоологическом саду, которую очень-очень любил Кристофер Робин. А она очень-очень любила его. Ее ли назвали Винни в честь Пуха, или Пуха назвали в ее честь - теперь уже никто не знает, даже папа Кристофера Робина. Когда-то он знал, а теперь забыл.

Словом, теперь мишку зовут Винни-Пух, и вы знаете почему.

Иногда Винни-Пух любит вечерком во что-нибудь поиграть, а иногда, особенно когда папа дома, он больше любит тихонько посидеть у огня и послушать какую-нибудь интересную сказку.

В этот вечер...

- Папа, как насчет сказки?- спросил Кристофер Робин.

- Что насчет сказки?-спросил папа.

-Ты не мог бы рассказать Винни-Пуху сказочку? Ему очень хочется!

-Может быть, и мог бы,-- сказал папа.-- А какую ему хочется и про кого?

-Интересную, и про него, конечно. Он ведь у нас ТАКОЙ медвежонок!

-Понимаю.- сказал папа.

-Так, пожалуйста, папочка, расскажи!

-Попробую,- сказал папа.

И он попробовал.

Давным-давно -кажется, в прошлую пятницу - Винни-Пух жил в лесу один- одинешенек, под именем Сандерс.

-- Что значит "жил под именем"?- немедленно спросил Кристофер Робин.

-- Это значит, что на дощечке над дверью было золотыми буквами написано "Мистер Сандерс", а он под ней жил.

-- Он, наверно, и сам этого не понимал,- сказал Кристофер Робин.

-- Зато теперь понял,- проворчал кто-то басом.

-- Тогда я буду продолжать,- сказал папа.

Вот однажды, гуляя по лесу, Пух вышел на полянку. На полянке рос высокий-превысокий дуб, а на самой верхушке этого дуба кто-то громко жужжал: жжжжжжж...

Винни-Пух сел на траву под деревом, обхватил голову лапами и стал думать.

Сначала он подумал так: "Это-- жжжжжж-- неспроста! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может. Значит, тут кто-то жужжит. А зачем тебе жужжать, если ты -- не пчела?"

По-моему, так! "

Потом он еще подумал-подумал и сказал про себя: "А зачем на свете пчелы? Для того, чтобы делать мед! По-моему, так!"

Тут он поднялся и сказал:

-- А зачем на свете мед? Для того, чтобы я его ел!

По-моему, так, а не иначе!

И с этими словами он полез на дерево.

Он лез, и лез, и все лез, и по дороге он пел про себя песенку, которую сам тут же сочинил. Вот какую:

Мишка очень любит мед!

Почему? Кто поймет?

В самом деле, почему

Мед так нравится ему?

Вот он влез еще немножко повыше... и еще немножко... и еще совсем-совсем немножко повыше... И тут ему пришла на ум другая песенка-пыхтелка:

Если б мишки были пчелами,

То они бы нипочем

Никогда и не подумали

Так высоко строить дом;

И тогда (конечно, если бы

Пчелы-- это были мишки!)

Нам бы, мишкам, было незачем

Лазить на такие вышки!

По правде говоря, Пух уже порядком устал, поэтому Пыхтелка получилась такая жалобная. Но ему осталось лезть уже совсем-совсем-совсем немножко. Вот стоит только влезть на эту веточку-- и...

ТРРАХ!

-- Мама!-- крикнул Пух, пролетев добрых три метра вниз и чуть не задев носом о толстую ветку.

-- Эх, и зачем я только...-- пробормотал он, пролетев еще метров пять.

-- Да ведь я не хотел сделать ничего пло...-- попытался он объяснить, стукнувшись о следующую ветку и перевернувшись вверх тормашками.

-- А все из-за того,-- признался он наконец, когда перекувырнулся еще три раза, пожелал всего хорошего самым нижним веткам и плавно приземлился в колючий-преколючий терновый куст,-- все из-за того, что я слишком люблю мед!

Мама!..

Пух выкарабкался из тернового куста, вытащил из носа колючки и снова задумался. И самым первым делом он подумал о Кристофере Робине.

-- Обо мне?-- переспросил дрожащим от волнения голосом Кристофер Робин, не смея верить такому счастью.

-- О тебе.

Кристофер Робин ничего не сказал, но глаза его становились все больше и больше, а щеки все розовели и розовели.

Итак, Винни-Пух отправился к своему другу Кристоферу Робину, который жил в том же лесу, в доме с зеленой дверью.

-- Доброе утро, Кристофер Робин!-- сказал Пух.

-- Доброе утро, Винни-Пух!-- сказал мальчик.

-- Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?

-- Воздушного шара?

-- Да, я как раз шел и думал: "Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?" Мне было просто интересно.

-- Зачем тебе понадобился воздушный шар?

Винни-Пух оглянулся и, убедившись, что никто не подслушивает, прижал лапу к губам и сказал страшным шепотом:

-- Мед.

-- Что-о?

-- Мед!-- повторил Пух.

-- Кто же это ходит за медом с воздушными шарами?

-- Я хожу!-- сказал Пух.

Ну, а как раз накануне Кристофер Робин был на вечере у своего друга Пятачка, и там всем гостям дарили воздушные шарики. Кристоферу Робину достался большущий зеленый шар, а одному из Родных и Знакомых Кролика приготовили

большой-пребольшой синий шар, но этот Родственник и Знакомый его не взял, потому что сам он был еще такой маленький, что его не взяли в гости, поэтому Кристоферу Робину пришлось, так и быть, захватить с собой оба шара- и зеленый и синий.

- Какой тебе больше нравится?- спросил Кристофер Робин.

Пух обхватил голову лапами и задумался глубоко-глубоко.

- Вот какая история, - сказал он. - Если хочешь достать мед- главное дело в том, чтобы пчелы тебя не заметили. И вот, значит, если шар будет зеленый, они могут подумать, что это листик, и не заметят тебя, а если шар будет синий, они могут подумать, что это просто кусочек неба, и тоже тебя не заметят.

Весь вопрос-- чему они скорее поверят?

-- А думаешь, они не заметят под шариком тебя?

-- Может, заметят, а может, и нет,- сказал Винни-Пух.-

Разве знаешь, что пчелам в голову придет?- Он подумал минутку и добавил:- Я притворюсь, как будто я маленькая черная тучка. Тогда они не догадаются!

- Тогда тебе лучше взять синий шарик,- сказал Кристофер Робин.

И вопрос был решен.

Друзья взяли с собой синий шар, Кристофер Робин, как всегда (просто на всякий случай), захватил свое ружье, и оба отправились в поход.

Винни-Пух первым делом подошел к одной знакомой луже и как следует вывалялся в грязи, чтобы стать совсем-совсем черным, как настоящая тучка. Потом они стали надувать шар, держа его вдвоем за веревочку. И когда шар раздулся так, что казалось, вот-вот лопнет, Кристофер Робин вдруг отпустил веревочку, и Винни-Пух плавно взлетел в небо и остановился там-- как раз напротив верхушки пчелиного дерева, только немного в стороне.

- Ураааа!- закричал Кристофер Робин.

- Что, здорово?- крикнул ему из поднебесья Винни-Пух.- Ну, на кого я похож?

- На медведя, который летит на воздушном шаре!

- А на маленькую черную тучку разве не похож? -тревожно спросил Пух.

- Не очень.

- Ну ладно, может быть, отсюда больше похоже. А потом, разве знаешь, что придет пчелам в голову!

К сожалению, ветра не было, и Пух повис в воздухе совершенно неподвижно. Он мог чухать мед, он мог видеть мед, но достать мед он, увы, никак не мог.

Спустя некоторое время он снова заговорил.

- Кристофер Робин!-- крикнул он шепотом.

- Чего?

- По-моему, пчелы что-то подозревают!
- Что именно?
- Не знаю я. Но только, по-моему, они ведут себя подозрительно!
- Может, они думают, что ты хочешь утащить у них мед?
- Может, и так. Разве знаешь, что пчелам в голову придет!

Вновь наступило недолгое молчание. И опять послышался голос Пуха:

- Кристофер Робин!
- Что?
- У тебя дома есть зонтик?
- Кажется, есть.
- Тогда я тебя прошу: принеси его сюда и ходи тут с ним взад и вперед, а сам поглядывай все время на меня и приговаривай: "Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается!" Я думаю, тогда пчелы нам лучше поверят.

Ну, Кристофер Робин, конечно, рассмеялся про себя и подумал: "Ах ты, глупенький мишка!" - но вслух он этого не сказал, потому что он очень любил Пуха.

И он отправился домой за зонтиком.

- Наконец-то!- крикнул Винни-Пух, как только Кристофер Робин вернулся.- А я уже начал беспокоиться. Я заметил, что пчелы ведут себя совсем подозрительно!
- Открыть зонтик или не надо?
- Открыть, но только погоди минутку. Надо действовать наверняка. Самое главное -- это обмануть пчелиную царицу. Тебе ее оттуда видно?
- Нет.
- Жаль, жаль. Ну, тогда ты ходи с зонтиком и говори:"Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается", а я буду петь специальную Тучкину Песню-- такую, какую, наверно, поют все тучки в небесах... Давай!

Кристофер Робин принялся расхаживать взад и вперед под деревом и говорить, что, кажется, дождь собирается, а Винни-Пух запел такую песню:

Я Тучка, Тучка, Тучка,
А вовсе не медведь,
Ах, как приятно Тучке
По небу лететь!
Ах, в синем-синем небе
Порядок и уют-
Поэтому все Тучки
Так весело поют!

Но пчелы, как ни странно, жужжали все подозрительнее и подозрительнее. Многие из них даже вылетели из гнезда и стали летать вокруг Тучки, когда она запела второй куплет песни. А одна пчела вдруг на минутку присела на нос Тучки и сразу же снова взлетела.

- Кристофер - ай! - Робин! - закричала Тучка.

-Что?

-Я думал, думал и наконец все понял. Это неправильные пчелы!

-Да ну?

-Совершенно неправильные! И они, наверно, делают неправильный мед, правда?

-Ну да?

Да. Так что мне, скорей всего, лучше спуститься вниз.

-А как?- спросил Кристофер Робин.

Об этом Винни-Пух как раз еще и не подумал. Если он выпустит из лап веревочку, он упадет и опять бумкнет. Эта мысль ему не понравилась. Тогда он еще как следует подумал и потом сказал:

- Кристофер Робин, ты должен сбить шар из ружья. Ружье у тебя с собой?

-Понятно, с собой,- сказал Кристофер Робин.- Но если я выстрелю в шарик, он же испортится!

- А если ты не выстрелишь, тогда испорчусь я, - сказал Пух.

Конечно, тут Кристофер Робин сразу понял, как надо поступить. Он очень тщательно прицелился в шарик и выстрелил.

-Ой-ой-ой!- вскрикнул Пух.

-Разве я не попал? - спросил Кристофер Робин.

- Не то чтобы совсем не попал,- сказал Пух,- но только не попал в шарик!

-Прости, пожалуйста,- сказал Кристофер Робин и выстрелил снова.

На этот раз он не промахнулся. Воздух начал медленно выходить из шарика, и Винни-Пух плавно опустился на землю. Правда, лапки у него совсем одеревенели, оттого что ему пришлось столько времени висеть, держась за веревочку. Целую неделю после этого происшествия он не мог ими пошевелить, и они так и торчали кверху. Если ему на нос садилась муха, ему приходилось сдувать ее: "Пухх! Пуххх!"

И, может быть - хотя я в этом не уверен,- может быть, именно тогда-то его и назвали Пухом.

-- Сказке конец?- спросил Кристофер Робин.

- Конец этой сказке. А есть и другие.

- Про Пуха и про меня?

- И про Кролика, про Пятачка, и про всех остальных. Ты сам разве не помнишь?

-- Помнить-то я помню, но когда хочу вспомнить, то забываю...

- Ну, например, однажды Пух и Пятачок решили поймать Слонопотама...

-- А поймали они его?

-- Нет.

- Где им! Ведь Пух совсем глупенький. А я его поймал?

- Ну, услышишь-- узнаешь.

Кристофер Робин кивнул.

- Понимаешь, папа, я-то все помню, а вот Пух забыл, и ему очень-очень интересно послушать опять. Ведь это будет настоящая сказка, а не просто так... воспоминание.

- Вот и я так думаю.

Кристофер Робин глубоко вздохнул, взял медвежонка за заднюю лапу и поплелся к двери, волоча его за собой. У порога он обернулся и сказал:

- Ты придешь посмотреть, как я купаюсь?

- Наверно,- сказал папа.

- А ему не очень было больно, когда я попал в него из ружья?

- Ни капельки,- сказал папа.

Мальчик кивнул и вышел, и через минуту папа услышал, как Винни-Пух поднимается по лесенке: бум-бум-бум.

ДЖОЗЕФ РЕДЬЯРД КИПЛИНГ (1865-1936)

Книга джунглей

Тигр!Тигр!

Теперь мы должны вернуться к первому рассказу. Когда после боя со стаей около Скалы Совета Маугли вышел из волчьей пещеры, он направился к ближайшим обработанным полям, подле которых жили земледельцы, однако не захотел остаться там, его джунгли подходили слишком близко к этому поселку, а он знал, что теперь в зарослях у него был, по крайней мере, один злостный враг, участник Совета. Итак, мальчик пошел дальше, держась дороги, грубо проделанной вдоль долины, и миль двадцать бежал по ней ровной рысью; наконец, увидел незнакомую местность. Долина выходила на широкую низменность, усеянную камнями и прорезанную рвами. В одном ее конце помещалось маленькое селение, к другому отлого спускались густые заросли и останавливались, как бы отсеченные топором. По всей долине паслись коровы с телятами и быками и буйволы с буйволицами. Увидав Маугли, пастушки закричали и разбежались, а желтые собаки парии, всегда бродящие вокруг каждого поселения в Индии, залаяли.

Подойдя к деревенским воротам, Маугли заметил, что большая колючая плетенка, которой в сумерки загораживали дорогу, теперь была отодвинута.

-- Уф! - сказал он. Отыскивая по ночам пищу, мальчик, бывало, нередко перебирался через подобные баррикады. - Итак, люди и здесь боятся населения джунглей?

Он сел подле ворот, и когда какой-то человек вышел на дорогу, поднялся, открыл свой рот и пальцем показал в него, стараясь объяснить, что ему хочется есть. Встретивший Маугли индус посмотрел на него и побежал обратно по улице деревни, призывая жреца, большого толстого человека в белой одежде с красным и желтым знаком на лбу. Жрец подошел к воротам; с ним явилось еще, по крайней мере, сто человек. Все смотрели на Маугли, говорили, кричали и указывали на него пальцами.

"У этих людей нет порядочных манер, - подумал Маугли, - так могли бы держаться только серые обезьяны".

Мальчик откинул от лица свои длинные волосы и, глядя на толпу, нахмурил брови.

- Чего же бояться? - сказал жрец. - Посмотрите на рубцы на его руках и ногах. Это следы волчьих зубов. Он просто приемыш волков, убежавший из джунглей.

Понятно, во время совместных игр волчата часто покусывали Маугли сильнее, чем намеревались, и на его руках и ногах белело множество шрамов. Однако он ни за что не назвал бы их следами укусов; он знал, как по-настоящему кусаются волки.

- Арре, арре, - сказала несколько женщин. - Бедный ребенок, искусанный волками! Какой красивый мальчик. Его глаза точно красное пламя. Право, Мессуа, он походит на твоего сына, унесенного тигром.

--Дай-ка посмотреть, - сказала женщина с тяжелыми медными кольцами на руках и щиколотках и, прикрыв ладонью глаза, взгляделась в Маугли. - Нет, не он. Этот гораздо худощавее, но у него выражение лица моего мальчика.

Жрец был очень умен; он знал, что Мессуа - жена самого богатого человека в этой деревне, а потому с минуту смотрел на небо и, наконец, торжественно произнес:

- Что джунгли взяли, они и отдали. Отведи мальчика к себе в дом, сестра моя, и не забудь почтить жреца, который читает в жизни людей.

"Клянусь купившим меня быком, - мысленно сказал Маугли, - все эти разговоры похожи на новый осмотр волчьей стаи. Ну, если я человек, я должен сделаться человеком".

Женщина знаком позвала Маугли к себе в дом; толпа разошлась. Внутри хижины были красная лакированная кровать, большой глиняный ящик для зерна со странным выпуклым рисунком, с полдюжины медных кастрюль; в маленьком алькове стояло изображение индусского божества, а на стене висело настоящее зеркало, из тех, которые продаются на деревенских ярмарках.

Мессуа дала Маугли молока, покормила его хлебом, потом положила руку на его голову и заглянула ему в глаза. Ей думалось, что, может быть, он действительно ее сын, пришедший из джунглей, в которые его унес тигр. Она сказала:

-- Нату, о Нату! -- Маугли ничем не выказал, что ему известно это имя. -- Ты не помнишь, как я тебе подарила новые башмаки? -- Она дотронулась до его ноги, которая была жестка, почти как рог. -- Нет, -- печально проговорила Мессуа, -- эти ноги никогда не носили башмаков, но ты очень похож на моего Нату и отныне будешь моим сыном.

Маугли чувствовал себя очень неловко, так как никогда еще не бывал в домах; однако, взглянув на настилку крыши, мальчик увидел, что он в любую минуту сорвет ее, если пожелает уйти, а также, что на окнах нет затворов.

"Стоит ли быть человеком, - мысленно сказал он себе, - если не понимаешь человеческой речи? Здесь я так же глуп и нем, как был бы человек у нас, в джунглях. Мне нужно научиться их говору".

Далеко не для забавы Маугли, живя с волками, научился подражать призыву оленей и хрюканью кабанят.

Поэтому, едва Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли тотчас, почти в совершенстве, подражал звукам ее речи и еще до наступления темноты заучил названия многих вещей в хижине.

Когда пришло время лечь в постель, возникли затруднения. Маугли не желал спать в месте, так сильно походившем на ловушку для пантер, как хижина, и когда люди закрыли дверь, выскочил через окно.

-- Не принуждай его, - сказал Мессуа ее муж. - Может быть, он еще никогда не спал в постели, помни это. Если он действительно прислан к нам вместо нашего сына, он не убежит.

Итак, Маугли растянулся в высокой густой траве на краю поля и не успел закрыть глаз, как мягкая серая морда толкнула его в подбородок.

- Фу! - сказал Серый Брат (это был старший из сыновей Матери Волчицы). - Какая награда за то, что я прошел за тобою двадцать миль! От тебя пахнет дымом и коровой; ты совсем как человек. Просыпайся, Маленький Брат, я принес тебе новости.

- Все ли хорошо в джунглях? - спросил Маугли, крепко обнимая его.

- Всем хорошо, кроме обожженных Красным Цветком волков. Теперь слушай: Шер Хан ушел и будет охотиться далеко от нас, пока его шкура не зарастет, потому что он страшно опален. Но он клянется, что по возвращении кинет в Венгунгу твои кости.

- Это еще посмотрим; ведь я тоже дал одно маленькое обещание, тем не менее узнавать новости всегда полезно. Я очень устал, очень устал от всего непривычного, Серый Брат. Однако прошу тебя, приноси мне вести.

- Ты не забудешь, что ты волк? Люди не заставят тебя забыть об этом? - тревожно спросил мальчика Серый Брат.

- Никогда! Я вечно буду помнить, что люблю тебя и всех в нашей пещере, но не забуду также, что меня исключили из стаи.

- И что тебя могут прогнать из другой стаи? Люди - только люди, Маленький Брат, и их речь походит на говор лягушек в болоте. В следующий раз я буду ждать тебя среди бамбуков на краю пастбища.

Три месяца после этой ночи Маугли почти не выходил из деревенской ограды: он усиленно изучал обычаи и нравы людей. Прежде всего ему пришлось надевать на себя платье, и это сильно стесняло его. Потом ему нужно было уразуметь значение денег, которого он совсем не понимал, и приучиться пахать землю, хотя не видел в этом пользы. Вдобавок ко всему деревенские дети сердили мальчика. К счастью, Закон Джунглей научил его сдержанности: ведь в джунглях жизнь и пропитание зависят от умения владеть собой. Однако, когда деревенские мальчики насмеялись над ним за то, что он не играл ни в какие игры, не пускал змеев, или за то, что он плохо произносил некоторые слова, только сознание, что убивать безволосых детенышей недостойно охотника, удерживало его от желания схватить их и разорвать пополам.

Своей собственной силы он не сознавал. В джунглях Маугли понимал, что в сравнении с животными он слаб; в деревне же люди говорили, что он силен, как бык.

У Маугли не было также ни малейшего понятия о различии, которое каста полагает между одним человеком и другим. Когда однажды осел горшечника соскользнул в глиняную яму, Маугли вытащил оттуда животное за хвост и помог гончару нагрузить осла товаром, который торговец вез в Кханхивару. Поступок мальчика возмутил поселян: горшечник принадлежит к низшей касте людей, а его осел был и еще того хуже. Жрец стал бранить Маугли; когда же тот пригрозил толстяку положить и его на осла, жрец посоветовал мужу Мессуа как можно скорее послать Маугли на работу. На следующий же день староста деревни приказал мальчику уйти с буйволами и сторожить их, пока они будут пастись. Маугли был более чем доволен. С этой минуты он считал себя на службе у деревни и в сумерки вошел в кружок, по вечерам собиравшийся на каменной платформе под большим фиговым деревом. Это был сельский клуб; там сходились, чтобы вместе покурить: староста, сторож, цирюльник, знавший все деревенские сплетни, и старый Бульдео, деревенский охотник, обладатель мушкета. На верхних ветвях дерева сидели обезьяны и болтали; под платформой было отверстие, в котором жила кобра, и ей каждый вечер ставили блюдечко с молоком -- она считалась священной. Старики сидели вокруг дерева, до поздней ночи разговаривали, тянули дым из больших хукасов (курительных трубок с водой) и рассказывали удивительные истории о богах, людях, привидениях и еще более удивительные вещи о зверях в

джунглях и их привычках. Обыкновенно они говорили так долго, что наконец глаза детей, сидевших с внешней стороны круга взрослых, казалось, бывали готовы выскочить из орбит. Больше всего говорилось о животных, так как джунгли подходили вплотную к деревне; олень и кабан поедали их всходы, а время от времени, в сумерках, от самых деревенских ворот тигр уносил человека.

Маугли, понятно, знавший кое-что о предмете их бесед, закрыл лицо руками, стараясь не показать, что он смеется. Пока Бульдео, положив мушкет поперек колен, переходил от одной изумительной истории к другой, плечи Маугли тряслись от хохота.

Бульдео объяснил, что тигр, который унес сына Мессуа, был тигром-призраком и что в его теле жил дух дурного старика-ростовщика, умершего за несколько лет перед тем.

-- Я знаю, что это правда, -- сказал он, -- потому что ростовщик Пурун Дас хромал со времени той схватки, когда были сожжены его отчетные книги; тигр же, упомянутый мною, тоже хромает: это видно, потому что от его лап остаются неодинаково глубокие следы.

- Правильно, правильно, это, конечно, правда, - подтвердили седебородые люди, одновременно покачивая головами.

- Не похожи ли такие рассказы на бред? - сказал Маугли. - Этот тигр, как все знают, хромает потому, что он родился хромым. Только дети могут верить, будто душа ростовщика живет в животном, у которого нет даже мужества шакала.

На секунду Бульдео от изумления онемел, а староста широко открыл глаза.

- Ого! Это говорит бродяга из джунглей? - сказал Бульдео. - Если уж ты так умен, лучше принеси кожу тигра в Кханивару, потому что правительство оценило его жизнь во сто рупий. А еще лучше не болтай, когда говорят старшие.

Маугли поднялся, чтобы уйти.

- Весь вечер я слушал, - бросил он через плечо, - и за исключением двух-трех раз, Бульдео не сказал ни слова правды о джунглях, которые подходят к самым его дверям. Могу ли я после этого верить в рассказы о призраках, божествах и лесных духах, которых, по его словам, он видел?

- Этому мальчику давно пора начать пасти стада, - проворчал староста; Бульдео же, рассерженный дерзостью Маугли, отодвинулся и фыркнул.

В силу обычая большей части индусских деревень, несколько мальчиков должны ранним утром выгонять коров, быков и буйволов пасть и вечером приводить стадо обратно; и те самые быки, коровы и буйволы, которые до смерти затоптали бы белого, позволяют себя бить и бранить детям, ростом не выше их носов. Пока мальчики не отходят от стада, им не грозит ни малейшая опасность, потому что даже тигр не решается нападать на стадо скота. Когда же они отходят в сторону, чтобы набрать цветов или погоняться за ящерицами, их иногда уносят звери. На заре Маугли проехал по деревенской улице, сидя на спине большого буйвола по имени Рама. Аспидно-синеватые животные со своими длинными загнутыми назад рогами и свирепыми глазами один за другим поднимались с подстилок и двигались за ним. Маугли сразу ясно показал, что он господин. Он бил буйволов длинной гладкой бамбуковой тростью и приказал Камае, одному из мальчиков-пастухов, пасти коров, прибавив, что сам он отправится с буйволами. В конце речи Маугли запретил ему и остальным детям отходить от стада.

Индусское пастбище состоит из камней, порослей кустов, кочек и маленьких рвов, среди которых рассеиваются и скрываются стада. Буйволы обыкновенно держатся подле топких мест, ложатся в болото, валяются или купаются в горячем иле по целым часам. Маугли прогнал их к окраине равнины к тому месту, где река Венгунга выходит из джунглей; здесь он соскочил с шеи буйвола: Маугли подбежал к бамбуковым зарослям, где встретил Серого Брата.

- А, - сказал волк, - я много дней поджидал тебя. Почему ты пасешь стадо? Что это значит?

- Мне дано приказание, - ответил Маугли. - Некоторое время я буду деревенским пастухом. Какие вести о Шер Хане?

- Он вернулся и долго ждал тебя. Теперь же снова ушел, так как дичи мало. Однако он твердо решил тебя убить.

- Отлично, - сказал Маугли. - согласишься ли ты или кто-нибудь из моих четырех братьев в его отсутствие каждый день приходить сюда и садиться на этой скале, чтобы я мог из деревни видеть вас? Когда же тигр вернется, дождись меня в лощине подле дерева дхак, в центре низменности. Нам незачем идти прямо в зубы Шер Хана.

После этого разговора Маугли выбрал тенистое место, разлегся и заснул; буйволы паслись вокруг него. В Индии пасти стадо - самое спокойное дело в мире. Скот двигается, жует, ложится, опять встает и даже не мычит, а только фыркает; буйволы очень редко говорят что-нибудь; они один за другим спускаются к топким лужам, ложатся так, чтобы ил покрыл все их тело, и на виду оставались только их морды и неподвижные, фарфорово-синие глаза; так они лежат точно колоды. Под лучами знойного солнца кажется, будто камни колышется, и пастушата слышат, как коршун (всегда только один) свистит над их головами, почти невидный в лазури; дети знают, что если бы умерли они или умерла корова, этот коршун быстро спустился бы вниз, а второй его собрат, отдаленный от него на несколько миль, заметил бы, как он упал с высоты, и последовал бы его примеру; потом еще и еще; и чуть ли не раньше мгновения смерти умирающего создания неизвестно откуда явилось бы штук двадцать голодных коршунов. Пастушки спят и просыпаются, и опять засыпают; из сухой травы они плетут маленькие корзиночки и сажают в них кузнечиков или ловят двух богомолок и заставляют их драться; делают ожерелья, нанизывая на нити красные и черные орехи джунглей, или наблюдают, как ящерица трется на камне или как близ болота змея охотится за лягушкой. Потом они поют длинные-длинные песни со странными туземными вскрикиваниями в конце. И день кажется им длиннее целой жизни многих людей, лошадей и буйволов; в руки глиняных человечков вставляют тростинки, считая, что это короли, остальные же фигурки их армии; или что это божества, которым надо поклоняться. Наступает вечер; дети кричат; буйволы неуклюже, с шумом, похожим на ружейные выстрелы, поднимаются из клейкого ила, один за другим выходят из болота и вереницей тянутся через посеревшую равнину к мерцающим огням деревни. День изо дня Маугли водил буйволов к болотам; день изо дня он замечал волка в полутора миле от себя на другой окраине долины, таким образом узнавая, что Шер Хан еще не вернулся, и день изо дня лежал, прислушиваясь к звукам в траве и грезя старой жизнью в джунглях. Если бы хромая лапа Шер Хана сделала неверный шаг в зарослях близ Венгунги, Маугли услышал бы его в тишине этих долгих беззвучных утр.

Наконец наступил день, в который он не увидел Серого Брата на условном месте, засмеялся и отвел буйволов к лощине подле дерева дхак, залитого золотисто-красными цветами. Там сидел Серый Брат с оцетинившейся спиной.

- Он прятался целый месяц, чтобы ты перестал остерегаться; прошлой ночью он пришел сюда с Табаки и рассматривал твой след, - задыхаясь, сказал волк.

Маугли нахмурился.

- Я не боюсь Шер Хана, но Табаки очень хитер.

- Не бойся, - слегка облизывая губы сказал Серый Брат. - На заре я встретил Табаки. Теперь он передает свою мудрость коршунам, но раньше, чем я переломил ему спину, сказал мне решительно все. Шер Хан решил сегодня вечером подстеречь тебя подле деревенских ворот. Он пришел именно ради тебя и до поры до времени лежит в большом сухом рве.

- Он ел сегодня или охотится с пустым желудком? - тревожно спросил Маугли, потому что от ответа волка зависела его жизнь или смерть.

- На заре он убил кабана, а также пил. Вспомни: ведь Шер Хан никогда не мог голодать, даже ради мести.

- О, глупец, глупец! Что за щенок щенка! Он ел, пил и воображает, что я буду ждать, пока он выпится? Где он лежит? Если бы нас было десятеро, мы могли бы покончить с ним... Эти буйволы не нападут на него, пока не почуют; а к несчастью, я не умею говорить на их наречии! Можем ли мы пойти по его следам так, чтобы они его почуяли?

- Он нарочно переплыл через Венгунгу далеко, чтобы этого не случилось, - ответил Серый Брат.

- Я знаю, это совет Табаки; сам Лунгри никогда не додумался бы до такой вещи. - Маугли стоял и думал, положив палец в рот. - Большой ров? Он выходит на равнину меньше чем в полумиле отсюда. Я могу прогнать стадо через джунгли к верхней точке рва, потом повернуть вниз, однако он ускользнет с нижней стороны. Нам нужно закрыть и этот конец. Серый Брат, не можешь ли ты разделить для меня, стадо на две половины?

- Может быть, один я не смог бы помочь тебе, но я привел с собой умного друга.

Серый Брат отбежал немного и соскочил в выбоину. В ту же минуту оттуда поднялась большая серая, хорошо знакомая Маугли голова, и горячий воздух наполнился самым унылым криком в джунглях - воем волка, который охотится в полдень.

- Акела, Акела! - сказал Маугли, хлопая в ладоши. - Я должен был знать, что ты не забудешь меня! Нам предстоит важная задача. Разбей стадо надвое, Акела. Держи буйволих и телят вместе, быков же и буйволов собери в отдельное стадо.

Два волка побежали, как бы делая фигуру танца "дамский шен", то углубляясь в стадо, то выскакивая из него; рогатые животные фыркали, поднимали головы и скоро разделились на две части. В одной стояли буйволицы с телятами в центре; они смотрели пылающими глазами, рыли копытами землю, готовые броситься на волка и затоптать его до смерти, если он остановится на минуту. Другую часть составляли быки; молодые буйволы фыркали и топали ногами, однако, хотя они имели более внушительный вид, в сущности, это стадо было менее опасно; здесь не нужно было защищать телят. Шестеро человек не могли бы так ловко разделить огромное количество этих животных.

- Что прикажешь еще? - задыхаясь, спросил Акела.

Маугли вскочил на спину Рама.

- Гони быков влево, Акела, а ты, Серый Брат, когда мы отделимся, держи буйволиц вместе и оттесни их к нижнему концу рва.

- Как далеко загнать? - спросил Серый Брат, задыхаясь и щелкая зубами.

- Гони по рву, пока его края не станут так высоки, чтобы Шер Хан не мог сделать на них прыжка, - прокричал Маугли. - Держи их там, пока мы не спустимся к тебе.

Быки двинулись, слыша голос Акелы; Серый Брат стал перед коровами. Они кинулись на него; он бежал перед ними к нижнему концу рва, пока Акела гнал быков далеко в левую сторону.

- Хорошо сделано! Еще одно нападение, и они зайдут достаточно далеко. Осторожнее, осторожнее теперь, Акела! Если ты щелкнешь зубами лишний раз, быки бросятся. Худжах! Это опаснее, чем загонять черных оленей. Думал ли ты, что эти создания могут двигаться так быстро? - спросил Маугли.

- Я... я и за ними охотился в свое время, - задыхаясь от пыли, произнес Акела. - Загнать их в джунгли?

- Да, поверни их! Быстро поверни их! Рама обезумел от ярости. О, если бы только я мог ему сказать, что сегодня требую от него.

Буйволы были повернуты на этот раз вправо и вломились в чашу. Остальные пастушата, сторожившие домашний скот, со всех ног кинулись в деревню, крича, что буйволы взбесились и убежали.

У Маугли был довольно простой план. Он желал только описать на взгорье большой круг, придвинуться к верхней части рва, потом повести буйволов-быков вниз так, чтобы Шер Хан очутился между ними и их коровами; мальчик отлично знал, что, поев и напившись воды, Шер Хан не будет в состоянии драться или вскарабкаться на одну из стен рва. Теперь Маугли голосом успокаивал буйволов; Акела же бежал позади и всего раза два слегка повизжал, чтобы подогнать отставших животных. Они описывали большой, большой круг, не желая подойти ко рву слишком близко и таким образом предупредить Шер Хана. Наконец Маугли собрал испуганное стадо близ верхнего конца ложбины на травянистом, круто спускающемся в ров откосе. С этой высоты можно было через вершины деревьев видеть равнину внизу; но Маугли занимали только края рва, и, осмотрев их, он с большим удовольствием заметил, что эти стены почти отвесны; лозы же и лианы, которые свешивались с них, не могли послужить опорой для тигра, желающего подняться.

- Дай им передохнуть, Акела, - сказал он, поднимая руки. - Они еще не почуяли его. Дай им нюхать. Я должен сказать Шер Хану, кто приближается к нему. Он в ловушке!

Приставив обе ладони ко рту, Маугли закричал в ров (это было все равно, что кричать в туннель), и отзвуки стали передаваться от одной скалы к другой.

Очень не скоро послышался продолжительный сонный вой наевшегося и только что проснувшегося тигра.

- Кто там? - спросил Шер Хан, и великолепный фазан вылетел с криком из ложины.

- Я Маугли! Вор домашнего скота, пора нам идти к Скале Совета! Вниз, скорей гони их вниз, Акела. Вниз, Рама, вниз!

Буйволы на мгновение остановились на краю склона, но пронесся громкий охотничий вой Акелы, и они понеслись, обгоняя друг друга, так пароходы проносятся через быстрины, песок и камни разлетались во все стороны. Раз буйволы двинулись, их уже нельзя остановить. Раньше, чем они углубились в ложе сухого рва, Рама почуял Шер Хана и замычал.

- Ха, ха, - закричал Маугли, сидевший на его спине, -- теперь ты знаешь! -- и поток черных рогов, пенящихся морд, неподвижных глаз помчался по рву, точно камни во время наводнения; более слабые буйволы были отеснены к стенам, и прорывались через завесу лиан. Они знали, какое дело предстояло им - страшное нападение стада буйволов, нападение, которому ни один тигр не может надеяться противостоять. Шер Хан услышал грохот копыт, поднялся и, хромя, тяжело побежал, глядя по сторонам и отыскивая средство спасения; но с обеих сторон рва поднимались отвесные скалы. Отяжелевший от еды и питья тигр был готов на все, только бы избежать борьбы. Стадо пробежало, расплескивая лужу, от которой Шер Хан только что отошел. От рева буйволов камни звенели. Маугли услышал с нижнего конца рва ответное мычание и увидел, что Шер Хан повернулся. Тигр знал, что раз уже случилось самое худшее, ему лучше встретить буйволов, чем хоров с телятами. Рама несколько раз ударил в землю копытами, споткнулся и двинулся дальше, ступая по чему-то мягкому. За ним неслись остальные буйволы, и все врзались во встречное стадо; от силы столкновения более слабые буйволы были подняты над землей. Вот все они и буйволицы с телятами выбежали изо рва на равнину; животные мычали, топали ногами, фыркали. Маугли подождал немного, наконец соскользнул с шеи Рама и принялся палкой колотить вправо и влево.

- Скорее, Акела! Разбей их! Разбей, не то они будут драться между собой. Гони их, Акела! Хаи, Рама! Хаи, хаи, хаи, детки! Тише! Тише! Все прошло!

Акела и Серый Брат бегали взад и вперед, слегка покусывая передними зубами ноги буйволов и, хотя стадо было готово снова кинуться вдоль рва, Маугли удалось повернуть Раму, и все остальные пошли за своим вожаком к илистым лужам.

Больше бить Шер Хана копытами не пришлось. Он умер, и коршуны уже спускались к нему.

- Братя, это была собачья смерть, - сказал Маугли, ощупью отыскивая нож в ножнах, который он всегда носил на шее с тех пор, как жил с людьми. - Но он не стал бы драться, и на Скале Совета его кожа будет иметь хороший вид. Нам нужно быстро приняться за работу.

Мальчик, воспитанный среди людей, даже не попытался бы один снять шкуру с десятифутового тигра, но Маугли лучше всех знал, как прикрепляется к телу животного его шкура и как ее можно содрать. Тем не менее это было трудное дело, и Маугли резал, рвал и ворчал целый час, волки смотрели, высунув языки, или подходили к нему и дергали кожу там, где он приказывал.

Вот на плечо мальчика упала рука и, подняв глаза, он увидел Бульдео с его ружьем. Дети рассказали в деревне о бегстве буйволов, и рассерженный Бульдео вышел за ворота, торопясь наказать Маугли за то, что он плохо заботится о стаде. Заметив человека, волки скрылись из виду.

- Это что за безумие? - сердито начал Бульдео. - Ты думаешь, что один можешь снять кожу с тигра? Где его убили буйволы? Это хромой тигр, и его голова была оценена во сто рупий. Ну, ну, мы не обратим внимание на то, что ты упустил стадо, и, может быть, я дам тебе одну рупию из награды, когда отнесу кожу в Кханивару. -- Он пошарил в своей одежде, вынул оттуда кремь и огниво и нагнулся, чтобы подпалить белые бакенбарды Шер Хана. По большей части, туземные охотники подпаливают бакенбарды тигра, чтобы его призрак не являлся им.

- Гм, - скорее обращаясь к себе, чем к Бульдео, произнес Маугли и содрал кожу с передней лапы Шер Хана. - Значит, ты хочешь отнести шкуру в Кханивару, получить награду и, может быть, дашь мне одну рупию? А вот, мне кажется, что кожа нужна мне самому. Эй, старик, убери этот огонь.

- Что это за обращение с главным охотником деревни? Счастье и глупость твоих буйволов помогли тебе убить зверя; тигр только что поел, не то он бы убежал за двадцать миль. Ты даже не можешь как следует снять с него кожу, нищенское отродье, и еще смеешь мне, Бульдео, говорить, чтобы я не палил его шерсти? Маугли, ты не получишь ни одной анны из награды; тебе достанутся только побои. Брось убитого тигра!

- Клянусь быком, который купил меня, - сказал Маугли, старавшийся добраться до плеча тигра, - неужели я должен целый день болтать со старой обезьяной? Сюда, Акела, этот человек надоедает мне!

Все еще наклонившийся над головой Шер Хана Бульдео внезапно очутился на траве; серый волк стоял над ним, а Маугли продолжал снимать кожу с тигра, точно в целой Индии был только он один.

- Да-а-а, - сказал он сквозь зубы. - Ты совершенно прав, Бульдео. Ты не дашь мне ни одной анны из награды. Между этим хромым тигром и мной шла война, очень долгая война, и я победил.

Следует отдать Бульдео справедливость: будь он на десять лет моложе, при встрече с Акелой в лесу он вступил бы в борьбу с ним, однако волк, который слушался приказаний мальчика, имевшего свои счеты с тиграми-людоедами, не казался ему обыкновенным животным. По мнению Бульдео, в дело замешалось колдовство худшего рода, и он спрашивал себя, послужит ли для него охраной амулет, висевший на его шее? Он лежал совсем-совсем тихо, ежеминутно ожидая, что Маугли тоже обернется тигром.

- Магараджа! Великий король! - хриплым шепотом произнес он наконец.

- Ну? - не поворачивая головы и слегка посмеиваясь, сказал Маугли.

- Я старик и не знал, что ты не простой пастушонок. Позволишь ли ты мне подняться и уйти, или твой слуга разорвет меня на части?

- Иди, и да будет с тобою мир. Только, смотри, в другой раз не трогай моей добычи. Отпусти его, Акела.

Бульдео, торопливо заковылял к деревне, оглядываясь через плечо, чтобы увидеть, не превратится ли Маугли во что-нибудь ужасное. Придя в деревню, он наговорил столько о магии, чарах и колдовстве, что лицо жреца стало очень серьезно.

Маугли продолжал свою работу, но уже наступали сумерки, когда он и волки содрали большую яркую шкуру с тела тигра.

- Теперь мы должны ее спрятать и отвести буйволов домой. Помоги мне собрать их, Акела.

В туманном сумраке стадо собралось, и, подходя с животными к деревне, Маугли увидел свет и услышал трубный звук раковин храма и звон колоколов. Около половины деревни собралось у ворот, ожидая его.

"Это потому, что я убил Шер Хана", - мысленно сказал себе мальчик.

Но около его ушей просвистел град камней, и жители деревни закричали:

-- Колдун! Волчье отродье! Демон джунглей! Уходи! Скорее убирайся отсюда, или наш жрец опять превратит тебя в волка! Стреляй, Бульдео.

Старый мушкет с громом выстрелил, молодой буйвол замычал от боли.

-- Новое колдовство! - закричали они. - Он отводит пули в сторону. Бульдео, это был твой буйвол.

-- Что же это? - спросил ошеломленный Маугли, когда град камней стал еще гуще.

- Они походят на стаю, эти твои братья, - сказал Акела, спокойно садясь на землю. -- Мне приходит в голову, что, если пули что-нибудь значат, они тебя выгонят.

- Волк! Волчонок! Уходи! - закричал жрец, размахивая веткой священного растения тульци.

-- Опять? Тогда меня гнали за то, что я человек; теперь меня гонят за то, что я волк? Уйдем, Акела.

Женщина - это была Мессуа - побежала к стаду с криком:

- О мой сын, мой сын! Они говорят, что ты колдун и можешь по желанию превращаться в зверей. Не верю им, но уходи, или они убьют тебя. Бульдео уверяет, что ты волшебник, я же знаю, что ты отомстил за смерть моего Нату.

- Назад, Мессуа! - закричала толпа. - Назад, или мы побьем тебя камнями!

Маугли засмеялся отрывистым, недобрый смехом, потому что один камень попал ему в лицо.

- Беги назад, Мессуа. Это одна из глупых историй, которые они рассказывают в темноте, под большим деревом. Я наконец заплатил за жизнь твоего сына. Прощай. Беги быстро, потому что я пошлю в деревню стадо, а оно движется быстрее, чем летят осколки их кирпичей. Я не колдун, Мессуа. Прощай!.. Еще раз, Акела, - крикнул он, - гони стадо в ворота!

Буйволам самим очень хотелось вернуться в деревню. Вой Акелы вряд ли был нужен им. Они вихрем понеслись через ворота, рассеивая толпу людей вправо и влево.

- Сосчитайте их, - презрительно крикнул Маугли, - может быть, я украл одного буйвола! Считайте, я не буду больше пасти стадо. Будьте здоровы, дети людей, и поблагодарите Мессуа за то, что я с моими волками не войду в деревню и не стану гонять вас взад и вперед по вашей улице.

Маугли повернулся и пошел прочь с Одиноким Волком. Взглянув на звезды, он почувствовал себя счастливым.

- Мне не придется больше спать в ловушках, Акела. Возьмем шкуру Шер Хана и уйдем. Нет, мы не причиним вреда деревне, потому что Мессуа была добра ко мне.

Поднялась луна, и долина стала молочно-белой; жители деревни с ужасом увидели, как Маугли, в сопровождении двух волков и с каким-то свертком на голове, бежал спокойной волчьей рысью; бег этот своей быстротой напоминает движение огня, и позади бегущего таким шагом скоро остается одна миля за другой.

Они стали звонить в колокола храма и трубить в крупные раковины еще громче обыкновенного; Мессуа плакала, а Бульдео все украшал и украшал рассказ о своих приключениях в джунглях так, что, наконец, по его словам, Акела стоял перед ним на задних лапах и говорил с ним, как человек.

Луна заходила, когда Маугли и два волка пришли на холм Скалы Совета и остановились подле пещеры Матери Волчицы.

- Меня выгнали из людской стаи, мать, - крикнул Маугли, - но я пришел со шкурой Шер Хана и сдержал данное слово!

Волчица Мать, взволнованная, вышла из пещеры, за ней появились ее дети: при виде шкуры глаза Ракши загорелись.

- В тот день, когда он просунул свою голову и плечи в эту пещеру, охотясь за тобой, Лягушечка, я сказала ему, что охотник делается дичью. Хорошо сделано!

- Хорошо сделано, Маленький Брат, - послышался глубокий голос в чаще. - Нам было скучно в джунглях без тебя, - и Багира подбежала и склонилась к босым ногам Маугли.

Они вместе поднялись на Скалу Совета, и Маугли разостлал тигровую шкуру на том плоском камне, где, бывало, сидел Акела, прикрепив ее четырьмя заостренными осколками бамбука. Тогда Акела лег на шкуру с обычным старинным призывом к Совету: "Смотрите, смотрите, хорошенько, о волки!" Совершенно также зывал он, когда в это место впервые привели Маугли.

С тех самых пор, как был смещен Акела, стая оставалась без вожака, и волки охотились или дрались, когда им вздумается. Однако они по привычке пришли на призыв; некоторые из них хромали, ушибленные капканами, в которые они попадали; некоторые ковыляли, раненные пулями; некоторые исхудали от дурной пищи; многих совсем не было; тем не менее, уцелевшие собрались к Скале Совета, увидели полосатую шкуру Шер Хана на камне и его огромные когти на концах пустых лап. Вот тогда-то Маугли сочинил песню без рифм, песню, которая как-то сама собой подступила к его горлу. Он громко выкрикивал ее, прыгая взад и вперед по слегка стучавшей шкуре и отбивая ритм пятками; мальчик плясал, пока не задохнулся от усталости; между одной строфой и другой Серый Брат и Акела выли.

- Смотрите хорошенько, о волки! Сдержал ли я свое слово? - сказал Маугли, окончив песню; и волки пролаяли: "Да!" А один лохматый провыл:

- Будь нашим вожаком опять, о Акела! Будь нашим вожаком опять, о детеныш человека, потому что нам надоело беззаконие и мы хотели бы снова сделаться Свободным Народом.

-- Нет, - промурлыкала Багира. - Этого не должно быть. Когда вы наедитесь, безумие снова может овладеть вами. Недаром зовут вас Свободным Народом! Вы боролись за свободу и достигли ее. Питайтесь ею, о волки.

- Стая людей и волчья стая выгнали меня, - заметил Маугли. - Теперь я буду один охотиться в джунглях.

- И мы будем охотиться с тобой, - сказали четыре сына Матери Волчицы.

Итак, Маугли ушел и с этого дня охотился с четырьмя детьми Матери Волчицы. Однако он не всегда был одинок, потому что через много лет сделался вполне взрослым человеком и женился.

Но это рассказ для взрослых людей.

Рикки-Тикки-Тави

Это рассказ о великой войне, которую Рикки-Тикки-Тави вел в одиночку в ванной комнате просторного бунгало в Сеговлийском военном поселении. Дарси, птица-портной, помогал ему, Чучундра, мускусная крыса, которая никогда не выходит на середину комнаты и всегда крадется по стенам, дала ему совет; тем не менее по-настоящему сражался один Рикки-Тикки.

Он был мангус, [Мангус - местное название мангусты, или ихневмона] мехом и хвостом он походил на кошечку, но его голова и нрав напоминали ласку. Его глаза и кончик беспокойного носа были розовые; любой лапкой, передней или задней, он мог почесывать себя везде, где угодно; мог распушить свой хвост, делая его похожим на щетку для ламповых стекол, а когда он несся через высокую траву, его боевой клич был: рикк-тикк-тикки-тикки-тчк.

Однажды в середине лета ливень вымыл его из норы, в которой он жил со своими отцом и матерью, и унес барахтающегося и цокающего зверька в придорожную канаву. Рикки-Тикки увидел там плывущий комок травы, изо всех сил ухватился за него и наконец потерял сознание. Когда зверек очнулся, он, сильно промокший, лежал на середине садовой дорожки под знойными лучами солнца; над ним стоял маленький мальчик и говорил:

- Вот мертвый мангус. Устроим ему похороны.

- Нет, - ответила мать мальчика. - Унесем зверька к нам домой и обсушим его. Может быть, он еще жив.

Они внесли его в дом; очень высокий человек взял Рикки-Тикки двумя пальцами и сказал, что зверек не умер, а только почти задохнулся; Рикки-Тикки завернули в вату и согрели; он открыл глаза и чихнул.

- Теперь, - сказал высокий человек (это был англичанин, который только что поселился в бунгало), - не пугайте его и посмотрим, что он станет делать.

Труднее всего в мире испугать мангуса, потому что этого зверька, от его носика до хвоста, поедает любопытство. Девиз каждой семьи мангусов "Беги и узнай", а Рикки-Тикки был истинным мангусом. Он посмотрел на вату, решил, что она не годится для еды, обежал вокруг стола, сел и привел в порядок свою шерстку, почесался и вскочил на плечо мальчика.

- Не бойся, Тэдди, - сказал мальчику отец. - Так он знакомится с тобой.

- Ох, щекотно; он забрался под подбородок.

Рикки-Тикки заглянул в пространство между воротником Тэдди и его шеей, понюхал его ухо, наконец, сполз на пол, сел и почесал себе нос.

- Боже милостивый, - сказала мать Тэдди, - и это дикое создание! Я думаю, он такой ручной, потому что мы были добры к нему.

- Все мангусы такие, - ответил ей муж. - Если Тэдди не станет дергать его за хвост, не посадит в клетку, он будет целый день то выбегать из дому, то возвращаться. Покормим его чем-нибудь.

Зверьку дали кусочек сырого мяса. Оно понравилось Рикки-Тикки; поев, мангус выбежал на веранду, сел на солнце и поднял свою шерсть, чтобы высушить ее до самых корней. И почувствовал себя лучше.

- В этом доме я скоро узнаю гораздо больше, - сказал он себе, - чем все мои родные могли бы узнать за целую жизнь. Конечно, я останусь здесь и все рассмотрю.

Он целый день бегал по дому; чуть не утонул в ванной; засунул носик в чернильницу на письменном столе; обжег его о конец сигары англичанина, когда взобрался на его колени, чтобы

посмотреть, как люди едят. Когда наступил вечер, мангус забежал в детскую Тэдди, чтобы видеть, как зажигают керосиновые лампы; когда же Тэдди лег в постель, Рикки-Тикки влез за ним и оказался беспокойным товарищем: он ежеминутно вскакивал, прислушивался к каждому шороху и отправлялся узнать, в чем дело. Отец и мать Тэдди пришли в детскую посмотреть на своего мальчика; Рикки-Тикки не спал; он сидел на подушке.

Это мне не нравится, - сказала мать мальчика, - он может укусить Тэдди.

- Мангус не сделает ничего подобного, - возразил ее муж. - Близ этого маленького зверька Тэдди в большей безопасности, чем был бы под охраной негрской собаки. Если бы в детскую теперь заползла змея...

Но мать Тэдди не хотела и думать о таких ужасных вещах.

Рано утром Рикки-Тикки явился на веранду к первому завтраку, сидя на плече Тэдди. Ему дали банан и кусочек вареного яйца. Он посидел поочередно на коленях у каждого, потому что всякий хорошо воспитанный мангус надеется, со временем, сделаться домашним животным и бегать по всем комнатам; а мать Рикки-Тикки (она жила в доме генерала в Сеговли) старательно объяснила ему, как он должен поступать при встрече с белыми.

После завтрака Рикки-Тикки вышел в сад, чтобы хорошенько осмотреть его. Это был большой, только наполовину возделанный сад, с кустами роз Маршалль Ниель, такой высоты, какой они достигают только в оранжереях, с лимонными и апельсиновыми деревьями, с зарослями бамбука и чащами густой, высокой травы. Рикки-Тикки облизнул губы.

- Какой превосходный участок для охоты, - сказал он; от удовольствия его хвост распушился, как щетка для ламповых стекол, и он стал шнырять взад и вперед по саду, нюхая там и сям, и, наконец, среди ветвей терновника услышал очень печальные голоса.

Там сидели Дарси, птица-портной, и его жена. Соединив два листа и сшив их краешки листовыми фибрами, они наполнили пустое пространство между ними ватой и пухом, таким образом устроив прекрасное гнездо. Гнездо покачивалось; птицы сидели на его краю и плакали.

- В чем дело? - спросил Рикки-Тикки.

- Мы очень несчастны, - сказал Дарси. - Один из наших птенцов вчера выпал из гнезда, и Наг съел его.

- Гм, - сказал Рикки-Тикки, - это очень печально, но я здесь недавно. Кто это Наг?

Дарси и его жена вместо ответа притаились в своем гнезде, потому что из-под куста донеслось тихое шипение - ужасный холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить на два фута назад. И вот из травы, дюйм за дюймом, показалась голова, а потом и раздутая шея Нага, большой черной кобры, имевшей пять футов длины от языка до хвоста. Когда Наг поднял треть своего тела, он остановился, покачиваясь взад и вперед, точно колеблемый ветром куст одуванчиков, и посмотрел на Рикки-Тикки злыми змеиными глазами, никогда не изменяющими выражения, о чем бы ни думала змея.

- Кто Наг? - сказал он. - Я - Наг! Великий бог Брама наложил на весь наш род свой знак, когда первая кобра раздула свою шею, чтобы охранять сон божества. Смотри и бойся!

Наг еще больше раздул свою шею, и Рикки-Тикки увидел на ней знак, который так походил на очки и их оправу. На минуту он испугался; но мангус не может бояться долго; кроме того, хотя Рикки-Тикки никогда не видел живой кобры, его мать приносила ему для еды кобр мертвых, и он отлично знал, что жизненная задача взрослого мангуса - сражаться со змеями и поедать их. Наг тоже знал это, и в глубине его холодного сердца шевелился страх.

- Хорошо, - сказал Рикки-Тикки, и шерсть его хвоста начала подниматься, - все равно; есть на тебе знаки или нет, ты не имеешь права есть птенчиков, выпавших из гнезда.

Наг думал; в то же время он наблюдал за легким движением в траве позади Рикки-Тикки. Он знал, что раз в саду поселятся мангусы, это, рано или поздно, повлечет за собой его смерть и гибель его семьи, и ему хотелось заставить Рикки-Тикки успокоиться. Поэтому он немного опустил голову и наклонил ее на одну сторону.

- Поговорим, - сказал Наг, - ты же ешь яйца. Почему бы мне не есть птиц?

- Позади тебя! Оглянись! - пропел Дарси.

Рикки-Тикки не хотел тратить времени, смотря по сторонам. Он подскочил как можно выше, и как раз под ним со свистом промелькнула голова Нагены, злой жены Нага. Пока он разговаривал с Нагом, вторая кобра подкрадывалась к нему сзади, чтобы покончить с ним; теперь, когда ее удар пропал даром, Рикки-Тикки услышал злобное шипение. Он опустил на лапки почти поперек спины Нагены и, будь Рикки-Тикки старым мангусом, он понял бы, что ему следует, куснув ее один раз, сломать ей спину; но он боялся страшного поворота головы кобры. Конечно, Рикки кусал змею, но недостаточно сильно, недостаточно долго и отскочил от ее хлеставшего хвоста, бросив раненую и рассерженную Нагену.

- Злой, злой Дарси, - сказал Наг, поднимаясь насколько мог во направлении к гнезду на кусте терновника; но Дарси так устроил свое жилище, что оно было недоступно для змей и только слегка покачивалось.

Глаза Рикки-Тикки покраснели, и к ним прилила кровь; (когда глаза мангуса краснеют, это значит, что он сердится); зверек сел на свой хвост и задние лапки, как маленький кенгуру, огляделся кругом и зацокал от бешенства. Наг и Нагена исчезли в траве. Если змее не удастся нападение, она ничего не говорит и ничем не показывает, что собирается сделать дальше. Рикки-Тикки не стал отыскивать кобр; он не был уверен, удастся ли ему справиться сразу с двумя змеями. Поэтому мангус пробежал на усыпанную дорожку подле дома, сел и стал думать. Ему предстояло важное дело.

В старинных книгах по естественной истории вы прочитаете, что укушенный змеей мангус прекращает борьбу, отбегает подальше и съедает какую-то травку, которая исцеляет его. Это неправда. Мангус одерживает победу только благодаря скорости своего взгляда и ног; удары змеи состязаются с прыжками мангуса, а так как никакое зрение не в силах уследить за движением головы нападающей змеи, победу зверька можно считать удивительнее всяких волшебных трав. Рикки-Тикки знал, что он молодой мангус, а потому тем сильнее радовался при мысли о своем спасении от удара, направленного сзади. Все случившееся внушило ему самоуверенность, и когда на дорожке показался бегущий Тэдди, Рикки-Тикки был не прочь, чтобы он его приласкал.

Как раз в ту секунду, когда Тэдди наклонился к нему, что-то слегка зашевелилось в пыли, и тонкий голос сказал:

- Осторожнее. Я смерть!

Это была карэт, коричневатая змейка, которая любит лежать в пыли. Ее укус так же опасен, как укус кобры. Но коричневая змейка так мала, что никто о ней не думает, и потому она приносит людям особенно много вреда.

Глаза Рикки-Тикки снова покраснели, и он подскочил к карэт тем особенным покачивающимся движением, которое унаследовал от своих родичей. Это смешная походка, но благодаря ей зверек остается в таком совершенном равновесии, что может кинуться на врага под каким ему угодно углом, а когда дело идет о змеях, -- это великое преимущество. Рикки-Тикки не знал, что он решился на более опасную вещь, чем бой с Нагом! Ведь карэт так мала и может поворачиваться так быстро, что если бы Рикки-Тикки не схватил ее подле затылка, она опрокинулась бы и укусила его в глаз или губу. Но Рикки этого не знал; его глаза горели, и он прыгал взад и вперед, отыскивая, где бы лучше захватить карэт. Карэт кинулась. Рикки прыгнул в сторону на всех четырех лапках и попытался кинуться на нее, но маленькая злобная пыльно-серая голова промелькнула близ самого его плеча; ему пришлось перескочить через тело змеи; ее голова направилась за ним и почти коснулась его.

Тэдди повернулся к дому и закричал:

- О, смотрите! Наш мангус убивает змею!

Почти тотчас же Рикки услышал испуганное восклицание матери Тэдди; отец мальчика выбежал в сад с палкой, но к тому времени, когда он подошел к месту боя, карэт слишком вытянулась, Рикки-Тикки сделал прыжок, вскочил на спину змеи и, прижав ее голову своими передними лапами, укусил в спину, как можно ближе к голове, потом отскочил в сторону. Его укус парализовал карэт. Рикки-Тикки уже собирался приняться есть змею, по обычаю своего семейства, начиная с хвоста, как вдруг вспомнил, что сытый мангус неповоротлив и, что если он желает быть сильным, ловким и проворным, ему необходимо остаться голодным.

Он отошел, чтобы выкупаться в пыли под кустами клещевины. В это время отец Тэдди колотил палкой мертвую карэт.

"Зачем? - подумал Рикки-Тикки. - Я же покончил с ней!"

Мать Тэдди подняла мангуса из пыли и приласкала его, говоря, что он спас от смерти ее сына; отец Тэдди заметил, что мангус -- их счастье, а сам Тэдди смотрел на всех широко открытыми испуганными глазами. Эта суэта забавляла Рикки-Тикки, который, понятно, не понимал ее причины. Мать Тэдди могла бы с таким же успехом ласкать Тэдди за то, что он играл в пыли. Но Рикки-Тикки было весело.

В этот вечер за обедом мангус расхаживал взад и вперед по столу и мог бы три раза властью наесться всяких вкусных вещей, но он помнил о Наге и Нагене, и, хотя ему было очень приятно, когда мать Тэдди гладила и ласкала его, хотя ему нравилось сидеть на плече самого Тэдди, время от времени, его глазки вспыхивали красным огнем и раздавался его продолжительный боевой крик: Рикк-тикк-тикки-тикки-тчк!

Тэдди отнес его к себе в постель и хотел непременно уложить его под своим подбородком. Рикки-Тикки был слишком хорошо воспитан, чтобы укусить или оцарапать мальчика, но едва Тэдди заснул, мангус соскочил на пол, отправился осматривать дом и в темноте натолкнулся на Чучундру, мускусную крысу, которая кралась по стене. Чучундра - маленький зверек с разбитым сердцем. Целую ночь она хныкает и пищит, стараясь заставить себя выбежать на середину комнаты, но никогда не решается на это.

- Не убивай меня, - чуть не плача, попросила Чучундра. - Не убивай меня, Рикки-Тикки!

- Разве ты думаешь, что победитель змей убивает мускусных крыс? - презрительно сказал Рикки-Тикки.

- Тот, кто убивает змей, бывает убит змеями, - еще печальнее произнесла Чучундра. - И разве я могу быть уверена, что когда-нибудь в темную ночь Наг не примет меня за тебя?

- Этого нечего бояться, - сказал Рикки-Тикки, - кроме того, Наг в саду, а ты, я знаю, не выходишь туда.

- Моя родственница Чуа, крыса, сказала мне... - начала Чучундра и замолчала.

- Что сказала?

- Тсс! Наг повсюду, Рикки-Тикки. Тебе следовало бы поговорить в саду с крысой Чуа.

- Я не говорил с ней, значит, ты должна сказать мне все. Скорее, Чучундра, не то я тебя укушу!

Чучундра села и заплакала; слезы покатались по ее усам.

- Я несчастна, - прорыдала она. - У меня нет мужества выбежать на середину комнаты. Тсс! Я не должна ничего тебе говорить. Разве ты сам не слышишь, Рикки-Тикки?

Рикки-Тикки прислушался. В доме было тихо-тихо, однако ему казалось, что он может уловить невероятно слабый "скрип-скрип" - звук не сильнее скрипа лап осы, бродящей по оконному стеклу, - сухой скрип змеиной чешуи по кирпичам.

- Это Наг или Нагена, - мысленно сказал себе Рикки-Тикки, - и змея ползет в сточный желоб ванной комнаты. Ты права, Чучундра, мне следовало поговорить с крысой Чуа.

Он тихо вошел в ванную комнату Тэдди; там не было ничего; потом заглянул в ванную комнату матери мальчика. Здесь в гладкой оштукатуренной стене, внизу, был вынут кирпич для стока воды, и когда Рикки-Тикки крался мимо ванны, вмазанной в пол, он услышал, что за стеной, снаружи, Наг и Нагена шепчутся при свете месяца.

- Когда дом опустеет, - сказала мужу Нагена, - ему придется уйти, и тогда мы снова всецело завладеем садом. Тихонько вползи и помни: прежде всего нужно укусить большого человека, который убил карэт. Потом вернись, расскажи мне все, и мы вместе поохотимся на Рикки-Тикки.

- А уверена ли ты, что мы достигнем чего-нибудь, убив людей? - спросил Наг.

- Всего достигнем. Разве в саду были мангусы, когда никто не жил в бунгало? Пока дом пуст, мы в саду король и королева; и помни, едва на грядке с дынями лопнут яйца (а это может случиться завтра), нашим детям понадобится спокойствие и простор.

- Я не подумал об этом, - сказал Наг. - Я вползу, но нам незачем преследовать Рикки-Тикки. Я убью большого человека, его жену и ребенка, если это будет возможно, и вернусь. Бунгало опустеет, и Рикки-Тикки уйдет сам.

Рикки-Тикки весь дрожал от ярости и ненависти, но вот из желоба показалась голова Нага, а потом и пять футов его холодного тела. Как ни был рассержен Рикки-Тикки, но увидав размер громадной кобры, он почувствовал страх. Наг свернулся, поднял свою голову и посмотрел в темную ванную комнату; Рикки заметил, что его глаза блестят.

- Если я убью его здесь, это узнает Нагена, кроме того, если я буду биться с ним посреди пола, вся выгода окажется на его стороне. Что мне делать? - подумал Рикки-Тикки-Тави.

Наг извивался в разные стороны, и скоро мангус услышал, что он пьет из самого большого водяного кувшина, которым обыкновенно наполняли ванну.

- Вот что, - сказал Наг, - большой человек убил карэт палкой. Может быть, эта палка все еще у него, но утром он придет купаться без нее. Я дождусь его здесь. Нагена, ты слышишь? Я до утра буду ждать здесь, в холодке.

Снаружи не послышалось ответа, и Рикки-Тикки понял, что Нагена уползла. Наг принялся укладываться в большой кувшин, обвивая кольцами своего тела выпуклость на его дне, а Рикки-Тикки сидел тихо, как смерть. Прошел час; мангус медленно, напрягая одну мышцу за другой, двинулся к кувшину. Наг спал, и глядя на его широкую спину, Рикки спрашивал себя, в каком месте лучше всего схватить кобру зубами. "Если при первом же прыжке я не переломлю ему хребта, -- подумал Рикки, -- он будет биться, а борьба с Нагом... О Рикки!"

Он измерил взглядом толщину змеиной шеи, но она была слишком широка для него; укусив же кобру подле хвоста, он только привел бы ее в бешенство.

- Лучше всего вцепиться в голову, - мысленно сказал он себе наконец, - в голову повыше капюшона; впустив же в Нага зубы, я не должен разжимать их.

Он прыгнул. Голова змеи слегка выдавалась из водяного кувшина и лежала ниже его горлышка. Как только зубы Рикки сомкнулись, мангус уперся спиной о выпуклость красного глиняного кувшина, чтобы удержать голову змеи. Это дало ему секунду выгоды, и он хорошо воспользовался ею. Но Наг тотчас же принялся трясти его, как собака трясет крысу; таскал его взад и вперед по полу, вскидывал, опускал, размахивал им, но глаза мангуса горели красным огнем и он не разжимал своих зубов. Змея волочила его по полу; жестяной ковшик, мыльница, тельная щетка,

все разлетелось в разные стороны. Рикки ударился о цинковую стенку ванны и сильнее сжимал свои челюсти. Рикки ради чести своей семьи желал, чтобы его нашли с сомкнутыми зубами. Голова у него кружилась. Вдруг раздалось что-то вроде громового удара; ему представилось, будто он разлетается на куски; горячий воздух обдал его, и он лишился чувств; красный огонь опалил его шерстку. Шум разбудил большого человека, и он выстрелил из обоих стволов своего ружья в голову Нага, выше расширения шеи кобры.

Рикки-Тикки не открывал глаз; он был вполне уверен, что его убили; но змеиная голова не двигалась и, подняв зверька, англичанин сказал:

- Это опять мангус, Элис; малыш спас теперь наши жизни.

Пришла мать Тэдди совсем бледная, посмотрела и увидела то, что осталось от Нага. Между тем Рикки-Тикки проковылял в спальню Тэдди и половину оставшейся ночи тихонько обследовал себя, чтобы узнать, действительно ли, как ему казалось, его кости переломаны в сорока местах.

Утром он почувствовал утомление во всем теле, но был очень доволен тем, что ему удалось совершить.

- Теперь мне следует разделаться с Нагеной, хотя она будет опаснее пяти Нагов; кроме того, никто не знает, когда лопнут яйца, о которых она упоминала. Да, да, я должен поговорить с Дарси, - сказал себе мангус.

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки побежал к терновому кусту, где Дарси во весь голос распевал торжествующую песню. Известие о смерти Нага разошлось по саду, потому что уборщик бросил его тело на кучу мусора.

- Ах ты, глупый пучок перьев! - сердито сказал Рикки-Тикки. - Время ли теперь петь?

- Наг умер, умер, умер! - пел Дарси. - Храбрый Рикки-Тикки схватил его за голову и крепко сжал ее. Большой человек принес гремучую палку, и Наг распался на две части. Никогда больше не будет он поедать моих птенцов.

- Все это верно, но где Нагена? - внимательно осматриваясь, спросил Рикки-Тикки.

- Нагена приблизилась к отводному желобу ванной комнаты я позвала Нага, - продолжал Дарси. - И Наг показался на конце палки; уборщик проколол его концом палки и бросил на мусорную кучу. Воспоем же великого, красноглазого Рикки-Тикки!

Горлышко Дарси надулось, и он продолжал петь.

- Если бы только я мог добраться до твоего гнезда, я вышвырнул бы оттуда всех твоих детей, - сказал Рикки-Тикки. - Ты не умеешь ничего делать в свое время. В твоём гнезде тебе не грозит опасность, но здесь, внизу, у меня идет война. погоди петь минуту, Дарси.

- Ради великого, ради прекрасного Рикки-Тикки я замолчу, - сказал Дарси. - Что тебе угодно, о победитель страшного Нага?

- Где Нагена, в третий раз спрашиваю тебя?

- На мусорной груде, подле конюшни; она оплакивает Нага! Великий Рикки-Тикки с белыми зубами!

-- Брось ты мои белые зубы. Слышал ли ты, где ее яйца?

- На ближайшем к ограде конце дынной гряды; там, куда почти целый день светит солнце. Несколько недель тому назад она зарыла их в этом месте.

- А ты не подумал сказать мне о них? Так, значит, подле стены?

- Но ты же не съешь ее яйца, Рикки-Тикки?

- Не могу сказать, чтобы я собирался именно съесть их; нет. Дарси, если у тебя есть хоть капля ума в голове, лети к конюшне, притворись, будто у тебя сломано крыло, и пусть Нагена гонится за тобой вплоть до этого куста. Я должен пройти к дынной гряде, но если я побегу туда теперь, она заметит меня.

Дарси был маленьким созданием с птичьим мозгом, в котором никогда не помещается больше одной мысли сразу; только потому, что дети Нагены рождались в яйцах, как его собственные, ему показалось, что убивать их нечестно. Зато его жена была благоразумной птичкой и знала, что яйца кобры предвещают появление молодых кобр. Итак, она вылетела из гнезда, предоставив Дарси согреть птенцов и продолжать воспевать смерть Нага. В некоторых отношениях Дарси очень напоминал человека.

Птичка стала перепархивать перед Нагеной подле кучи мусора, крича:

- Ах, мое крыло сломано! Мальчик из дома бросил в меня камнем и перебил его.- И она запорхала еще отчаяннее прежнего.

Нагена подняла голову и прошипела:

- Ты предупредила Рикки-Тикки, когда я могла убить его. Поистине ты выбрала дурное место ковылять. - И, скользя по слою пыли, кобра двинулась к жене Дарси.

- Мальчик камнем перебил мое крыло! - выкрикнула птица Дарси.

- Ну, может быть, для тебя послужит утешением, если я скажу, что когда ты умрешь, я сведу счеты с этим мальчиком. Теперь утро, и мой муж лежит на груде мусора, а раньше, чем наступит ночь, мальчик будет неподвижно лежать в доме. Зачем ты убегаешь? Я все равно тебя поймаю. Дурочка, посмотри на меня.

Но жена Дарси отлично знала, что "этого" делать не нужно, потому что, взглянув в глаза змеи, птица так пугается, что теряет способность двигаться. С грустным писком жена Дарси продолжала трепетать крыльями и убежать, не поднимаясь от земли. Нагена поползла быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они двигаются по дорожке от конюшни и помчался к ближайшему от ограды концу дынной гряды. Там, на горячем удобрении и очень хитро скрытые между дынями, лежали змеиные яйца, всего двадцать пять штук, размером вроде яиц бентамов (порода кур), но с беловатой кожистой оболочкой, а не в скорлупе.

-- Я не пришел раньше времени, - подумал Рикки. Сквозь кожистую оболочку он разглядел внутри яиц свернувшихся детенышей кобры, а ему было известно, что каждый, едва вылупившийся змееныш может убить человека или мангуса. Он как можно быстрее надкусил верхушки яиц, не забыв старательно раздавить маленьких кобр. Время от времени мангус смотрел, не пропустил ли он хоть одного яйца. Вот осталось только три, и Рикки-Тикки стал уже посмеиваться про себя, как вдруг до него долетел крик жены Дарси!

- Рикки-Тикки, я увела Нагену к дому, она вползла на веранду... О, скорее, она хочет убивать!

Рикки-Тикки раздавил два яйца, скатился с гряды и, захватив третье в рот, побежал к веранде, очень быстро перебирая ногами. Там за ранним завтраком сидели Тэдди, его отец и мать, но Рикки-Тикки сразу увидел, что они ничего не едят. Они не двигались, как каменные, и их лица побелели. На циновке, подле стула Тэдди, лежала свернувшаяся Нагена, и ее голова была на таком расстоянии, что она ежеминутно могла укусить голую ножку мальчика. Кобра покачивалась взад и вперед и пела торжествующую песню.

- Сын большого человека, убившего Нага, - шипела она, - не двигайся! Я еще не готова. Погоди немножко. Не двигайтесь все вы трое. Если вы пошевелитесь, я укушу; если вы не пошевелитесь, я тоже укушу. О, глупые люди, которые убили моего Нага!

Тэдди не спускал глаз с отца, а его отец мог только шептать:

-- Сиди неподвижно, Тэдди. Ты не должен шевелиться. Тэдди, не шевелись!

Рикки-Тикки поднялся на веранду:

- Повернись, Нагена, повернись и начни бой.

-- Все в свое время, - ответила кобра, не спуская глаз с Тэдди. - Я скоро сведу мои счета с тобой. Смотри на своих друзей, Рикки-Тикки. Они не двигаются; они совсем белые; они боятся. Пошевелиться люди не смеют, и если ты сделаешь еще один шаг, я укушу.

- Посмотри на твои яйца, -- сказал Рикки-Тикки, -- там на дынной гряде, подле ограды! Проползи туда и взгляни на них, Нагена.

Большая змея сделала пол-оборота и увидела свое яйцо на веранде.

- Аа-х! Отдай мне его!-- сказала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами; его глаза были красны, как кровь.

- Сколько дают за змеиное яйцо? За молодую кобру? За молодую королевскую кобру? За последнюю, за самую последнюю из всего выводка? Там, на дынной гряде, муравьи поедают остальных.

Нагена повернулась совсем; она все забыла ради своего единственного яйца, и Рикки-Тикки увидел, что отец Тэдди протянул свою большую руку, схватил Тэдди за плечо, протащил его через маленький стол с чайными чашками, так что мальчик очутился в безопасности и вне досягаемости Нагены.

- Обманута, обманута, обманута, рикки-тчк-тчк! - засмеялся Рикки-тикки. - Мальчик спасен, и это я, я, я ночью поймал Нага в ванной комнате. - И мангус принялся прыгать на всех своих четырех лапах сразу, опустив голову к полу. - Наг кидал меня во все стороны, но не мог стряхнуть с себя. Он умер раньше, чем большой человек разбил его на две части. Я сделал это. Рикки-тикки, тчк-тчк! Иди же, Нагена, скорее дерись со мной. Недолго будешь ты вдовой.

Нагена поняла, что она потеряла удобный случай убить Тэдди! К тому же ее яйцо лежало между лапками мангуса.

- Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки, отдай мне последнее из моих яиц, и я уйду отсюда и никогда не вернусь, - сказала она, и ее шея сузилась.

- Да, ты исчезнешь и никогда не вернешься, потому что отправишься на груды мусора, к Нагу. Дерись, вдова! Большой человек пошел за своим ружьем. Дерись!

Глазки Рикки-Тикки походили на раскаленные угли, и он прыгал кругом Нагены, держась на таком расстоянии, чтобы она не могла укусить его. Нагена сжалась и сделала прыжок вперед. Рикки-Тикки подскочил в воздух и отпрянул от нее; кобра кинулась снова, опять и опять. Ее голова каждый раз со стуком падала на маты веранды, и змея свертывалась, как часовая пружина. Наконец, Рикки-Тикки стал, прыгая, описывать круги, в надежде очутиться позади змеи, и Нагена извивалась, стараясь держать свою голову против его головы, и шорох ее хвоста по циновке походил на шелест сухих листьев, которые гонит ветер.

Мангус забыл о яйце. Оно все еще лежало на веранде, и Нагена приближалась и приближалась к нему. И вот, в ту секунду, когда Рикки-Тикки приостановился, чтобы перевести дух, кобра схватила свое яйцо в рот, повернулась к лестнице, спустилась с веранды и, как стрела, полетела по дорожке; Рикки-Тикки помчался за ней. Когда кобра спасает свою жизнь, она двигается, как ремень бича, изгибами падающий на шею лошади.

Рикки-Тикки знал, что он должен поймать ее, так как в противном случае все начнется сызнова. Нагена направлялась к высокой траве подле терновника и, мчась вслед за нею, Рикки-Тикки услышал, что Дарси все еще распевает свою глупую триумфальную песенку. Жена Дарси была

умнее своего мужа. Когда Нагена пронеслась мимо ее гнезда, она вылетела из него и захлопала крыльями над головой кобры. Если бы Дарси помог своей подруге и Рикки, они могли бы заставить ее повернуться, но теперь Нагена только сузила шею и скользнула дальше. Тем не менее короткая остановка дала возможность Рикки подбежать к ней ближе и, когда кобра опустила в нору, составлявшую их жилище с Нагом, его белые зубки схватили ее за хвост, и он вместе с ней спустился под землю, хотя очень немногие мангусы, даже самые умные и старые, решаются бросаться за змеей в ее дом. В норе было темно, и Рикки-Тикки не знал, где подземный ход может расширяться и дать возможность Нагене повернуться и укусить его. Он изо всех сил держался за ее хвост, расставляя свои маленькие ножки, чтобы они служили тормозом, упираясь в черный, горячий, влажный земляной откос.

Трава близ входа в нору перестала качаться, и Дарси заметил:

- Для Рикки-Тикки все окончено. Мы должны спеть песню в честь его смерти. Отважный Рикки-Тикки умер! Конечно, Нагена убила его под землей.

И он запел очень печальную песню, которую сложил, вдохновленный данной минутой, но как раз когда певец дошел до самой ее трогательной части, трава снова зашевелилась и показался весь покрытый грязью Рикки-Тикки; шаг за шагом, едва переступая ногами, он вышел из норы и облизнул свои усы. Дарси замолчал с легким восклицанием. Рикки-Тикки стряхнул со своей шерстки часть пыли и чихнул.

- Все кончено, - сказал он. - Вдова никогда больше не выйдет наружу.

Красные муравьи, которые живут между стеблями трав, услышали его замечание, засуетились и один за другим отправились смотреть, правду ли сказал он.

Рикки-Тикки свернулся в траве и заснул. Он спал до конца дня; в этот день мангуст хорошо поработал.

- Теперь, - проснувшись, проговорил зверек, - я вернусь в дом; ты, Дарси, скажи о случившемся птице Меднику, он же по всему саду разгласит о смерти Нагены.

Медник - птичка, крик которой напоминает удары маленького молотка по медной чашке; он кричит так потому, что служит глашатаем каждого сада в Индии и сообщает вести всем желающим слушать. Когда Рикки-Тикки двинулся по дорожке, он услышал его крик, обозначающий "внимание", и напоминающий звон крошечного обеденного гонга. После этого раздалось: "Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагена умерла! Динг-донг-ток". И вот все птицы в саду запели, все лягушки принялись квакать; ведь Наг и Нагена поедали не только птичек, но и лягушек.

Когда Рикки подошел к дому, к нему навстречу вышли Тэдди, мать Тэдди (она все еще была бледна, так как только что оправилась от обморока) и отец Тэдди; они чуть не плакали над мангустом. Вечером он ел все, что ему давали, пока мог есть, и улегся спать на плече Тэдди; когда же мать мальчика поздно ночью пришла взглянуть на своего сына, она увидела Рикки.

- Он спас нам жизнь и спас Тэдди, - сказала она своему мужу. - Только подумай; он всех нас избавил от смерти.

Рикки-Тикки внезапно проснулся: мангусты спят очень чутким сном.

- О, это вы, - сказал он. - Чего вы хлопчете? Все кобры убиты; а если бы и не так, я здесь.

Рикки-Тикки мог гордиться; однако он не слишком возгордился и охранял сад, как и подобало мангусту, - зубами и прыжками; и ни одна кобра не решалась больше показываться за садовой оградой.

АСТРИД ЛИНДГРЕН(1907- 2001)

Малыш и Карлсон

Часть первая. Карлсон, который живет на крыше

В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живет самая обыкновенная шведская семья по фамилии Свантесон. Семья эта состоит из самого обыкновенного папы, самой обыкновенной мамы и трех самых обыкновенных ребят - Боссе, Бетан и Малыша.

- Я вовсе не самый обыкновенный малыш, - говорит Малыш. Но это, конечно, неправда. Ведь на свете столько мальчишек, которым семь лет, у которых голубые глаза, невымытые уши и разорванные на коленках штанишки, что сомневаться тут нечего: Малыш - самый обыкновенный мальчик. Боссе пятнадцать лет, и он с большей охотой стоит в футбольных воротах, чем у школьной доски, а значит -- он тоже самый обыкновенный мальчик. Бетан четырнадцать лет, и у нее косы точь-в-точь такие же, как у других самых обыкновенных девочек. Во всем доме есть только одно не совсем обыкновенное существо - Карлсон, который живет на крыше. Да, он живет на крыше, и одно это уже необыкновенно. Быть может, в других городах дело обстоит иначе, но в Стокгольме почти никогда не случается, чтобы кто-нибудь жил на крыше, да еще в отдельном маленьком домике. А вот Карлсон, представьте себе, живет именно там. Карлсон - это маленький толстенький самоуверенный человечек, и к тому же он умеет летать. На самолетах и вертолетах летать могут все, а вот Карлсон умеет летать сам по себе. Стоит ему только нажать кнопку на животе, как у него за спиной тут же начинает работать хитроумный моторчик. С минуту, пока пропеллер не раскрутится как следует, Карлсон стоит неподвижно, но когда мотор заработает вовсю, Карлсон взмывает ввысь и летит, слегка покачиваясь, с таким важным и достойным видом, словно какой-нибудь директор, - конечно, если можно себе представить директора с пропеллером за спиной.

Карлсону прекрасно живется в маленьком домике на крыше. По вечерам он сидит на крылечке, покуривает трубку да глядит на звезды. С крыши, разумеется, звезды видны лучше, чем из окон, и поэтому можно только удивляться, что так мало людей живет на крышах. Должно быть, другие жильцы просто не догадываются поселиться на крыше. Ведь они не знают, что у Карлсона там свой домик, потому что домик этот спрятан за большой дымовой трубой.

И вообще, станут ли взрослые обращать внимание на какой-то там крошечный домик, даже если и споткнутся о него?

Как-то раз один трубочист вдруг увидел домик Карлсона. Он очень удивился и сказал самому себе:

- Странно... Домик?.. Не может быть! На крыше стоит маленький домик?.. Как он мог здесь оказаться?

Затем трубочист полез в трубу, забыл про домик и уж никогда больше о нем не вспоминал. Малыш был очень рад, что познакомился с Карлсоном. Как только Карлсон прилетал, начинались необычайные приключения. Карлсону, должно быть, тоже было приятно познакомиться с Малышом. Ведь что ни говори, а не очень-то уютно жить одному в маленьком домике, да еще в таком, о котором никто и не слышал. Грустно, если некому крикнуть: "Привет, Карлсон!", когда ты пролетаешь мимо. Их знакомство произошло в один из тех неудачных, дней, когда быть Малышом не доставляло никакой радости, хотя обычно быть Малышом чудесно. Ведь Малыш - любимец всей семьи, и каждый балует его как только может. Но в тот день все шло шиворот-навыворот. Мама выругала его за то, что он опять разорвал штаны, Бетан крикнула ему: "Вытри нос!", а папа рассердился, потому что Малыш поздно пришел из школы.

- По улицам слоняешься! - сказал папа.

"По улицам слоняешься!" Но ведь папа не знал, что по дороге домой Малышу повстречался щенок. Милый, прекрасный щенок, который обнюхал Малыша и приветливо завилял хвостом, словно хотел стать его щенком. Если бы это зависело от Малыша, то желание щенка осуществилось бы тут же. Но беда заключалась в том, что мама и папа ни за что не хотели держать в доме собаку. А кроме того, из-за угла вдруг появилась какая-то тетка и

закричала: "Рики! Рики! Сюда!" - и тогда Малышу стало совершенно ясно, что этот щенок уже никогда не станет его щенком.

- Похоже, что так всю жизнь и проживешь без собаки, - с горечью сказал Малыш, когда все обернулось против него. – Вот у тебя, мама, есть папа; и Боссе с Бетан тоже всегда вместе. А у меня - у меня никого нет!..

- Дорогой Малыш, ведь у тебя все мы! - сказала мама.

- Не знаю... - с еще большей горечью произнес Малыш, потому что ему вдруг показалось, что у него действительно никого и ничего нет на свете. Впрочем, у него была своя комната, и он туда отправился.

Стоял ясный весенний вечер, окна были открыты, и белые занавески медленно раскачивались, словно здороваясь с маленькими бледными звездами, только что появившимися на чистом весеннем небе. Малыш облокотился о подоконник и стал смотреть в окно. Он думал о том прекрасном щенке, который повстречался ему сегодня. Быть может, этот щенок лежит сейчас в корзинке на кухне и какой-нибудь мальчик - не Малыш, а другой -- сидит рядом с ним на полу, гладит его косматую голову и приговаривает: "Рики, ты чудесный пес!" Малыш тяжело вздохнул. Вдруг он услышал какое-то слабое жужжание. Оно становилось все громче и громче, и вот, как это ни покажется странным, мимо окна пролетел толстый человечек. Это и был Карлсон, который живет на крыше. Но ведь в то время Малыш еще не знал его.

Карлсон окинул Малыша внимательным, долгим взглядом и полетел дальше. Набрав высоту, он сделал небольшой круг над крышей, облетел вокруг трубы и повернул назад, к окну. Затем он прибавил скорость и пронесся мимо Малыша, как настоящий маленький самолет. Потом сделал второй круг. Потом третий. Малыш стоял не шелохнувшись и ждал, что будет дальше. У него просто дух захватило от волнения и по спине побежали мурашки - ведь не каждый день мимо окон пролетают маленькие толстые человечки.

А человечек за окном тем временем замедлил ход и, поравнявшись с подоконником, сказал:

- Привет! Можно мне здесь на минуточку приземлиться?

- Да, да, пожалуйста, - поспешно ответил Малыш и добавил: - А что, трудно вот так летать?

- Мне - ни капельки, - важно произнес Карлсон, - потому что я лучший в мире летун! Но я не советовал бы увальню, похожему на мешок с сеном, подражать мне. Малыш подумал, что на "мешок с сеном" обижаться не стоит, но решил никогда не пробовать летать.

- Как тебя зовут? - спросил Карлсон.

- Малыш. Хотя по-настоящему меня зовут Сванте Свантесон.

- А меня, как это ни странно, зовут Карлсон. Просто Карлсон, и все. Привет, Малыш!

- Привет, Карлсон! - сказал Малыш.

- Сколько тебе лет? - спросил Карлсон.

- Семь, - ответил Малыш.

- Отлично. Продолжим разговор, - сказал сон.

Затем он быстро перекинул через подоконник одну за другой свои маленькие толстенькие ножки и очутился в комнате.

- А тебе сколько лет? - спросил Малыш, решив, что Карлсон ведет себя уж слишком ребячливо для взрослого дяди.

- Сколько мне лет? - переспросил Карлсон. - Я мужчина в самом расцвете сил, больше я тебе ничего не могу сказать.

Малыш в точности не понимал, что значит быть мужчиной в самом расцвете сил. Может быть, он тоже мужчина в самом расцвете сил, но только еще не знает об этом? Поэтому он осторожно спросил:

- А в каком возрасте бывает расцвет сил?

- В любом! - ответил Карлсон с довольной улыбкой. - В любом, во всяком случае, когда речь идет обо мне. Я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил!

Он подошел к книжной полке Малыша и вытащил стоявшую там игрушечную паровую машину.

- Давай запустим ее, - предложил Карлсон.

- Без папы нельзя, - сказал Малыш. - Машину можно запускать только вместе с папой или Боссе.

- С папой, с Боссе или с Карлсоном, который живет на крыше. Лучший в мире специалист по паровым машинам – это Карлсон, который живет на крыше. Так и передай своему папе! - сказал Карлсон.

Он быстро схватил бутылку с денатуратом, которая стояла рядом с машиной, наполнил маленькую спиртовку и зажег фитиль. Хотя Карлсон и был лучшим в мире специалистом по паровым машинам, денатурат он наливал весьма неуклюже и даже пролил его, так что на полке образовалось целое денатуратное озеро. Оно тут же загорелось, и на полированной поверхности заплясали веселые голубые язычки пламени. Малыш испуганно вскрикнул и отскочил.

- Спокойствие, только спокойствие! - сказал Карлсон и предостерегающе поднял свою пухлую ручку.

Но Малыш не мог стоять спокойно, когда видел огонь. Он быстро схватил тряпку и прибил пламя. На полированной поверхности полки осталось несколько больших безобразных пятен.

- Погляди, как испортилась полка! - озабоченно произнес Малыш. - Что теперь скажет мама?

- Пустяки, дело житейское! Несколько крошечных пятнышек на книжной полке - это дело житейское. Так и передай своей маме.

Карлсон опустил на колени возле паровой машины, и глаза его заблестели.

- Сейчас она начнет работать.

И действительно, не прошло и секунды, как паровая машина заработала. Фут, фут, фут... - пыхтела она. О, это была самая прекрасная из всех паровых машин, какие только можно себе вообразить, и Карлсон выглядел таким гордым и счастливым, будто сам ее изобрел.

- Я должен проверить предохранительный клапан, - вдруг произнес Карлсон и принялся крутить какую-то маленькую ручку. - Если не проверить предохранительные клапаны, случаются аварии.

Фут-фут-фут... - пыхтела машина все быстрее и быстрее. - Фут-фут-фут!.. Под конец она стала задыхаться, точно мчалась галопом. Глаза у Карлсона сияли.

А Малыш уже перестал горевать по поводу пятен на полке. Он был счастлив, что у него есть такая чудесная паровая машина и что он познакомился с Карлсоном, лучшим в мире специалистом по паровым машинам, который так искусно проверил ее предохранительный клапан.

- Ну, Малыш, - сказал Карлсон, - вот это действительно "фут-фут-фут"! Вот это я понимаю! Лучший в мире спе... Но закончить Карлсон не успел, потому что в этот момент раздался громкий взрыв и паровой машины не стало, а обломки ее разлетелись по всей комнате.

- Она взорвалась! - в восторге закричал Карлсон, словно ему удалось проделать с паровой машиной самый интересный фокус.

- Честное слово, она взорвалась! Какой грохот! Вот здорово!

Но Малыш не мог разделить радость Карлсона. Он стоял растерянный, с глазами, полными слез.

- Моя паровая машина... - всхлипывал он. - Моя паровая машина развалилась на куски!

- Пустяки, дело житейское! - И Карлсон беспечно махнул своей маленькой пухлой рукой. -- Я тебе дам еще лучшую машину, -- успокаивал он Малыша.

- Ты? - удивился Малыш.

- Конечно. У меня там, наверху, несколько тысяч паровых машин.

- Где это у тебя там, наверху?

- Наверху, в моем домике на крыше.

- У тебя есть домик на крыше? - переспросил Малыш. И несколько тысяч паровых машин?

- Ну да. Уж сотни две наверняка.

- Как бы мне хотелось побывать в твоём домике! - воскликнул Малыш.

В это было трудно поверить: маленький домик на крыше, и в нем живет Карлсон...

- Подумать только, дом, набитый паровыми машинами! - воскликнул Малыш. - Две сотни машин!

- Ну, я в точности не считал, сколько их там осталось, - уточнил Карлсон, - но уж никак не меньше нескольких дюжин.

- И ты мне дашь одну машину?

- Ну конечно!

- Прямо сейчас!

- Нет, сначала мне надо их немножко осмотреть, проверить предохранительные клапаны... ну, и тому подобное. Спокойствие, только спокойствие! Ты получишь машину на днях. Малыш принялся собирать с пола куски того, что раньше было его паровой машиной.

- Представляю, как рассердится папа, - озабоченно пробормотал он.

Карлсон удивленно поднял брови:

-- Из-за паровой машины? Да ведь это же пустяки, дело житейское. Стоит ли волноваться по такому поводу! Так и передай своему папе. Я бы ему это сам сказал, но спешу и поэтому не могу здесь задерживаться... Мне не удастся сегодня встретиться с твоим папой. Я должен слетать домой, поглядеть, что там делается.

- Это очень хорошо, что ты попал ко мне, - сказал Малыш. - Хотя, конечно, паровая машина... Ты еще когда-нибудь залетишь сюда?

- Спокойствие, только спокойствие! - сказал Карлсон и нажал кнопку на своем животе.

Мотор загудел, но Карлсон все стоял неподвижно и ждал, пока пропеллер раскрутится во всю мощь. Но вот Карлсон оторвался от пола и сделал несколько кругов.

- Мотор что-то барахлит. Надо будет залететь в мастерскую, чтобы его там смазали. Конечно, я и сам мог бы это сделать, да, беда, нет времени... Думаю, что я все-таки загляну в мастерскую. Малыш тоже подумал, что так будет разумнее. Карлсон вылетел в открытое окно; его маленькая толстенная фигурка четко вырисовывалась на весеннем, усыпанном звездами небе.

- Привет, Малыш! - крикнул Карлсон, помахал своей пухлой ручкой и скрылся.

Карлсон строит башню

- Я ведь вам уже говорил, что его зовут Карлсон и что он живет там, наверху, на крыше, - сказал Малыш. - Что же здесь особенного? Разве люди не могут жить, где им хочется?..

- Не упрямясь, Малыш, - сказала мама. - Если бы ты знал, как ты нас напугал! Настоящий взрыв. Ведь тебя могло убить! Неужели ты не понимаешь?

- Понимаю, но все равно Карлсон - лучший в мире специалист по паровым машинам, - ответил Малыш и серьезно посмотрел на свою маму. Ну как она не понимает, что невозможно сказать "нет", когда лучший в мире специалист по паровым машинам предлагает проверить предохранительный клапан!

- Надо отвечать за свои поступки, - строго сказал папа, - а не сваливать вину на какого-то Карлсона с крыши, которого вообще не существует.

- Нет, - сказал Малыш, - существует!

- Да еще и летать умеет! - насмешливо подхватил Боссе.

- Представь себе, умеет, - отрезал Малыш. - Я надеюсь, что он залетит к нам, и ты сам увидишь.

- Хорошо бы он залетел завтра, - сказала Бетан. - Я дам тебе крону, Малыш, если увижу своими глазами Карлсона, который живет на крыше.

- Нет, завтра ты его не увидишь - завтра он должен слетать в мастерскую смазать мотор.

- Ну, хватит рассказывать сказки, - сказала мама. - Ты лучше погляди, на что похожа твоя книжная полка.

- Карлсон говорит, что это пустяки, дело житейское! - И Малыш махнул рукой, точь-в-точь как махал Карлсон, давая понять, что вовсе не стоит расстраиваться из-за каких-то там пятен на полке.

Но ни слова Малыша, ни этот жест не произвели на маму никакого впечатления.

- Вот, значит, как говорит Карлсон? - строго сказала она. - Тогда передай ему, что, если он еще раз сунет сюда свой нос, я его так отшлепаю - век будет помнить.

Малыш ничего не ответил. Ему показалось ужасным, что мама собирается отшлепать лучшего в мире специалиста по паровым машинам. Да, ничего хорошего нельзя было ожидать в такой неудачный день, когда буквально все шло шиворот-навыворот. И вдруг Малыш

почувствовал, что он очень соскучился по Карлсону - бодрому, веселому человечку, который так потешно махал своей маленькой рукой, приговаривая: "Неприятности – это пустяки, дело житейское, и расстраиваться тут нечего". "Неужели Карлсон больше никогда не прилетит?" - с тревогой подумал Малыш.

-- Спокойствие, только спокойствие! -- сказал себе Малыш, подражая Карлсону. -- Карлсон ведь обещал, а он такой, что ему можно верить, это сразу видно. Через денек-другой он прилетит, наверняка прилетит.

...Малыш лежал на полу в своей комнате и читал книгу, когда снова услышал за окном какое-то жужжание, и, словно гигантский шмель, в комнату влетел Карлсон. Он сделал несколько кругов под потолком, напевая вполголоса какую-то веселую песенку. Пролетая мимо висящих на стенах картин, он всякий раз сбавлял скорость, чтобы лучше их рассмотреть. При этом он склонял набок голову и прищуривал глазки.

-- Красивые картины, -- сказал он наконец. -- Необычайно красивые картины! Хотя, конечно, не такие красивые, как мои.

Малыш вскочил на ноги и стоял, не помня себя от восторга: так он был рад, что Карлсон вернулся.

- А у тебя там на крыше много картин? - спросил он.

- Несколько тысяч. Ведь я сам рисую в свободное время. Я рисую маленьких петухов и птиц и другие красивые вещи. Я лучший в мире рисовальщик петухов, - сказал Карлсон и, сделав изящный разворот, приземлился на пол рядом с Малышом.

- Что ты говоришь! - удивился Малыш. - А нельзя ли мне подняться с тобой на крышу? Мне так хочется увидеть твой дом, твои паровые машины и твои картины!..

- Конечно, можно, - ответил Карлсон, - само собой разумеется. Ты будешь дорогим гостем... как-нибудь в другой раз.

- Поскорей бы! - воскликнул Малыш.

- Спокойствие, только спокойствие! - сказал Карлсон. --Я должен сначала прибраться у себя в доме. Но на это не уйдет много времени. Ты ведь догадываешься, кто лучший в мире мастер скоростной уборки комнат?

-- Наверно, ты, - робко сказал Малыш.

-- "Наверно"! - возмутился Карлсон. - Ты еще говоришь "наверно"! Как ты можешь сомневаться! Карлсон, который живет на крыше, - лучший в мире мастер скоростной уборки комнат. Это всем известно.

Малыш не сомневался, что Карлсон во всем "лучший в мире". И уж наверняка он самый лучший в мире товарищ по играм. В этом Малыш убедился на собственном опыте... Правда, Кристер, и Гунилла тоже хорошие товарищи, но им далеко до Карлсона, который живет на крыше! Кристер только и делает, что хвалится своей собакой Еффой, и Малыш ему давно завидует. "Если он завтра опять будет хвастаться Еффой, я ему расскажу про Карлсона. Что стоит его Еффа по сравнению с

Карлсоном, который живет на крыше! Так я ему и скажу". И все же ничего на свете Малыш так страстно не желал иметь, как собаку... Карлсон прервал размышления Малыша.

- Я бы не прочь сейчас слегка поразвлечься, - сказал он с любопытством огляделся вокруг. - Тебе не купили новой паровой машины?

Малыш покачал головой. Он вспомнил о своей паровой машине и подумал: "Вот сейчас, когда Карлсон здесь, мама и папа смогут убедиться, что он в самом деле существует". А если Боссе и Бетан дома, то им он тоже покажет Карлсона.

- Хочешь пойти познакомиться с моими мамой и папой? - спросил Малыш.

- Конечно! С восторгом! - ответил Карлсон. - Им будет очень приятно меня увидеть - ведь я такой красивый и умный...

- Карлсон с довольным видом прошелся по комнате. - И в меру упитанный, - добавил он. - Короче, мужчина в самом расцвете сил. Да, твоим родителям будет очень приятно со мной познакомиться.

По доносившемуся из кухни запаху жарящихся мясных тефтелей Малыш понял, что скоро будут обедать. Подумав, он решил свести Карлсона познакомиться со своими родными после обеда. Во-первых, никогда ничего хорошего не получается, когда маме мешают жарить тефтели. А кроме того, вдруг папа или мама вздумают завести с Карлсоном разговор о паровой машине или о пятнах на книжной полке... А такого разговора ни в коем случае нельзя допускать. Во время обеда Малыш постарается втолковать и папе и маме, как надо относиться к лучшему в мире специалисту по паровым машинам. Вот когда они пообедают и все поймут, Малыш пригласит всю семью к себе в комнату.

"Будьте добры,- скажет Малыш, - пойдите ко мне. У меня в гостях Карлсон, который живет на крыше".

Как они изумятся! Как будет забавно глядеть на их лица!

Карлсон вдруг перестал расхаживать по комнате. Он замер на месте и стал принохиваться, словно ищейка.

- Мясные тефтели, - сказал он. - Обожаю сочные вкусные тефтели!

Малыш смутился. Собственно говоря, на эти слова Карлсона надо было бы ответить только одно: "Если хочешь, останься и пообедай с нами". Но Малыш не решился произнести такую фразу. Невозможно привести Карлсона к обеду без предварительного объяснения с родителями. Вот Кристера и Гунилле -- это другое дело. С ними Малыш может примчаться в последнюю минуту, когда все остальные уже сидят за столом, и сказать: "Милая мама, дай, пожалуйста, Кристеру и Гунилле горохового супа и блинов". Но привести к обеду совершенно незнакомого маленького толстого человечка, который к тому же взорвал паровую машину и прожег книжную полку, -- нет, этого так просто сделать нельзя!

Но ведь Карлсон только что заявил, что обожает сочные вкусные мясные тефтели, -- значит, надо во чтобы то ни стало угостить его тефтелями, а то он еще обидится на Малыша и больше не захочет с ним играть... Ах, как много теперь зависело от этих, вкусных мясных тефтелей!

-- Подожди минутку, - сказал Малыш. - Я сбегу на кухню за тефтелями.

Карлсон одобряюще кивнул головой.

- Неси скорей! - крикнул он вслед Малышу. Одними картинками сыт не будешь!

Малыш примчался на кухню. Мама в клетчатом переднике стояла у плиты и жарила превосходные тефтели. Время от времени она встряхивала большую сковородку, и плотно уложенные маленькие мясные шарики подскакивали и переворачивались на

другую сторону.

-- А, это ты, Малыш? - сказала мама. - Скоро будем обедать.

- Мамочка, - произнес Малыш самым вкрадчивым голосом, на который был только способен, - мамочка, положи, пожалуйста, несколько тефтелек на блюдце, и я отнесу их в свою комнату.

- Сейчас, сынок, мы сядем за стол, - ответил; мама.

-- Я знаю, но все равно мне очень нужно... После обеда я тебе объясню, в чем дело.

- Ну ладно, ладно, - сказала мама и положила на маленькую тарелочку шесть тефтелей. - На, возьми.

О, чудесные маленькие тефтели! Они пахли так восхитительно и были такие поджаристые, румяные - словом, такие, какими и должны быть хорошие мясные тефтели! Малыш взял тарелку обеими руками и осторожно понес ее в свою комнату.

- Вот и я, Карлсон! - крикнул Малыш, отворяя дверь.

Но Карлсон исчез. Малыш стоял с тарелкой посреди комнаты и оглядывался по сторонам. Никакого Карлсона не было. Это было так грустно, что у Малыша сразу же испортилось настроение.

- Он ушел, - сказал вслух Малыш. - Он ушел. Но вдруг...

- Пип! - донесся до Малыша какой-то странный писк.

Малыш повернул голову. На кровати, рядом с подушкой, под одеялом, шевелился какой-то маленький комочек и пищал:

- Пип! Пип!

А затем из-под одеяла выглянуло лукавое лицо Карлсона.

- Хи-хи! Ты сказал: "он ушел", "он ушел"... Хи-хи! А "он" вовсе не ушел - "он" только спрятался!.. - пропищал Карлсон.

Но тут он увидел в руках Малыша тарелочку и мигом нажал кнопку на животе. Мотор загудел, Карлсон стремительно спикировал с кровати прямо к тарелке с тефтелями. Он на лету схватил тефтельку, потом взвился к потолку и, сделав небольшой круг под лампой, с довольным видом принялся жевать.

- Восхитительные тефтельки! - воскликнул Карлсон. - На редкость вкусные тефтельки! Можно подумать, что их делал лучший в мире специалист по тефтелям!.. Но ты, конечно, знаешь, что это не так, - добавил он.

Карлсон снова спикировал к тарелке и взял еще одну тефтельку.

В этот момент из кухни послышался мамин голос:

- Малыш, мы садимся обедать, быстро мой руки!

-- Мне надо идти, - сказал Малыш Карлсону и поставил тарелочку на пол. - Но я очень скоро вернусь. Обещай, что ты меня дождешься.

- Хорошо, дождусь, - сказал Карлсон. - Но что мне здесь делать без тебя? - Карлсон спланировал на пол и приземлился возле Малыша. - Пока тебя не будет, я хочу заняться чем-нибудь интересным. У тебя правда нет больше паровых машин?

- Нет, - ответил Малыш. -. Машин нет, но есть кубики.

- Покажи, - сказал Карлсон. Малыш достал из шкафа, где лежали игрушки, ящик со строительным набором. Это был и в самом деле великолепный строительный материал -

разноцветные детали различной формы. Их можно было соединять друг с другом и строить всевозможные вещи.

- Вот, играй, - сказал Малыш. - Из этого набора можно сделать и автомобиль, и подъемный кран, и все, что хочешь...

- Неужели лучший в мире строитель не знает, - прервал Малыша Карлсон, - что можно построить из этого строительного материала!

Карлсон сунул себе в рот еще одну тефтельку и кинулся к ящику с кубиками.

- Сейчас ты увидишь, - проговорил он и вывалил все кубики на пол. - Сейчас ты увидишь...

Но Малышу надо было идти обедать. Как охотно он остался бы здесь понаблюдать за работой лучшего в мире строителя! С порога он еще раз оглянулся на Карлсона и увидел, что тот уже сидит на полу возле горы кубиков и радостно напевает себе под нос:

Ура, ура, ура!

Прекрасная игра!

Красив я и умен,

И ловок, и силен!

Люблю играть, люблю... жевать.

Последние слова он пропел, проглотив четвертую тефтельку.

Когда Малыш вошел в столовую, мама, папа, Боссе и Бетан уже сидели за столом. Малыш шмыгнул на свое место и повязал вокруг шеи салфетку.

- Обещай мне одну вещь, мама. И ты, папа, тоже, - сказал он.

- Что же мы должны тебе обещать? - спросила мама.

- Нет, ты раньше обещай!

Папа был против того, чтобы обещать вслепую.

- А вдруг ты опять попросишь собаку? - сказал папа.

- Нет, не собаку, - ответил Малыш. - А кстати, собаку ты мне тоже можешь обещать, если хочешь!.. Нет, это совсем другое и нисколько не опасное. Обещайте, что вы обещаете!

- Ну ладно, ладно, - сказала мама.

- Значит, вы обещали, - радостно подхватил Малыш, - ничего не говорить насчет паровой машины Карлсону, который живет на крыше...

- Интересно, -- сказала Бетан, - как они могут что-нибудь сказать или не сказать Карлсону о паровой машине, раз они никогда с ним не встретятся?

- Нет, встретятся, - спокойно ответил Малыш, - потому что Карлсон сидит в моей комнате.!

- Ой, я сейчас подавлюсь! - воскликнул Боссе. Карлсон сидит в твоей комнате?

- Да, представь себе, сидит! - И Малыш с торжествующим видом поглядел по сторонам.

Только бы они поскорее пообедали, и тогда они увидят...

- Нам было бы очень приятно познакомиться с Карлсоном, - сказала мама.

- Карлсон тоже так думает! - ответил Малыш.

Наконец доели компот. Мама поднялась из-за стола. Настал решающий миг.

-- Пойдемте все, - предложил Малыш.

- Тебе не придется нас упрашивать, - сказала Бетан.

- Я не успокоюсь, пока не увижу этого самого Карлсона. Малыш шел впереди.

-- Только исполните, что обещали, - сказал он, подойдя к двери своей комнаты. - Ни слова о паровой машине!

Затем он нажал дверную ручку и открыл дверь. Карлсона в комнате не было. На этот раз по-настоящему не было. Нигде. Даже в постели Малыша не шевелился маленький комочек. Зато на полу возвышалась башня из кубиков. Очень высокая башня. И хотя Карлсон мог бы, конечно, построить из кубиков подъемные краны и любые другие вещи, на этот раз он просто ставил один кубик на другой, так что в конце концов получилась длинная-предлинная, узкая башня, которая сверху была увенчана чем-то, что явно должно было изображать купол: на самом верхнем кубике лежала маленькая круглая мясная тефтелька.

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ (1900-1944)

Маленький принц

Когда мне было шесть лет, в книге под названием "Правдивые истории", где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея - удав - глотала хищного зверя.

В книге говорилось: "Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу". Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок N 1. Вот что я нарисовал. Я показал мое творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

- Разве шляпа страшная? - возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно все объяснять. Это мой рисунок N 2. Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками N 1 и N 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на летчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьешься с пути. На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше. Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок N 1 - я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: "Это шляпа". И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

П

Так я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам все починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, - и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

- Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

- А?..

- Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьезно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моем рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художник из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов - снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

- Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьезно:

- Пожалуйста... нарисуй барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я все-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать. Он ответил:

- Все равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать - удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

- Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасен, а слон слишком большой. У меня дома все очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

- Нет, этот барашек уже совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

- Ты же сам видишь, - сказал он, - это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому. Но он и от этого рисунка отказался:

- Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение - ведь мне надо было поскорей разобрать мотор - и нацарапал ящик.

И сказал малышу:

- Вот тебе ящик. А в нем сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

- Вот это хорошо! Как ты думаешь, много этому барашку надо травы?

- А что?

- Ведь у меня дома всего очень мало...

- Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

- Не такой уж он маленький... - сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. -
Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но когда я спрашивал о чем-нибудь, он словно и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне все открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолет (самолет я рисовать не стану, мне все равно не справиться), он спросил:

- Что это за штука?

- Это не штука. Это самолет. Мой самолет. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

- Как! Ты упал с неба?

- Да, - скромно ответил я.

- Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьезно. Потом он прибавил:

- Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

"Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!" - подумал я и спросил напрямик:

- Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолет:

- Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чем-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось мое любопытство от этого полупризнания о "других планетах". И я попытался разузнать побольше:

- Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

- Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

- Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе веревку, чтобы днем его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

- Привязывать? Для чего это?

- Но ведь если ты его не привяжешь, он забредет неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

- Да куда же он пойдет?

- Мало ли куда? Все прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьезно:

- Это не страшно, ведь у меня там очень мало места.

И прибавил не без грусти:

- Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...

IV

Так я сделал еще одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!

Впрочем, это меня не слишком удивило. Я знал, что, кроме таких больших планет, как Земля, Юпитер, Марс, Венера, существуют еще сотни других и среди них такие маленькие, что их даже в телескоп трудно разглядеть. Когда астроном открывает такую планетку, он дает ей не имя, а просто номер. Например: астероид 3251.

У меня есть серьезные основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая называется "астероид В-612". Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом.

Астроном доложил тогда о своем замечательном открытии на Международном астрономическом конгрессе. Но никто ему не поверил, а все потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрослые!

К счастью для репутации астероида В-612, турецкий султан велел своим подданным под страхом смерти носить европейское платье. В 1920 году тот астроном снова доложил о своем открытии. На этот раз он был одет по последней моде, - и все с ним согласились.

Я вам рассказал так подробно об астероиде В-612 и даже сообщил его номер только из-за взрослых. Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: "А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?" Они спрашивают: "Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?" И после

этого воображают, что узнали человека. Когда говоришь взрослым: "Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби", - они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: "Я видел дом за сто тысяч франков", - и тогда они восклицают: "Какая красота!" Точно так же, если им сказать: "Вот доказательства, что Маленький принц на самом деле существовал: он был очень, очень славный, он смеялся, и ему хотелось иметь барашка. А кто хочет барашка, тот, безусловно, существует", - если им сказать так, они только пожмут плечами и посмотрят на тебя, как на несмышленного младенца. Но если сказать им: "Он прилетел с планеты, которая называется астероид В-612",- это их убедит, и они не станут докучать вам расспросами. Уж такой народ эти взрослые. Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым.

Но мы, те, кто понимает, что такое жизнь, мы, конечно, смеемся над номерами и цифрами! Я охотно начал бы эту повесть как волшебную сказку. Я хотел бы начать так: "Жил да был Маленький принц. Он жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга...". Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу бы увидели, что все это чистая правда.

Ибо я совсем не хочу, чтобы мою книжку читали просто ради забавы. Сердце мое больно сжимается, когда я вспоминаю моего маленького друга, и нелегко мне о нем говорить. Прошло уже шесть лет с тех пор, как он вместе со своим барашком покинул меня. И я пытаюсь рассказать о нем для того, чтобы его не забыть. Это очень печально, когда забывают друзей. Не у всякого есть друг. И я боюсь стать таким, как взрослые, которым ничто не интересно, кроме цифр. Вот еще и поэтому я купил ящик с красками и цветные карандаши. Не так это просто - в моем возрасте вновь приниматься за рисование, если за всю свою жизнь только и нарисовал что удава снаружи и изнутри, да и то в шесть лет! Конечно, я постараюсь передать сходство как можно лучше. Но я совсем не уверен, что у меня это получится. Один портрет выходит удачно, а другой ни капли не похож. Вот и с ростом тоже: на одном рисунке принц у меня вышел чересчур большой, на другом - чересчур маленький. И я плохо помню, какого цвета была его одежда. Я пробую рисовать и так и эдак, наугад, с грехом пополам.

Наконец, я могу ошибиться и в каких-то важных подробностях. Но вы уж не взыщите. Мой друг никогда мне ничего не объяснял. Может быть, он думал, что я такой же, как он. Но я, к сожалению, не умею увидеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я немного похож на взрослых. Наверно, я старею.

V

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он ее покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабам.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

- Скажи, ведь правда, барашки едят кусты?

- Да, правда.

- Вот хорошо!

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил:

- Значит, они и баобабы тоже едят?

Я возразил, что баобабы - не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и, если даже он приведет целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услышав про слонов, Маленький принц засмеялся:

- Их пришлось бы поставить друг на друга...

А потом сказал рассудительно:

- Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

- Это верно. Но зачем твоему барашку есть маленькие баобабы?

- А как же! - воскликнул он, словно речь шла о самых простых, азбучных истинах.

И пришлось мне поломать голову, пока я додумался, в чем тут дело. На планете Маленького принца, как на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землей, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к

солнцу, сперва такой милый и безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть его растет на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать ее с корнем, как только ее узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена... это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронизает ее насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут ее на клочки.

- Есть такое твердое правило, - сказал мне позднее Маленький принц. - Встал поутру, умылся, привел себя в порядок - и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная.

Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли.

- Если им когда-нибудь придется путешествовать, - сказал он, - это им пригодится. Иная работа может и подождать немного, вреда не будет. Но если дашь волю баобабам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполнил вовремя три кустика...

Маленький принц подробно мне все описал, и я нарисовал эту планету. Я терпеть не могу читать людям нравоучения. Но мало кто знает, чем грозят баобабы, а опасность, которой подвергается всякий, кто попадет на астероид, очень велика - вот почему на сей раз я решаюсь изменить своей обычной сдержанности. "Дети! - говорю я. - Берегитесь баобабов!" Я хочу предупредить моих друзей об опасности, которая давно уже их подстерегает, а они даже не подозревают о ней, как не подозревал прежде и я. Вот почему я так трудился над этим рисунком, и мне не жаль потраченного труда. Быть может, вы спросите: отчего в этой книжке нет больше таких внушительных рисунков, как этот, с баобабам? Ответ очень прост: я старался, но у меня ничего не вышло. А когда я рисовал баобабы, меня вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно.

VI

О Маленький принц! Понемногу я понял также, как печальна и однообразна была твоя жизнь. Долгое время у тебя было лишь одно развлечение: ты любовался закатом. Я узнал об этом наутро четвертого дня, когда ты сказал:

- Я очень люблю закат. Пойдем посмотрим, как заходит солнце.

- Ну, придется подождать.

- Чего ждать?

- Чтобы солнце зашло.

Сначала ты очень удивился, а потом засмеялся над собою и сказал:

- Мне все кажется, что я у себя дома!

И в самом деле. Все знают, что, когда в Америке полдень, во Франции солнце уже заходит. И если бы за одну минуту перенестись во Францию можно было бы полюбоваться закатом. К несчастью, до Франции очень, очень далеко. А на твоей планете тебе довольно было передвинуть стул на несколько шагов. И ты снова и снова смотрел на закатное небо, стоило только захотеть...

- Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза!

И немного погодя ты прибавил:

- Знаешь... когда станет очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...

- Значит, в тот день, когда ты видел сорок три заката, тебе было очень грустно?

Но Маленький принц не ответил.

VII

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришел к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

- Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

- Он ест все, что попадется.

- Даже такие цветы, у которых шипы?

- Да, и те, у которых шипы.

- Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заел один болт, и я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение становилось серьезным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

- Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа. Неподатливый болт выводил меня из терпенья, и я ответил наобум:

- Шипы ни зачем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

- Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

- Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают - если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: "Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по нему молотком, что он разлетится вдребезги". Маленький принц снова перебил мои мысли:

- А ты думаешь, что цветы...

- Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьезным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении:

- Серьезным делом?!

Он все смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

- Ты говоришь, как взрослые! - сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

- Все ты путаешь... ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

- Я знаю одну планету, там живет такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: "Я человек серьезный! Я человек серьезный!" - совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

- Что?

- Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

- Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело - понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмет и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это все, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом снова заговорил:

- Если любишь цветок - единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: "Где-то там живет мой цветок..." Но если барашек его съест, это все равно, как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Мне смешны были злополучный болт и молоток, жажда и смерть. На звезде, на планете - на моей планете, по имени Земля - плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: "Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Нарисую для твоего цветка броню... Я..." Я плохо понимал, что говорил. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Я не знал, как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез.

VIII

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы - у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесенного неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нем появился бутон. Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, еще скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все

прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрепанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем. И вот наконец, однажды утром, едва вошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позевывая:

- Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я еще совсем растрепанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

- Как вы прекрасны!

- Да, правда? - был тихий ответ. - И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

- Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У нее было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

- Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

- На моей планете тигры не водятся, - возразил Маленький принц. - И потом, тигры не едят траву.

- Я не трава, - обиженно заметил цветок.

- Простите меня...

- Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

"Растение, а боится сквозняков... очень странно... - подумал Маленький принц. - Какой трудный характер у этого цветка".

- Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неуютная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь ее занесло сюда, когда она была еще зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

- Где же ширма?

- Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его все-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

- Напрасно я ее слушал, - доверчиво сказал он мне однажды. -

Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И еще он признался:

- Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.

IX

Как я понял, он решил странствовать с перелетными птицами. В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был еще один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана - это все равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Не без грусти Маленький принц вырвал также последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернется. Но в это утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил и собрался накрыть колпаком чудесный цветок, ему даже захотелось плакать.

- Прощайте, - сказал он. Красавица не ответила.

- Прощайте, - повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

- Я была глупая, - сказала она наконец. - Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц был очень удивлен. Он застыл, смущенный и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

- Да, да, я люблю тебя, - услышал он. - Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

- Но ветер...

- Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я - цветок.

- Но звери, насекомые...

- Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

- Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти - так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

Ближе всего к планете Маленького принца были астероиды 325, 326, 327, 328, 329 и 330. Вот он и решил для начала посетить их: надо же найти себе занятие, да и поучиться чему-нибудь.

На первом астероиде жил король. Облаченный в пурпур и горностаи, он восседал на троне - очень простом и все же величественном.

- А, вот и подданный! - воскликнул король, увидав Маленького принца.

"Как же он меня узнал? - подумал Маленький принц. - Ведь он видит меня в первый раз!"

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощенно: для них все люди - подданные.

- Подойди, я хочу тебя рассмотреть, - сказал король, ужасно гордый тем, что он может быть для кого-то королем.

Маленький принц оглянулся - нельзя ли где-нибудь сесть, но великолепная горностаевая мантия покрывала всю планету. Пришлось стоять, а он так устал... и вдруг он зевнул.

- Этикет не разрешает зевать в присутствии монарха, - сказал король. - Я запрещаю тебе зевать.

- Я нечаянно, - ответил Маленький принц, очень смущенный. - Я долго был в пути и совсем не спал...

- Ну, тогда я повелеваю тебе зевать, - сказал король. - Многие годы я не видел, чтобы кто-нибудь зевал. Мне это даже любопытно. Итак, зевай! Таков мой приказ.

- Но я робею... я больше не могу... - вымолвил Маленький принц и весь покраснел.

- Гм, гм... Тогда... Тогда я повелеваю тебе то зевать, то...

Король запутался и, кажется, даже немного рассердился.

Ведь для короля самое важное - чтобы ему повиновались беспрекословно. Непокорства он бы не потерпел. Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания.

"Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, - говаривал он, - и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя".

- Можно мне сесть? - робко спросил Маленький принц.

- Повелеваю: сядь! - отвечал король и величественно подобрал одну полу своей горностаевой мантии.

Но Маленький принц недоумевал. Планетка такая крохотная. Чем же правит этот король?

- Ваше величество, - начал он, - могу ли я вас спросить...

- Повелеваю: спрашивай! - поспешно сказал король.

- Ваше величество... чем вы правите?

- Всем, - просто ответил король.

- Всем?

Король повел рукою, скромно указывая на свою планету, а также и на другие планеты, и на звезды.

- И всем этим вы правите? - переспросил Маленький принц.

- Да, - отвечал король.

Ибо он был поистине полновластный монарх и не знал никаких пределов и ограничений.

- И звезды вам повинуются? - спросил Маленький принц.

- Ну конечно, - отвечал король. - Звезды повинуются мгновенно. Я не терплю непослушания.

Маленький принц был восхищен. Вот бы ему такое могущество! Он бы тогда любовался закатом солнца не сорок четыре раза в день, а семьдесят два, а то и сто, и двести раз, и при этом ему даже не приходилось бы передвигать стул с места на место! Тут он снова загрустил, вспоминая свою покинутую планету, и набравшись храбрости, попросил короля:

- Мне хотелось бы поглядеть на заход солнца... Пожалуйста, сделайте милость, повелите солнцу закатиться...

- Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват - он или я?

- Вы, ваше величество, - ни минуты не колеблясь, ответил Маленький принц.

- Совершенно верно, - подтвердил король. - С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть прежде всего должна быть разумной. Если ты повелишь своему народу броситься в море, он устроит революцию. Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны.

- А как же заход солнца? - напомнил Маленький принц: раз о чем-нибудь спросив, он уже не отступался, пока не получал ответа.

- Будет тебе и заход солнца. Я потребую, чтобы солнце зашло. Но сперва дождусь благоприятных условий, ибо в этом и состоит мудрость правителя.

- А когда условия будут благоприятные? - осведомился Маленький принц.

- Гм, гм, - ответил король, листая толстый календарь. - Это будет... Гм, гм... Сегодня это будет в семь часов сорок минут вечера. И тогда ты увидишь, как точно исполнится мое повеление.

Маленький принц зевнул. Жаль, что тут не поглядишь на заход солнца, когда хочется! И, по правде говоря, ему стало скучновато.

- Мне пора, - сказал он королю. - Больше мне здесь нечего делать.

- Останься! - сказал король: он был очень горд тем, что у него нашелся подданный, и не хотел с ним расставаться. - Останься, я назначу тебя министром.

- Министром чего?

- Ну... юстиции.

- Но ведь здесь некого судить!

- Как знать, - возразил король. - Я еще не осмотрел всего моего королевства. Я очень стар, для кареты у меня нет места, а ходить пешком так утомительно...

Маленький принц наклонился и еще раз заглянул на другую сторону планеты.

- Но я уже смотрел! - воскликнул он. - Там тоже никого нет.

- Тогда суди сам себя, - сказал король. - Это самое трудное.

Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

- Сам себя я могу судить где угодно, - сказал Маленький принц. - Для этого мне незачем оставаться у вас.

- Гм, гм... - сказал король. - Мне кажется, где-то на моей планете живет старая крыса. Я слышу, как она скребется по ночам. Ты мог бы судить эту старую крысу. Время от времени приговаривай ее к смертной казни. От тебя будет зависеть ее жизнь. Но потом каждый раз надо будет ее помиловать. Надо беречь старую крысу, она ведь у нас одна.

- Не люблю я выносить смертные приговоры, - сказал Маленький принц. - И вообще мне пора.

- Нет, не пора, - возразил король.

Маленький принц уже совсем собрался в дорогу, но ему не хотелось огорчать старого монарха.

- Если вашему величеству угодно, чтобы ваши повеления беспрекословно исполнялись, - сказал он, - вы могли бы отдать благоразумное приказание. Например, повелите мне пуститься в путь, не

мешкая ни минуты... Мне кажется, условия для этого самые что ни на есть благоприятные.

Король не отвечал, и Маленький принц немного помедлил в нерешимости, потом вздохнул и отправился в путь.

- Назначаю тебя послом! - поспешно крикнул вдогонку ему король.

И вид у него при этом был такой, точно он не потерпел бы никаких возражений.

"Странный народ эти взрослые", - сказал себе Маленький принц, продолжая путь.

XI

На второй планете жил честолюбец.

- О, вот и почитатель явился! - воскликнул он, еще издали завидев Маленького принца.

Ведь тщеславным людям кажется, что все ими восхищаются.

- Добрый день, - сказал Маленький принц. - Какая у вас забавная шляпа.

- Это чтобы раскланиваться, - объяснил честолюбец. - Чтобы раскланиваться, когда меня приветствуют. К несчастью, сюда никто не заглядывает.

- Вот как? - промолвил Маленький принц: он ничего не понял.

- Похлопай-ка в ладоши, - сказал ему честолюбец.

Маленький принц захолопал в ладоши. Честолюбец снял шляпу и скромно раскланялся.

"Здесь веселее, чем у старого короля", - подумал Маленький принц.

И опять стал хлопать в ладоши. А честолюбец опять стал раскланиваться, снимая шляпу. Так минут пять подряд повторялось одно и то же, и Маленькому принцу это наскучило.

- А что надо сделать, чтобы шляпа упала? - спросил он.

Но честолюбец не слышал. Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.

- Ты и в самом деле мой восторженный почитатель? - спросил он Маленького принца.

- А как это - почитать?

- Почитать значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней.

- Да ведь на твоей планете больше и нет никого!

- Ну, доставь мне удовольствие, все равно восхищайся мною!

- Я восхищаюсь, - сказал Маленький принц, слегка пожав плечами, - но что тебе от этого за радость?

И он сбежал от честолюбца.

"Право же, взрослые - очень странные люди", - простодушно подумал он, пускаясь в путь.

XII

На следующей планете жил пьяница. Маленький принц пробыл у него совсем недолго, но стало ему после этого очень невесело.

Когда он явился на эту планету, пьяница молча сидел и смотрел на выстроившиеся перед ним полчища бутылок - пустых и полных.

- Что это ты делаешь? - спросил Маленький принц.

- Пью, - мрачно ответил пьяница.

- Зачем?

- Чтобы забыть.

- О чем забыть? - спросил Маленький принц; ему стало жаль пьяницу.

- Хочу забыть, что мне совестно, - признался пьяница и повесил голову.

- Отчего же тебе совестно? - спросил Маленький принц, ему очень хотелось помочь бедняге.

- Совестно пить! - объяснил пьяница, и больше от него нельзя было добиться ни слова.

И Маленький принц отправился дальше, растерянный и недоумевающий.

"Да, право же, взрослые очень, очень странный народ", - думал он, продолжая путь.

XIII

Четвертая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял.

- Добрый день, - сказал ему Маленький принц. - Ваша папироса погасла.

- Три да два - пять. Пять да семь - двенадцать. Двенадцать да три - пятнадцать. Добрый день. Пятнадцать да семь - двадцать два.

Двадцать два да шесть - двадцать восемь. Некогда спичкой чиркнуть.

Двадцать шесть да пять - тридцать один. Уф! Итого, стало быть, пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать один.

- Пятьсот миллионов чего?

- А? Ты еще здесь? Пятьсот миллионов... Уж не знаю, чего... У меня столько работы! Я человек серьезный, мне не до болтовни! Два да пять - семь...

- Пятьсот миллионов чего? - повторил Маленький принц: спросив о чем-нибудь, он не успокаивался, пока не получал ответа.

Деловой человек поднял голову.

- Уже пятьдесят четыре года я живу на этой планете, и за все время мне мешали только три раза. В первый раз, двадцать два года тому назад,

ко мне откуда-то залетел майский жук. Он поднял ужасный шум, и я тогда сделал четыре ошибки в сложении. Во второй раз, одиннадцать лет тому назад, у меня был приступ ревматизма. От сидячего образа жизни. Мне разгуливать некогда. Я человек серьезный. Третий раз... вот он! Итак, стало быть, пятьсот миллионов...

- Миллионов чего?

Деловой человек понял, что надо ответить, а то не будет ему покоя. - Пятьсот миллионов этих маленьких штучек, которые иногда видны в воздухе.

- Это что же, мухи?

- Да нет же, такие маленькие, блестящие.

- Пчелы?

- Да нет же. Такие маленькие, золотые, всякий лентяй как посмотрит на них, так и размечтается. А я человек серьезный. Мне мечтать некогда.

- А, звезды?

- Вот-вот. Звезды.

- Пятьсот миллионов звезд? Что же ты с ними делаешь?

- Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна. Я человек серьезный, я люблю точность.

- Так что же ты делаешь со всеми этими звездами?

- Что делаю?

- Да.

- Ничего не делаю. Я ими владею.

- Владеешь звездами?

- Да.

- Но я уже видел короля, который...

- Короли ничем не владеют. Они только правят. Это совсем другое дело.

- А для чего тебе владеть звездами?

- Чтоб быть богатым.

- А для чего быть богатым?

- Чтобы покупать еще новые звезды, если их кто-нибудь откроет.

"Он рассуждает почти как пьяница", - подумал Маленький принц.

И стал спрашивать дальше:

- А как можно владеть звездами?

- Звезды чьи? - ворчливо спросил делец.

- Не знаю. Ничьи.

- Значит, мои, потому что я первый до этого додумался.

- И этого довольно?

- Ну конечно. Если ты найдешь алмаз, у которого нет хозяина, - значит, он твой. Если ты найдешь остров, у которого нет хозяина, он твой. Если тебе первому придет в голову какая-нибудь идея, ты берешь на нее патент: она твоя. Я владею звездами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть.

- Вот это верно, - сказал Маленький принц. - И что же ты с ними делаешь?

- Распоряжаюсь ими, - ответил делец. - Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьезный.

Однако Маленькому принцу этого было мало.

- Если у меня есть шелковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, - сказал он. - Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звезды!

- Нет, но я могу положить их в банк.

- Как это?

- А так: пишу на бумажке, сколько у меня звезд. Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.

- И все?

- Этого довольно.

"Забавно! - подумал Маленький принц. - И даже поэтично. Но не так уж это серьезно".

Что серьезно, а что не серьезно, - это Маленький принц понимал по-своему, совсем не так, как взрослые.

- У меня есть цветок, - сказал он, - и я каждое утро его поливаю. У меня есть три вулкана, я каждую неделю их прочищаю. Все три прочищаю, и потухший тоже. Мало ли что может случиться. И моим вулканам, и моему цветку полезно, что я ими владею. А звездам от тебя нет никакой пользы...

Деловой человек открыл было рот, но так и не нашелся что ответить, и Маленький принц отправился дальше.

"Нет, взрослые и правда паразитерный народ", - простодушно говорил он себе, продолжая путь.

XIV

Пятая планета была очень занятная. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось что фонарь да фонарщик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной,

затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал: "Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе все-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь - как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь - как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво".

И, поравнявшись с этой планеткой, он почтительно поклонился фонарщику.

- Добрый день, - сказал он. - Почему ты сейчас погасил фонарь?

- Такой уговор, - ответил фонарщик. - Добрый день.

- А что это за уговор?

- Гасить фонарь. Добрый вечер.

И он снова засветил фонарь.

- Зачем же ты опять его зажег?

- Такой уговор, - повторил фонарщик.

- Не понимаю, - признался Маленький принц.

- И понимать нечего, - сказал фонарщик, - уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утер пот со лба и сказал: - Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался день, чтобы отдохнуть, и ночь, что бы выспаться...

- А потом уговор переменялся?

- Уговор не менялся, - сказал фонарщик. - В том-то и беда! Моя планета год от году вращается все быстрее, а уговор остается прежний.

- И как же теперь? - спросил Маленький принц.

- Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

- Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!

- Ничего тут нет забавного, - возразил фонарщик. - Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

- Целый месяц?!

- Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь.

Маленький принц смотрел на фонарщика, и ему все больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. Маленький принц вспомнил, как он когда-то переставлял стул с места на место, чтобы лишний раз поглядеть на закат солнца. И ему захотелось помочь другу.

- Послушай, - сказал он фонарщику, - я знаю средство: ты можешь отдыхать, когда только захочешь...

- Мне все время хочется отдыхать, - сказал фонарщик.

Ведь можно быть верным слову и все-таки ленивым.

- Твоя планетка такая крохотная, - продолжал Маленький принц, - ты можешь обойти ее в три шага. И просто нужно идти с такой скоростью, чтобы все время оставаться на солнце. Когда захочется отдохнуть, ты просто все иди, иди... И день будет тянуться столько времени, сколько ты пожелаешь.

- Ну, от этого мне мало толку, - сказал фонарщик. - Больше всего на свете я люблю спать.

- Тогда плохо твое дело, - посочувствовал Маленький принц.

- Плохо мое дело, - подтвердил фонарщик. - Добрый день. И погасил фонарь.

"Вот человек, - сказал себе Маленький принц, продолжая путь, - вот человек, которого все стали бы презирать - и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе".

Маленький принц вздохнул.

"Вот бы с кем подружиться, - подумал он еще. - Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих..."

Он не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке еще по одной причине: за двадцать четыре часа на ней можно любоваться закатом тысячу четыреста сорок раз!

XV

Шестая планета была в десять раз больше предыдущей. На ней жил старик, который писал толстые книги.

- Смотрите-ка! Вот прибыл путешественник! - воскликнул он, заметив Маленького принца.

Маленький принц сел на стол, чтобы отдышаться. Он уже столько странствовал!

- Откуда ты? - спросил его старик.

- Что это за огромная книга? - спросил Маленький принц. - Что вы здесь делаете?

- Я географ, - ответил старик.

- А что такое географ?

- Это ученый, который знает, где находятся моря, реки, города, горы и пустыни.

- Как интересно! - сказал Маленький принц. - Вот это – настоящее дело!

И он окинул взглядом планету географа. Никогда еще он не видал такой величественной планеты!

- Ваша планета очень красивая, - сказал он. - А океаны у вас есть?

- Этого я не знаю, - сказал географ.

- О-о-о... - разочарованно протянул Маленький принц. - А горы есть?

- Не знаю, - повторил географ.

- А города, реки, пустыни?

- И этого я тоже не знаю.

- Но ведь вы географ!

- Вот именно, - сказал старик. - Я географ, а не путешественник. Мне ужасно не хватает путешественников. Ведь не географы ведут счет городам, рекам, горам, морям, океанам и пустыням. Географ – слишком важное лицо, ему некогда разгуливать. Он не выходит из своего кабинета. Но он принимает у себя путешественников и записывает их рассказы. И если кто-нибудь из них расскажет что-нибудь интересное, географ наводит справки и проверяет, порядочный ли человек этот путешественник.

- А зачем?

- Да ведь если путешественник станет врать, в учебниках географии все перепутается. И если он выпивает лишнее - тоже беда.

- А почему?

- Потому, что у пьяниц двоится в глазах. И там, где на самом деле одна гора, географ отметит две.

- Я знал одного человека... Из него вышел бы плохой путешественник, - заметил Маленький принц.

- Очень возможно. Так вот, если окажется, что путешественник - человек порядочный, тогда проверяют его открытие.

- Как проверяют? Идут и смотрят?

- Ну нет. Это слишком сложно. Просто требуют, чтобы путешественник представил доказательства. Например, если он открыл большую гору, пускай принесет с нее большие камни.

Географ вдруг пришел в волнение:

- Но ты ведь и сам путешественник! Ты явился издалека! Расскажи мне о своей планете!

И он раскрыл толстенную книгу и очинил карандаш. Рассказы путешественников сначала записывают карандашом. И только после того как путешественник представит доказательства, можно записать его рассказ чернилами.

- Слушаю тебя, - сказал географ.

- Ну, у меня там не так уж интересно, - промолвил Маленький принц.

- У меня все очень маленькое. Есть три вулкана. Два действуют, а один давно потух. Но мало ли что может случиться...

- Да, все может случиться, - подтвердил географ.

- Потом у меня есть цветок.

- Цветы мы не отмечаем, - сказал географ.

- Почему?! Это ведь самое красивое!

- Потому, что цветы эфемерны.

- Как это - эфемерны?

- Книги по географии - самые драгоценные книги на свете, - объяснил географ. - Они никогда не устаревают. Ведь это очень редкий случай, чтобы гора сдвинулась с места. Или чтобы океан пересох. Мы

пишем о вещах вечных и неизменных. - Но потухший вулкан может проснуться, - прервал Маленький принц

- А что такое "эфемерный"?

- Потух вулкан или действует, это для нас, географов, не имеет значения, - сказал географ. - Важно одно: гора. Она не меняется.

- А что такое "эфемерный"? - спросил Маленький принц, который, раз задав вопрос, не успокаивался, пока не получал ответа.

- Это значит: тот, что должен скоро исчезнуть.

- И мой цветок должен скоро исчезнуть?

- Разумеется.

"Моя краса и радость недолговечна, - сказал себе Маленький принц, - и ей нечем защищаться от мира, у нее только и есть что четыре шипа. А я бросил ее, и она осталась на моей планете совсем одна!" Это впервые он пожалел о покинутом цветке. Но тут же мужество вернулось к нему.

- Куда вы посоветуете мне отправиться? - спросил он географа.

XVII

Когда очень хочешь состричь, иной раз поневоле приврешь. Рассказывая о фонарщиках, я несколько погрешил против истины. Боюсь, что у тех, кто не знает нашей планеты, сложится о ней ложное представление. Люди занимают на Земле не так уж много места. Если бы два миллиарда ее жителей сошлись и стали сплошной толпой, как на митинге, все они без труда уместились бы на пространстве размером двадцать миль в длину и двадцать в ширину. Все человечество можно бы составить плечом к плечу на самом маленьком островке в Тихом океане.

Взрослые вам, конечно, не поверят. Они воображают, что занимают очень много места. Они кажутся сами себе величественными, как бабабы. А вы посоветуйте им сделать точный расчет. Им это понравится, они ведь обожают цифры. Вы же не тратьте время на эту арифметику. Это ни к чему. Вы и без того мне верите. Итак, попав на землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-то другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

- Добрый вечер, - сказал на всякий случай Маленький принц.

- Добрый вечер, - ответила змея.

- На какую это планету я попал?

- На Землю, - сказала змея. - В Африку.

- Вот как. А разве на Земле нет людей?

- Это пустыня. В пустынях никто не живет. Но Земля большая.

Маленький принц сел на камень и поднял глаза к небу.

- Хотел бы я знать, зачем звезды светятся, - задумчиво сказал он. - Наверно, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою. Смотри, вот моя планета - как раз прямо над нами... Но как до нее далеко!

- Красивая планета, - сказала змея. - А что ты будешь делать здесь, на Земле?

- Я поссорился со своим цветком, - признался Маленький принц.

- А, вот оно что...

И оба умолкли.

- А где же люди? - вновь заговорил наконец Маленький принц. – В пустыне все-таки одиноко...

- Среди людей тоже одиноко, - заметила змея.

Маленький принц внимательно посмотрел на нее.

- Странное ты существо, - сказал он. - Не толще пальца...

- Но могущества у меня больше, чем в пальце короля, - возразила змея.

Маленький принц улыбнулся:

- Ну, разве ты уж такая могущественная? У тебя даже лап нет. Ты и путешествовать не можешь...

- Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль, - сказала змея.

И обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет.

- Всякого, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой он вышел, - сказала она. - Но ты чист и явился со звезды...

Маленький принц не ответил.

- Мне жаль тебя, - продолжала змея. - Ты так слаб на этой Земле, жесткой, как гранит. В тот день, когда ты горько пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь. Я могу...

- Я прекрасно понял, - сказал Маленький принц. - Но почему ты все время говоришь загадками?

- Я решаю все загадки, - сказала змея.

И оба умолкли.

XVIII

Маленький принц пересек пустыню и никого не встретил. За все время ему попался только один цветок - крохотный, невзрачный цветок с трех лепестках...

- Здравствуй, - сказал Маленький принц.

- Здравствуй, - отвечал цветок.

- А где люди? - вежливо спросил Маленький принц.

Цветок видел однажды, как мимо шел караван.

- Люди? Ах да... Их всего-то, кажется, шесть или семь. Я видел их много лет назад. Но где их искать - неизвестно. Их носит ветром. У них нет корней, это очень неудобно.

- Прощай, - сказал Маленький принц.

- Прощай, - сказал цветок.

XIX

Маленький принц поднялся на высокую гору. Прежде он никогда не видал гор, кроме своих трех вулканов, которые были ему по колено. Потухший вулкан служил ему табуретом. И теперь он подумал: "С такой высокой горы я сразу увижу всю эту планету и всех людей". Но увидел только скалы, острые и тонкие, как иглы.

- Добрый день, - сказал он на всякий случай.
- Добрый день... день... день... - откликнулось эхо.
- Кто вы? - спросил Маленький принц.
- Кто вы... кто вы... кто вы... - откликнулось эхо.
- Будем друзьями, я совсем один, - сказал он.
- Один... один... один... - откликнулось эхо.

"Какая странная планета! - подумал Маленький принц. - Совсем сухая, вся в иглах и соленая. И у людей не хватает воображения. Они только повторяют то, что им скажешь... Дома у меня был цветок, моя краса и радость, и он всегда заговаривал первым".

XX

Долго шел Маленький принц через пески, скалы и снега и, наконец, набрел на дорогу. А все дороги ведут к людям.

- Добрый день, - сказал он.
- Перед ним был сад, полный роз.
- Добрый день, - отозвались розы.
- И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.
- Кто вы? - спросил он, пораженный.
- Мы - розы, - отвечали розы.
- Вот как... - промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

"Как бы она рассердилась, если бы увидела их! - подумал Маленький принц. - Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, ведь иначе она и вправду бы умерла, лишь бы унижить и меня тоже..."

А потом он подумал: "Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух и, может быть, навсегда... какой же я после этого принц..."

Он лег в траву и заплакал.

XXI

- Вот тут-то и появился Лис.
- Здравствуй, - сказал он.

- Здравствуй, - вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

- Я здесь, - слышался голос. - Под яблоней...

- Кто ты? - спросил Маленький принц. - Какой ты красивый!

- Я - Лис, - сказал Лис.

- Поиграй со мной, - попросил Маленький принц. - Мне так грустно...

- Не могу я с тобой играть, - сказал Лис. - Я не приручен.

- Ах, извини, - сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

- А как это - приручить?

- Ты не здешний, - заметил Лис. - Что ты здесь ищешь?

- Людей ищу, - сказал Маленький принц. - А как это - приручить?

- У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И еще они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

- Нет, - сказал Маленький принц. - Я ищу друзей. А как это - приручить?

- Это давно забытое понятие, - объяснил Лис. - Оно означает: создать узы.

- Узы?

- Вот именно, - сказал Лис. - Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

- Я начинаю понимать, - сказал Маленький принц. - Была одна роза... наверно, она меня приручила...

- Очень возможно, - согласился Лис. - На Земле чего только не бывает.

- Это было не на Земле, - сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

- На другой планете?

- Да.

- А на той планете есть охотники?

- Нет.

- Как интересно! А куры есть?

- Нет.

- Нет в мире совершенства! - вздохнул Лис.

Но потом он вновь заговорил о том же:

- Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живется мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом - смотри! Видишь,

вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

- Пожалуйста... приручи меня!

- Я бы рад, - отвечал Маленький принц, - но у меня так мало времени. Мне еще надо найти друзей и узнать разные вещи.

- Узнать можно только те вещи, которые приручишь, - сказал Лис. - У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

- А что для этого надо делать? - спросил Маленький принц.

- Надо запастись терпением, - ответил Лис. - Сперва сядь вон там, поодаль, на траву - вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришел на то же место.

- Лучше приходи всегда в один и тот же час, - попросил Лис. - Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю о твоем счастье! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить свое сердце... Нужно соблюдать обряды.

- А что такое обряды? - спросил Маленький принц.

- Это тоже нечто давно забытое, - объяснил Лис. - Нечто такое, отчего один какой-то день становится не похож на все другие дни, один час - на все другие часы. Вот, например, у моих охотников есть такой обряд: по четвергам они танцуют с деревенскими девушками. И какой же это чудесный день - четверг! Я отправляюсь на прогулку и дохожу до самого виноградника. А если бы охотники танцевали когда придется, все дни были бы одинаковы и я никогда не знал бы отдыха.

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

- Я буду плакать о тебе, - вздохнул Лис.

- Ты сам виноват, - сказал Маленький принц. - Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

- Да, конечно, - сказал Лис.

- Но ты будешь плакать!

- Да, конечно.

- Значит, тебе от этого плохо.

- Нет, - возразил Лис, - мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

- Поди взгляни еще раз на розы. Ты поймешь, что твоя роза - единственная в мире. А когда вернешься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошел взглянуть на розы.

- Вы ничуть не похожи на мою розу, - сказал он им. - Вы еще ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он - единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

- Вы красивые, но пустые, - продолжал Маленький принц. - Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Ее загораживал ширмой, оберегая от ветра. Для нее убивал гусениц, только двух или трех оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она - моя. И Маленький принц возвратился к Лису.

- Прощай... - сказал он.

- Прощай, - сказал Лис. - Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

- Самого главного глазами не увидишь, - повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

- Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей всю душу.

- Потому что я отдавал ей всю душу... - повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

- Люди забыли эту истину, - сказал Лис, - но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

- Я в ответе за мою розу... - повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

XXII

- Добрый день, - сказал Маленький принц.

- Добрый день, - отозвался стрелочник.

- Что ты здесь делаешь? - спросил Маленький принц.

- Сортирую пассажиров, - отвечал стрелочник. - Отправляю их в поездах по тысяче человек за раз - один поезд направо, другой налево.

И скорый поезд, сверкая освещенными окнами, с громом промчался мимо, и будка стрелочника вся задрожала.

- Как они спешат, - удивился Маленький принц. - Чего они ищут?

- Даже сам машинист этого не знает, - сказал стрелочник.

И в другую сторону, сверкая огнями, с громом пронесся еще один скорый поезд.

- Они уже возвращаются? - спросил Маленький принц.

- Нет, это другие, - сказал стрелочник. - Это встречный.

- Им было нехорошо там, где они были прежде?

- Там хорошо, где нас нет, - сказал стрелочник.

И прогремел, сверкая, третий скорый поезд.

- Они хотят догнать тех, первых? - спросил Маленький принц.

- Ничего они не хотят, - сказал стрелочник. - Они спят в вагонах и просто сидят и зевают. Одни только дети прижимаются носами к окнам.

- Одни только дети знают, чего ищут, - промолвил Маленький принц. - Они отдают всю душу тряпичной кукле, и она становится им очень-очень дорога, и если ее у них отнимут, дети плачут...

- Их счастье, - сказал стрелочник.

XXIII

- Добрый день, - сказал Маленький принц.

- Добрый день, - ответил торговец.

Он торговал усовершенствованными пилюлями, которые утоляют жажду. Проглотишь такую пилюлю - и потом целую неделю не хочется пить.

- Для чего ты их продаешь? - спросил Маленький принц.

- От них большая экономия времени, - ответил торговец. - По подсчетам специалистов, можно сэкономить пятьдесят три минуты в неделю.

- А что делать в эти пятьдесят три минуты?

- Да что хочешь.

"Будь у меня пятьдесят три минуты свободных, - подумал Маленький принц, - я бы просто-напросто пошел к роднику..."

XXIV

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию, и, слушая проторговца пилюлями, я выпил последний глоток воды.

- Да, - сказал я Маленькому принцу, - все, что ты рассказываешь, очень интересно, но я еще не починил свой самолет, у меня не осталось ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику.

- Лис, с которым я подружился...

- Милый мой, мне сейчас не до Лиса!

- Почему?

- Да потому, что придется умереть от жажды...

Он не понял, какая тут связь. Он возразил:

- Хорошо, когда есть друг, пусть даже надо умереть. Вот я очень рад, что дружил с Лисом...

"Он не понимает, как велика опасность. Он никогда не испытывал ни голода, ни жажды. Ему довольно солнечного луча..."

Я не сказал этого вслух, только подумал. Но Маленький принц посмотрел на меня - и промолвил:

- Мне тоже хочется пить... пойдём поищем колодец...

Я устало развел руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне? Но все-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча; наконец стемнело, и в небе стали загораться звезды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне. Мне все вспоминались слова Маленького принца, и я спросил:

- Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда?

Но он не ответил. Он сказал просто:

- Вода бывает нужна и сердцу...

Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его спрашивать.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

- Звезды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

- Да, конечно, - сказал я только, глядя на волнистый песок, освещенный луною.

- И пустыня красивая... - прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И все же в тишине что-то светится...

- Знаешь, отчего хороша пустыня? - сказал он. - Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражен, вдруг я понял, что означает таинственный свет, исходящий от песков. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме - рассказывали, будто в нем запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своем он скрывал тайну...

- Да, - сказал я. - Будь то дом, звезды или пустыня - самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

- Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, - отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошел дальше. Я был взволнован. Мне казалось - я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже, что ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: все это лишь оболочка. Самое главное - то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе еще: трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который сияет в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, что он еще более хрупок, чем кажется. Светильнику надо беречь: порыв ветра может погасить их...

Так я шел - и на рассвете дошел до колодца.

- Люди забираются в скорые поезда, но они уже сами не понимают, чего ищут, - сказал Маленький принц. - Поэтому они не знают покоя и бросаются то в одну сторону, то в другую...

Потом прибавил: - И все напрасно...

Колодец, к которому мы пришли, был не такой, как все колодцы в Сахаре. Обычно здесь колодец - просто яма в песке. А это был самый настоящий деревенский колодец. Но поблизости не было никакой деревни, и я подумал, что это сон.

- Как странно, - сказал я Маленькому принцу, - тут все приготовлено: и ворот, и ведро, и веревка...

Он засмеялся, тронул веревку, стал раскручивать ворот. И ворот заскрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

- Слышишь? - сказал Маленький принц. - Мы разбудили колодец, и он запел...

Я боялся, что он устанет.

- Я сам зачерпну воды, - сказал я, - тебе это не под силу.

Медленно вытащил я полное ведро и надежно поставил его на каменный край колодца. В ушах у меня еще отдавалось пенье скрипучего ворота, вода в ведре еще дрожала, и в ней дрожали солнечные зайчики.

- Мне хочется глотнуть этой воды, - промолвил Маленький принц. - Дай мне напиться...

И я понял, что он искал!

Я поднес ведро к его губам. Он пил, закрыв глаза. Это было как самый прекрасный пир. Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была, как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские подарки: сиянием свеч на елке, пением органа в час полночной мессы, ласковыми улыбками.

- На твоей планете, - сказал Маленький принц, - люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

- Не находят, - согласился я.

- А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

- Да, конечно, - согласился я.

И Маленький принц сказал:

- Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Я выпил воды. Дышалось легко. На рассвете песок становится золотой, как мед. И от этого тоже я был счастлив. С чего бы мне грустить?..

- Ты должен сдерживать слово, - мягко сказал Маленький принц, снова садясь рядом со мною.

- Какое слово?

- Помнишь, ты обещал... намордник для моего барашка... Я ведь вот тебе за тот цветок.

Я достал из кармана свои рисунки. Маленький принц поглядел на них и засмеялся:

- Бабабы у тебя похожи на капусту...

А я-то так гордился своими бабабами!

- А у лисицы твоей уши... точно рога! И какие длинные!

И он опять засмеялся.

- Ты несправедлив, дружок. Я ведь никогда и не умел рисовать - разве только удавов снаружи и изнутри.

- Ну ничего, - успокоил он меня. - Дети и так поймут.

И я нарисовал намордник для барашка. Я отдал рисунок Маленькому принцу, и сердце у меня сжалось.

- Ты что-то задумал и не говоришь мне...

Но он не ответил.

- Знаешь, - сказал он, - завтра исполнится год, как я попал к вам на Землю...

И умолк. Потом прибавил:

- Я упал совсем близко отсюда...

И покраснел.

И опять, бог весть почему, тяжело стало у меня на душе.

Все-таки я спросил:

- Значит, неделю назад, в то утро, когда мы познакомились, ты неслучайно бродил тут совсем один, за тысячу миль от человеческого жилья?

Ты возвращался к тому месту, где тогда упал?

Маленький принц покраснел еще сильнее.

А я прибавил нерешительно:

- Может быть, это потому, что исполняется год?..

И снова он покраснел. Он не ответил ни на один мой вопрос, неведь когда краснеешь, это значит "да", не так ли?

- Мне страшно... - со вздохом начал я.

Но он сказал:

- Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе. Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать.

XXVI

Неподалеку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и еще издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги. И услышал его голос:

- Разве ты не помнишь? - говорил он. - Это было совсем не здесь. Наверно, кто-то ему отвечал, потому что он возразил:

- Ну да, это было ровно год назад, день в день, но только в другом месте...

Я зашагал быстрее. Но нигде у стены я больше никого не видел и не слышал. А между тем Маленький принц снова ответил кому-то:

- Ну, конечно. Ты найдешь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.

До стены оставалось двадцать метров, а я все еще ничего не видел. После недолгого молчания Маленький принц спросил:

- А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце мое сжалось, но я все еще не понимал.

- Теперь уходи, - сказал Маленький принц. - Я хочу спрыгнуть вниз.

Тогда я опустил глаза, да так и подскочил! У подножья стены, подняв голову к Маленькому принцу, свернулась желтая змейка, из тех, чей укуса бивает в полминуты. Нащупывая в кармане револьвер, я бегом бросился к ней, но при звуке шагов змейка тихо заструилась по песку, словно умирающий ручеек, и с еле слышным металлически звоном неторопливо скрылась меж камней.

Я подбежал к стене как раз вовремя, чтобы подхватить моего Маленького принца. Он был белее снега.

- Что это тебе вздумалось, малыш! - воскликнул я. - Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный золотой шарф. Смочил ему виски и оставил выпить воды. Но я не смел больше ни о чем спрашивать. Он серьезно посмотрел на меня и обвил мою шею руками. Я услышал, как бьется его сердце, словно у подстреленной птицы. Он сказал:

- Я рад, что ты нашел, в чем там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой...

- Откуда ты знаешь?!

Я как раз собирался сказать ему, что, вопреки всем ожиданиям, мне удалось исправить самолет!

Он не ответил, он только сказал:

- И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

- Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Все было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно малогорбенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, проваливается в бездну, и я не в силах его удержать...

Он задумчиво смотрел куда-то вдаль.

- У меня останется твой барашек. И ящик для барашка. И намордник...

И он печально улыбнулся.

Я долго ждал. Он словно бы приходил в себя.

- Ты напугался, малыш...

Ну еще бы не напугаться! Но он тихонько засмеялся:

- Сегодня вечером мне будет куда страшнее...

И снова меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется? Этот смех для меня -точно родник в пустыне.

- Малыш, я хочу еще послушать, как ты смеешься...

Но он сказал:

- Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

- Послушай, малыш, ведь все это - и змея, и свиданье со звездой -просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

- Самое главное - то, чего не увидишь глазами... - сказал он.

- Да, конечно...

- Это как с цветком. Если любишь цветок, что растет где-то на далекой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звезды расцветают.

- Да, конечно...

- Это как с водой. Когда ты дал мне напиться, та вода была как музыка, а все из-за ворота и веревки... Помнишь? Она была очень хорошая.

- Да, конечно...

- Ночью ты помотришь на звезды. Моя звезда очень маленькая, я не могу ее тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто - одна из звезд. И ты полюбишь смотреть на звезды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

- Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеешься!

- Вот это и есть мой подарок... это будет, как с водой...

- Как так?

- У каждого человека свои звезды. Одним - тем, кто странствует, -они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученыхони - как задача, которую надо решить. Для моего дельца они - золото. Но для всех этих людей звезды - немые. А у тебя будут совсем особенныезвезды...

- Как так?

- Ты помотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, гдея живу, где я смеюсь, - и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебябудут звезды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

- И когда ты утетишься (в конце концов всегда утешаешься), тыбудешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебезахочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: "Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!" И они подумают, что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю.

И он опять засмеялся.

- Как будто вместо звезд я подарил тебе целую кучу смеющихсябубенцов...

Он опять засмеялся. Потом снова стал серьезен:

- Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

- Я тебя не оставлю.

- Тебе покажется, что мне больно... покажется даже, что я умираю.

Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

- Я тебя не оставлю.

Но он был чем-то озабочен.

- Видишь ли... это еще из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит... Змеиведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.

- Я тебя не оставлю.

Он вдруг успокоился:

- Правда, на двоих у нее не хватит яда...

В эту ночь я не заметил, как он ушел. Он ускользнул неслышно. Когда наконец нагнал его, он шел быстрым, решительным шагом.

- А, это ты... - сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

- Напрасно ты идешь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

- Видишь ли... это очень далеко. Мое тело слишком тяжелое. Мне его не унести.

Я молчал.

- Но это все равно, что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но все-таки сделал еще одно усилие:

- Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звезды. И все звезды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиток...

Я молчал.

- Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня - пятьсот миллионов родников...

И тут он тоже замолчал, потому что заплакал... - Вот мы и пришли. Дай мне сделать еще шаг одному. И он сел на песок, потому что ему стало страшно. Потом он сказал:

- Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

- Ну... вот и все...

Помедлил еще минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться. Точно желтая молния мелькнула у его ног. Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал - медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

XXVII

И вот прошло уже шесть лет... Я еще ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было, но я говорил им:

- Это я просто устал...

И все же понемногу я утешился. То есть... Не совсем. Но я знаю, он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не нашел на песке его тела. Не такое уж оно было тяжелое. А по ночам я люблю слушать звезды.словно пятьсот миллионов бубенцов... Но вот что поразительно. Когда я рисовал намордник для барашка, я забыл про ремешок! Маленький принц не сможет надеть его на барашка. И я спрашиваю себя: что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу? Иногда я говорю себе: "Нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стеклянным колпаком, и он очень следит за барашком..." Тогда я счастлив. И все звезды тихонько смеются. А иногда я говорю себе: "Бываешь же порой рассеянным... тогда все может случиться! Вдруг он как-нибудь вечером забыл про стеклянный колпак или барашек ночью втихомолку выбрался на волю..." И тогда все бубенцы плачут...

Все это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем, совсем не все равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в безвестном уголке вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел не знакомую нам розу. Взгляните на небо. И спросите себя: "Жива ли та роза или ее уже нет? Вдруг барашек ее съел?" И вы увидите: все станет по-другому... И никогда ни один взрослый не поймет, как это важно!

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал еще раз, чтобы вы получше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез. Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда - очень прошу вас! - не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...

ГЛАВА 5. СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ

ДЖАННИ РОДАРИ (1920-1980)

Волшебный барабан

Шел однажды с войны барабанщик. Был он очень беден. Все - то его богатство составлял барабан. Но настроение у солдата было прекрасное – ведь он возвращался домой, где не был долгие годы. И потому далеко вокруг разносился веселый грохот его барабана: «Трам-тара-там! Трам-там-там!»

Шел он, шел и вдруг встретил старушку.

– А, славный солдатушка! Не найдется ли у тебя случаев хоть одного сольдо?

– Я охотно дал бы тебе и два, бабуля, и даже дюжину, если б были. Но у меня и вправду нет ни одного сольдо!

– Ой, так ли уж?

– Еще утром я обшарил свои карманы, но ничего не нашел.

– А ты посмотри еще разок, поищи как следует. – В карманах? Что ж, посмотрю, раз тебе так хочется. Но уверен... Ой, а это что такое?

– Сольдо! Видишь, выходит, есть?

– Клянусь тебе, я и не знал об этом! Вот красота! Держи, бабуля, мне не жалко. Тебе оно, должно быть, нужнее.

– Спасибо, солдат! – поблагодарила старушка. – А я взамен тоже дам тебе кое-что.

– Да? Но мне ничего не надо.

– Подарю тебе маленькое волшебство. Слушай внимательно. Всякий раз, как зазвучит твой барабан, все вокруг будут пускаться в пляс.

– Какое забавное волшебство! Спасибо, бабуля.

– Подожди, это еще не все. Затанцуют люди и не смогут остановиться, пока не перестанешь играть на своем барабане.

– Вот здорово! Не знаю еще, что стану делать с таким подарком, но, наверное, пригодится,

– Еще как!

– Прощай, бабуля!

– Прощай, солдат!

И барабанщик снова двинулся в путь – домой. Шел он, шел... Вдруг из леса выскочили трое разбойников.

– Кошелек или жизнь!

– Ох, да ради бога! Берите еще и сумку. Только и в ней пусто.

– Руки вверх или будем стрелять!

– Слушаюсь, слушаюсь, господа разбойники.

– Где прячешь деньги?

– Будь они у меня, наверное, спрятал бы в шапке. Разбойники посмотрели в шапку – пусто.

– А может, сунул бы в ухо. Посмотрели в ухо – тоже пусто.

– Нет, пожалуй, я положил бы их на самый кончик носа, будь они у меня.

Разбойники искали, искали и, разумеется, не нашли даже гроша ломаного.

– Да ты и в самом деле нищий! – рассердился главарь разбойников. – Ну, ладно, заберем у тебя барабан, хоть повеселимся иногда – и то хорошо.

– Берите, – вздохнул солдат, – жаль, конечно, расставаться со старым другом, столько лет дружили. Но раз уж он так вам нужен...

– Нужен!

– Дайте только мне сыграть на нем напоследок, а потом забирайте. А заодно я покажу вам, как надо играть. Идет?

– Ладно, так уж и быть, играй.

– Вот хорошо! – обрадовался барабанщик. – Я поиграю: «Трам-та-ра-там-там! Трам-там-там!» А вы потанцуйте!

И надо было видеть, как затанцевали эти негодяи! Словно медведи на ярмарке.

Поначалу им нравилось, они смеялись и шутили!

– Давай, давай, барабанщик! А ну-ка, вальс!

– А теперь польку!

– Мазурку!

Но вот они устали, задыхаются. Хотят остановиться, да не могут! Выбились из сил, ноги не держат, голова кружится, а волшебный барабан все заставляет их плясать.

– На помощь!

– Пляшите!

– Пощады!

– Пляшите!

– Господи!

- Пляшите, пляшите!
- Хватит, хватит!
- Не отнимете у меня барабан?
- Не отнимем! С нас достаточно...
- Оставьте меня в покое?
- О, мы отдадим тебе что угодно, только прекрати эту музыку!

Но барабанщик перестал играть только тогда, когда они, совсем обессиленные, свалились на землю.

- Вот и хорошо! Теперь вы меня не догоните!

И пустился наутек, время от времени ударяя палочками по барабану – на всякий случай. И тогда сразу же начинали танцевать зайцы в своих норках, белки на деревьях и проснувшиеся среди бела дня совы.

Так и шел дальше славный барабанщик, возвращаясь домой.

Первый конец

Шел он, шел и вдруг подумал: «А ведь это волшебство – неплохая штука! И с разбойниками я поступил в общем-то довольно глупо. Я же мог заставить их отдать мне все деньги, какие у них были. Может, вернуться и поискать их?»

И он повернул было обратно, как вдруг увидел, что навстречу едет почтовая карета.

- Вот это, пожалуй, меня даже больше устроит! Лошади бежали быстро, позванивая бубенчиками, и кучер на козлах весело насвистывал песенку. Рядом с ним сидел вооруженный жандарм.
- Привет, барабанщик! Тебя подвезти?
- Нет, мне и тут хорошо.
- Тогда сойди с дороги, дай проехать.
- А вы сначала потанцуйте!

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!» – загремел барабан. И тотчас затанцевали лошади, соскочил на землю кучер и давай притоптывать ногами. А уж как смешно плясал жандарм, выронивший свое ружье! И пассажиры все тоже пустились в пляс.

А надо вам сказать, что в этой почтовой карете везли <в банк золото – три ящика. Наверное, килограммов триста. Солдат одной рукой продолжал бить в барабан, другой сбросил ящики на дорогу и ногой задвинул их в кусты.

- Пляшите! Пляшите!
- Хватит! Хватит! Больше не можем!
- Тогда уезжайте, да побыстрее! И не оборачиваться!...

Почтовая карета уехала без своего драгоценного груза. А солдат стал богатым-пребогатым, как миллионер... Теперь он мог купить себе виллу, жить бездельником и жениться на дочери какого-нибудь важного чиновника. А еще понадобятся деньги, так ему и в банк идти не надо – достаточно вспомнить о барабане.

Второй конец

Шел солдат, шел и вдруг увидел охотника, который целился в дрозда.

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!

Охотник выронил ружье и пустился в пляс. А дрозд улетел.

– Несчастный! Ты мне ответишь за это!

– Там видно будет, а пока попляши! Ну как?

– Эх, сил нет!

– Хочешь остановиться, так обещай, что никогда больше не будешь стрелять в птиц!

– Обещаю!

Шел он дальше, шел и увидел крестьянина, который колотил своего осла.

– Пляши!

– На помощь!

– Пляши! Перестану играть, только если поклянешься, что никогда больше не будешь бить своего осла.

– Клянусь!

Шел дальше славный солдат, шел и бил в свой барабан каждый раз, когда нужно было положить конец какому-нибудь безобразию, восстановить справедливость или наказать злодея. А злодеев всяких и несправедливостей разных встречалось почему-то так много, что ему никак не удавалось Драться до дома. Но он все равно был доволен. «Мои дом, – решил отбудет там, где я смогу делать добро с помощью моего барабана».

Третий конец

Шел солдат, шел и размышлял: «Интересный барабан! Любопытно, как он устроен? И в чем заключается его волшебство?» Повертел в руках палочки, разглядывая их, – вроде обыкновенные деревянные палочки.

– Может, секрет спрятан внутри барабана, под этой туго натянутой кожей? Загляну-ка туда, – решил он. И прорезал ножом небольшую дырочку. А внутри оказалось пусто – совсем пусто!

– Ну, ладно, ничего не поделаешь...

И отправился солдат дальше своей дорогой, весело стуча палочками. Но теперь зайцы, белки и птицы больше не танцевали под звуки его барабана и совы тоже не просыпались...

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!»

Звук вроде бы тот же, а волшебства нет как нет!

Вы не поверите, но барабанщик почему-то обрадовался этому.

Четвертый конец Первой сказки

Барабанщик заставил плясать два враждующих войска, и между ними был заключен мир.

Нельзя плясать и воевать одновременно!!!

ДЖОН ЧИАРДИ(1916-1986)

Прощальная игра

А вот прощальная игра... А ты ответишь:

Нам книгу НИЗКО.

Закрывать пора; Скажу я слово

Мы все надеемся, ДАЛЕКО,

Что с ней А ты ответишь:

Ты стал

Немножечко умней, Скажу я слово

Узнал ты много ПОТОЛОК,

Слов смешных А ты ответишь:

И много

Всяких всячин, Скажу я слово

И, если ты ПОТЕРЯЛ,

Запомнил их, И скажешь ты:

Не зря

Твой день потрачен. Скажу тебе я слово

И нам с тобой ТРУС,

Пришёл черёд

Ответишь ты:

Сыграть в игру

« НАОБОРОТ ». Теперь НАЧАЛО

Скажу я слово.

Я скажу, —

ВЫСОКО, Ну, отвечай:

Мистер Жук

Был когда-то я знаком

С рыжим мистером Жуком.

Познакомились мы так:

Мистер Жук, большой чудака,

Прямо, честно и открыто

Вечером упал в корыто.

Я спросил его: "Куда вы?

Вот так милые забавы!

Вы, наверное, хотите

Пароходом стать в корыте?"

Жук сказал, идя ко дну,

"Отвяжитесь, я тону!"

Тут при помощи сука

Мне пришлось достать Жука.

Выполз он, ворча сердито:

"Кто просил вас лезть в корыто?

Плыл я курсом вест-вест-норд,

Обожаю водный спорт!

Я сказал бы вам "спасибо",

Но простите, слишком горд.

С детских лет, признаюсь вам,

Все привык я делать сам,

Ползать сам и сам кусаться,

Сам тонуть и сам спасаться".

Джон Джей Пленти и кузнечик Дэн

В лесу

В одном из прелых пней

Жил Джон Джей Пленти -

Муравей.

На зорьке,

Утренней порой,

Джон Джей

Вставал в неровный строй

Таких же

Рыжих муравьев

И шел в поход

Без лишних слов.

Работал Джон
Что было сил,
В свой муравейник
Он носил
Весь день
С утра и дотемна
Личинки,
Щепки,
Семена.
И всем доволен был
Джон Джей,
Весьма почтенный
Муравей.
Пускай работа
Тяжела,
Зато на лад
Идут дела,
И Пленти,
Волоча жука,
Кричал: - Вперед!
Зима близка!
Вокруг шумел
Дремучий бор,
Пел птиц лесных
Согласный хор,
Но был Джон Пленти
Не таков,
Чтоб слушать
Глупых соловьев.
Он жирных гусениц
Таскал,
Молочных тлей

В листве искал,
Готовил на зиму запас.
И каждый день,
И каждый час
Он повторял:
- Друзья, вперед!
Не медлите!
Зима идет!
И жил бы он,
Не зная зла,
Но у него
Сестра была.
А каждый знает,
Что сестра
Не всех
Доводит до добра.
Так и случилось.
Вечерком
На ближнем поле,
Под цветком,
Ей повстречался
Дэн-кузнечик,
Смешной
Зеленый человечек,
Который только-то и мог,
Что дергать
Травяной смычок,
Пиликать
На зеленой скрипке
И вечно
Совершать ошибки.
И, неизвестно

Почему,
Сестра Дж.-Дж.
Ушла к нему.
А он с рассвета
До рассвета
Играл на скрипке
Песню лета.
И пела скрипка
Вместе с ветром
О солнышке,
Большом и светлом;
О том, что дни
Бегут за днями;
О том, что мы
Взрослеем с вами.
Прямые сосны
На опушке
Склоняли песне в такт
Верхушки,
Качались
Синие дубравы,
Покачивались
В поле травы,
И, улыбаясь
Песне той,
Крутился важно
Шар земной
Пришла на смену лету
Осень
Лес золото
На землю бросил,
А скрипка пела:

"Все идет,
Всему приходит
Свой черед,
Листва летит,
Трава желтеет,
Одна лишь песня
Не стареет...
Дубы столетние
В печали
Кривыми сучьями
Качали,
Молчали ели,
Но смола,
Как слезы,
По стволам текла.
А Пленти,
Волоча жука,
Кричал: - Вперед!
Зима близка!
Прожить без скрипки -
Ерунда,
Ведь скрипка -
Это не еда.
Зато без крова
И еды
Нам всем
Не миновать беды.
Он звал сестру:
- Вернись домой!
Замерзнет
Твой скрипач зимой,
А с музыкантом

Ни за грош
И ты, сестрица,
Пропадешь!
Сестра сказала:
- Милый Джон,
Я не вернусь.
Родным - поклон.
- Ну хорошо! _
Вскричал Джон Джей. -
Посмотрим,
Кто из нас умней.
Беги скорее
К скрипачу,
Тебя я видеть
Не хочу!
Зато,
Когда придет зима,
Ищи себе приют
Сама.
Зимой зеленый
Мутный лед
Все реки и ручьи
Скует,
Поля покроет
Плотный снег,
И скрипка
Замолчит навек.
...И впрямь
(Как смог он угадать)
Помалу
Стало холодать.
Сначала чуть.

Потом чуть-чуть
В термометре
Упала ртуть.
Еще чуть-чуть,
И сразу - хлоп! -
Мороз.
И на дворе - сугроб.
Но Джон Джей Пленти,
Прежде чем
Захлопнуть двери
Насовсем,
Взглянул вокруг.
Вокруг бело.
Все белым снегом
Замело,
И только на деревьях,
Синий,
Сверкает звездочками
Иней.
Над мертвым полем тишина,
И скрипка больше
Не слышна.
И Джон,
Сдержав печальный вздох,
Сказал: - Конец.
Скрипач подох.
Да будет смерть его уроком
Всем скрипачам
И лежебокам.
Пусть воеет ветер,
Я тем часом
Отправлюсь вниз,

К моим запасам.
И он спустился вниз. А там
Еда лежала по углам.
Подумал Джон:
-Ну что бы съесть?
Припасов здесь
За год не счесть:
Вот ветчина
Из мотыльков,
Вот макароны
Из цветов...
Он было сел
За свой обед,
Но вдруг
Воскликнул громко:
- Н-е-е-т!
Я, видимо,
Сошел с ума -
Ведь будет
До-о-олгая зима,
И есть я должен
Понемножку,
Раз в месяц -
Маленькую крошку.
Зато
На следующий год
Совсем не буду
Знать забот.
И правильно
(Скажи на милость),
Зима
Почти до марта длилась.

И как ни странно,
Но в апреле
Лучи
Замерзший лес прогрели.
Когда весна
Погнала стужу,
То выполз мудрый Джон
Наружу.
Голодный, бледный и худой,
Он полз
За новой едой.
И, ковыляя
С бугорка,
Кричал: - Вперед!
Зима близка!
Но что это?!
За ближней чащей
Услышал он
Напев звенящий.
Звучала музыка весны,
И, солнышком
Озарены,
Прямые сосны
На опушке
Склоняли песне в такт
Верхушки.
Качались
Синие дубравы,
Покачивались
В поле травы,
И, улыбаясь
Песне той,

Крутился важно
Шар земной.
Кузнечик Дэн
Играл на скрипке,
Вокруг него
Цвели улыбки,
И Джон заметил
Слабым взглядом
Кого-то,
Кто стоял с ним рядом.
Но кто?
Ах, Джон, очки наденьте -
Ведь это бывшая мисс Пленти!
И ослабевший Джон,
Бранясь,
Свалился носом
Прямо в грязь.
.....
И вот что сообщу я вам
(Прислушайтесь к моим словам):
Накопишь много
Или мало,
Накупишь соли
Или сала,
Сошьешь костюм
Иль три наряда -
Не в этом радость
И награда.
А вот
Без скрипачей
И песен
Наш мир

Совсем неинтересен.
Без песен
Липы не цветут,
Без песен
Реки не бегут
И шар земной,
Как ни проси,
Не повернется
На оси.
Еще скажу о том,
Что тоже
Нам с вами
Забывать негоже:
Зимой,
Когда бушует вьюга,
Кузнечикам,
Конечно, туго.
А иногда и так бывает,
Что кое-кто
Не выживает.
Но песня вечная жива -
Весной,
Когда взойдет трава,
Весь лес огромный,
Все зверье
И все ручьи
Поют ее.
И третье.
То, что надо знать
Тому,
Кто хочет умным стать:
НЕТ НИЧЕГО НА СВЕТЕ ХУЖЕ,

ЧЕМ СЛУШАТЬ ПЕСНЮ, ЛЕЖА В ЛУЖЕ.

ТУВЕ МАРИКА ЯНССОН (1914 - 2001)

Шляпа волшебника

Вступление

Первый снег пал на Муми-дол хмурым утром. Он подкрался, густой и безмолвный, и за несколько часов выбелил всю долину. Муми-тролль стоял на крыльце, смотрел, как зима пеленает землю в свой белый саван, и думал спокойно: "Вечером мы погрузимся в спячку".

Ведь все муми-тролли делают так в ноябре (и, по правде сказать, это очень разумно, если кто не любит холода и темноты). Он закрыл дверь, неслышным шагом подошел к маме и сказал:

- Идет снег.

- Знаю, - ответила мама. - Я уже приготовила для вас самые теплые одеяла. Можешь лечь наверху в западной комнате вместе со Сниффом.

- Снифф ужасно храпит, - сказал Муми-тролль. - Можно я лягу вместе со Снусмумриком?

- Как хочешь, - отвечала Муми-мама. - Тогда устроим Сниффа в восточной.

Муми-семейство, все его друзья и знакомые готовились к долгой зимней спячке серьезно и обстоятельно.

Муми-мама накрыла стол на веранде, но в чашке у каждого были лишь хвойные иголки. (Совершенно необходимо, чтобы желудок был набит хвойными иголками, если предстоит проспать целых три месяца подряд.) После обеда (а он казался уж совсем безвкусным) все чуть серьезнее обычного пожелали друг другу доброй ночи, и Муми-мама велела всем вычистить зубы. А Муми-папа обошел весь дом, закрыл все двери и ставни и обернул люстру сеткой от комаров, чтобы не запыхалась. Потом каждый залез в свою кровать, устроил в ней ямку поуютнее, укрылся с головой одеялом и стал думать о чем-нибудь приятном. И только Муми-тролль со вздохом сказал:

- Какую уйму времени мы теряем зря!

- Ничуть! - отозвался Снусмумрик. - Нам снятся сны. А когда мы проснемся, уже будет весна...

- Мм... - пробормотал Муми-тролль, уже погружаясь в сумрачный мир сновидений.

А на дворе сыпал снег, мелко, но густо. Он уже завалил крыльцо и грузными шапками свешивался с крыши, с наличников окон. Весь Муми-дом скоро должен был превратиться в сплошной пухлый сугроб. Одни за другими переставали тикать часы - пришла зима.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой рассказывается о том, как Муми-тролль,
Снусмумрик и Снифф нашли шляпу Волшебника, как
неизвестно откуда появились пять маленьких тучек,
а Хемуль обзавелся новым хобби

Как-то весенним утром, часа в четыре, над Муми-долом пролетела первая кукушка. Она уселась на синюю крышу Муми-дома и прокуковала восемь раз - с легкой хрипотцой, понятно, потому что весна была еще в самом начале.

Ну а потом кукушка полетела дальше на восток. Муми-тролль проснулся и долго лежал, уставясь в потолок и соображая, где он. Он проспал сто ночей и сто дней подряд, он был еще овеян сновидениями и не хотел расставаться со сном.

Но, перевернувшись с боку на бок, чтобы найти новое удобное положение, он увидел такое, что сон с него как рукой сняло. Кровать Снусмумрика была пуста. Муми-тролль так и подскочил в постели.

Ну конечно! Шляпы Снусмумрика тоже нигде не видать.

- Это надо же! - сказал Муми-тролль.

Он подошел к раскрытому окну и выглянул во двор. Ага, Снусмумрик воспользовался веревочной лестницей. Муми-тролль перебрался через подоконник и, осторожно переступая коротенькими ножками, спустился по лестнице вниз.

На сырой земле отчетливо виднелись отпечатки ног Снусмумрика. Они были запутанные, словно куриный след, и не было никакой возможности определить, куда он направился. Местами следы делали длинные прыжки и перекрещивались между собой. "Это он от радости, - размышлял про себя Муми-тролль. - А вот тут он перекувырнулся, уж это точно".

Муми-тролль поднял голову и прислушался. Где-то далеко-далеко Снусмумрик играл на губной гармошке, играл свою самую веселую песенку: «Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты".

Муми-тролль побежал прямо на музыку и внизу у реки увидел Снусмумрика. Тот сидел на перилах моста, нахлобучив на лоб свою старую шляпу, и болтал над водой ногами.

- Привет, - сказал Муми-тролль, усаживаясь с ним рядом.

- Привет, привет, - отозвался Снусмумрик, не отнимая от губ гармошки.

Солнце только что поднялось над верхушками деревьев и светило им прямо в лицо. А они жмурились от его лучей, болтали ногами над бегущей сверкающей водой, и на сердце у них было привольно и беззаботно.

По этой реке они не раз отправлялись в большой мир навстречу необыкновенным приключениям и в каждом путешествии обзаводились новыми друзьями и приводили их к себе домой, в Муми-дол. Муми-папа и Муми-мама принимали всех незнакомцев с невозмутимым спокойствием - лишь ставили новые кровати да расширяли обеденный стол. Так вот и выходило, что в доме всегда было полно народу и каждый занимался чем хотел, нисколько не заботясь о завтрашнем дне. Ну и, разумеется, время от времени в доме случались потрясающие, прямо-таки ужасные вещи, но зато уж на скуку никто пожаловаться не мог. (А ведь это как-никак делает честь любому дому.)

Доиграв последнюю строчку своей весенней песенки, Снусмумрик сунул гармошку в карман и спросил:

- Снифф проснулся?

- Вряд ли, - ответил Муми-тролль. - Он всегда просыпается на неделю позже других.

- Тогда нужно его разбудить, - решительно сказал Снусмумрик и спрыгнул с перил. - В такой славный денек непременно надо придумать что-нибудь совсем необыкновенное.

Муми-тролль стал под окошком восточной мансарды и, сунув в рот лапы, дал сигнал по одним им понятной тайной системе: три простых свистка и один долгий. (Это означало: есть дело.) Слышно было, что Снифф перестал храпеть, но не шелохнулся.

- А ну-ка еще раз! - сказал Снусмумрик, и они повторили сигнал с удвоенной силой.

Окошко с треском распахнулось.

-- Я сплю! - сердито крикнул Снифф.

- Давай к нам, да не сердись, - сказал Снусмумрик. - Мы задумали что-то совсем необыкновенное.

Снифф наострил помятые со сна уши и спустился вниз по веревочной лестнице. (Пожалуй, нелишне упомянуть, что в Муми-доме веревочные лестницы были под каждым окном: ведь выходить каждый раз через крыльцо - такая морока!)

День и вправду обещал быть чудесным. Повсюду было полно еще не совсем проснувшейся от долгой зимней спячки ползучей мелюзги, она шныряла во все стороны и заново знакомилась друг с другом. Одни проветривали платье и чистили щеткой усы, другие строили себе дома, третьи на все лады готовились к встрече весны. Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф то и дело останавливались посмотреть, как строится дом, или послушать какую-нибудь ссору. (Это часто случается в первые дни весны, потому что когда выходишь из спячки, с утра нередко бываешь в дурном настроении.) На ветвях деревьев сидели древесные феи, расчесывая свои длинные волосы, а в снегу, островками, лепившимися с северной стороны стволов, прокладывали длинные ходы мыши и прочая мелюзга.

- С новой весной! - сказал один пожилой уж. - Как зимовалось?

- Спасибо, ничего, - ответил Муми-тролль. - А вам, братец, хорошо спалось?

- Отлично, - ответил уж. - Кланяйтесь от меня папе и маме!

Такие вот примерно разговоры вели они с многочисленными личностями, попадавшимися им по пути. Но чем выше в гору, тем безлюднее становилось вокруг, и под конец им лишь изредка встречались хлопотливые мыши-мамы, занятые весенней уборкой.

- Ой, как неприятно!- сказал Муми-тролль, высоко подбирая лапы на тающем снегу. - Муми-тролли не любят, когда так много снега. Это мне мама сказала. - Он чихнул.

- Послушай-ка, Муми-тролль, - сказал Снусмумрик. - Есть идея. Что, если забраться на самую верхушку горы и сложить там пирамиду из камней? Пусть знают, что мы первые побывали на вершине.

- Идет, - сказал Снифф и тотчас двинулся в путь, не желая никого пропускать впереди себя.

На вершине разгуливал весенний ветер и на все четыре стороны распахивался голубой горизонт. На западе было море, на востоке река, петляя, уползала в глубь Пустынных гор, на севере как весенний ковер простирались дремучие леса, а на юге из трубы Муми-дома курился дымок - это Муми-мама варила к завтраку кофе. Но Снифф ничего этого не замечал. Потому что на вершине горы лежала шляпа, точнее говоря, черный цилиндр.

- Кто-то уже побывал тут до нас! - сказал он.

Муми-тролль поднял шляпу и стал ее рассматривать.

- Шляпа что надо, -- сказал он. -- Может, будет тебе как раз впору, Мумрик?

- Нет, нет,- ответил Снусмумрик (он очень любил свою старую зеленую шляпу). - Уж слишком новая!

- А может, она понравится папе? - размышлял вслух Муми-тролль.

- Захватим ее с собой, - сказал Снифф. - А теперь я хочу домой. Смерть как хочется кофе. А вам?

- Еще бы! - с жаром отозвались Муми-тролль и Снусмумрик.

Вот как получилось, что они нашли шляпу Волшебника и забрали ее с собой, не подозревая о том, что тем самым превратили Муми-дол в арену всяческого волшебства и удивительнейших событий.

Когда Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф вошли на веранду, все уже попили кофе и разбрелись кто куда. Один только Муми-папа остался дома читать газету.

-- Так, так, - сказал он. - Стало быть, и вы тоже проснулись. Удивительно пустая сегодня газета. Ручей прорвал запруду и уничтожил поселение муравьев. Жертв не было. А еще в четыре часа утра в долину прилетела первая весенняя кукушка и проследовала дальше на восток.

- Посмотри-ка, что мы нашли, - гордо сказал Муми-тролль. - Мировецкий черный цилиндр, как раз для тебя.

Муми-папа оглядел шляпу со всех сторон, а потом примерил перед зеркалом в гостиной. Шляпа была для него чуточку великовата и тяжела, но общее впечатление было весьма внушительное.

- Мама! - позвал Муми-тролль. - Поди-ка взгляни на папу!

Муми-мама открыла дверь да так и застыла на пороге от удивления.

-- Ну как, идет?- спросил Муми-папа.

- Идет-то идет, -- отвечала Муми-мама. - У тебя в ней очень мужественный вид. Вот разве что чуточку великовата.

- А так не лучше будет?- спросил Муми-папа и сдвинул шляпу на затылок.

- Мм... и так ничего, - сказала Муми-мама, - только, пожалуй, без шляпы ты выглядишь гораздо солиднее.

Муми-папа оглядел себя в зеркале и спереди и сзади, оглядел с боков и со вздохом положил шляпу на комод.

-- Ты права, - сказал он. -- Не шляпа красит человека, а человек шляпу.

- Не то хорошо, что хорошо, а что к чему идет, - добродушно заметила Муми-мама. - Ешьте побольше яиц, дети, ведь вы прожили на хвойных иголках целую зиму! И она снова ушла на кухню.

- Но ведь должна же она на что-нибудь пригодиться! - не унимался Снифф. - Такая прекрасная шляпа!

- Используем ее вместо корзины для бумаг, - ответил Муми-папа и удалился наверх писать мемуары (большую книгу о своей бурной юности).

Снусмумрик поставил шляпу на пол между комодом и кухонной дверью.

- Ну вот, теперь у вас прибавилось обстановки, - сказал он, широко ухмыляясь: радость обладания вещами была ему совершенно чужда.

Он вполне обходился старым платьем, которое носил с того момента, когда родился (где и как - неизвестно), и единственное, с чем он никогда не расставался, была губная гармошка.

- Покончите с завтраком, пойдем проведем снорков, - сказал Муми-тролль и, прежде чем выйти в сад, бросил яичную скорлупу в новую корзину для бумаг, потому что (иногда) он был очень аккуратный мумитролль.

Гостиная опустела. А в углу, между комодом и дверью на кухню, осталась шляпа Волшебника с яичной скорлупой. И тут сотворилось чудо: яичная скорлупа начала преобразаться.

Дело в том, что всякая вещь, если она достаточно долго пролежит в шляпе Волшебника, превращается в нечто совершенно иное - и никогда нельзя знать заранее, во что именно. Муми-папе ужасно повезло, что шляпа ему не подошла: побудь он в ней чуточку подольше - и только покровителю всех троллей и Сниффов известно, какая участь его ожидала.

Муми-папа заработал лишь легкую головную боль (которая прошла после обеда). Зато яичные скорлупки, оставшиеся в шляпе, мало-помалу начали менять свой вид. Они сохранили белый цвет, но все росли и росли в размерах и стали мягкими и пухлыми. Немного погодя они целиком заполнили шляпу, а потом из шляпы выпорхнули пять маленьких круглых тучек. Они выплыли на веранду, мягко спустились с крыльца и повисли в воздухе над самой землей. А в шляпе Волшебника стало пусто.

- Это надо же! - сказал Муми-тролль.

- Уж не пожар ли? - обеспокоенно спросил Снорк.

Тучки неподвижно стояли перед ними и словно чего-то ждали.

Фрекен Снорк тихонечко протянула лапу и потрогала тучку, которая была к ней поближе.

- Совсем как вата! - удивленно сказала она.

Тут все придвинулись ближе и стали ощупывать тучки.

- Подушка, да и только, - сказал Снифф.

Снусмумрик осторожно толкнул одну из тучек. Она проплыла немного в воздухе и снова застыла на месте.

-- Чьи они? - спросил Снифф. - Как они попали на веранду?

Муми-тролль только покачал головой в ответ.

- Таких чудес со мной еще не вытворялось, - сказал он. - Пожалуй, надо позвать маму.

- Нет, нет! - возразила фрекен Снорк. - Исследуем их сами. - Она прижала тучку к земле и погладила ее лапами. - Какая мяконькая!

- В следующее мгновение она уже сидела на тучке и с хихиканьем подскакивала на ней.

- А я-то! А я-то! - завопил Снифф и мигом взобрался на другую тучку. - А ну давай!

И только он крикнул: "А ну давай!" - как тучка поднялась над землей и описала небольшую изящную дугу.

- О господи! - изумленно воскликнул Снифф. - Она движется!

Тут уж и все остальные взобрались каждый на свою тучку и закричали: "А ну давай! Гоп!"

Тучки, словно большие послушные кролики, парили над землей. Ими можно было управлять - это открытие сделал Снорк. Легкий нажим одной ногой - поворот. Обеими ногами - полный вперед. Чуть покачаешь тучку - и она набирает высоту.

Все это было страшно занятно. Расхрабрившись, они взлетали до верхушек деревьев и даже на крышу Муми-дома. А Муми-тролль остановился на своей тучке перед окном Муми-папы и громко крикнул: "Кукареку!" (Ему просто не пришло в голову ничего более умного, в таком восторге он был.) Муми-папа выронил ручку и бросился к окну.

- Клянусь моим хвостом! - вырвалось у него. - Клянусь моим хвостом!

Больше он ничего не мог сказать.

- Из этого выйдет мировая глава для твоих мемуаров, - сказал Муми-тролль и, подрулив к кухонному окну, позвал маму. Но Муми-мама спешно готовила мясо с картошкой и луком, и ей было некогда.

- Что ты еще там придумал, золотко мое? - спросила она. - Смотри не упали!

А внизу в саду Снорк и Снусмумрик изобрели новую игру. Они с разгона сталкивались друг с другом, и кто сваливался на землю, тот проигрывал.

- Сейчас я тебе покажу! - кричал Снусмумрик, пришпоривая тучку. - А ну пошла!

Но Снорк ловко вильнул в сторону и коварно напал на него снизу.

Тучка Снусмумрика накренилась, и он воткнулся головой в цветочную клумбу, да так, что шляпа налезла ему на нос.

- Третий раунд! - закричал Снифф - он был судьей и парил чуть повыше противников. - Счет два - один! По местам! Готовы? Начали!

- Прокатимся немножечко вместе? - предложил Муми-тролль фрекен Снорк.

- С удовольствием, - ответила она и подрулила к нему. - А куда?

- Давай разыщем Хемуля. То-то он удивится!

Они облетели все излюбленные места Хемуля, но его нигде не было.

- Обычно он никогда не уходит из дому надолго, - сказала фрекен Снорк.-- В последний раз, когда я его видела, он разбирал свои почтовые марки.

- Так ведь это было полгода назад, - заметил Муми-тролль.

- Ой, верно! - отозвалась фрекен Снорк. - Ведь мы же проспали всю зиму.

- И сладко тебе спалось?- спросил Муми-тролль.

Фрекен Снорк с изяществом перепорхнула через верхушку дерева и, немного подумав, ответила:

- Мне снился страшный сон. Какой-то противный дядька в черном цилиндре глядел на меня и усмехался.

- Странно, - сказал Муми-тролль. - И мне то же самое снилось. А что, он был в белых перчатках?

- Вот-вот, - кивнула фрекен Снорк.

Они плавно парили между деревьями, думая о своем сне, и вдруг увидели Хемуля. Он брел по лесу, заложив руки за спину и уставившись носом в землю. Муми-тролль и фрекен Снорк спланировали вниз, пристроились у него по бокам и разом крикнули:

- С добрым утром!

- Ой! - вскрикнул Хемуль. - Ну и испугался же я! Разве вы не знаете, что мне нельзя устраивать такие сюрпризы? У меня сердце в пятки уходит.

- Ах, прости, - сказала фрекен Снорк. - А ты видишь, на чем мы едем?

-- Диковина, ничего не скажешь, - ответил Хемуль. - Ну да уж мне не в новинку, что у вас что ни шаг - то диковина. А я вот захандрил.

-- С чего бы это? - сочувственно спросила фрекен Снорк. - Хандрить в такой славный денек!

Хемуль покачал головой.

- Не поймете вы меня.

- Как-нибудь постараемся, - сказал Муми-тролль. - Опять потерял какую-нибудь опечатку?

- Как раз нет, - мрачно ответил Хемуль. - У меня все цело. Все до единой марки. Моя коллекция совершенна.

- Ну так что же тогда? - подбодрила его фрекен Снорк.

- Я знал, что вы меня не поймете.

Муми-тролль и фрекен Снорк озабоченно переглянулись. Они поотстали от Хемуля из уважения к его горю и держались теперь позади.

А Хемуль продолжал брести дальше. Они терпеливо выжидали, когда он поведаст им свою печаль.

И вот немного погодя Хемуль воскликнул:

- Нет! Это бессмысленно...

А еще немного погодя сказал:

- К чему все, все? Можете использовать мою коллекцию вместо туалетной бумаги!

- Да что с тобой, Хемуль! - взволнованно воскликнула фрекен Снорк. - Ты прямо-таки кощунствуешь. У тебя самая лучшая коллекция марок на свете!

- В том-то и дело! - в отчаянии сказал Хемуль. - Она закончена! На свете нет ни одной марки, ни одной опечатки, которой бы у меня не было. Ни одной, ни единешенькой. Чем же мне теперь заняться?

- Я, кажется, начинаю понимать, - медленно произнес Муми-тролль. - Ты перестал быть коллекционером, теперь ты всего-навсего обладатель, а это вовсе не так интересно.

- Да, - с убитым видом подтвердил Хемуль, - вовсе не интересно.

Он остановился и повернул к ним нахмуренное лицо.

- Милый Хемуль, - сказала фрекен Снорк и тихонько похлопала его по руке. - Я вот что надумала. Не начать ли тебе собирать что-нибудь другое, совсем другое?

- Это идея, - согласился Хемуль. Но морщины по-прежнему не сходили с его лба: он попросту не мог радоваться после такого серьезного огорчения.

- Ну, скажем, бабочки? - предложил Муми-тролль.

- Это исключено, - сказал Хемуль, и лицо его помрачнело еще больше. - Бабочек коллекционирует мой двоюродный брат. А я терпеть его не могу.

-- Ну а кинозвезды? - спросила фрекен Снорк.

Хемуль лишь презрительно фыркнул.

- Может быть, драгоценности? - с надеждой спросила фрекен Снорк. - Ведь драгоценностям никогда не будет конца!

- Тьфу! - только и сказал Хемуль.

- Ну больше я ничего не могу придумать, - молвила фрекен Снорк.

- Ладно, что-нибудь мы тебе подберем, - утешил его Муми-тролль.

- Уж мама-то наверняка сумеет. Да, кстати, ты не видал Ондатра?

- Он еще спит, - грустно ответил Хемуль. - Он считает, что незачем вставать так рано, и, в сущности, он прав.

И Хемуль в одиночестве побрел дальше по лесу.

А Муми-тролль и фрекен Снорк поднялись над верхушками деревьев и, плавно покачиваясь, поплыли в солнечном блеске. При этом они непереставая думали о том, что бы предложить Хемулю для коллекционирования.

- Может быть, раковины? - сказала фрекен Снорк.

- Или пуговицы от штанов? - сказал Муми-тролль.

Когда они вернулись домой обедать. Хемуль поджидал их на крыльце. Он весь так и сиял от радости.

- Ну? - спросил Муми-тролль. - На чем же ты остановился?

- Растения! - воскликнул Хемуль. - Займусь ботаникой. Это меня Снорк надоумил. Соберу самый замечательный гербарий на свете!

И он развернул полы юбки [Хемуль всегда ходил в платье, унаследованном от тетки. Подозреваю, что все хемули ходят в юбках. Странно, но факт. (Здесь и далее примеч. автора.)] и показал свою первую добычу. Это был тоненький стебелек гусяного лука, облепленный комьями земли и листьями.

-- *Gagea lutea*, - гордо сказал Хемуль. - Номер первый в коллекции. Безупречный экземпляр.

Он вошел в дом и вывалил содержимое юбки на обеденный стол.

- Ступай-ка в уголок, - сказала Муми-мама. - Здесь будет стоять суп. Ну как, все в сборе? Ондатр еще спит?

- Без задних ног, - высказался Снифф.

- Веселый был сегодня денек? - спросила Муми-мама, наполняя тарелки.

- Ужасно веселый! - хором ответило все Муми-семейство.

Когда наутро Муми-тролль пошел выпустить тучки из дровяного сарая, их там не оказалось. И никому в голову не пришло, что они имеют какое-либо отношение к пяти яичным скорлупкам, которые как ни в чем небывало снова лежали в шляпе Волшебника.

ГЛОССАРИЙ

Кербер(с.8) - иначе – Цербер - в греческой мифологии подземный пес, охраняющий вход в царство Аида

Тэнара(с.9) мыс, южная оконечность Пелопоннеса.

Эридан(с.10) – в греческой мифологии река в стране гипербореев, на севере или западе Европы. В Эридан упал сраженный молнией Зевса Фаэтон, слезы оплакивавших его сестер Гелиад превратились в водах реки в янтарь.

Трутень(с.4)— самец общественных пчёл (*Apidae sociales*), главным образом обыкновенной медоносной пчелы, мужская особь пчелы. В переносном смысле быть трутнем — жить на чужой счёт, бездельничать.

Зевс(с.4)— в древнегреческой мифологии бог неба, грома и молний, ведающий всем миром. Главный из богов-олимпийцев, третий сын титана Кроноса и Реи.

Персей(с.5)— герой древнегреческой мифологии, сын Зевса и Данаи, дочери аргосского царя Акрисия.

Андромеда (с.5) — в греческой мифологии дочь эфиопского царя Кефея и Кассиопеи.

Кефей (с.5) или в латинизированной форме Цефэй в древнегреческой мифологии: Кефей (сын Алея) — отец Эхея, сын Алея, царя Тегеи и всей Аркадии; участвовал в походе аргонавтов; по его имени назван был город Кафии в Аркадии. Кефей (царь Эфиопии) — сын Бела, муж Кассиопеи и отец Андромеды.

Кассиопея(с.5)- в греческой мифологии эфиопская царица, жена царя Кефея, мать Андромеды.

Оракул (с.5) — наиболее распространённая в античности форма прорицания, состоявшая в том, что предсказание от имени божества по запросу верующих оглашал специальный жрец, который и именовался оракулом.

Горгона(с.6) — в древнегреческой мифологии крылатая женщина чудовище (со звериными ушами, тупым носом, оскаленными зубами, змеями вместо волос на голове), от взгляда которой люди превращались в камень.

Полидект(с.6)— легендарный царь Лаконики из рода Эврипontiдов, правивший в IX в. до Р.Х. Сын Эвнома.

Танатос, Танат, Фанат(с.6)— в греческой мифологии олицетворение смерти, сын Нюкты и Эреба, брат-близнец бога сна Гипноса. Живёт на краю света.

Гермес (с.6)— бог торговли, прибыли, разумности, ловкости и красноречия, дающий богатство и доход в торговле, бог атлетов. Покровитель глашатаев, послов, пастухов, путников; покровитель магии, алхимии и астрологии. Посланник богов и проводник душ умерших (отсюда прозвище Психопомп — проводник душ) в подземное царство Аида,

Афина(с.6)— в мифах древних греков богиня мудрости и справедливой войны. Родилась от Зевса и Метиды (мудрости).

Граи, Граи, Форкиады(с.6) — три сестры, одна из нескольких троиц архаичных богинь древнегреческой мифологии, Форкиды (дочери Форкия и Кето, сёстры горгон и гесперид).

Нимфы(с.7) — в древнегреческой мифологии олицетворение в виде девушек живых стихийных сил, подмечавшихся в журчании ручья, в росте деревьев, в дикой прелести гор и лесов. Порождены Геей.

Хрисаор(с.7)— в древнегреческой мифологии сын Посейдона и горгоны Медузы, появившийся на свет, когда горгону обезглавил Персей. Родился с золотым мечом в руках. Брат Пегаса.

Аид, Гадес(с.7)- в греческой мифологии бог - владыка царства мёртвых, а также само царство

Сизиф (с.8)— сын Эола, царь Коринфа, известный своей скупостью и коварством. В подземном мире он был наказан тем, что должен был вечно вкатывать на вершину горы мраморную глыбу, которая снова скатывалась вниз, и Сизифу приходилось опять нести камень наверх.

Эврисфей(с.8)- в греческой мифологии царь Тиринфа и Микен, правнук Зевса, внук Персея, сын Сфенела и Никиппы, родившийся раньше Геракла и получивший поэтому власть над Микенами и соседними народами.

Лакония(с.9)— древнегреч. область, граничила на С с Арголой и Аркадией, на З с Аркадией и Мессенией, на Юге и Востоке с морем и представляла гористую страну, с площадью в 4700 кв. км. (87 кв. миль).

Мелеагр(с.9)- сын этолийского царя Ойнея, участник похода Аргонавтов и охоты на калидонского вепря.

Ахеронт(с.9)— древнее название реки в Эпирской области (Феспротии), протекающей через суровую гористую местность и впадающей в Ахерусийское озеро. Мрачный вид реки, высоких отвесных скал и вредные испарения болотистого озера породили у древних греков поверье, что здесь, в глубине потока, — вход в преисподнюю. В греческой мифологии Ахеронт — «река вздохов».

Геспериды(с.10) - хранительницы золотых яблок, подаренных Геей Гере в день ее свадьбы с Зевсом. Геспериды были дочери Атланта и Геспериды. Геркулесу удалось достать три яблока для Эврисфея, но затем богиня Афина возвратила их Гесперидам.

Нерей(с.10)- в греческой мифологии один из наиболее любимых и чтимых богов водяной стихии (моря): добрый, мудрый, справедливый старец, олицетворение спокойной морской глубины, обещающей морякам счастливое плавание. Н. живет в гроте на дне моря, в обществе 50 (или 100) дочерей, нереид. Судя по их именам, они - олицетворенные свойства и качества морской стихии, поскольку она не вредит человеку, не является к нему расположенной и чарует его своей прелестью.

Атлант (Атлас)(с.10) - в греческой мифологии титан, брат Прометея, который держал на своих плечах небосвод. Местом нахождения А. считали наиболее отдаленный запад; отсюда название - Атлантический океан.

Антей(с.10)— великан, сын Посейдона и Геи (Земли), который до тех пор, пока прикасался к земле, был неодолим. Геркулес задушил его, подняв на воздух.

Бусири́с(с.10)— в мифах древних греков царь Египта, сын Посейдона. Когда Египет поразила засуха, Бусирису было предсказание, что бедствие прекратится, если он ежегодно будет приносить в жертву богу Зевсу одного чужеземца.

Гера(с.11)— сестра и супруга Зевса, царица неба, дочь Кроноса и Реи. Она считалась богиней покровительницей женщин, покровительницей браков и родов. Гомер изображает ее упрямой, ревливой и сварливой женщиной.

Веретено(с.19)- церк. вертено ср. (вертеть) простое, ручное орудие для пряжи, для ручного пряденья: деревянная, точеная палочка, четверти в полторы, острая к верхнему концу и утолщенная к нижней трети, с зарубкою и с круто заостренною стороною.

Никея (с.41)— (ныне Исник) в Малой Азии, город в древности и в средние века богатый и цветущий, теперь бедный и малонаселенный.

Кочни(с.51)- кочаны капусты.

Цирюльник(с.56)иначе парикмахер, занимающийся стрижкой и бритьем, в качестве ремесла.

Выкидывать артикулы(с.65) — Устар. 1. Воен. Тренироваться в выполнении ружейных приемов. Полицейские бегали взад и вперед, цепи гремели, солдаты от скуки брякали.

Мамзель(с.66) — (испорч. фр. Mademoiselle) - девица, девушка, гувернантка, приживалка.

Столярничать(с.126) — выполнять столярные работы, заниматься ремеслом столяра.

Усугублять(с.127)—увеличивать (увеличить) силу, степень проявления какого либо отрицательного качества, свойства, положения вещей и т.п.;

Пинта(с.133) — старинная мера емкости для жидких тел = 0,91 литра = от 1/5 до 1/4 ведра.

Лимерики(с.142)— форма короткого юмористического стихотворения, появившегося в Великобритании, основанного на обыгрывании бессмыслицы.

Мангус(с.171) - местное название мангусты, или ихневмона. Мангуст - африканский мангуст, фараонова крыса, хищное млекопитающее рода ихневмонов семейства виверровых.

Пухлый(с.185)— округло мягкий, пышный, несколько вздутый.

Аризона(с.190) — штат, США. Название штата Аризона (Arizona) образовано от названия местности Ali shonak - место маленького ручья на языке индейцев па паго (семья).

Сольдо(с.223) — итальянская счетная и медная монета, 1/20 лиры. Название происходит от латинского Solidus (римская золотая монета).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Античная литература.....	4
Басни Эзопа.....	4
Лисица и виноград.....	4
Пчелы и трутни.....	4
Ворон и Лисица.....	4
Пчелы и Зевс.....	4
Львица и лиса.....	5
Дровосеки и дуб.....	5
Мифы Древней Греции.....	5
Персей спасает Андромеду.....	5
Персей убивает Горгону медузу.....	6
Сизиф.....	8
Подвиги Геракла.....	8
Цербер (Одиннадцатый подвиг).....	8
Яблоки Гесперид (Двенадцатый подвиг).....	10
Глава 2. Сказки зарубежных писателей.....	12
Братья Якоб и Вильгельм Гримм.....	12
Три брата.....	12

Золушка.....	13
Спящая красавица.....	18
Волк и семеро козлят.....	20
Красная Шапочка.....	21
Мальчик-с-пальчик.....	24
Шарль Перро.....	28
Красная Шапочка.....	28
Спящая красавица.....	30
Кот в сапогах.....	35
Синяя Борода.....	38
Вильгельм Гауф.....	41
Маленький Мук.....	41
Карлик Нос.....	50
Э.Т.А.Гофман.....	65
Щелкунчик и Мышиный король.....	65
Г.- Х.Андерсен.....	97
Гадкий утенок.....	97
Принцесса на горошине.....	103
Стойкий оловянный солдатик.....	104
Золушка.....	106
Русалочка.....	110
Глава 3.Произведения писателей XVII-XVIIIвека.....	124
Д.Дефо. Приключения Робинзона Крузо.....	124
Дж. Свифт. Приключения Гулливера.....	133
Глава 4. Произведения писателей XIX-XX века.....	142
Э.Лир. Лимерики.....	142
Л.Кэрролл. Алиса в Стране Чудес.....	143
А.Милн. Винни –Пух.....	155
Р.Д.Киплинг.....	162
Книга джунглей.....	162
Рикки-Тики-Тави.....	171
Астрид Линдгрэн. Малыш и Карлсон, который живет на крыше.....	180
А. де С.-Экзюпери. Маленький принц.....	190

Глава 5. Современные детские писатели	223
Дж.Родари. Волшебный барабан.....	223
Джон Чиарди	226
Прощальная игра.....	226
Мистер Жук.....	227
Джон Джей Пленти и кузнечик Дэн.....	228
Тове Янссон. Шляпа Волшебника	238
Глоссарий	247
Оглавление	248